ISSN 3007-1631

Научный журнал

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО

Gosudarstvennoye upravleniye i pravo/ Public Administration & law

№2(06)
2025

ISSN 3007-1631

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (Перечень ВАК) по специальностям

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.2.7. Государственное и муниципальное управление (экономические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО №2(06)2025

Главный редактор:

- **Науменко Светлана Николаевна** – доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Заместители главного редактора:

- **Братковский Мирон Леонидович** – доктор наук по государственному управлению, профессор, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Сасов Александр Владимирович** – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Ответственный секретарь:

- **Матюшайтись Нелли Викторовна** – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Технический секретарь:

- **Кулик Евгения Ивановна** – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Редакционная коллегия:

- **Беганская Ирина Юрьевна** – доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Беленцов Владимир Николаевич** – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

- **Белокрылова Ольга Спиридоновна** – доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Бессонова Елена Анатольевна** – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация;
- **Витвицкая Виктория Вячеславовна** – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Голос Игорь Ильич** – кандидат наук по государственному управлению, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Гонгало Бронислав Мичиславович** – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, Российская Федерация;
- **Груздев Владислав Владимирович** – доктор юридических наук, профессор, Директор Азовского морского института (Мариупольский филиал ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» в Донецкой Народной Республике), г. Мариуполь, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Епифанов Александр Егорович** – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация;
- **Зюкин Дмитрий Викторович** – кандидат экономических наук, доцент, ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», г. Курск, Российская Федерация;
- **Кликунов Николай Дмитриевич** – кандидат экономических наук, доцент, ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», г. Курск, Российская Федерация;
- **Костровец Лариса Борисовна** – доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Кретова Алина Викторовна** – доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Левушкин Анатолий Николаевич** – доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, Российская Федерация;
- **Моисеев Александр Михайлович** – доктор юридических наук, профессор, ФГБУ «Донецкая лаборатория судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Нехайчук Дмитрий Валериевич** – доктор экономических наук, доцент, Севастопольский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Севастополь, Республика Крым, Российская Федерация;

- **Овчаренко Роман Константинович** – доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Окороков Владимир Михайлович** – кандидат экономических наук, доцент, ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», г. Курск, Российская Федерация;
- **Понеделков Александр Васильевич** – доктор политических наук, профессор, Южно-Российский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Пономаренко Борис Тимофеевич** – доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Москва, Российская Федерация;
- **Пономаренко Елена Викторовна** – доктор наук по государственному управлению, профессор, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Попова Екатерина Александровна** – доктор политических наук, профессор, Южно-Российский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Саенко Борис Евгеньевич** – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Сафронова Елена Викторовна** – доктор юридических наук, профессор, Центр трансграничных правовых исследований ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация;
- **Сичкар Виктор Александрович** – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Смирнов Александр Михайлович** – доктор юридических наук, доцент, ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация;
- **Соколова Ирина Игоревна** – доктор экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Сынкова Елена Михайловна** – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Тепляшин Павел Владимирович** – доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Красноярск, Российская Федерация;
- **Черкасова Татьяна Павловна** – доктор экономических наук, профессор, Южно-Российский институт – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
- **Шестак Валентин Сергеевич** – доктор юридических наук, профессор, Донецкий филиал ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;

- **Шестак Станислав Валентинович** – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация;
- **Юдин Андрей Владимирович** – доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Российская Федерация;
- **Доктор Анураг Хазарика** – доктор философии, M.Com, MBA, PGDRD, PGDCA, доцент кафедры коммерции и менеджмента в колледже Св. Ксавьера, приглашенный преподаватель кафедры экономики в Школе инженерии университета Тезпур, преподаватель кафедры коммерции и менеджмента в Государственном открытом университете имени К. К. Хандика, колледж Тезпур, штат Ассам, Индия;
- **Доктор Самикшья Мадхукуллия** – доктор социологии, Университет науки и технологий, Мегхалая, приглашенный преподаватель культурологии, Университет Тезпур, штат Ассам, Индия.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор данных и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и иных сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Публикуемые материалы прошли рецензирование редакционной коллегией и прошли экспертный отбор.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов публикуемых статей. Перепечатка текстов без разрешения журнала «Государственное управление и право» запрещена. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Издается с 2024 года.

Периодичность: 4 раза в год.

© Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы», 2025

ISSN 3007-1631

Gosudarstvennoye upravteniye i pravo / Public Administration & Law №2(06)2025

Editor-in-Chief:

- **Naumenko Svetlana Nikolaevna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation).

Deputy Editors-in-Chief:

- **Bratkovsky Miron Leonidovich** – Advanced Doctor in Public Administration Sciences, Full Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Sasov Alexander Vladimirovich** – Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation).

Executive Secretary:

- **Matyushaytes Nelly Viktorovna** – Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Technical Secretary:

- **Kulik Evgeniya Ivanovna** – Candidate in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation).

Members of the Editorial Board:

- **Beganskaya Irina Yurievna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Belentsov Vladimir Nikolaevich** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)
- **Belokrylova Olga Spiridonovna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Bessonova Elena Anatolyevna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor, South-West State University (Kursk, Russian Federation);
- **Vitvitskaya Victoria Vyacheslavovna** – Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Golos Igor Ilyich** – Candidate in Public Administration Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Gongalo Bronislav Michislavovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation);
- **Gruzdev Vladislav Vladimirovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Director of the Azov Maritime Institute Federal (Mariupol branch of the Sevastopol State University in the Donetsk People's Republic), (Mariupol, Donetsk People's Republic, Russian Federation);

- **Epifanov Alexander Egorovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, State University of Management (Moscow, Russian Federation);
- **Zyukin Dmitry Viktorovich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Institute of Management, Economics and Business (Kursk, Russian Federation);
- **Klikunov Nikolay Dmitrievich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Institute of Management, Economics and Business (Kursk, Russian Federation);
- **Kostrovets Larisa Borisovna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Kretova Alina Viktorovna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Levushkin Anatoly Nikolaevich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow, Russian Federation);
- **Moiseev Alexander Mikhailovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Donetsk Laboratory of Forensic Examination of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Nekhaychuk Dmitry Valerievich** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Sevastopol Branch of the Plekhanov Russian University of Economics (Sevastopol, Republic of Crimea, Russian Federation);
- **Ovcharenko Roman Konstantinovich** – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor, South Russian Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Okorokov Vladimir Mikhailovich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Institute of Management, Economics and Business (Kursk, Russian Federation);
- **Ponedelkov Alexander Vasilyevich** – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor, South Russian Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Ponomarenko Boris Timofeevich** – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation);
- **Ponomarenko Elena Viktorovna** – Advanced Doctor in Public Administration Sciences, Full Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Popova Ekaterina Alexandrovna** – Advanced Doctor in Political Sciences, Full Professor, South Russian Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Saenko Boris Evgenievich** – Candidate in in Economic Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Safronova Elena Viktorovna** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Center for Cross-Border Legal Studies, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation);
- **Sichkar Victor Alexandrovich** – Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);

- **Smirnov Alexander Mikhailovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Associate Professor, Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
- **Sokolova Irina Igorevna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Synkova Elena Mikhailovna** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Donetsk State University (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Teplyashin Pavel Vladimirovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation);
- **Cherkasova Tatyana Pavlovna** – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor, South Russian Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russian Federation);
- **Shestak Valentin Sergeevich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Shestak Stanislav Valentinovich** – Candidate in Law Sciences, Associate Professor, Donetsk Academy of Management and Public Administration (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation);
- **Yudin Andrey Vladimirovich** – Advanced Doctor in Law Sciences, Full Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russian Federation);
- **Dr. Anurag Hazarika** – PhD, M.Com, MBA, PGDRD, PGDCA, Associate Professor of the Department of Commerce and Management at St. Xavier College, Commerce, Visiting Lecturer at the Department of Economics at the School of Engineering of the Tezpur Central University, Lecturer at the Department of Commerce and Management at the K. K. Khandik State Open University, Tezpur College (Assam, India);
- **Dr. Samikshya Madhukullya** – APhD in Sociology, University of Science and Technology, Meghalaya, Guest Faculty of Cultural Studies at Tezpur University (Assam, India).

Founder and publisher: Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Donetsk Academy of Management and Public Administration"

The authors of the published materials are responsible for the selection of data and the accuracy of the facts, citations, statistics and other information provided, as well as for the fact that the materials do not contain data that is not subject to public publication.

The published materials have been reviewed by the editorial board and have been selected by experts.

The editorial board's opinion does not always coincide with the opinion of the authors of the published articles. The reprinting of texts without the permission of the journal "Public Administration and Law" is prohibited. When quoting materials, a reference to the journal is required.

Has been published since 2025.

Frequency: 4 times a year.

СОДЕРЖАНИЕ/ CONTENTS

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ/ STATE MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШКОЛ 12

Евгений Валерьевич Котов

SOCIALIZATION OF STATE ECONOMIC POLICY THROUGH THE PRISM OF ECONOMIC SCHOOLS

Evgeny V. Kotov

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ 31

Леонид Вячеславович Савинов, Наталья Николаевна Скорых, Татьяна Сергеевна Суходаева

ETHNIC ASPECTS OF SECURITY: A POLITICAL SCIENCE UNDERSTANDING

Leonid V. Savinov, Natalia N. Skorykh, Tatiana S. Sukhodaeva

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 42

Барышникова Елена Игоревна

SOCIAL EFFECTIVENESS OF CLUSTER POLICY IN PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL VALUES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ST. PETERSBURG

Baryshnikova E. Igorevna

ВЛИЯНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И ГРАМОТНОСТИ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ НА ПРАКТИКУ КОРМЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ, РОЖДЕННЫХ ДЕВОЧКАМИ-ПОДРОСТКАМИ, В НДХИВЕ, ОКРУГ ХОМА-БЕЙ, КЕНИЯ 54

Терезия Юла Музембри

THE INFLUENCE OF CAREGIVERS' FORMAL AND NUTRITION LITERACY ON FEEDING PRACTISES AMONG CHILDREN AGED BELOW FIVE BORN TO ADOLESCENT GIRLS, IN NDHIWA, HOMA BAY COUNTY, KENYA

Teresia Y. Musembi

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ПОЛИТИКА/ GOVERNMENT AND BRANCH POLICY

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В ЧАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ РЕГЛАМЕНТОВ КОНТРОЛЯ И АУДИТА 73

Владимир Витальевич Строев, Татьяна Михайловна Рогуленко, Роман Сергеевич Близкий

STATE REGULATION OF NATURAL MONOPOLIES IN TERMS OF FORMING INTERNAL CONTROL AND AUDIT REGULATIONS

Vladimir V. Stroev, Tatyana M. Rogulenko, Roman S. Blizkiy

ГЕОМАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЪЮНКТУРЫ КОНДИТЕРСКИХ РЫНКОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАГНОСТИКИ ФОКУС-ГРУПП 85 **GEOMARKETING RESEARCHES OF CONFECTIONERY MARKET CONJUNCTURE IN THE CONTEXT OF FOCUS GROUP DIAGNOSTICS**

Андрей Анатольевич Семенов, Светлана Сергеевна Кузьменко — Andrey A. Semenov, Svetlana S. Kuzmenko

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ЦЕНТР: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЗДАНИЯ 104 **INCLUSIVE TOURIST CENTER: THEORETICAL JUSTIFICATION OF CREATION**

Анна Геннадиевна Китаева — Anna G. Kitaeva

СРАВНИТЕЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ 118 **COMPARATIVE EFFECTIVENESS OF FISCAL AND MONETARY POLICIES**

Владимир Михайлович Окороков, Николай Дмитриевич Кликунов, Дмитрий Викторович Зюкин — Vladimir M. Okorokov, Nikolai D. Klikunov, Dmitry V. Zyukin

РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ/ REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ, НА ПРИМЕРАХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 127 **MODERN MODELS OF REGIONAL POLICY IN THE NEW REALITY: CASES FROM THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Елизавета Витальевна Матюшко — Elizaveta V. Matyushko

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ 140 **INFORMAL SETTLEMENTS AND THEIR IMPACT ON URBAN DEVELOPMENT: THE INTERNATIONAL AND RUSSIAN CONTEXT**

Светлана Владимировна Лагунова, Марк Станиславович Костарев — Svetlana V. Lagunova, Mark S. Kostarev

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И УДЕРЖАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ 160 **INDUSTRIAL TOURISM AS A TOOL FOR CAREER GUIDANCE AND RETENTION OF YOUTH IN THE REGION**

Елена Сергеевна Соколова, Татьяна Викторовна Сидоровская — Elena S. Sokolova, Tatyana V. Sidorovskaya

КООРДИНАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ/ COORDINATION OF ECONOMIC POLICY

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ОБЪЕКТА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ПУТЕМ ЕГО РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ 177 **INSTRUMENTS OF STATE GOVERNANCE OF THE COMPETITIVENESS OF A TOURIST INDUSTRY OBJECT THROUGH ITS RESTRUCTURING**

Владимир Витальевич Строев, Ольга Леонидовна Некрасова, Татьяна Михайловна Рогуленко — Vladimir V. Stroev, Olga L. Nekrasova, Tatyana M. Rogulenko

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМОЙ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА 190 **EFFECTIVE MANAGEMENT OF THE TRANSPORT SYSTEM AS A FACTOR OF TERRITORIAL SUSTAINABILITY OF THE REGION**

Дмитрий Николаевич Швайба — Dmitry N. Shvaiba

РАЗВИТИЕ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И ОЦЕНКЕ МОДЕЛЕЙ РЫНКОВ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ 201 **DEVELOPMENT OF APPROACHES TO THE FORMATION AND EVALUATION OF MODELS OF CONSULTING SERVICES MARKETS**

Матвей Сергеевич Оборин, Константин Владимирович Ширинкин — Matvey S. Oborin, Konstantin V. Shirinkin

ИМПЕРАТИВЫ КАЧЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ ФАКТОРНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ 211 **IMPERATIVES OF QUALITATIVE UPGRADE OF TOTAL FACTOR PRODUCTIVITY IN THE MODERN ECONOMY**

Борис Варисович Салихов, Ирина Сергеевна Салихова — Boris V. Salikhov, Irina S. Salikhova

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ/ LAW ASPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ 226 **EVOLUTION OF E-GOVERNMENT IN RUSSIA: FROM INTERNATIONAL STANDARDS TO NATIONAL PRACTICE**

Анастасия Андреевна Деркач, Ирина Владимировна Балашова — Anastasia A. Derkach, Irina V. Balashova

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 238 **EVALUATION OF PERFORMANCE RESULTS E-GOVERNMENT AND DIGITALIZATION PUBLIC ADMINISTRATION**

Анна Дмитриевна Резвая, Ольга Леонидовна Ким, Марина Анатольевна Татарникова — Anna D. Rezvaya, Olga L. Kim, Marina A. Tatarnikova

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 252 **ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES IN ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Татьяна Викторовна Лузина, Екатерина Сергеевна Шарова — Tatiana V. Luzina, Ekaterina S. Sharova

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 262 **THE CONCEPT OF THE LEGAL SYSTEM AND ELEMENTS OF COUNTERING ECONOMIC OFFENSES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

Маргарита Романовна Клюева — Margarita R. Klyueva

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ/ GLOBAL ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 273 **EURASIAN INTEGRATION: LEGAL MECHANISMS FOR DEEPENING COOPERATION WITHIN THE EAEU UNDER CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY**

Александр Егорович Епифанов — Aleksandr E. Epifanov

ПАРАДОКС РОСКОШИ: КАК ИНДУСТРИЯ ТОВАРОВ КАТЕГОРИИ ЛЮКС ЭКСПЛУАТИРУЕТ СРЕДНИЙ КЛАСС 282 **THE PARADOX OF LUXURY: HOW THE LUXURY GOODS INDUSTRY EXPLOITS THE MIDDLE CLASS**

Денис Сергеевич Ушаков, Татьяна Валентиновна Подольская — Denis S. Ushakov, Tatiana V. Podolskaya

УДК 338.22.01
JEL: A12, E61, I38
ВАК 5.2.6. Менеджмент

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ШКОЛ

Евгений Валериевич Котов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283015, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 163-а, e-mail: kotovev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0926-3072

Аннотация. В статье рассмотрена проблема социализаци государственной экономической политики в контексте основных экономических теорий и их модифицированных современных продолжений для выявления их возможностей и ограничений в достижении целей социальной справедливости, равенства и защиты интересов населения. Выделена проблема несоответствия текущих подходов в экономическом управлении требованиям растущих социальных ожиданий общества. Раскрыта связь между выбором экономической доктрины и уровнем социализации экономической политики, подчёркивается важная роль различных экономических теорий в формулировании целей и инструментариев осуществления государственной экономической политики. Рассмотрены три базовые экономические парадигмы – классическая, кейнсианская и марксистская, а также их современные модификации: неоклассическая, нео- и посткейнсианская, нео- и постмарксистская. Проведенный анализ позволяет определить, как каждая из этих школ понимает роль государства, механизм перераспределения ресурсов и доходов, ответственность за социальное благополучие общества. Особое внимание уделено взаимодействию экономической и социальной политики, влиянию доминирующей экономической доктрины и идеологического базиса власти на уровень их социализации, механизмам сдерживания реализации десоциализированных решений в экономической политике. Исследование опирается на экономическую теорию как продукт научной мысли, формируемый под влиянием исторического опыта и идеологического базиса власти.

Ключевые слова: социализация, экономическая теория, экономическая политика, социальная справедливость, социальное равенство, государство.

Информация о финансировании: исследование выполнено в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Механизмы социализации государственной экономической политики» (регистрационный номер НИОКТР 124012900542-6) за счёт субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) на 2025 год.

Для цитирования: Котов Е.В. Социализация государственной экономической политики сквозь призму экономических школ. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 12-30.

UDC 338.22.01
JEL: A12, E61, I38

HAC 5.2.6. Management

SOCIALIZATION OF STATE ECONOMIC POLICY THROUGH THE PRISM OF ECONOMIC SCHOOLS

Evgeny Valeriyevich Kotov

Federal state budgetary educational institution of higher education «Donetsk Academy of Management and Public Administration», Russian Federation, Donetsk People's Republic, 283015, DPR, Donetsk, 163-a Chelyuskintsev str., e-mail: kotovev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0926-3072

Abstract. The article examines the issue of socialization of state economic policy in the context of major economic theories and their modern modified continuations, aiming to identify their potential and limitations in achieving goals such as social justice, equality, and protection of citizens' interests. The problem of inconsistency between current approaches in economic governance and the growing social expectations of society is highlighted. The relationship between the choice of an economic doctrine and the level of socialization of economic policy is analyzed, emphasizing the significant role of various economic theories in shaping the objectives and instruments of state economic policy. Three foundational economic paradigms – classical, Keynesian, and Marxist – along with their contemporary modifications: neoclassical, neo- and post-Keynesian, neo- and post-Marxist, are considered. The analysis reveals how each school conceptualizes the role of the state, mechanism for redistribution of resources and income, responsibility for societal well-being. Special attention is given to the interaction between economic and social policies, the influence of the dominant economic doctrine and ideological foundations of power on the level of their socialization, and the mechanisms to constrain the implementation of desocialized economic decisions. The study is based on economic theory as a product of scientific thought shaped by historical experience and the ideological framework of governance.

Keywords: socialization, economic theory, economic policy, social justice, social equality, state.

Financing information: the study was carried out as part of the fundamental research work "Mechanisms of socialization of state economic policy" (R&D registration number 124012900542-6) at the expense of a subsidy for financial support of the state assignment for the provision of public services (performance of works) for 2025.

For citation: Kotov, E.V. (2025). Socialization of state economic policy through the prism of economic schools. Public administration and law, 2(06), 12-30.

ВВЕДЕНИЕ

Современная государственная экономическая политика вынуждена ставить перед собой и достигать не только конкретных экономических целей, определять для себя и решать исключительно экономические задачи. С ростом социальных потребностей общества и повышением требований к качеству их обеспечения, государству, проводя свою экономическую политику, приходится всё больше корректировать её с учётом приоритетности принципов социальной справедливости и социального равенства. Время и общество обязывают государство, желающее сохранить способность к функционированию, социализировать свою экономическую политику.

Для того чтобы определить механизмы и инструменты социализации государственной экономической политики, выявить особенности, отличающие данный тип трансформации от иных форм преобразования экономической политики государства, необходимо сформулировать, как понималась ранее и понимается в настоящее время роль государства в форми-

рования экономической политики, а самое главное, какие обязанности и функции закрепляются за государством в управлении экономикой с учётом новых требований социума. Провести такое исследование целесообразно в рамках анализа различных экономических теорий, что является необходимым шагом для понимания возможностей и ограничений реализации социальных целей в рамках национальных экономик. Это обусловлено тем, что каждая экономическая теория вырабатывает свою собственную концепцию роли государства, его функций в распределении ресурсов и ответственности за социальное благополучие населения. Поскольку экономическая теория является продуктом экономической мысли, произведённым в результате изучения действующей экономической практики (экономических отношений, процессов и связей), то она (теория) зависит от экономической концепции, исповедуемой государством. Другими словами, экономическая теория как отражает, так и формируется идеологической основой экономической политики конкретного государства.

Идеологический базис власти и доминирующая экономическая доктрина взаимосвязаны и взаимозависимы. Их взаимное влияние и корректировка принципов реализации друг друга – процесс перманентный, безостановочный. Однозначно утверждать, что из них первично, а что вторично, нельзя. Можно лишь отметить, что их влияние на уровень социализации экономической политики государства велико, является определяющим и способно трансформироваться исключительно под влиянием одного фактора – качественных демократических институтов общества. Именно демократические институты общества, к которым относятся независимый суд, выборная система в органы власти, гражданское общество, референдумы, профсоюзы и др., способны корректировать их влияние, сдерживать и нивелировать их негативные проявления. Их сдерживающее, регулирующее и «лечебное» влияние нельзя отрицать ни на теоретическом уровне, ни на уровне практического применения, даже несмотря на то, что практика зачастую позволяет усомниться в их возможностях, особенно в контексте зависимости названных институтов от функционирующей экономической доктрины государства. Надо признать, отсутствуют методики, способные чётко определить степень и силу влияния демократических институтов общества на идеологический базис власти и доминирующую экономическую доктрину государства, а также количественно выразить результат этого влияния на социализацию государственной экономической политики при том, что наличие этого воздействия сомнению не подвергается. Это не позволяет в полной мере, кроме, наверное, в рамках философско-мировозренческого подхода, учитывать их влияние, планировать и организовывать его.

Исторический опыт показывает, что выбор экономической доктрины определяет масштаб и содержание социальной политики государства. Учитывая, что разные экономические теории по-разному оценивают эффективность и целесообразность применения тех или иных мер социальной направленности, то выявление особенностей и закономерностей реализации принципов конкретной экономической теории позволит понять перспективы социализации экономической политики государства, её исповедующей.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – выявление возможностей и ограничений

различных экономических теорий в обеспечении социализации государственной экономической политики.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационно-методологическую базу исследования составили научные работы основоположников анализируемых экономических теорий и их последователей. В качестве методов исследования использованы теоретический, сравнительный, логический и критический анализ, системный подход.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Государственную экономическую политику можно определить как систему целенаправленных мер, принимаемых государством с целью регулирования экономических процессов и отношений для обеспечения своего устойчивого экономического развития. Регулирование осуществляется для достижения ряда подцелей, которые укрупнённо можно свести в три группы: обеспечение экономического роста, в том числе за счёт формирования прогрессивной структуры экономики; поддержка макроэкономической устойчивости; повышение конкурентоспособности экономики. Параллельно государство реализовывает свою политику в социальной сфере, в которой подцелями являются обеспечение социальной справедливости и социального равенства, защита социальных интересов человека и общества, развитие человеческого потенциала. Подцели этих двух политик пересекаются, входят в противоречие между собой и вынуждают государство на определённых этапах отдавать приоритет одной из них.

Практика показывает, что в силу различных причин, обусловленных экономической доктриной государства, социальная политика государства всё больше строится исходя из экономических принципов и целей (экономизируется). Экономизация проявляется во внедрении двух основных принципов рыночной экономики (доходность и конкуренция) в социальную сферу с последующим доминированием данных принципов. Это приводит к тому, что в областях социальной сферы появляются явные и скрытые (официально не закреплённые, но стимулируемые управленческой подсистемой) рынки услуг (образовательных, исследовательских, медицинских, развлечений и иные), целью которых становится не предоставление качественной услуги при минимизации её стоимости, а максимизация прибыли за счёт массовости, в том числе за счёт снижения качества услуги и устранения конкурентов неэкономическими методами.

Процессы конвергенции двух типов политик гарантируют и обратное влияние – включение социальных целей в реализацию экономической политики государства, которые направлены на усиление внимания к социальной справедливости и социальному равенству, социальной защите различных социальных групп населения и гарантирование обеспечения базовых социальных потребностей. Примерами являются установление государственных социальных гарантий (минимальная заработная плата, социальные пособия, минимальные страховые выплаты), внедрение прогрессивной шкалы налогообложения, регулирование экономического поведения через систему наград и наказаний (экономические штрафы, льготы и др.).

Тем не менее, несмотря на неизбежную конвергенцию политик, доминирование экономической политики неоспоримо. Это происходит даже в условиях, когда основой любой политики государства является социум, а значит, его социальные

цели приоритетные. Именно поэтому все виды политик государства, независимо от сферы своего происхождения и реализации, должны быть направлены на достижение социальных целей – в рамках своих возможностей повышение благосостояния каждого члена общества и общества в целом и удовлетворение социальных потребностей населения. Другими словами, любая политика, будь то экономическая, экологическая или иная, достигают своих целей исключительно для того, чтобы обеспечить условия для полноценной, комфортной и безопасной жизни населения.

Исходя из этого тезиса, экономическая политика является обеспечивающей для социальной политики, но на практике это реализовывается не всегда. Происходит это вследствие различных причин, в том числе и исповедуемой экономической теорией, которая обосновывает и формирует свой собственный набор инструментов, мер, способов и механизмов, используемых государством при реализации своей экономической политики и обеспечивающих, в первую очередь, достижение экономических целей, а уже затем социальных, включая социальную справедливость и социальное равенство.

Поскольку государственная экономическая политики одновременно является инструментом, процессом и механизмом управления экономикой, то и рассматривать её социализацию необходимо с позиции теорий, как обладающих обоснованной теоретической базой, так и имеющих практический опыт реализации. Для достижения поставленной в работе цели основное внимание будет уделено трём основным теориям как с изначально сформированными концепциями, так и получившие впоследствии усовершенствованные, соответствующие новым условиям и вызовам, характеристики. Выбраны они были по одной причине – все они в той или иной степени были реализованы на практике, что подтверждает как популярность их теоретических наработок, так и устойчивость в практической реализации. В качестве трёх базовых теорий выбраны: классическая экономическая теория (А. Смит, Д. Рикардо, Т. Мальтус, Ж-Б. Сэй [1-4]), кейнсианская (Д. Кейнс [5]) и марксизм (К. Марк, Ф. Энгельс, В. Ленин [6-12]).

Современные интерпретации выбранных экономических теорий разделены на две группы: а) те, что не только сохранили фундаментальные принципы, но и продолжили их развитие и адаптацию к современности, отчего и получили приставку «нео»; б) те, что преодолели традиционные рамки «материнской» теории, подвергли критике её базовые принципы, что дало им приставку «пост». Современные интерпретации базовых теорий: неоклассическая (А. Маршалл, Л. Вальрас, М. Фридмен, Ф. Хайек [13-15]), неокейнсианская (Г. Мэнкью, О. Бланшард [16-18]) и посткейнсианская (П. Дэвидсон, Т. Пелли [19-20]), неомарксизм (Т. Пикетти, Д. Харвей, А. Бузгалин, А. Калганов [21-24]) и постмарксизм (Э. Лаклау, Ш. Муфф [25]).

Обращает на себя внимание отсутствие у классической школы последователей с приставкой «пост», что может свидетельствовать, что принципы данной теории незыблемые, вследствие полного принятия их государственной властью, отчего и могут подвергаться лишь «косметическим» преобразованиям. Другие экономические теории рассматриваться не будут, поскольку они либо являются радикальными узкоспециализированными ответвлениями одной из вышеназванных теорий (например, монетаризм как финансовая «ветвь» классической

теории), либо по важным признакам не являются самостоятельными самодостаточными концепциями и поэтому не имеют практического опыта применения.

Классическая экономическая теория исходит из принципов свободного рынка, конкуренции и, поэтому, минимального вмешательства государства в управление экономикой. Государственному влиянию отводятся лишь три сектора: оборона, судебная система и предоставление общественных благ. Государственная экономическая политика в рамках данной концепции не рассматривается как один из важнейших инструментов регулирования социально-экономического пространства, в связи с чем социализация данного вида политики в этой парадигме имеет ограниченное значение.

Основоположник данной теории Адам Смит в своей работе [1] обосновывал минимальное вмешательство государства в экономику тем, что свободный рынок способен самостоятельно устанавливать равновесие и восстанавливать его в случаях кризисов, а меркантильные интересы предпринимателей, функционирующих в условиях конкуренции и свободного рынка, действуют рационально, чем и способствуют экономическому равновесию и всеобщему благосостоянию. Согласно его выводам, основными инструментами государства в регулировании социально-экономических систем, процессов и отношений являются обеспечение гарантий соблюдения гражданских прав и прав собственности, установление стабильных юридических рамок для ведения бизнеса (так называемых «правил игры» в экономике) и производство общественных благ. Впоследствии эта теория легла в основу государственной экономической политики, получившей название laissez-faire, предполагающую минимальное вмешательство государства в рыночные процессы: свободный рынок без регулирования; минимальные налоги и государственные ограничения; саморегуляция экономики.

Однако практическая реализация теории показала неэффективность неограниченности свободного рынка, что вызвало критику её принципов даже в рамках классической школы. Последователь, который признавал А. Смита как основоположника классической политической экономии, и одновременно его оппонент Давид Рикардо, не отрицая предпринимательского эгоизма как движущей силы экономики, в своей работе [2] показал, что рыночные механизмы приводят к росту неравенства. Он первым, хотя и не прямо, а косвенно, поставил под сомнение эффективность использования эгоистичной мотивации предпринимателей, поскольку она, по его мнению, приводит не к удовлетворению социальных потребностей населения, а способствует образованию неравномерного распределения доходов. Д. Рикардо ещё не говорил о необходимости государственного вмешательства в обеспечение социальных потребностей населения, но уже отмечал, что в отсутствии регулирования или перераспределения, которое может осуществить только государство, рыночная система только усиливает социальное неравенство, а значит, и снижает уровень социализации государственной экономической политики.

Таким образом, классическая экономическая теория предполагает проведение такой государственной экономической политики, при которой социализация её действий возможна только через создание правовых условий и инфраструктуры, снижения государственных регуляций для обеспечения свободной конкуренции,

но проблемы обеспечения социальной защиты, устранения социального неравенства и бедности остаются вне её внимания. Решение социальных проблем возложено на самого человека.

Последователи, продолжившие развитие данной теории уже в рамках неоклассической экономической школы, в качестве основных принципов также использовали рыночное равновесие и рациональное поведении субъектов экономики, хотя и признавали наличие «провалов рынка» и проблем социального неравенства, что заставляло их расширять спектр государственного регулирования экономики. Тем не менее, даже допуская более широкое, чем ортодоксы данной теории, государственное вмешательство в экономику, они продолжали настаивать на ограничениях масштабов данного вмешательства, вследствие чего проблемы социального неравенства предлагали решать через минимальное вмешательство государства, используя исключительно адресную поддержку или корректировку внешних эффектов (экстерналий).

Последняя мера (экстерналии) представляют собой воздействие одного экономического субъекта на другого, которое не учитывается в рыночных ценах, а значит, и не отражено в системе спроса и предложения. Последствия такого воздействия не компенсируются через рыночный механизм (например, загрязнение воздуха, водоёмов). В данном случае неоклассическая школа признаёт «провал рынка» в решении такого рода проблем, и чтобы восстановить равновесие, государство может вмешаться и скорректировать такого рода внешние эффекты. Классическим примером такой корректировки (устранения экстерналий) являются так называемые пигувианские налоги: экологические налоги, акцизы на табак и алкоголь, плата за выбросы автомобилей, плата за проезд в курортные зоны и др.

Однако для неоклассиков это не системная часть государственной политики, а исключение, применяемое только в случаях явного «провала рынка». Таким образом, данная теория исключала проведение государственной экономической политики, направленной на социализацию её решений и результатов. Проявление социализированных управленческих решений государства в рамках неоклассической экономической теории – это не цель, а инструмент для восстановления рыночного равновесия.

Постулаты классической и неоклассической теории были отодвинуты в сторону в первой половине XX века, когда остро встала необходимость принимать системные социально ориентированные управленческие решения с целью преодоления последствий Первой мировой войны и последующей Великой депрессией 1929-1933 годов, начавшейся в США после краха фондового рынка в США и затем распространившуюся в Европе. Массовая безработица и падение производства на практике доказали несостоятельность рыночных механизмов автоматически приводить экономику к состоянию равновесия, ликвидировать безработицу даже в условиях устойчивого падения заработной платы. Государства нуждались в новой экономической теории, где их роль в регулировании экономики резко возрастала, в том числе через реализацию системной экономической политики, направленной на решение не только экономических, но и социальных проблем. При этом приоритет достижения социальных целей при реализации государственной экономической политики также кратно возрастал.

Один принцип классической те-

ории всё же в те времена реализовался – спрос порождает предложение («Закон Сэя» [26, с. 136-150]), и поэтому на замену экономической теории, не справившейся в условиях реальных вызовов, пришла новая теория, которая была предложена Джоном Мейнардом Кейнсом, получившая своё название в его честь и впоследствии разделившаяся на два течения: нео- и посткейнсианство. Докейнсианские теории постулировали невмешательство государства в производство предложения, единственным ограничителем которого был спрос со стороны потребителей. Революционным предложением Д. Кейнса был не отказ от невмешательства государства в производство предложения, а отказ от невмешательства государства в регулирование экономики, а если точнее, в обеспечение спроса. Он сформулировал концепцию экономики спроса, которая предполагала усиление роли государства в экономике через бюджетные стимулы, государственные расходы и снижение налогов, главной целью которых было обеспечить деньгами и производителей, и потребителей. Первые с помощью государства (низкие налоговые ставки, государственные кредиты) получали оборотные средства для обеспечения роста объёмов производства и расширения ассортимента продукции, а вторые – возможность покупать эту продукцию (товары и услуги) в больших количествах; не боятся безработицы, падения доходов, утраты трудоспособности или иных социальных затруднений, вследствие гарантированного получения социальных выплат от государства в случае безработицы и иной государственной социальной помощи.

Кейнсианская теория, обосновывая необходимость повышения роли государства в экономике, пусть косвенно, но связывала это с ростом социализации её экономической политики: управленческие решения государства, направленные на стимулирование (поддержание) экономического роста, решали эту задачу, в том числе, и через повышение уровня социальной защиты населения. Ключевыми элементами кейнсианской теории являются бюджетно-налоговые инструменты, направленные на повышение доходов населения, занятости и обеспечение социальной поддержки (помощи), с помощью которых государство обеспечивает экономическое развитие.

Отказ от экономии и повышение государственных расходов (экспансивная фискальная политика) в инфраструктурные проекты (строительство дорог, мостов, железных дорог), на социальные выплаты (по безработице, пенсии, субсидии малоимущим семьям), государственные заказы и целевые субсидии, и дотации снижение налогов приводит к созданию новых рабочих мест, повышению доходов населения, что в свою очередь стимулирует потребление и инвестиции в экономике через «эффект мультипликатора». Дефицит бюджета, в рамках данной теории, также двойственно используется государством в исследуемом контексте: как инструмент стимулирования экономического роста и социализации экономических решений в виде увеличения занятости и доходов населения. Основоположник теории, в соавторстве с группой учёных, в одной из лекций утверждал (дал объяснение принципа «эффекта мультипликатора»), что расходы одного приводят к доходам другого: «For one man’s expenditure is another man’s income.» [27, с. 74]. Таким образом, государство, увеличивая расходную часть бюджета, увеличивает и уровень социализации своей экономической политики. Социализация государственной экономической

политики в рамках кейнсианской теории, хоть и предусматривает главным объектом управления экономику, что естественно для экономической теории, но при этом существенно повышает уровень социализации принимаемых решений в экономической сфере.

При том, что кейнсианская теория более социально ориентированная, чем классическая/неоклассическая, она всё же предполагает свою реализацию в условиях кризисов. Она возникла в результате кризиса, и поэтому набор её принципов и механизмов ориентирован на разрешение проблем, им создаваемых. Теория рассчитана на создание эффективных стимулов экономического развития в относительно короткий временной промежуток. Вне кризиса в долгосрочной перспективе она показала свою «слабость», вызванную, в первую очередь, условиями своей реализации.

Кейнсианская теория реализовывалась в условиях, которые ближе классической экономической школе, – в условиях рыночных отношений. На длинной временной дистанции использование принципов кейнсианской экономической школы привело к появлению концепции государства всеобщего благосостояния (welfare state), в котором государство берёт на себя полную ответственность обеспечить высокий уровень жизни и полностью защитить людей от экономических рисков, таких как безработица, болезни и старость. С позиции социализации государственной экономической политики государство всеобщего благосостояния является максимально ориентированным на решение социальных проблем и удовлетворение социальных потребностей населения:

а) предоставляет широкий спектр государственных социальных услуг, включая систему здравоохранения, образование, социальное обеспечение и жильё;

б) внедряет многопрофильную систему государственного социального страхования, в том числе обязательного, в котором работники не платят взносов, но которая обеспечивает финансовую поддержку людям в трудных жизненных ситуациях;

в) проводит активную политику перераспределения доходов с помощью налоговых инструментов и социальных программ;

г) системно и активно регулирует экономику, чтобы защитить права работников и потребителей, в том числе с помощью установления достойных социальных гарантий, развития профсоюзного движения.

Для реализации своих социальных функций и задач государству всеобщего благосостояния необходимы не только значительные ресурсы. Государству актуальнее обеспечить их распределение в соответствии с принципом социальной справедливости. Но кейнсианская теория в силу своих особенностей и, в первую очередь, в понимании важности государственного вмешательства в экономику только в периоды кризисов (временный характер активизации государства), не могла дать ответ на эти вопросы. Как реакция на данный вызов в 50-70-х годах XX века экономическая школа разделилась на две части – нео- и посткейнсианскую.

Неокейнсианцы, сохранив основные принципы «материнской» теории, развивали её положения применительно к рыночным условиям хозяйствования. Последнее выражалось в приверженности принципам конкуренции: «... «густой рынок» заставляет рынки функционировать лучше, когда в них участвует больше людей и компаний...» [16, с. 8].

Новая теория представляла собой скорректированные кейнсианские принципы интегрированными в них элементами неоклассической экономической теории. Роль государства представители данной школы видели как поставщика общественных благ и защитника социальной справедливости через регулярные фискальные стимулы и массовые социальные программы (пособия по безработице, пенсии, медицинское обслуживание, доступное жильё и бесплатное образование). Так, в работе [18] авторы прямо очерчивают одну из ролей государства – контроль за ценами и заработной платой.

Посткейнсианцы не приняли неоклассических принципов, за что часто критиковали своих «соседей» – неокейнсианцев. Роль государства в социализации экономической политики видели шире и радикальнее: государство – гарант широкого спектра прав граждан (право на труд, достойную оплату труда, гарантированное жильё, качественное медобслуживание и др.), социального равенства и социальной справедливости. Для выполнения последних двух гарантий государство должно не просто минимизировать негативные эффекты рынка, а кардинальным образом перестроить структуру экономики.

Взгляды этих двух течений некогда одной экономической школы по-разному смотрят на обеспечение занятости. Разность во взглядах снова выражается в радикальности государственных мер. Неокейнсианцы считают безработицу как последствие отсутствия равновесия между спросом и предложением на рынке труда (последствие принятия отдельных неоклассических принципов), предлагают широкий спектр государственных инструментов влияния на него:

а) фискальные – прямое государственное финансирование строительства инфраструктуры, обновления транспортной сети, развития прогрессивных видов производств; прогрессивное налогообложение через установление повышенных ставок налога для богатых и корпораций; страхование по безработице; субсидии, гранты и кредиты малому и среднему бизнесу;

б) монетарные – регулирование учётной ставки, тем самым управляя доступностью кредитов для бизнеса и домохозяйств; выпуск дополнительной денежной массы и выкуп ценных бумаг (количественное смягчение); управление валютным курсом;

в) организационные – организация обучения и переквалификации трудовых ресурсов, качественного медицинского обслуживания и доступных образовательных программ; государственная информационная и консультационная поддержка работодателей.

Однако все предлагаемые ими меры носят временный характер – только в периоды кризисных проявлений в экономике с целью устранения их последствий. Неокейнсианцы продолжают линию раннего кейнсианства, делая акцент на фискальных мерах для компенсации сбоев рынка и поддержании занятости. Государственная экономическая политика в контексте социализации её решений в видении этой школы носит несистемный, разовый (эпизодический) характер.

Посткейнсианцы, в отличие от неокейнсианцев, глубже и более радикально смотрят на проблему гарантирования занятости со стороны государства. Так, в отличие от неокейнсианцев, которые считают целесообразным использование дефицита бюджета в обеспечении социальной защиты только в периоды кризиса, посткейнсианцы предлагаю иметь регулярный дефицит бюджета для решения со-

циальных задач. В их теории займы и дополнительная эмиссия – важные инструменты в финансировании социальных программ и поддержки социально незащищённых слоёв населения.

Посткейнсианцы предлагают широкую сеть социальных программ, вплоть до тотальной социальной защиты через них всех категорий населения. Через социальные программы финансируется организация бесплатных медицинских клиник, образовательных центров и жилищных комплексов. Предлагаются беспрецедентные формы защиты граждан, среди которых можно выделить введения гарантированного рабочего места для каждого гражданина, независимо от обстоятельств, обязательные и постоянные курсы обучения и переподготовки, максимально высокие уровни гарантированной минимальной оплаты труда.

Особое внимание посткейнсианцы уделяют обоснованию необходимости перераспределения доходов и поиску эффективных инструментов для его обеспечения. В их теории фискальной политике отводится центральное место в обеспечении перераспределения доходов, начиная от максимизации государственных бюджетных расходов до введения жёсткой прогрессивной шкалы налогообложения и высоких налогов на роскошь и прибыль крупного частного капитала.

В рамках монетарной политики социального развития посткейнсианцы, в отличие от своих оппонентов, и это не только неокейнсианцы, не боятся инфляции и поощряют дополнительную денежную эмиссию на покрытие расходов на финансирование социальных программ, а также введение регулярной, вплоть до автоматической, индексации зарплат, пенсий и иных социальных выплат в зависимости от инфляции, выпуск государственных облигаций внутреннего займа. Банки и кредитные организации жёстко контролируются государством, кредиты распределяются равномерно между крупным, средним и мелким бизнесом.

Таким образом, посткейнсианцы, в отличие от неокейнсианцев, предлагают проведение более социализированной государственной политики, построенной на системном и комплексном подходе к трансформации экономики, и управление ею с акцентом на обеспечении социальных гарантий, постоянных государственных программах, расширенных как содержательно, так и по охвату, и высоком уровне перераспределения доходов. Предлагаемые в рамках данной экономической теории меры рассчитаны на полное исключение безработицы и сведение к минимуму угрозы падения уровня жизни населения.

Последняя из рассматриваемых концепций – марксистская экономическая теория и её более поздние интерпретации – нео- и постмарксизм. Классический марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин) рассматривает экономические отношения как производные от способа производства. В рамках этого подхода социализация экономики достигается через переход к плановой системе управления, упразднение частной собственности на средства производства (национализация предприятий), перераспределение богатства путём прогрессивного налогообложения и введение социальных гарантий со стороны государства.

Согласно данной теории, государство является капиталистическим, построенным на принципах рыночной экономики с доминированием частной собственности на средства производства, и представляет интересы господствующего класса, который и определяет государственную экономическую по-

литику и уровень её социализации. Марксисты предлагают полное переформатирование капиталистического государства и обеспечение социализации её экономической политики через:

1. Замену рыночного регулирования централизованным планированием экономики. Централизованное планирование, в рамках данной теории, обеспечивает отсутствие экономических кризисов, в результате которых ухудшается социальное положение населения, оптимизацию ресурсов и их справедливое распределение, достижение долгосрочных социальных целей за счёт создания единой и эффективной экономический базы. Данный вид планирования реализовывается через сквозную (проходит через все уровни управления) систему разработки государственных планов по развитию ключевых секторов экономики. С их помощью государство контролирует производство, определяет размеры и направления инвестиций, устанавливает минимальные уровни социальных гарантий, обеспечивает защиту прав граждан в различных сферах реализации их навыков и умений, что, в свою очередь, способствует социальной интеграции и обеспечению благосостояния населения.

2. Установление основополагающей роли государства в контроле над экономикой. Марксизм утверждает, что государство не должно ограничивается только ролью регулятора рынка, как это в той или иной степени исповедуется в других экономических теориях, а является непосредственным организатором и управленцем всеми секторами экономики. Являясь главным владельцем средств, производство, государство обязано обеспечить своим гражданам равные условия в правах, труде, доходах, доступе к социальным услугам (медицинским, образовательным, культурным и др.) и другие гарантии.

Особое внимание в рамках программно-целевого подхода государством уделяется обеспечению социальной справедливости – равных стартовых условий для всех граждан, перераспределению доходов и имущества. Государство внедряет разнообразные социальные программы: бесплатные медицинские услуги, обязательное образование, бесплатное получение жилья, государственные пенсии и пособия по безработице, минимальные (можно даже сказать – символические) тарифы на жилищно-коммунальные услуги.

3. Национализация средств производства в отраслях экономики. Передача средства производства в государственное (общественное) владение исключает эксплуатацию человека человеком (остаётся только эксплуатация человека государством, но это оправдывается обязательствами человека перед обществом), обеспечивает более справедливое распределение ресурсов, высокий уровень социальной защиты населения. Право владения средствами производства остаётся только в тех отраслях или видах экономической деятельности, где это не приводит к эксплуатации труда (индивидуальное предпринимательство, кооперативные формы хозяйствования, семейные подряды). Государство, как центральный регулятор, через национализацию отраслей контролирует всю экономику, что позволяет ему обеспечивать системное и комплексное перераспределение активов, внедрение социальных программ для улучшения жизни населения.

4. Обеспечение социальной справедливости. Это ключевая ценность данной экономической идеологии. Если ранее рассмотренные

экономические теории в качестве ключевой ценности ставили свободу и, уже отталкиваясь от неё, обосновывали роль государства, то марксистская теория основывается на ценности справедливости, вокруг которой и строились принципы этой экономической концепции. Марксистская теория отрицает любую дискриминацию – классовую, расовую, национальную, гендерную и др. Государственная политика направлена на устранение любых барьеров для граждан, мешающих получению доступа к социальным благам и полноценному их участию в жизни общества.

5. Использование принципа экономического детерминизма. Марксистская теория постулирует, что экономические отношения являются базисом и определяют все другие стороны жизни общества: экономика – это фундамент, а политика, культура и социальные отношения – надстройка. Вследствие этого только доминирующий класс, формирующий государство, целенаправленно регулирует развитие социально-экономических отношений, обеспечивает социальное планирование и прогнозирование.

Социализация государственной экономической политики по марксисткой теории прошла практические испытания на примере конкретного государства, но не выдержала «человеческого фактора» и «теоретической беспризорности». На основе марксистской теории появились два новых направления, которые хоть и включают в себя её название, но по-иному используют её принципы и основы.

Первое направление получило название неомарксизм, и главной её особенностью, при всё той же сильной роли государства, является использование потенциала гражданского общества. Эта школа так же, как и марксистская отводила государству особое место в своей теории. Только марксисты считали государство инструментом правящего класса, а значит, и обеспечения их социально-экономической защищённости, то неомарксисты видели в государстве механизм ограничения потребностей капитала и институт решения социальных проблем. Социализация государственной экономической политики в рамках неомарксизма представляла собой государственное регулирование экономических процессов и отношений, направленное на смягчение противоречий капитализма и защиту социальных слоёв населения.

Особое место неомарксисты отводят неэкономичсеким факторам социально-экономического развития общества, таким как культура, идеология и гегемония. Последний фактор представляет собой способность господствующего класса обеспечивать согласие масс через идеологию, образование и СМИ. Поэтому в борьбе за гегемонию, при активном участии гражданского общества и с использованием инструментов парламентаризма, неомарксисты считают возможным легитимизировать социалистическую трансформацию, а значит, трансформировать государственную экономическую политику в сторону глубокой и всеобъемлющей её социализации.

Таким образом, согласно теории неомарксистов, социализация государственной экономической политики – это длительный, многоаспектный процесс, требующий изменения не только структуры собственности, но и общественного сознания и согласия, политических институтов. В ходе социализации происходит реформирование капиталистических (рыночных) структур, усиливается роль государства в управлении ключевыми отраслями (не всей экономикой), активно развиваются общественные и коопера-

тивные формы собственности.

Второе ответвление – постмарксисты – критикуют экономический детерминизм, являющийся фундаментальным звеном марксизма, и утверждают наличие множественности форм борьбы и субъектов политики, способных влиять на социализацию экономических решений государства. Вследствие этого акцент делают на институциональных изменениях и участии различных социальных групп в принятии экономических решений. Предлагают многоцентровую, демократическую модель, в рамках которой экономическая политика строится на основе многообразия интересов социальных групп общества и их участия в формировании и реализации экономической политики государства.

Свою теорию строят на идее реформирования капитализма, а не его свержения, не исключают перехода к «постсоциализму», который сочетает элементы рыночной и плановой экономики. Обеспечение социализации государственной экономической политики представляют через плюрализм интересов различных групп (радикальная демократия), демократизацию принятия решений и децентрализацию власти, расширение возможностей общественного контроля над ресурсами и процессами распределения благ. Цель марксизма видят не в отказе от либерально-демократической идеологии, а в её углублении и расширении в направлении радикальной и плюралистической демократии [25, с. 176].

Обе теории, выросшие из марксовской теории, более «травоядные», чем их прототип. Марксистская теория прямо указывает, что правящий класс ни при каких обстоятельствах не откажется от своего права присваивать прибавочную стоимость и распределять доход, что отражается на уровне социализации принимаемых государством решений в экономической сфере. Заставить их сделать это могут только революционные преобразования, производимые другим классом – пролетариатом (теми, кто не имеет средств производства), который, установив свою диктатуру, и будет проводить социализированную экономическую политику, направленную на защиту и обеспечение всех социальных слоёв общества.

Нео- и постмарксисты отвергают революционные изменения и утверждают, что развитие возможно и эволюционным путём (путём постепенных и поэтапных преобразований) в рамках капиталистических отношений. Таким образом, из всех рассмотренных теорий только марксизм является единственной экономической теорией, которая социализацию государственной экономической политики видит через революционное изменение производственных отношений, а не через постепенное реформирование капиталистического государства.

Особенности подходов к обеспечению социализации государственной экономической политики в рамках рассмотренных экономических теорий представлены в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика экономических теорий в контексте социализации государственной экономической политики
Table 1. Characteristics of economic theories in the context of socialization of state economic policy

Экономическая школа	Основные принципы	Роль государства	Цели государственной экономической политики	Социализация экономики	Методы реализации социализации
Классическая школа	Рыночный механизм саморегуляции, минимальное вмешательство государства	Минимальная; акцент на свободный рынок	Свобода рынков	Экономический рост первичен, социальные цели вторичны	Ликвидация барьеров для свободного предпринимательства (либертарианство)
Неоклассическая школа	Равновесие через рационализацию и оптимизацию поведения агентов	Нейтральный посредник	Достижение оптимальности использования ресурсов (Парето-эффективность)	Государство должно обеспечивать правовые рамки для рынка, социализация вторична	Акцент на индивидуальных предпочтениях и распределении доходов (рыночное регулирование)
Кейнсианская школа (Дж.М. Кейнс)	Необходимость государственного вмешательства для стабилизации экономики	Активное вмешательство для управления спросом	Стабилизация экономики, полная занятость	Стремление к полной занятости и социальным гарантиям (временное решение для стимулирования экономики)	Госрасходы, налоги
Неокейнсианская школа	Адаптация кейнсианских идей, акцент на ценах и зарплатах	Комбинация рынка и регулирования (инструмент управления экономикой)	Поддержка спроса через государственные расходы и монетарные меры	Обеспечение социальной защиты через государственные трансферты	Комбинация рыночных и госмероприятий (макроэкономическое регулирование, инфраструктурные проекты)
Посткейнсианская школа	Неопределённость условий и роль институтов в их преодолении	Центральный регулятор и инвестор	Справедливое развитие, снижение неравенства	Стремление к справедливости и уменьшению неравенства	Перераспределение доходов, кредитование, планирование
Марксистская школа	Экономический детерминизм, классовая борьба	Центральная; главный планирующий и распределяющий механизм	Национализация средств производства для исключения эксплуатации человека человеком; равенство	Полная трансформация общества (устранение классового неравенства), справедливое распределение; переход к коммунизму	Революция, национализация, плановая экономика

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Неомарксистская школа	Расширение демократии, участие гражданского общества	Умеренно-вмешательская: инструмент классовой борьбы и реформирования	Социальная защита и перераспределение	Социализация через институциональные изменения, идеологию, культуру	Постепенное реформирование капиталистической системы; налогово-социальные программы
Постмарксистская школа	Критика экономического детерминизма, множественность субъектов, радикальная демократия	Пространство для участия всех заинтересованных сторон	Демократия, справедливость, многообразие, социальные сети	Справедливое распределение ресурсов без классовых ограничений, демократизация управления	Альтернативные формы хозяйствования, общественный контроль

ВЫВОДЫ

Согласно проанализированным экономическим теориям, заданные параметры социализации государственной экономической политики «материнской» теории корректируются в теориях-последователях с учётом практики их применения в сторону умеренности. Так произошло в теориях-ответвлениях марксисткой школы, которые ушли от принципа деления общества на два класса, а значит, и от безальтернативности смены господства одного класса над другим путём революционных преобразований. Это естественным образом отразилось на возможностях государства обеспечить принятие социализированных экономических решений и реализацию их посредством проведения экономической политики. Попытка неомарксистов переложить ответственность за принятие социализированных экономических решений на гражданское общество несостоятельно, вследствие наличия критически непреодолимых условий для его формирования.

Исключением можно считать посткейнсианство, которое в своей концепции предлагает более радикальные меры государственного вмешательства в экономику, в отличие от «материнской» теории. Последователи данной теории предлагают максимизировать роль государства в обеспечении социальной защиты и справедливости через повышение полномочий и ресурсов при формировании своей экономической политики. Надежды возлагают на институциональный механизм, однако не учитывают влияние на его качество тех, кто принимает участие в формировании принципов институционального механизма, отчего перспективы социализации государственной экономической политики выглядя все также туманно, как и в вышеназванной теории.

Только две концепции предполагают активное участие населения в формировании и социализации государственной экономической политики. Одна теория предлагает это делать через создание гражданского общества, другая через захват власти (диктатура пролетариата). Более умеренные теории предполагают, что, получившие властные рычаги управления, основываясь на рациональном восприятии окружающей действительности, будут проводить сбалансированную экономическую политику, в рамках которой социализация управленческих решений важное, но не обязательное условие.

Ряд теорий полностью отвергает даже возможность социализации государственной экономической политики. В рамках их концепций формирование и поддержание условий для экономического роста приоритетнее обеспечения социальной справедливости. Любые действия государства в сторону социализации своей экономической политики трактуют как разрушение принципов свободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов / [Вступит. статья и коммент. канд. экон. наук Афанасьева В.С.]. Москва: Соцэкгиз. 1962. 684 с.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения / перевод. Н. Рязанов. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 310 с.
3. Мальтусъ Т.-Р. Опытъ закона о народонаселеніи / [пер. И.А. Вернера]. Москва: Тилс-литография О.И. Лашкевичъ и Ко. Тверская, дом Саввинскаго подворья, 1895. 250 с. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.html
4. Сэй Жан-Батист. Трактат политической экономии / пер. Е.Н. Каменецкой. Москва: К.Т. Солдатенков, 1896. 400 с.
5. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 342 с.
6. Маркс Карл. Капитал: Критика политической экономии. Процесс производства капитала; перевод И.И. Степанова-Скворцова. Т. 1. Кн. 1. Москва: Госполитиздат, 1952. 794 с.
7. Маркс Карл. Капитал: Критика политической экономии. Процесс обращения капитала; перевод И.И. Степанова-Скворцова. Т. 2. Кн. 2. Москва: Госполитиздат, 1951. 530 с.
8. Маркс Карл. Капитал: Критика политической экономии. Процесс капиталистического производства, взятый в целом; перевод И.И. Степанова-Скворцова. Т. 3. (Ч. 1 и 2) Кн. 3. Москва: Госполитиздат, 1951. 932 с.
9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Москва: Политиздат, 1988. 1-XII, 482 с. URL: https://pbd.su/wp-content/uploads/Анти-Дюринг.pdf
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 244 с. URL: https://csruso.ru/wp-content/uploads/2024/01/proishozhdenie-semi-chastnoj-sobstvennosti-i-gosudarstva_1937.pdf
11. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Москва: Политиздат, 1971. 792 с. URL: https://csruso.ru/wp-content/uploads/2023/02/3.pdf
12. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Москва: Госполитиздат, 1952. 230 с.
13. Маршалл А. Принципы экономической науки / в 3 т.: перевод с англ.; авт. вступ. ст.: Дж.М. Кейнс. Москва: Прогресс, 1993. 1248 с.
14. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. Москва: Изограф, 2000. 448 с.
15. Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. В серии «Философия свободы», вып. II. Москва: Социум, Три квадрата, 2003. 182 с.
16. Mankiw, N. Gregory, Romer David New Keynesian economics. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1991. 448 p.
17. Gregory Mankiw Imperfect competition and the Keynesian cross // Economics Letters. 1988. 26. Pp. 7-13.
18. Blanchard, O. Kiyotaki, N. Monopolistic Competition and the Effects of Aggregate Demand // American Economic Review. 1987. 77(4). Pp. 647-666.
19. Davidson, P. Keynes' principle of effective demand versus the bedlam of the New Keynesians // Journal of Post Keynesian Economics. 1999. 21 (4). Pp. 571-588.
20. Palley, T. Post Keynesian economics. London: Macmillan, 1996. 239 p.
21. Пикетги Томас. Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. Москва: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.

22. Harvey, D. Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. New York: Oxford University Press, 2014. 338 p.
23. Бузгали А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
24. Бузгали А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
25. Лаклау Э., Муфф Ш. Гегемония и социалистическая стратегия. К исследованию радикально-демократического социализма; перевод А.В. Дьякова. Москва: Праксис, 2003. 350 с.
26. Блауг Марк. Экономическая мысль в ретроспективе [Пер. с англ.]. Москва: Акад. нар. хоз-ва, Дело, 1994. 687 с.
27. Halley Stewart lecture «The World's Economic Crisis and the Way of Escape». London: George Allen & Unwin, 1931. 192 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.278398/mode/2up

Информация об авторе
Котов Евгений Валериевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры теории управления и государственного администрирования

REFERENCES

1. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Introductory article and comments by V.S. Afanas'ev. Moscow: Sotsékgiz, 1962. 684 p. (In Russ.)
2. Ricardo, D. Principles of Political Economy and Taxation / transl. by N. Riazanov. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 310 p. (In Russ.)
3. Malthus, T.-R. An Essay on the Principle of Population / transl. by I. A. Werner. Moscow: Tils lithography O.I. Lashkevich & Co., Savvinskoe dvorishche, Tverskaya St., 1895. 250 p. (In Russ.) URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.html.
4. Say, Jean-Baptiste. A Treatise on Political Economy. transl. by E.N. Kameneckaya. Moscow: K.T. Soldatenkov, 1896. 400 p. (In Russ.)
5. Keynes, J.M. The General Theory of Employment, Interest, and Money. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 342 p. (In Russ.)
6. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Volume One – The Process of Production of Capital / transl. by I.I. Stepanov-Skvortsov. Vol. 1. Book 1. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 794 p. (In Russ.)
7. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Volume Two – The Process of Circulation of Capital / transl. by I.I. Stepanov-Skvortsov. Vol. 2. Book 2. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 530 p. (In Russ.)
8. Marx, Karl. Capital: A Critique of Political Economy. Volume Three – The Process of Capitalist Production as a Whole / transl. by I.I. Stepanov-Skvortsov. Vol. 3 (Parts 1 and 2). Book 3. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 932 p. (In Russ.)
9. Engels, F. Anti-Diuring. The revolution in science made by Mr. Eugene Duhring [Anti-Dühring. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science]. Moscow: Politizdat, 1988. 482 p., incl. ill. (In Russ.) URL: https://pbd.su/wp-content/uploads/Анти-Дюринг.pdf.
10. Engels, F. The Origin of the Family, Private Property and the State. Moscow: Partizdat TsK VKP(b), 1937. 244 p. (In Russ.) URL: https://csruso.ru/wp-content/uploads/2024/01/proishozhdenie-semi-chastnoj-sobstvennosti-i-gosudarstva_1937.pdf.
11. Lenin, V.I. The Development of Capitalism in Russia. Moscow: Gospolitizdat, 1971. 792 p. (In Russ.)
12. Lenin, V.IImperialism, the Highest Stage of Capitalism. A Popular Sketch. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 230 p. (In Russ.)
13. Marshall, Alfred. Principles of Economics / In 3 vols.; transl. from English; intro. by J.M. Keynes. Moscow: Progress, 1993. 1248 p. (In Russ.)

14. Walras, Leon. Elements of Pure Political Economy. Moscow: Izograf, 2000. 448 p. (In Russ.)
15. Friedman, Milton, Hayek, Friedrich. On Freedom. In the series "Philosophy of Freedom". Iss. II. Moscow: Socium, Tri Kvadrata, 2003. 182 p. (In Russ.)
16. Mankiw, N. Gregory, Romer David. New Keynesian economics. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1991. 448 p.
17. Gregory, Mankiw. Imperfect competition and the Keynesian cross // Economics Letters. 1988. 26. Pp. 7-13.
18. Blanchard, O. Kiyotaki, N. Monopolistic Competition and the Effects of Aggregate Demand // American Economic Review. 1987. 77(4). Pp. 647-666.
19. Davidson, P. Keynes' principle of effective demand versus the bedlam of the New Keynesians // Journal of Post Keynesian Economics. 1999. 21 (4). Pp. 571-588.
20. Palley, T. Post Keynesian economics. London: Macmillan, 1996. 239 p.
21. Piketty, Thomas. Capital in the Twenty-First Century. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 592 p. (In Russ.)
22. Harvey, D. Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. New York: Oxford University Press, 2014. 338 p.
23. Buzgali, A.V., Kolganov, A.I. Global Capital. Volume 1: Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism, and Economic Imperialism (Marx Re-Loaded). 3rd ed., rev. and substantially augm. Moscow: LENAND, 2015. 640 p. (In Russ.)
24. Buzgali, A.V., Kolganov, A.I. Global Capital. Volume 2: Theory. Global Hegemony of Capital and Its Limits (Capital Re-Loaded). 3rd ed., rev. and substantially augm. Moscow: LENAND, 2015. 904 p. (In Russ.)
25. Laclau, E., Mouffe, Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Socialism / transl. by A.V. Dyakov. Moscow: Praxis, 2003. 350 p. (In Russ.)
26. Blaug, Mark. Economic Thought in Retrospect; transl. from English. Moscow: Academy of National Economy, Delo, 1994. 687 p. (In Russ.)
27. Halley Stewart lecture «The World's Economic Crisis and the Way of Escape». London: George Allen & Unwin, 1931. 192 p. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.278398/mode/2up

Information about the author
Evgeny V. Kotov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Associate Professor of the Department of Management Theory and Public Administration

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 21.03.2025
Поступила после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 321.01
JEL: F52, J15, Z13

ВАК 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Леонид Вячеславович Савинов[1]
Наталья Николаевна Скорых[2]
Татьяна Сергеевна Суходаева[3]

[1]Сибирский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 630102, Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, e-mail: savinov-lv@ranepa.ru

[2]Сибирский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 630102, Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, e-mail: skorykh-nn@ranepa.ru

[3]Сибирский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 630102, Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6, e-mail: sukhodaeva-ts@ranepa.ru

Аннотация. В работе представлены результаты исследования этнополитических оснований безопасности общества, государства и личности. На основе системного и институционального подходов предпринята попытка осмысления сущности, содержания и специфики этнополитического измерения безопасности в рамках общей концепции национальной безопасности. Обоснован вывод о том, что в современных мультикультурных обществах этнический фактор является базовым в достижении и удержании высокого уровня безопасности. Показано, что безопасность включает взаимосвязанные физический, экономический, социальный, культурный и ценностно-нормативный компоненты, требующие согласованной политики. Выявлены ключевые индикаторы состояния безопасности и типовые угрозы, порождаемые как внешними вызовами, так и дисфункциями институтов. Уточнены понятия этнобезопасности и этнополитики, их место в архитектуре национальной безопасности. Практическая значимость исследования состоит в формулировании принципов профилактики этнической напряжённости, механизмов раннего предупреждения конфликтов и критериев оценки эффективности управленческих решений на различных уровнях управления.

Ключевые слова: безопасность, политическая безопасность, социальная безопасность, национальная безопасность, этнобезопасность, этнополитический анализ, этнополитика.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Савинов Л.В., Скорых Н.Н., Суходаева Т.С. Этнические аспекты безопасности: политологическое понимание. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 31-41.

UDC 321.01
JEL: F52, J15, Z13

HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

ETHNIC ASPECTS OF SECURITY: A POLITICAL SCIENCE UNDERSTANDING

Leonid Vyacheslavovich Savinov[1]
Natalia Nikolaevna Skorykh[2]
Tatiana Sergeevna Sukhodaeva[3]

[1]Siberian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», 630102, Russian Federation, Novosibirsk region, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, e-mail: savinov-lv@ranepa.ru

[2]Siberian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», 630102, Russian Federation, Novosibirsk region, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, e-mail: skorykh-nn@ranepa.ru

[3]Siberian Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», 630102, Russian Federation, Novosibirsk region, Novosibirsk, Nizhegorodskaya str., 6, e-mail: sukhodaeva-ts@ranepa.ru

Abstract. Results of a study into the ethnopolitical foundations of security at the levels of society, state, and individual are presented. Based on systemic and institutional approaches, the analysis conceptualizes the essence, content, and specificity of the ethnopolitical dimension of security within the general framework of national security. In contemporary multicultural societies, the ethnic factor is identified as a fundamental determinant of achieving and maintaining high security levels. Security is treated as a multidimensional construct encompassing interrelated physical, economic, social, cultural, and value-normative components requiring coordinated public policy. Key indicators of security and typical threats arising from external challenges and institutional dysfunctions are delineated. Concepts of ethno-security and ethnopolitics are clarified and positioned within the architecture of national security. Practical significance includes principles for preventing ethnic tension, early-warning mechanisms, and criteria for evaluating the effectiveness of governance decisions across administrative levels.

Keywords: security, political security, social security, national security, ethnic security, ethnopolitical analysis, ethnopolitics.

Financing information: this study was carried out without external funding.

For citation: Savinov, L.V., Skorykh, N.N., Sukhodaeva, T.S. (2025). Ethnic aspects of security: a political science understanding. Public administration and law, 2(06), 31-41.

ВВЕДЕНИЕ

В современном динамично меняющемся мире возрастает роль безопасности как основополагающей характеристики любых социальных систем и институтов. При этом риски и угрозы социальной безопасности не исчезают, а всё более приобретают деструктивный характер.

В связи с этим целью исследования является раскрытие этнополитических оснований сущности и содержания безопасности общества, государства и личности в условиях современных мультикультурных обществ.

Базовая научная задача исследования заключается в уточнении специальных политологических знаний теоретико-методологического характера о природе безопасности как предмета этнополитологического анализа. Методологическую основу исследования представляют классические теории безопасности

в этнополитической проекции по отношению к современным требованиям национальной безопасности [1].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – раскрытие этнополитических оснований сущности, содержания и механизмов обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях мультикультурных обществ, с уточнением теоретико-методологических основ и выработкой принципов этнополитики в системе национальной безопасности.

Задачи исследования: систематизировать теоретико-методологические подходы к безопасности и этнобезопасности, уточнить понятийный аппарат и обосновать применимость системного и институционального подходов к анализу этносистем; провести историографический обзор эволюции представлений о безопасности, описать архитектуру «общей безопасности» как многомерной системы, определить индикаторы и критерии оценки её состояния, идентифицировать и типологизировать внутренние и внешние угрозы, включая этнополитически детерминированные риски, а также оценить роль этнического фактора, механизмов этнонационализма и межэтнических конфликтов в национальной безопасности; сформулировать принципы и механизмы этнополитической профилактики и раннего предупреждения конфликтов, предложить ориентиры государственной политики и параметры оценки её эффективности на различных уровнях управления.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическими основаниями исследования выступают сущностное значение двух базовых категорий — «общая безопасность» и «этнополитика/этнобезопасность», а также совокупность общенаучных и специально-научных методов. Общая безопасность рассматривается как многомерная конструкция (физическая, экономическая, социальная, культурно-ценностная компоненты), обеспечивающая устойчивое воспроизводство социальных систем. Этнополитика и этнобезопасность трактуются как целенаправленное регулирование этносоциальных отношений и состояние защищённости этнокультурной идентичности, прав и интересов этнических групп в рамках национальной безопасности.

Для анализа использованы:

системный и институциональный анализ этносистем и механизмов обеспечения безопасности (роль институтов, режимов и практик управления);

сравнительно-исторический подход к эволюции доктрин безопасности и этнополитических моделей;

правовой анализ стратегий и нормативных актов в сфере национальной и общественной безопасности;

контент- и дискурс-анализ научных публикаций, стратегических документов и медиа-материалов для выявления категориальных рамок и смыслов;

компаративистский и кейс-стади подходы (сопоставление постсоветских и иных мультикультурных контекстов, анализ конфликтогенных ситуаций);

типологизация и кластеризация внутренних угроз общей безопасности (по группам рисков) с последующей операционализацией индикаторов;

индикативно-оценочный и риск-аналитический инструментарий (оценка вероятности, воздействия и управляемости рисков), элементы сценарного анализа;

экспертно-аналитическая верификация и методологическая триангуляция данных.

Таким образом, методология исследования опирается на системный, институциональный, сравнительно-исторический, нормативно-правовой, контент-аналитический, компаративный, кейс-стади и риск-аналитический подходы. Научная новизна заключается в интеграции этнополитической оптики в архитектуру «общей безопасности», операционализации её компонент через измеримые индикаторы, а также в разработке типологии и кластерной модели этнополитически детерминированных угроз для целей профилактики и управления.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, попытаемся представить и систематизировать основные теоретико-методологические подходы и концепции, раскрывающие суть и содержание безопасности этносистем как актуальной политической проблемы для современных многосоставных обществ.

Необходимо отметить, что одни из первых попыток рационального осмысления проблемы безопасности представлены в текстах английского Билля о правах 1689 г., американской Декларации о независимости 1776 г. и, в особенности, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

Так, авторы Билля поставили безопасность в одном ряду с «единением, миром и спокойствием народа и благосостоянием государства». В Декларации независимости США создание гарантий своей безопасности объявляется правом и обязанностью народа. При этом власть обязана обеспечить людям безопасность и счастье. В тексте Декларации прав человека и гражданина прямо указывается, что «безопасность наряду со свободой, собственностью и сопротивлением угнетению входит в число неотъемлемых естественных прав человека».

Согласно американскому исследователю А. Бухану, «безопасность – это слово со многими значениями». По Х. Хафтендорну, «безопасность есть долговременное поддержание ценностей или системы и отсутствие угрозы им». Следовательно, в качестве основы для раскрытия содержания понятия «безопасность» можно рассматривать формулу Платона, считавшего, что состоянию безопасности соответствует «предотвращение вреда».

Американскому политологу А. Уолферсу принадлежит классическое научное определение – «безопасность в объективном плане предполагает отсутствие угроз приобретённым ценностям, в субъективном – отсутствие страха в отношении того, что этим ценностям будет нанесён ущерб» [2, с. 12].

В 1983 году профессор Принстона Р. Ульман предложил широкую дискуссию о сущности и содержании феномена безопасности. В его знаковой работе «Заново определяя понятие безопасности» он обращал внимание на то, что узкое понимание безопасности, когда во главу угла ставятся только военные угрозы, оставляют без внимания такие важные не военные аспекты, как безопасность социальная и индивидуальная. Он также полагал, что риски и угрозы национальной безопасности могут формироваться и в результате функционирования самого государства и институтов власти [3, с. 78].

В том же году английский профессор Б. Бузан опубликовал работу «Народ, государство и страх», где изменил акцепты в классическом для того периода понимания безопасности. Он одним из первых сформулировал вопросом о том, насколько безопасность отдельной личности и общества могут не совпадать или даже противоречить

друг другу. Вместе с тем акцентировалось внимание и на том, что само государство тоже может быть источником опасности для внутренней среды [3, с. 80].

Анализ литературы показывает, что большинство авторов раскрывают содержание понятия «безопасность» как состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды. Под воспроизводством здесь понимается повторение во времени и пространстве, в последовательности поколений структурных, функциональных и семантических характеристик социального объекта/субъекта, взятых в их динамических связях с социальным пространством.

В концептуальном плане официальная попытка определения понятия безопасности в постсоветской России была предпринята ещё в начале современной российской государственности в Законе РФ «О безопасности». Статья 1 того закона определяла безопасность как состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. При этом состояние безопасности, то есть её оценка, трактовалось как уровень безопасности в настоящее время – «здесь и сейчас» [4, с. 210-211].

Однако это определение многие авторы тогда подвергали критике за узость и статичность. Так, Г.И. Ванюрихин писал, что «в общем случае безопасность – это характеристика целостности системы или показатель гомеостазиса; она описывает способность системы поддерживать своё нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий» [5, с. 133].

Сегодня традиционный американский подход к пониманию национальной безопасности исходит из того, что она производна от жизненно важных национальных интересов. Современная американская политология понимает под этим такие интересы, по которым страна ни в коем случае не пойдёт ни на какие уступки и компромиссы, а при необходимости готова защищать их военными средствами. Отсюда национальная безопасность понимается как стратегия, направленная, в первую очередь, на обеспечение жизненно важных национальных интересов.

Авторы проекта «Национальные интересы и проблемы безопасности России» также подчёркивают, что безопасность может быть определена как наиболее важный, первозначный национальный интерес.

Другой западный исследователь Р. Ильман также связывает понятия «национальная безопасность» и «национальные интересы». По его мнению, «угрозу национальной безопасности представляет действие или последовательность событий, которые могут коренным образом в относительно короткие сроки понизить качество жизни граждан конкретного государства или сузить спектр политического выбора для правительства этого государства или неправительственных образований (отдельных лиц, групп, корпораций) внутри государства» [6, p. 24].

В свою очередь в основу концепции общей безопасности заложено положение о примате человека и гражданина в области обеспечения безопасности. Иными словами, речь идёт о комплексе представлений «о человеческом измерении безопасности», как единстве социальных условий, обеспечивающих достойное выживание, благосостояние и свободу. При этом важно подчеркнуть, что речь идёт о минимально достаточной безопасности, что является принципиально иным подходом, нежели более ранние

концепции безопасности – государственной и национальной, в которых объём необходимой безопасности, напротив, максимизируется.

В основе концепции общей безопасности также лежит идея о том, что и отдельный индивид, и само общество, прежде всего, стремится к достижению физической безопасности в широком смысле этого слова. Вторым звеном в этой цепи является достижение и поддержание экономической безопасности. В качестве третьей составляющей выделяют социальную безопасность, которая рассматривается как достижение достойного статуса в обществе, гарантирующего предотвращение угроз физической и экономической безопасности. Как правило, эти гарантии предоставляются государственными структурами, а также формальными и неформальными общественными институтами. Четвёртый аспект, включаемый в систему общественной безопасности, – культурная безопасность личности и общества, в том числе этнокультурная и религиозная. Таким образом она предполагает безопасность этнической идентичности, возможность сохранения и развития культуры, поддержание в обществе этнонациональной толерантности и терпимости и возможность этнокультурной социализации личности. И, наконец, пятый аспект – безопасность достоинства. Этот аспект является качественным показателем, который оценивает гуманистическую составляющую безопасности. Это связано с тем, что сама цена безопасности для человека может значить нередко не меньше, чем сама безопасность.

Важно подчеркнуть, что в концепции общей безопасности все пять его компонентов не выстраиваются в жёсткую иерархию в отличие, например, от пирамиды ценностей А. Маслоу, хотя физическая и экономическая безопасность признаются базовыми.

Необходимо отметить, что проблемы безопасности активно изучаются на кафедре национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ. Региональные аспекты национальной безопасности – предмет исследований региональных научных и аналитических центров [7-16].

Сегодня ощутимый вклад в теоретическое обоснование концепции современной российской безопасности вносят члены Российской академии естественных наук. Ещё в 1994-1995 годы ими были инициированы, выполнены и представлены к рассмотрению программы федерального уровня: «Концепция национальной безопасности России», выполненная под руководством В.С. Пирумова; «Концепция экономической безопасности России» под руководством В.К. Сенчагова; «Концепция информационной безопасности России» под руководством Д.С. Черешкина. Указанные программы были использованы при принятии решений общенациональной значимости и в значительной степени легли в основу принятых позже документов – Концепции национальной безопасности и Доктрины информационной безопасности РФ.

К одной из важнейших составляющих общей системы безопасности в триаде «личность – общество – государство» принадлежит политическая безопасность, которую, по словам В.В. Серебрянникова, следует понимать как «систему определённых мер, органов, функций государства и общества по защите политических интересов страны, народа, граждан» [17, с. 8].

Основными критериями, индикаторами и маркерами состояния социальной безопасности выступают масштаб естественной убыли населения, продолжительность

жизни, здоровье населения, детская смертность, масштабы поляризации доходов, уровень безработицы и бедности [18, с. 12].

На основе вышеизложенного предлагаем следующее понимание внутренних опасностей или угроз общей безопасности. Они представляют собой такие действия тех или иных классов, групп, слоёв и личностей, которые могут привести к ликвидации жизненно важных условий существования государства, общества, этноса, личности, к их физической и духовной деградации и, в конечном счёте, – к разрушению [19].

Угрозы общей безопасности возможно объединить в четыре кластера. В первый – угрозы, непосредственно связанные с социальным самочувствием личности – угрозы здоровью, экологии, образу жизни и т. д. Во второй – угрозы, вызванные нарушением прав и свобод личности (в том числе и по этническому и конфессиональному признаку). В третий – угрозы, связанные с неспособностью государства и социальных институтов в силу разных причин обеспечить общепризнанные минимальные социальные стандарты жизни. Причины этих угроз кроются, в первую очередь, в экономической области. В четвёртый – угрозы, спровоцированные общей криминализацией общества, распространением наркомании и алкоголизма, детской и подростковой проституции и т. д., которые приводят к размыванию социальных ориентиров и ценностей. К последним необходимо отнести все проявления экстремизма и террористическую деятельность, в том числе основанную на расовой, этнической и религиозной розни.

По мнению Р. Даля, двумя важнейшими угрозами стабильного политического режима являются поляризация и сегментация. Если поляризация возникает в соответствии с региональными границами, то наиболее вероятным его исходом является гражданская война или переход к гегемонии как гаранту стабильности. Сегментация же общества обладает наибольшей потенциальной возможностью стать угрозой политической стабильности государства в том случае, когда региональные конфликты усиливаются антагонизмами, исходящими из этнических, языковых и религиозных различий [20]. Тезис полностью подтвердился характером политических процессов, связанных с чеченским конфликтом периода 90-х годов прошлого века.

По мнению Г. Котанджана, эшелонированное изыскание проблем национальной безопасности цивилизационных агрегатов типа СССР требует фундаментального этнополитологического исследования «сходимости – расходимости» контролирующих цивилизационных систем, а также прикладных разработок по реализации изыскиваемых методологических подходов и моделей в практике этнополитической защиты национальных интересов в области внутренней и внешней безопасности современных модернизированных и переходных, модернизирующихся государств [21, с. 56].

Ещё раз вернёмся к выдвинутому нами пониманию безопасности как, прежде всего, системной упорядоченности. В окружающей нас природе – микро- и макрокосмосах – существует два типа упорядочивания в процессуальном и институциональном измерении. Согласно первому типу, процессы упорядочивания происходят при уменьшении внутренней энергии системы. Эти процессы в большей степени характерны для неживой природы. Например, при понижении температуры ниже 0 градусов по шкале Цельсия вода переходит в кристаллическую, то есть упоря-

доченную структуру – лёд. Второй тип упорядочивания представляет процесс самоорганизации, характерный для живой природы. Однако в этом случае для получения упорядочивания системы и её поддержания необходим, в отличие от первого типа, постоянный приток энергии. Другими словами, упорядочивание второго типа происходит при увеличении внутренней энергии системы.

Новейшая история убедительно свидетельствует о том, что сегодня человечество столкнулось с новым всплеском этнонационализма. Феномен политизированной и деструктивно мобилизованной этничности вновь стал основным вектором, во многом определяющим конфигурацию основных приоритетов в системе политических отношений в многосоставных обществах. В этих условиях наиболее остро обозначилась проблема этнонационализма и этнического экстремизма как радикальных форм политической мобилизации.

«Взрыв этнонационализма» и «этнический ренессанс», основанный на «пробуждении этничности», значительно изменили социальный ландшафт и оказали существенное влияние на политические процессы во многих странах и регионах мира, начиная со второй половины XX века. Согласно У. Альтерматту, в современной Европе процесс этнизации прогрессирует: «Всё, что происходит в конце XX века на Балканах и Кавказе, – это утрированная патология нормальных европейских будней» [22].

Эти процессы характерны и для российского общества в конце прошлого века. При этом усиление националистических и этницистских настроений таит в себе не только потенциальные угрозы политической стабильности, но и серьёзные вызовы национальной безопасности. По мнению большинства экспертов, именно этнонационализм и этнические противоречия явились одной из основных причин распада СССР [23; 24].

Последнее десятилетие XX века с очевидностью доказало, что национальная безопасность России как суверенного, единого и самодостаточного государства – субъекта мировой политики и международных отношений – во многом зависит от внутренних политических, экономических и социальных процессов.

При этом этничность как фактор безопасности приобретает всё большую значимость. Сегодня основные вызовы безопасности общества, государства и личности в России всё ещё связаны с рисками и угрозами неявного характера в сфере этнонациональных и межконфессиональных отношений, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на её этнобезопасность.

С распадом союзного государства и образованием на её территории самостоятельных национальных государств произошли существенные изменения в характере и содержании этнополитики и этнополитических процессов на постсоветском пространстве. Наблюдается значительный рост этнического самосознания и этнической мобилизации на этих территориях. Эти процессы и изменения носят как позитивное содержание, так и деструктивный характер. Яркий пример последнего – нацификация современной Украины и реализация ею государственной политики геноцида по отношению к русским и другим народам.

ВЫВОДЫ

В современных мультикультурных обществах этнический фактор является базовым в достижении и удержании высокого уровня национальной безопасности. Именно поэтому безопасность в широком понимании необходимо рассма-

тривать как объект, в том числе, этнополитического анализа. Сегодня в современном мире этнический фактор стал значимым индикатором достижения неделимой безопасности общества, государства и личности.

Заявление о конфликте интересов

Авторы заявляют, что у них нет ни политических, ни финансовых, ни иных интересов или личных обязательств, которые могли бы повлиять на исследование и его результаты, представленные в работе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жёстких угроз» до «мягких вызовов» // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / под ред. М.М. Лебедевой. Москва: Аспект Пресс, 2002. 197 с.
2. Манилов В.А. Безопасность в эпоху партнёрства. Москва: ТЕРРА, 1999. 368 с.
3. Рыхтик М.И. Концептуальное осмысление национальной безопасности США: республиканский подход и его воздействие на процесс государственной внешнеполитической стратегии (исторические аспекты проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 73-85.
4. Семёнов В.А. Этногеополитические аспекты безопасности России. Москва: РАГС, 1998. 272 с.
5. Ванюрин Г.И. Проблемы безопасности и межэтнические отношения // Общество. Государство. Политика. 2008. № 1. С. 133-150.
6. United Nations Development Program «Refining Security: The Human Dimension». Oxford, 1994. 235 p. (Human Development Report).
7. Баталов Д.Е. Органы публичной власти в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: проблемы функционирования и взаимодействия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 1(58). С. 184-190. EDN CIGYER.
8. Беляевская-Плотник Л.А. Угрозы национальной безопасности в условиях цифровой трансформации экономики и государственного управления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 2. С. 65-76. DOI 10.24891/ni.21.2.65. EDN RMKFEO.
9. Гетман С.И. Глобальные угрозы национальной безопасности. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. 134 с. ISBN 978-5-91155-366-1. DOI 10.52565/9785911553661. EDN FVGYSO.
10. Закирова М.И. Социальная и экономическая составляющие национальной безопасности: мониторинг федеральных округов // Вестник университета. 2025. № 2. С. 5-14. DOI 10.26425/1816-4277-2025-2-5-14. EDN HQWWVR.
11. Козина Ю.П. Государственная и региональная безопасность: роль интеграции для обеспечения безопасности на примере ШОС // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 1. С. 103-109. DOI 10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109. EDN TXDMHW.
12. Кузнецов М.С. Понятия «безопасность» и «национальная безопасность»: отдельные проблемы правовой терминологии // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 4. С. 112-123. DOI 10.7256/2306-9945.2024.4.72665. EDN TMIOCW.
13. Кузнецов М.С. Понятия «безопасность» и «национальная безопасность»: отдельные проблемы правовой терминологии // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 4. С. 112-123. DOI 10.7256/2306-9945.2024.4.72665. EDN TMIOCW.
14. Молокоедов Д.В. Национальная безопасность: стратегия и система управления // Новая наука: от идеи к результату. 2025. № 1. С. 83-90. EDN ZATJVA.
15. Мохов А.А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: правовой взгляд на содержание и перспективы развития законодательства о национальной безопасности // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 98-108. DOI 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108. EDN HTXSQC.

16. Савченко М.С. К вопросу эволюции понятия «национальная безопасность» и месте «духовной безопасности» в стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2024. № 2(63).С. 20-29. EDN MTINHS.
17. Серебренников В.В. Политическая безопасность: сущность, проблемы, перспективы // Политическая безопасность России (По материалам научно-практической конференции ИСПИРАН и Клуба «Реалисты»). Москва, 1997. 104 с.
18. Серебренников В.В. О концепции социальной безопасности Российской Федерации // Социальная безопасность государства, общества, личности: состояние, проблемы, перспективы. Москва, 1996. 349 с.
19. Савинов Л.В. Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3(79). С. 71-78.
20. Dahl R.A. Regimes and Oppositions / Introduction. NewHaven. L.: Yale univ. Press, 1973. 411 p.
21. Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса-конфликта: Цивилизационный аспект национальной безопасности. 2-е изд., доп. и переаб. Москва: Луч, 1992. 213 с.
22. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. Москва: Росс. гос. гуманит. ун-т, 2000. 366 с.
23. Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. Москва: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1996. 310 с.
24. Буховец О.Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 147-158.

Информация об авторах
Леонид Вячеславович Савинов – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и отраслевых политик
Наталья Николаевна Скорых – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления и отраслевых политик
Татьяна Сергеевна Суходаева – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики

REFERENCES

1. Rykhtik, M.I. (2002). The evolution of the concept of "security": from "hard threats" to "soft challenges" // Modern problems of world politics: Security, conflicts and their analysis / Edited by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspect Press. 197 p. (In Russ.)
2. Manilov, V.A. (1999). Security in the age of partnership. Moscow: TERRA. 368 p. (In Russ.)
3. Rykhtik, M.I. (2003). Conceptual understanding of the US national security: the Republican approach and its impact on the process of state foreign policy strategy (historical aspects of the problem) // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies. No. 1. Pp. 73-85. (In Russ.)
4. Semenov, V.A. (1998). Ethnogeopolitical aspects of Russia's security. Moscow: RAGS. 272 p. (In Russ.)
5. Vanyurin, G.I. (2008). Problems of security and interethnic relations // Society. State. Politics. № 1, 133-150. (In Russ.)
6. United Nations Development Program «Refining Security: The Human Dimension». (1994) Oxford, 235 p. (Human Development Report).
7. Batalov, D.E. (2025). Public authorities in the national security system of the Russian Federation: problems of functioning and interaction // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1(58). Pp. 184-190. EDN CIGYER. (In Russ.)
8. Belyaevskaya-Plotnik, L.A. (2025). Threats to national security in the context of digital transformation of the economy and public administration // National interests: priorities and security. Vol. 21, No. 2. Pp. 65-76. DOI 10.24891/ni.21.2.65. EDN RMKFEO. (In Russ.)

9. Getman, S.I. (2025). Global threats to national security. Saint Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions. 134 p. ISBN 978-5-91155-366-1. DOI 10.52565/9785911553661. EDN FVGYSO. (In Russ.)
10. Zakirova, M.I. (2025). Social and economic components of national security: monitoring of federal districts // Bulletin of the University. No. 2. Pp. 5-14. DOI 10.26425/1816-4277-2025-2-5-14. EDN HQWWVR. (In Russ.)
11. Kozina, Yu.P. (2025). State and regional security: the role of integration to ensure security on the example of the SCO // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. Vol. 25, No. 1. Pp. 103-109. DOI 10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109. EDN TXDMHW. (In Russ.)
12. Kuznetsov, M.S. (2024). Concepts of "security" and "national security": selected problems of legal terminology // NB: Administrative law and administrative practice. No. 4. Pp. 112-123. DOI 10.7256/2306-9945.2024.4.72665. EDN TMIOCW. (In Russ.)
13. Kuznetsov, M.S. (2024). Concepts of "security" and "national security": selected problems of legal terminology // NB: Administrative law and administrative practice. No. 4. Pp. 112-123. DOI 10.7256/2306-9945.2024.4.72665. EDN TMIOCW. (In Russ.)
14. Molokoyedov, D.V. (2025). National security: strategy and management system // New science: from idea to result. No. 1. Pp. 83-90. EDN ZATJVA. (In Russ.)
15. Mokhov, A.A. (2024). National security strategy of the Russian Federation: a legal view on the content and prospects of development of legislation on national security // Bulletin of the Russian Law Academy. No. 2. Pp. 98-108. DOI 10.33874/2072-9936-2024-0-2-98-108. EDN HTXSQC. (In Russ.)
16. Savchenko, M.S. (2024). On the evolution of the concept of "national security" and the place of "spiritual security" in the national security strategy of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. № 2(63). Pp. 20-29. EDN MTINHS. (In Russ.)
17. Serebrennikov, V.V. (1997). Political security: essence, problems, prospects // Political security of Russia (Based on the materials of the ISPRAN scientific and practical conference and the Realists Club). Moscow, 104 p. (In Russ.)
18. Serebrennikov, V.V. (1996). On the concept of social security of the Russian Federation // Social security of the state, society, personality: state, problems, prospects. Moscow, 349 p. (In Russ.)
19. Savinov, L.V. (2021). National policy and ethnic security // Bulletin of the Russian Nation. № 3(79). Pp.71-78. (In Russ.)
20. Dahl, R.A. (1973). Regimes and Oppositions / Introduction. NewHaven. L.: Yale univ. Press. 411 p.
21. Kotanjyan, G.S. (1992). The ethno-political science of consensus-conflict: The civilizational aspect of national security. 2nd ed., supplement and revision. Moscow: Luch, 213 p. (In Russ.)
22. Altermatt, W. (2000). Ethnonationalism in Europe. Moscow: Russian State Humanities. University, 366 p. (In Russ.)
23. Cheshko, S.V. (1996). The Collapse of the Soviet Union. Ethnopolitical analysis. Moscow: N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 310 p. (In Russ.)
24. Bukhovets, O.G. (2002). Klio on the threshold of the XXI century: the temptation of nationalism // Questions of History. No. 3. Pp. 147-158. (In Russ.)

Information about the authors
Leonid V. Savinov – Professor, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Sectoral Policies
Natalia N. Skorykh – Associate Professor, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Sectoral Policies
Tatiana S. Sukhodaeva – Associate Professor, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economic Policy

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 11.04.2025
Поступила после рецензирования 15.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.2
JEL: R58, I28, I38

ВАК 5.2.6. Менеджмент

СОЦИАЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В СОХРАНЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Елена Игоревна Барышникова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: Elenaleonova@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется социальная результативность кластерной политики в Санкт-Петербурге в контексте сохранения и укрепления традиционных ценностей Российской Федерации. Рассмотрены количественные и качественные показатели, включая рождаемость, брачность, разводимость и поддержку многодетных семей, а также качественные аспекты – формирование духовно-нравственных ориентиров через систему образования. Особое внимание уделено данным всероссийского опроса ВЦИОМ о ценностях россиян, подтвердившим устойчивость традиционных представлений о семье. Проанализированы инициативы, реализуемые в рамках кластерной политики города: образовательные, культурные и социальные проекты, включая деятельность образовательных кластеров и участие молодёжных организаций. Подчёркнута роль образовательных учреждений как ядра кластеров, интегрирующих усилия государства, общества и бизнеса для формирования гражданственности, патриотизма и укрепления традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: кластер, кластерная политика Санкт-Петербурга, социальная результативность, образовательные организации, традиционные ценности, ценности россиян.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Барышникова Е.И. Социальная результативность кластерной политики в сохранении и укреплении традиционных ценностей Российской Федерации в Санкт-Петербурге. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 42-53.

UDC 338.2
JEL: R58, I28, I38

HAC 5.2.6. Management

SOCIAL EFFECTIVENESS OF CLUSTER POLICY IN PRESERVING AND STRENGTHENING TRADITIONAL VALUES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN ST. PETERSBURG

Elena Igorevna Baryshnikova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Technological Institute (Technical University)", St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: Elenaleonova@gmail.com

Abstract. The article examines the social effectiveness of cluster policy in St. Petersburg in the field of preserving and strengthening the traditional values of the Russian Federation. Both quantitative indicators (birth rate, marriage and divorce dynamics, support of large families) and qualitative aspects (the role of education in shaping spiritual and moral orientations) are analyzed. Special attention is paid to the results of a nationwide VCIOM survey confirming the resilience of traditional family values. The paper reviews educational, cultural, and social cluster initiatives implemented in the city. The role of educational institutions is highlighted as the core of clusters integrating the efforts of the state, society, and business to foster citizenship, patriotism, and the strengthening of family traditions.

Keywords: cluster, cluster policy of Saint Petersburg, social performance, educational organizations, traditional values, values of Russians.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Baryshnikova, E.I. (2025). Social effectiveness of cluster policy in preserving and strengthening traditional values of the Russian Federation in St. Petersburg. Public administration and law, 2(06), 42-53.

ВВЕДЕНИЕ

Широкое распространение в качестве инструмента развития инноваций на региональном уровне получили кластеры. Они направлены на консолидацию усилий «местных» игроков (бизнеса, науки, образования, деловых ассоциаций и т. п.) в разработке и реализации совместных проектов, содействующих укреплению их рыночных позиций. Поставляя на глобальный рынок конкурентоспособную продукцию, кластеры становятся точками роста, оказывая влияние как на экономику региона, так и страны в целом.

Территориальные кластеры объединяют научные и образовательные учреждения, инвесторов, некоммерческие и общественные организации, органы государственной власти и местного самоуправления, действия которых направлены на реализации общей(их) цели(ей) через реализацию своих собственных интересов. Кластерные принципы организации хозяйственной деятельности присущи таким территориальным образованиям, как особые экономические зоны, наукограды, технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, коллективного пользования научным оборудованием и др. [1]. Выполняя функцию катализатора кооперационных связей и усиливая географическую локализацию научно-производственного потенциала регионов страны, они служат инструментами кластерной политики в России, способствуя сохранению и укреплению традиционных ценностей государства.

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ) отмечено, что традици-

онные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Согласно документу, «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [2].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая рамка оценки социальной результативности кластерной политики опирается на современные подходы к измерению социальных эффектов и оценке публичной политики. В международной дискуссии акцент смещён от декларативных целей к проверяемым результатам и механизмам их достижения: работы по social impact assessment и реалистской оценке показывают продуктивность постинтервенционного измерения и выявления причинно-следственных связей между управленческими действиями и наблюдаемыми социальными эффектами [3; 4]. В исследовательской повестке закрепляются методологии измерения социального воздействия (SIM), в том числе SROI и «теория изменений», при этом подчёркивается необходимость унификации индикаторов при сохранении контекстной валидности для различных территорий и институтов [5; 6].

Для российских условий важны методические сюжеты, связанные с границами понятия «социальная результативность» и операционализацией показателей в конкретных секторах и регионах. Отечественные публикации указывают на дефицит единых критериев для инфраструктурных и корпоративных проектов, но одновременно демонстрируют возможности адаптации международных подходов к управлению социальными инвестициями и к оценке отраслевых программ [7; 8]. Отдельный блок литературы посвящён оценке политики в условиях внешних шоков и институциональной турбулентности, где используются каузальные идентификационные стратегии и смешанные методы – этот инструментарий релевантен для прослеживания влияния кластерных инициатив на демографические и ценностные параметры [9; 10; 11].

Содержательно близкими к тематике настоящей работы являются исследования, трактующие социальную результативность как компонент институциональной устойчивости и кооперации акторов развития: здесь фиксируется роль посредничающих институтов (образовательных учреждений, культурных площадок, молодёжных организаций) в трансляции ценностей и формировании гражданской активности, а также значимость надсекторальных партнёрств «государство – университет – бизнес – общество» [12; 6]. Для задач оценки именно кластерной политики это означает необходимость двуконтурной операционализации: (1) количественные индикаторы, позволяющие фиксировать демографическую и семейную динамику; (2) качественные индикаторы, отражающие закрепление духовно-нравственных

ориентаций через образовательные и культурные практики. Такой гибридный подход согласуется с нормативной рамкой Указа Президента РФ № 809 и позволяет сопоставлять «жёсткие» статистические ряды с «мягкими» результатами воспитательных и просветительских инициатив.

Наконец, прикладочные исследования в смежных сферах (здравоохранение, социальные проекты) демонстрируют, что устойчивый социальный эффект возникает при наличии чётко прописанной логики изменений, институциональной встраиваемости и обратной связи с целевыми группами [13]. Для Санкт-Петербурга, где кластерные формы взаимодействия развиваются в образовательно-культурном контуре, такие теоретические предпосылки задают основания выбора показателей и методик, используемых далее в работе: сопоставление статистики Петростата с результатами социологических опросов (ВЦИОМ) и анализом практик образовательных кластеров обеспечивает содержательно обоснованную оценку социальной результативности кластерной политики в сохранении и укреплении традиционных ценностей.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании рассматривается количественная и качественная социальная результативность кластерной политики в сохранении и укреплении традиционных ценностей Российской Федерации в г. Санкт-Петербурге.

Главная цель работы заключается в том, чтобы определить социальные эффекты реализации кластерной политики в Санкт-Петербурге и показать её вклад в сохранение и укрепление традиционных ценностей Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели последовательно решались следующие задачи:

- провести обзор теоретических подходов и нормативных документов, формирующих основу кластерной политики в сфере духовно-нравственного воспитания;
- рассмотреть количественные индикаторы социальной результативности (динамику рождаемости, брачности, разводимости, поддержку многодетных семей);
- проанализировать данные всероссийского опроса ВЦИОМ и выявить их значение для оценки ценностных ориентаций общества;
- исследовать практику реализации кластерных проектов в Санкт-Петербурге и определить их социальное воздействие;
- выделить роль образовательных организаций в укреплении традиционных ценностей и их интеграции с государственными и общественными инициативами;
- сформулировать выводы о результативности кластерной политики и возможных направлениях её дальнейшего развития.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСЛЛЕДОВАНИЯ

Основой методологического подхода послужили системный и институциональный принципы, которые позволяют рассматривать кластерную политику как многогранный механизм социального развития. Для выявления специфики реализации кластерных проектов в Санкт-Петербурге и их влияния на укрепление традиционных ценностей применялись сравнительный и структурно-функциональный методы.

В исследовании был проведён контент-анализ федеральных и региональных нормативных актов, включая Указ Президента РФ № 809 и профильные программы Санкт-Петербурга. Для оценки результативности использовались статистические материалы Петростата, а также данные всероссий-

ского опроса ВЦИОМ, отражающие ценностные установки населения.

Систематизация количественных и качественных индикаторов осуществлялась на основе анализа и синтеза, а метод кейс-стади применялся для рассмотрения конкретных образовательных и культурных инициатив кластерного характера.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В июле 2025 года аналитический центр ВЦИОМ представил результаты всероссийского опроса о ценностях россиян (в опросе принимали участие 1,6 тысячи респондентов старше 18 лет). Данные опросов за последние три года демонстрируют в целом высокую степень согласия россиян с ценностно-нормативной рамкой в соответствии с Указом, но также указывают и на иерархию значимости этих ценностей в массовом сознании. Так, 57 % россиян убеждены в необходимости сохранения и передачи традиционных ценностей следующим поколениям. Противоположной позиции, предполагающей отказ от традиций, придерживаются лишь 32 % опрошенных [14].

Согласно опросу, на протяжении трёх лет главной ценностью для современных россиян остаётся крепкая семья (данного ответа придерживаются 68 % опрошенных), несмотря на снижающийся коэффициент рождаемости. По данным исследования, 88 % граждан считают наличие детей обязательным условием полноценной семьи, при этом 49 % выступают за многодетность, называя идеальным вариантом семью с тремя детьми [14]. А наименее важной ценностью для себя граждане считают коллективизм.

Опрос подтвердил устойчивость традиционных представлений о семье как базовой ячейке общества, несмотря на меняющиеся социально-экономические условия, где важную роль играют образовательные организации разных уровней.

Образование каждого члена гражданского общества осуществляется комплексно, где участие принимают семья и внешние источники получения знаний. Среди них наиболее масштабными являются образовательные учреждения. Из них целесообразно создавать образовательные комплексы путём объединения с потенциальными работодателями на основе партнёрства (партнёров-работодателей), где знания обучающихся адаптируются и получают дальнейшее развитие. Комбинаций взаимодействия может быть множество, и видов интегрированных структур тоже [15].

Образовательный кластер можно рассматривать как совокупность образовательных учреждений и потенциальных работодателей, в том числе органов государственного управления в сфере образования, связанных партнёрскими отношениями, и имеющих общие цели. Образовательные организации разного уровня выступают ядром кластеров, куда поступают задачи, направленные из центра управления – органов государственного управления и иных заинтересованных субъектов данного взаимодействия. В вопросах формирования духовно-нравственных ценностей на основе функционирования образовательных кластеров образовательные организации, являясь ядром кластеров, реализуют государственную политику в сфере формирования духовно-нравственных ценностей (таблица 1).

Таблица 1. Роль образовательных организаций в формировании духовно-нравственных ценностей [составлено автором]
Table 1. The role of educational organizations in the formation of spiritual and moral values [compiled by the author]

Виды образовательных организаций	Проводимые мероприятия	Ожидаемый качественный результат
Дошкольное воспитание	Проведение мероприятий, направленных на знакомство с символами государства, изучение истории родного края, участие в праздниках и развлечениях, приобщение к народному творчеству, проведение семейных мероприятий	Формирование у детей любви к своей Родине, уважения к её истории и культуре, понимание важности и представление о крепкой традиционной семье. Формирование основ понимания коллективизма, гуманизма, милосердия
Общее образование	«Разговоры о важном» – внеурочное занятие в России, введённое в программы образовательных организаций начального, основного, среднего общего и профессионального образования в 2022 году. Открытие в российских школах, в частности в Санкт-Петербурге, кадетских классов и школ, предлагающих образование с уклоном на военную и патриотическую подготовку. Основание в 2015 г. «ЮНАРМИИ» – российского детско-юношеского общественного движения, направленного на возрождение старых добрых традиций детских и молодёжных организаций	Формирование у учащихся активной гражданской позиции, чувства гордости за свою страну и уважения к её истории и культуре. Осознание важности таких ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека. Подростки учатся взаимодействовать друг с другом; выявляют и анализируют вопросы развития гражданского общества, находят пути их решения через реализацию социально значимых проектов
Профессиональное обучение	Добавление в программы высшего образования дисциплин «Основы российской государственности», «Обучение служением», «История религий России». Увеличение количества читаемых часов по дисциплине «История России»	Формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности. Осознание важности крепкой семьи, гуманизма, милосердия. Формирование представлений о практической значимости получаемой профессии для общества, взаимодействие с потенциальными работодателями

Укрепление традиционных ценностей Российской Федерации в Санкт-Петербурге, как и в других регионах, предполагает сохранение и передачу от поколения к поколению таких ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и сотрудничество. В Санкт-Петербурге, как культурной столице России, это находит отражение в сохранении исторического наследия, развитии культуры и искусства, патриотическом воспитании молодёжи, поддержке семьи и традиционных семейных ценностей, а также в межконфессиональном и межнациональном диалоге.

Кластерная политика Санкт-Петербурга – это система мер и механизмов, осуществляемых исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга, объектами инновационной инфраструктуры, институтами развития региона, которая обеспечивает реализацию государственной политики Санкт-Петербурга в части создания благоприятных условий для формирования и развития инновационных территориальных, промышленных и территориальных кластеров, в том числе путём повышения конкурентоспособности организаций, входящих в кластеры. Кластерная политика является одним из ключевых элементов региональной инновационной системы [16]. Созданием условий для формирования и развития территориальных кластеров занимаются Центр кластерного развития Санкт-Петербурга, совет кластеров Санкт-Петербурга, а их участниками выступают государственные органы управления, образовательные и научные организации, бизнес-партнёры и иные некоммерческие организации.

В рамках государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, на основе кластеризации, в Санкт-Петербурге реализуются следующие мероприятия:

- **Образование и воспитание.** Введение в образовательные программы духовно-нравственного воспитания, акцент на патриотическое воспитание и изучение истории и культуры России и Санкт-Петербурга («Разговоры о важном», факультативные занятия для школьников – «Виртуальная экскурсия по Санкт-Петербургу» и т. д.).
- **Культура и искусство.** Поддержка традиционных видов искусства, сохранение памятников истории и культуры; проведение фестивалей и выставок, посвящённых традиционным ценностям, предоставление площадок для поддержки отечественной творческой молодёжи – креативные кластеры в Санкт-Петербурге (например, кластер «Новая Голландия»); а также посредством реализации кластерной политики, введение новых форм поддержки традиционных видов искусства – коллаборация. Например, Русский музей и Петербургский бренд аксессуаров из кожи «Верфь» представили совместную лимитированную коллекцию изделий из кожи с изображением картины Казимира Малевича «Супрематизм» 1915 г., с одной стороны, происходит популяризация отечественного искусства, с другой – увеличение прибыли для бизнес-партнёров кластерного взаимодействия.
- **Молодёжная политика.** Проведение мероприятий, направленных на формирование гражданской позиции, патриотизма и уважения к традициям, поддержка молодёжных инициатив, направленных на укрепление семьи и духовно-нрав-

ственных ценностей (мероприятия, реализуемые Комитетом по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга).

- **Семья и семейные ценности.** Поддержка института семьи, проведение мероприятий, направленных на укрепление семейных ценностей, профилактика семейного насилия, поддержка многодетных семей, спектр мер поддержки семей, включая денежные выплаты, льготы и социальные услуги (закон о повышении пособия по беременности для студенток, единовременная компенсационная выплата женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 19 до 24 лет, региональный материнский капитал, земельный капитал и т. д.).

Система управления образовательными кластерами является социально-экономической системой. Процесс функционирования и развития социально-экономических систем нацелен на определённый результат, который может быть достигнут с некоторым эффектом. В связи с этим возникают понятия «результативности» и «эффективности» таких систем [17].

При оценке количественной составляющей социальной результативности системы управления образовательными кластерами в вопросах формирования духовно-нравственных ценностей Санкт-Петербурга необходимо определять эталонные значения количественных результатов. Для этого нужно определить критерии для сравнения. Например, количественная социальная результативность в сохранении и укреплении традиционных ценностей на основе кластеризации может выражается в количестве рождённых детей, заключённых официальных браках, количестве разводов, количестве семей, имеющих статус «многодетные семьи». Качественная социальная результативность может выражаться в формировании патриотического мировоззрения, начиная с дошкольных образовательных организаций, формировании ценностных традиционных констант, высоких нравственных идеалов, гуманизма, милосердия, исторической памяти и преемственности поколений, единства народов России (таблица 2).

Взаимодействие заинтересо-

Таблица 2. Количественная и качественная социальная результативность в сохранении и укреплении традиционных ценностей на основе кластеризации в Санкт-Петербурге [составлено по данным Петростата [18]]
Table 2. Quantitative and qualitative social performance in preserving and strengthening traditional values based on clusterization in St. Petersburg [compiled according to Petrostat [18]]

Критерии	Количественная социальная результативность		Качественная социальная результативность, выраженная в мероприятиях, реализуемых на базе образовательных организаций
	2023 год	2024 год	
Количество рождённых детей	50 626 детей	47 148 детей	Добавление в программы высшего образования дисциплин «Основы российской государственности», «Обучение служением», «История религий России» и проведение иных мероприятий, в рамках образовательной деятельности, указанных в таблице 1, направленных на формирование духовно-нравственных основ личности и понимание особенностей исторического пути и самобытности российской государственности; формирование традиционных семейных ценностей; идеи коллективизма и созидательного труда; милосердия, гуманизма
Количество заключённых браков	51,5 тыс.	50,3 тыс.	
Количество разводов	27,3 тыс.	27,5 тыс.	
Количество семьей, имеющих статус «многодетные семьи»	53 тыс.	56 046 тыс.	

ванных сторон на основе кластеризации, имеющих общие цели, предполагает привлечение внешних и внутренних стейкхолдеров, аккумулируя общие ресурсы, процесс достижения целей происходит эффективнее и результативнее.

Кластерная политика, направленная на достижение целей в вопросах сохранения и укрепления традиционных ценностей, предполагает взаимодействие образовательных организаций всех уровней, научных учреждений, бизнес-партнёров, органов государственной власти, иных некоммерческих организаций, центром управления в данном взаимодействии выступают органы государственной власти в сфере образования и культуры.

Так, в июне 2025 года в Санкт-Петербурге был создан новый инновационно-образовательный кластер. В рамках деятельности Комиссии по импортозамещению и новой индустриализации (далее – КИНИ) подписано соглашение о сотрудничестве с Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Технологическим университетом) (далее – СПбГТИ(ТУ)) (рисунок 1). Результатом такого взаимодействия предполагается достижение ряда основополагающих целей государственной политики: технологический суверенитет – СПбГТИ – будет выступать в качестве экспертной площадки для оценки и сопровождения проектов в сфере технологического суверенитета; национальный проект «Кадры» – подготовка специалистов по запросу работодателя, удовлетворение потребности экономики в кадрах; апробация результатов научно-образовательной деятельности на практике через стажировки, базы практик; реализация основных традиционных ценностей на практике – коллективизм, созидательный труд, патриотизм, гражданственность и т. д.

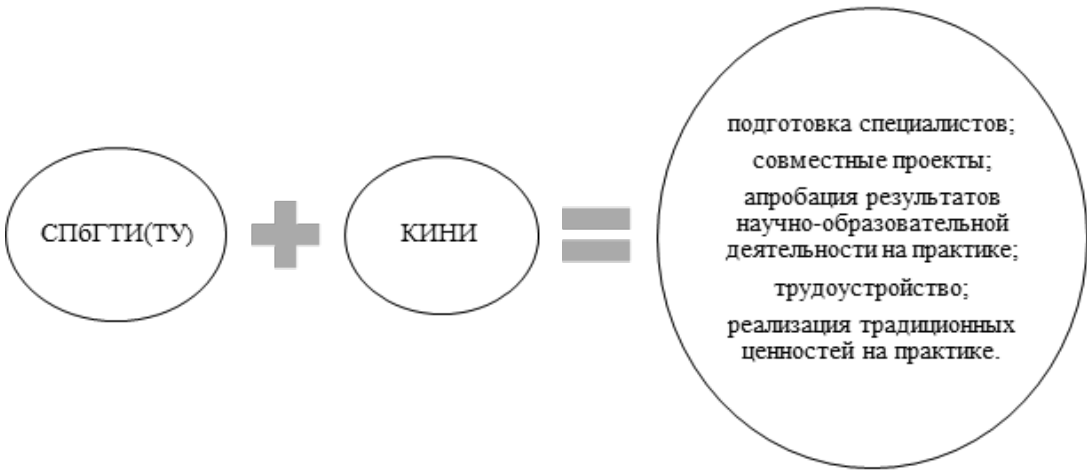

Рисунок 1. Предполагаемый результат функционирования инновационно-образовательного кластера
Figure 1. The expected result of the functioning of the innovation and educational cluster

В июне 2025 года в рамках Петербургского международного экономического форума Газпромбанк, Минобрнауки РФ и ЦТЛ подписали соглашение о сотрудничестве. Такое кластерное взаимодействие будет способствовать, с одной стороны, достижению технологического лидерства РФ: академического лидерства («Приоритет-2030»), инженерного лидерства («Передовые инженерные школы»), федерального проекта «Технологии», а с другой стороны, популяризации технических и технологических специальностей, дополнительному

финансированию со стороны бизнес структур технических и технологических проектов ведущих университетов, комплексной поддержке на всех этапах – от идеи до серийного производства.

Научная новизна работы проявляется в следующем:

уточнено содержание понятия «социальная результативность кластерной политики» применительно к сфере сохранения традиционных ценностей;

впервые дана оценка социального эффекта кластерных инициатив Санкт-Петербурга с позиции их влияния на духовно-нравственные ориентиры;

систематизированы показатели результативности, объединяющие демографические данные и ценностные ориентиры;

определена ведущая роль образовательных учреждений в качестве ядра кластерных связей, объединяющих государство, бизнес и общество;

обосновано значение кластерного подхода как инструмента не только экономического, но и социокультурного развития региона.

ВЫВОДЫ

Несмотря на то, что по данным ВЦИОМ 88 % граждан считают наличие детей обязательным условием полноценной семьи, отчёт Петростата [19] фиксируют снижение рождаемости в Санкт-Петербурге. При этом количество семей, имеющих многодетный статус, увеличилось, что является результатом изменений законодательства и мер социальной поддержки многодетных семей [20].

Число браков, заключённых в 2024 году в Санкт-Петербурге, также снизилось по сравнению с 2023 годом, а количество разводов – увеличилось. Такая тенденция говорит об отрицательной социальной результативности кластерной политики в сохранении и укреплении традиционных ценностей Российской Федерации в Санкт-Петербурге.

Вместе с тем в Санкт-Петербурге растёт количество участников кластерного взаимодействия на всех уровнях. Образовательные организации Санкт-Петербурга вступают в кластерное взаимодействие с бизнес-структурами и органами государственной власти, в результате чего предполагается достижение целей государственной политики в таких направлениях, как кадры, демография, технологический суверенитет и т. д. Что может говорить о положительной социальной результативности кластерной политики в сохранении и укреплении традиционных ценностей.

Таким образом, рекомендуется увеличение государственных мер поддержки в сохранение и укрепление традиционных ценностей, где акцент необходимо сделать на политику кластеризации, привлекая новых участников кластерных взаимодействий, в том числе бизнес-структуры и иные некоммерческие организации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абашкин В.Л. Кластерная политика в России: от теории к практике // ФОРСАЙТ. 2012. № 3. Т. 6. С. 16-27. URL: https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/212163511.

2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» / Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502.

3. Taylor C.N., Howard K. Social impact assessment and (realist) evaluation // Impact Assessment and Project Appraisal. 2021. Vol. 39(5). DOI: 10.1080/14615517.2021.1928425.

4. Jacob S., Varone F. Navigating the challenges of policy evaluation // Canadian Public Administration. 2024. DOI: 10.1111/capa.12571.

5. Feor L., Maes J. Social Impact Measurement: A Systematic Literature Review // Sustainability. 2023. Vol. 15(4). DOI: 10.3390/susfide-2023.
6. Reed M.S. et al. Evaluating impact from research: A methodological framework // Research Policy. 2021. 50(9):104146. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104146.
7. Зафаржонова М. Проблемы измерения социальных эффектов в проектах социальной инфраструктуры // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izmereniya-sotsialnyh-effektov-v-proektah-sotsialnoy-infrastruktury.
8. Назарова Ю.А. Управление оценкой социальных инвестиционных проектов отраслевой компании. 2025. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-otsenkoy-sotsialnyh-investitsionnyh-proektov-otraslevoy-kompanii.
9. Callaway B., Sant'Anna P. Policy evaluation during a pandemic. 2023. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10276647/.
10. Mavrot C., Sager F. What evaluation criteria are used in policy? // Evaluation and Program Planning. 2025. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2025.102495.
11. Whitsel L.P. et al. Policy implementation and outcome evaluation // Health Research Policy and Systems. 2024. 22:27. DOI: 10.1186/s12961-024-01110-0.
12. Dawson N.M. et al. Advancing social impact assessments // Conservation Science and Practice. 2025. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11959317/.
13. Ануфриева Е.В. Проекты социального воздействия как инструмент реагирования системы здравоохранения на профилактику НИЗ // ЗНИСО. 2023. URL: https://zniso.fcgie.ru/jour/article/view/1299.
14. Традиционные ценности: ожидание и реальность / ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost.
15. Барышникова Е.И. Развитие механизма управления образовательными комплексами на основе их кластеризации: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05; Донецкая академия управления и государственной службы. Донецк, 2020. 190 с.
16. Проект Концепции кластерного развития Санкт-Петербурга на 2017-2020 годы. Приложение № 4. URL: https://s.siteapi.org/1f54221ba217f8f.ru/docs/00e5cf13e7355f27547b0dcd42f1b0ba7973044b.pdf.
17. Беленцов В.Н. Комплексный подход к оценке и регулированию результативности системы управления образовательными комплексами // Менеджер. 2019. № 3(89). С. 37-48.
18. Петростат URL: https://78.rosstat.gov.ru.
19. В Петростате назвали «самый тревожный» тренд в Петербурге / РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/67ac7e009a79479027bcadd0.
20. Социальная поддержка многодетных семей / Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/socialnye-voprosy/family/mnogodet/.

Информация об авторе
Елена Игоревна Барышникова – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры социологии

REFERENCES

1. Policy in Russia: From Theory to Practice / A.D. Boyarov, E.S. Kutsenko // FORESIGHT. 2012. No. 3. Vol. 6. Pp. 16-27. URL: https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/212163511 (In Russ.).
2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" / Official website of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (In Russ.).
3. Taylor, C.N., Howard, K. (2021). Social impact assessment and (realist) evaluation // Impact Assessment and Project Appraisal. Vol. 39(5). DOI: 10.1080/14615517.2021.1928425.
4. Jacob, S., Varone, F. (2024). Navigating the challenges of policy evaluation // Canadian Public Administration. DOI: 10.1111/capa.12571.
5. Feor, L., Maes, J. (2023). Social Impact Measurement: A Systematic Literature Review // Sustainability. Vol. 15(4). DOI: 10.3390/susfide-2023.

6. Reed, M.S. et al. (2021). Evaluating impact from research: A methodological framework // Research Policy. 50(9):104146. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104146.
7. Zafarzhonova, M. (2024). Problems of measuring social effects in social infrastructure projects // Economics and Management: Problems, Solutions. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izmereniya-sotsialnyh-effektov-v-proektah-sotsialnoy-infrastruktury. (In Russ.)
8. Nazarova, Yu.A. (2025). Managing the evaluation of social investment projects of an industry company. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-otsenkoy-sotsialnyh-investitsionnyh-proektov-otraslevoy-kompanii. (In Russ.)
9. Callaway, B., Sant'Anna, P. (2023) Policy evaluation during a pandemic. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10276647/.
10. Mavrot, C., Sager, F. (2025). What evaluation criteria are used in policy? // Evaluation and Program Planning. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2025.102495.
11. Whitsel, L.P. et al. (2024). Policy implementation and outcome evaluation // Health Research Policy and Systems. 22:27. DOI: 10.1186/s12961-024-01110-0.
12. Dawson, N.M. et al. (2025). Advancing social impact assessments // Conservation Science and Practice. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11959317/.
13. Anufrieva, E.V. (2023). Social impact projects as a tool for the health system's response to NCD prevention // ZNISO. URL: https://zniso.fcgie.ru/jour/article/view/1299. (In Russ.)
14. VCIOM (n.d.). Traditional values: expectations and reality. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost. (In Russ.)
15. Baryshnikova, E.I. (2020). Development of a mechanism for managing educational complexes based on their clustering: Candidate of Economic Sciences dissertation (08.00.05). Donetsk: Donetsk Academy of Management and Public Administration. 190 p. (In Russ.)
16. Draft Concept of Cluster Development of Saint Petersburg for 2017-2020. Appendix No. 4 (n.d.). URL: https://s.siteapi.org/1f54221ba217f8f.ru/docs/00e5cf13e7355f27547b0dcd42f1b0ba7973044b.pdf. (In Russ.)
17. Belentsov, V.N., Baryshnikova, E.I. (2019). A comprehensive approach to evaluating and regulating the performance of the management system of educational complexes // Manager, No. 3(89), pp. 37-48. (In Russ.)
18. Petrostat (n.d.). Official website. URL: https://78.rosstat.gov.ru. (In Russ.)
19. RBC (n.d.). Petrostat named the "most alarming" trend in St Petersburg. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/freenews/67ac7e009a79479027bcadd0. (In Russ.)
20. Committee for Social Policy of Saint Petersburg (n.d.). Social support for large families. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/socialnye-voprosy/family/mnogodet/. (In Russ.)

Information about the author
Elena I. Baryshnikova – Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 12.05.2025
Поступила после рецензирования 15.07.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

UDC 614.2
JEL: I12, I18, O15

HAC 5.2.5. Global economy
HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

THE INFLUENCE OF CAREGIVERS' FORMAL AND NUTRITION LITERACY ON FEEDING PRACTISES AMONG CHILDREN AGED BELOW FIVE BORN TO ADOLESCENT GIRLS, IN NDHIWA, HOMA BAY COUNTY, KENYA

Teresiya Yula Musembi

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian University of Transport», 127994, Russian Federation, Moscow, Obraztsova str., 9, building 9, e-mail:traceycecil@gmail.com

Abstract. Child deaths are a serious health challenge in Kenya. Despite government efforts to curb this menace, deaths among children aged 5 and below are still in elevation. Previous studies associated these deaths to poor nutrition and preventable diseases while giving little focus on the role of caregivers in improving the nutritional status of the children as a way of reducing child mortality. The main objective of the study is to analyze the influence of caregivers' formal and nutrition literacy on feeding practices of children born to adolescent girls in Ndhiwa, Homa Bay County. In a study population of 1470 caregivers and 497 Community Health Volunteers, both Quantitative and Qualitative data was collected. Using Yamane's formula, applicable for a finite population, 204 caregivers were systematically sampled. Descriptive statistics was utilized in analyzing quantitative data. Regression analysis and Chi square tests were used to identify the relationship between independent and dependent variables. Statistical significance was established using a p-value of <0.05. For Caregivers' formal and nutrition literacy versus feeding practices by use of Chi-square test of independence, it was established that p=0.000 which was less than α=0.05 at 95% confidence interval. This implies existence of a significant relationship between caregivers' formal and nutrition literacy and feeding practices of the under-fives. Formal and nutrition literacy play a big role in enhancing the nutritional status of under-fives. Both formal and nutrition literacy equips caregivers with better knowledge on feeding practices for the under-fives which is essential for healthy development.

Keywords: caregivers, formal & nutrition literacy, feeding practices, adolescent girls, traditional birth attendants, exclusive breastfeeding, community health volunteers.

Financing information: this research received no external funding.

Acknowledgements: I thank Prof. Susan Kilonzo and Dr. Michael Owiso, for the overall guidance and input during the research. I also thank Mr. Midega and Mr. Guya who assisted in translation of data collection tools and proposal development. I thank my enumerators who assisted in data collection during field work. Special thanks to the County Health Records Officer, Homabay County; Mr. Obaigwa and Health Director, Dr. Waringa. Many thanks to the entire staff, Ndhiwa sub-County hospital for the warm welcome and cooperation during the data collection phase. Thanks to the Community Health Extension Officers and Community Health Volunteers led by Joan Nyongesa as well as caregivers who were very cooperative in data collection..

For citation: Musembi, T.Yu. (2025). The influence of caregivers' formal and nutrition literacy on feeding practises among children aged below five born to adolescent girls, in Ndhiwa, Homa Bay County, Kenya. Public administration and law, 2(06), 54-xx.

УДК 614.2
JEL: I12, I18, O15

ВАК 5.2.5. Мировая экономика
ВАК 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ВЛИЯНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И ГРАМОТНОСТИ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ НА ПРАКТИКУ КОРМЛЕНИЯ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ, РОЖДЕННЫХ ДЕВОЧКАМИ-ПОДРОСТКАМИ, В НДХИВЕ, ОКРУГ ХОМА-БЕЙ, КЕНИЯ

Терезия Юла Муземби

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет транспорта», 127994, Российская Федерация, г. Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9, e-mail:traceycecil@gmail.com

Аннотация. Детская смертность является серьезной проблемой здравоохранения в Кении. Несмотря на усилия правительства по борьбе с этой угрозой, смертность среди детей в возрасте до 5 лет по-прежнему растет. Предыдущие исследования связывали эти случаи смерти с плохим питанием и болезнями, которые можно предотвратить, но при этом уделяли мало внимания роли лиц, осуществляющих уход за детьми, в улучшении состояния питания детей как способа снижения детской смертности. Основная цель исследования - проанализировать влияние формальной грамотности воспитателей и грамотности в области питания на практику кормления детей, рожденных девочками-подростками в Ндхиве, округ Хома-Бей. В исследовании, включавшем 1470 лиц, осуществляющих уход, и 497 волонтеров-медиков из местных сообществ, были собраны как количественные, так и качественные данные. Используя формулу Яманэ, применимую для ограниченной популяции, были систематически отобраны 204 лица, осуществляющих уход. При анализе количественных данных использовалась описательная статистика. Для выявления взаимосвязи между независимыми и зависимыми переменными были использованы регрессионный анализ и критерий Хи-квадрат. Статистическая значимость была установлена с использованием значения p <0,05. Что касается формальной грамотности лиц, осуществляющих уход, и грамотности в области питания в сравнении с практикой кормления, то с помощью критерия независимости Хи-квадрат было установлено, что p=0,000, что было меньше α=0,05 при 95% доверительном интервале. Это подразумевает наличие существенной взаимосвязи между формальной грамотностью лиц, осуществляющих уход, и грамотностью в области питания, и практикой кормления детей в возрасте до пяти лет. Формальная грамотность и грамотность в области питания играют большую роль в улучшении состояния питания детей в возрасте до пяти лет. Как формальная, так и диетологическая грамотность дает лицам, осуществляющим уход, более глубокие знания о методах питания детей в возрасте до пяти лет, что необходимо для здорового развития.

Ключевые слова: воспитатели, формальная грамотность и грамотность в области питания, практика кормления, девочки-подростки, традиционные акушерки, исключительно грудное вскармливание, волонтеры общественного здравоохранения.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Благодарности: Я благодарю профессора. Сьюзан Килонзо и доктора Майкла Овизо – за общее руководство и вклад в исследование. Я также благодарю г-на Мидегу и г-на Гую, которые помогли в переводе инструментов сбора данных и разработке предложений. Я благодарю своих статистиков, которые помогали в сборе данных во время полевых исследований. Особая благодарность сотруднику отдела медицинской документации округа Хомабей, г-ну Обайгве и директору здравоохранения, доктору Варинге. Большое спасибо всему персоналу больницы округа Ндхива за теплый прием и сотрудничество на этапе сбора данных. Спасибо специалистам по распространению информации о состоянии здоровья населения и волонтерам из числа местных жителей во главе с Джоан Нионгесой, а также лицам, осуществляющим уход за больными, которые активно сотрудничали в сборе данных.

Для цитирования: Муземби Т.Ю. Влияние формальной грамотности воспитателей и грамотности в области питания на практику кормления детей в возрасте до пяти лет, рожденных девочками-подростками, в Ндхиве, округ Хома-бей, Кения. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 54-XX.

INTRODUCTION

Malnutrition cases amongst children aged five and below is a significant public health concern around the globe. It has been attributed to most of the deaths, with approximately 45% of all mortalities in children aged five years and below. Across the globe, the pervasiveness of various types of malnourishments including the state of stuntedness, wasting and underweight in under-five children were 24.7%, 7.8% and 15.1% correspondingly in the year 2020. Even though under-five malnourishment is still common across the globe, it is more dominant in third World nations. For instance, the level of prolonged malnourishment was around 39.9% in the African region, while the rates of underweight cases were approximately 26.6% in the South-East Asia region [1, p.4].

Asia had the largest number of children aged 5 and below who are either malnourished or wasted with a percentage of about 21.9% and 11.2% correspondingly in the year 2022. Nevertheless, due to the population density in this part of the World, Asia also has the highest number of under-fives who are stunted, wasted or malnourished. However, these cases of malnutrition are prevalent in South-Central Asia. The problem of malnourishment in this part alone is capable of barring the world from attaining Sustainable Development Goal number 3 and possibly the modern global 2025 targets for nutrition [2, p.2]. Another study carried out to uncover the factors associated with malnutrition in South and Central Asia established that malnutrition was associated with poor dietary intake, low birthweight and maternal nutrition status, poor breastfeeding habits, inadequate complementary feeding habits, unhygienic surroundings and lack of accessibility to health care, poverty and food insecurity as well as gender inequality and women's status. The study further established that there is need to increase the level of education of the parent, improve the nutrition status of the mother and increase amenities which provide antenatal care package so as to attain improved nutrition standards among children aged five and below [3, p.6; 4, p.7]. These studies clearly outlined some of the major factors leading to malnutrition and have also recognized the presence of an association between parents' education and the nutrition status of children. However, these studies did not show how caregivers' formal and nutrition literacy levels influence feeding practices among children aged five and below as one of the ways of curbing malnutrition hence improving their health.

The African region has one of the highest prevalence of undernutrition globally whereby it is associated with around 39.4% of stunting, 24.9% of the malnourished and 10.3% of the emaciated under-fives. Sub Saharan Africa accounts for a third of all malnourished children internationally, emphasizing that malnourishment is still a significant health challenge for children aged five and below in the continent, thus making it necessary for urgent intervention [5, p.69; 6, p.6]. Studies from this region show that breastfeeding highly contributes to child nutrition and growth. Newborn physical growth throughout the initial post-partum stage is highly impacted upon by newborn feeding practices [7, p.11]. A number of strategies have therefore been introduced to enhance suitable newborn feeding such as the ideal period of exclusive breastfeeding (EBF). The guidelines of the World Health Organization advocate for exclusive breastfeeding during the initial six months of a new born [8, p.2]. This directive is founded on proof of the necessity of proper nourishment in the first months after delivery and its importance in attaining proper healthiness. The advantages of the same comprise curbing of illnesses and contamination in young age and enhanced mental and physical skills growth. Breastfeeding habits are affected by number of variables such as traditional values, level of awareness of the mother and past knowledge [9, p.7; 10, p.5]. The above studies highlighted the significance of exclusive breastfeeding (EBF) to the development of under-fives through boosting immunity. Though informative, the studies did not clearly explain how caregivers' formal and nutrition literacy levels may influence their breastfeeding practices as a way of enhancing good health among

children aged 5 and below.

Tanzania has approximately 42% of minors who are stunted [11, p.7]. When a child is stunted, they experience delayed physical and psychological growth and increased illnesses and deaths, minimal bodily power as well as minimal economic output in adulthood. Nutritional difficulties in children are majorly due to unsuitable feeding habits in Tanzania [12, p.6; 13, p.12]. Most importantly, breastfeeding is advantageous. Nevertheless, EBF where the newborn exclusively feeds on breast milk only without supplementary food stuffs or beverages is proven to produce advantages for mutually mother and infant [14, p.10]. Though breastfeeding is a routine for a number of mothers around the country, not much is clear concerning the genuine habits of newborn feeding, their impact on newborn nutritious status and the indicators of breastfeeding [15, p.6]. These studies once more highlighted the importance of exclusively breastfeeding and good practice of complementary feeding to the development of children aged five and below. However, they did not lay emphasis on the level of awareness among caregivers on exclusive breastfeeding and versatile diet of children and how their formal and nutrition literacy levels may influence feeding practices among children under this age bracket who are born to adolescent girls.

In Kenya, cases of children who are stunted are approximately over 35%, whereas those malnourished are approximately 16% [16, p.8]. Together with elevated child death cases, these predicaments have continuously weakened the administration's determinations to deliver excellent healthcare and to curb the high cases of deaths and malnourishment [17, p.6]. As a way of curbing child mortality, the Government adopted various policies including the National Maternal, Infant and Young Child Nutrition Policy (2013) which aimed at protecting, facilitating and encouraging ideal maternal, infant and young child nutrition and establish a setting which seeks to foster nutrition wellness, upholding the rights of children to be sufficiently nourished. Regardless of this hard work, there is minimal improvement in solving the key factors of childhood malnourishment, illnesses and deaths hence persistently decelerating the achievement of the objectives. Under-five deaths remain high, at the ratio of 41 cases for every 1,000 live deliveries currently [18, p.8]. Additionally, a study done in Siaya County, Kenya on a small sample (n=175) carried out on children aged five years and below revealed that most children who were stunted and emaciated in Siaya were mainly below the age of two. This was majorly associated with a premature introduction to complementary foods. It was also established that breathing illnesses were common amongst this group as well as other communicable diseases [19, p.36; 20, p. 15]. These studies highlighted some adverse effects of malnutrition including stunting and being underweight. However, they did not show how formal and nutrition literacy levels of caregivers' influence feeding practices among children under five years as a way of curbing malnutrition. The current study focused on this particular concern.

PURPOSE OF THE STUDY

The current study looked at the knowledge of caregivers on feeding practices of under-fives through its primary objective, which was to analyze the influence of caregivers' formal and nutrition literacy levels on feeding practices of children born to adolescent girls in Ndhiwa, Homa Bay County. Outcomes of this study guided by this objective on feeding practices of the caregivers can help stakeholders in the maternal and child health sector to understand the extent to which caregivers' literacy levels influence feeding practices among children aged five and below as one way of curbing malnutrition, which is a contributing factor to deaths among children in this age bracket.

Further, the findings of the current study can be useful to policy makers. By seeking a deeper understanding of the place of formal and nutrition literacy of adolescent mothers and alternate caregivers on the wellbeing of infants, it provides feedback useful in repackaging of infant mortality prevention strategies. The study also contributes to academic knowledge and adds to the literature in existence on child health. Additionally, the study highlights all emerging concerns that

are significant for future research.

RESEARCH METHODS

The study was anchored on descriptive design and correlational design allowing for a mixed method approach combining qualitative and quantitative data. It was guided by Ecological Systems Theory which suggests that the microsystem: the closest surrounding a child lives in, has a great impact to their overall growth. In a study population of 1470 caregivers and 497 Community Health Volunteers various data collection techniques were used in collecting both Quantitative and Qualitative data. Using Yamane's formula, applicable for a finite population, 204 caregivers were systematically sampled for responses. The researcher used the principle of maximum variation to conduct interviews with as many Community Health Volunteers as possible until they reached a point of saturation. Primary information was acquired through Questionnaires, Interviews, Focus Group Discussions and Observation whereas Secondary information was obtained from government documents, journals and books.

Ethical statement: Permission to carry out the research was acquired from the National Commission for Science, Technology and Innovation (NACOSTI). The participants were informed that their participation in the research was voluntary and that they could withdraw at any time. The researcher also ensured that for the adolescent mothers, assent was sought from their guardians or parents before their participation. The researcher explained to the participants that there would be no risk encountered during the study and that confidentiality and privacy would be upheld throughout the study by keeping participant information secure.

Data analysis: Descriptive statistics was utilized in analyzing quantitative data from questionnaires. Regression analysis and Chi square tests were used to identify the relationship between independent and dependent variables. Statistical significance was established using a p-value of <0.05. The study used frequency tables, percentages and charts to summarise data. Qualitative data collected through interviews and focus group discussions was analyzed through coding, where themes were generated to capture the original content of the data.

RESEARCH RESULTS

Background information/ Household demographic features

The study sought to first gather background data of the respondents which included Age and Marital status of the caregivers. Data gathered on the age of the respondents enabled the researcher to find out who the primary caregivers of children under five years were as well as the alternate caregivers.

Age of the Respondents

Data gathered from caregivers through administering of questionnaires clearly outlined the age of every caregiver. Table 1 below shows age distribution where most (70.1%) of the caregivers were aged below 20 years, meaning that the primary caregivers were the adolescent mothers while the remaining 29.9% were the alternate caregivers aged 20 and above 51 years.

Table 1. Age of the respondents
Таблица 1. Возраст респондентов

Valid	Frequency	Percent	Valid Percent
Below 20 years	143	70.1	70.1
20 to 35 years	5	2.5	2.5
36 to 45 years	4	2.0	2.0
46 to 50 years	9	4.4	4.4
Above 51 years	43	21.1	21.1
Total	204	100.0	100.0

Source: Author's field data (2024)

The study further sought to establish who the alternate caregivers were in the absence of the adolescent mothers as a result of attending school or engaging in other activities. The table 2 below shows the distribution where the main alternate caregivers were grandmothers as well as elder siblings to the adolescent mothers.

Table 2. Who cares for the child in mother's absence
Таблица 2. Кто ухаживает за ребенком в отсутствие матери

Valid	Frequency	Percent	Valid Percent
Sibling	64	31.4	31.4
Grandmother	115	56.4	56.4
Friends	25	12.3	12.3
Total	204	100.0	100.0

Source: Author's field data (2024)

During focus group discussions with the caregivers, it emerged that in most cases the under-fives were left under the care of their grandmothers and this was attributed to the existence of other competing factors including education for some of the adolescent mothers that had returned to school and socioeconomic activities including farming.

During a Focus Group Discussion, a participant who was a parent to a teenage mother explained:

I have to take care of my grandchild in the absence of my daughter who resumed her studies a year after delivering the child. I also look after the child when my daughter is helping me in the shamba or with household chores.

Marital status of caregivers

The researcher further sought to establish the marital status of every caregiver or individuals with the responsibility of caring for children below the age of five born to adolescent girls. This included both adolescent mothers and the alternate caregivers (table 3). By use of split file tool on SPSS, data on age was split into different groups, defined and analysis done on the data in all the groups. This segregation helped in understanding the marital status of each and every caregiver.

Table 3. Marital status of caregivers
Таблица 3. Семейное положение лиц, осуществляющих уход

Age of the respondent			Frequency	Percent	Valid Percent
Below 20 years	Valid	Single	129	90.2	90.2
		Married	14	9.8	9.8
		Total	143	100.0	100.0
20 to 35 years	Valid	Widowed	5	100.0	100.0
36 to 45 years	Valid	Divorced	1	25.0	25.0
		Widowed	3	75.0	75.0
		Total	4	100.0	100.0
46 to 50 years	Valid	Married	9	100.0	100.0
Above 51 years	Valid	Married	11	25.6	25.6
		Divorced	5	11.6	11.6
		Widowed	20	46.5	46.5
		Separated	7	16.3	16.3
		Total	43	100.0	100.0

Source: Author's field data (2024)

Information gathered showed that all the Single mothers (129 cases) were adolescents who were the biological mothers with only 14 cases of married adolescents. The remaining alternate caregivers including grandmothers and friends were either married, divorced, widowed or separated. During focus group discussions with the adolescent mothers, it emerged that teenage pregnancy in some cases led to early marriages. Most of the adolescent mothers that were married cited early pregnancy as the main reason for getting married, particularly due to pressure from their parents.

The current study established that in Ndhiwa sub-County, stigma over adolescent pregnancy outside of marriage remains so strong that adolescents are often sent away for marriage or to live with their relatives until after delivery of the child. In some instances, the adolescents do not complete their education, instead they get married or completely relocate with their children to live with their relatives. The current research therefore sought to establish how marriage relates to literacy levels and the implications of the same on feeding habits of caregivers. The current research established that early marriages contributed to school dropout among adolescent mothers. This implied lack of formal literacy by this particular group. Low levels of formal literacy therefore led to lack of knowledge and exposure on issues of nutritional requirements for their children which jeopardizes the feeding practices.

Caregivers' formal literacy

This refers to the ability to use language to read, write, listen and speak. When a caregiver is literate, they can read, comprehend and use materials in print and written form presented before them in both formal and informal settings. Literacy levels in this study included formal and nutrition literacy and the researcher sought to examine how these forms of literacy influence feeding practices. Formal literacy refers to structured form of learning gained through attending basic high school and tertiary education. To establish the caregivers' formal literacy, the researcher looked at the level of education, of the caregivers in general and this included the adolescent mothers and the alternate caregivers. Using split file tool on SPSS, data on age was split into different groups so as to analyze the level of education of every caregiver. It was established that 61 adolescents had incomplete secondary education while 82 adolescents had incomplete primary education. Data gathered also showed that 39 of grandmothers who were the main alternate caregivers had no formal education with only 4 grandmothers having incomplete primary education. Table 4 below shows the level of education of the caregivers.

Table 4. Highest level of education
Таблица 4. Самый высокий уровень образования

Age of the respondent			Frequency	Percent	Valid Percent
Below 20 years	Valid	Secondary not completed	61	42.7	42.7
		Primary school	82	57.3	57.3
		Total	143	100.0	100.0
20 to 35 years	Valid	Primary school	5	100.0	100.0
36 to 45 years	Valid	No formal education	4	100.0	100.0
46 to 50 years	Valid	Primary school	4	44.4	44.4
		No formal education	5	55.6	55.6
		Total	9	100.0	100.0
Above 51 years	Valid	Primary school	4	9.3	9.3
		No formal education	39	90.7	90.7
		Total	43	100.0	100.0

Source: Author's field data (2024)

Follow up interviews with the Community Health Volunteers (CHVs) were conducted to establish the cause of adolescent mothers not completing their education. It emerged that most of the adolescents did not go back to school as stipulated by the Kenya School Health Policy (2018) which advocates for adolescent girls who become pregnant to be permitted to continue with their education and also be permitted to return to school after child delivery. The policy provides for the adolescent mothers to be permitted after giving birth, to go back to school or be readmitted in another school if they feel stigmatized. The CHVs cited stigmatization as well as financial constraints as a result of pregnancy such as childcare expenses to be the key barriers to rejoin school by the adolescent mothers. During an interview, a CHV said:

Several schools see it fit to expel expectant girls since they are viewed as negative influence to the rest of the pupils in the school. The lack of clear guideline or any official communication on the manner in which the policy should be implemented makes it weak and unreliable. As a matter of fact, many caregivers do not know whether the policy exists.

In Homa Bay County, only 54% of school going girls complete their primary education. Additionally, around 48% of girls in Homa bay County are school drop outs and approximately 40% of girls between 15-19 years already have a child (Undie et al., 2015). These high cases of school dropout amongst the adolescent girls denies them a chance to acquire formal literacy which may influence feeding practices amongst children under their care. Additionally, dropping out of school by adolescent mothers has an implication on objectives of the Kenya School Health Policy (2018) which advocates for continuation of education by adolescent girls during pregnancy and permission to re-join school after delivery (table 5).

Table 5. Regression analysis on education level and receiving education on good child feeding practices

Таблица 5. Регрессионный анализ уровня образования и получения информации о надлежащих методах кормления детей

Correlations			
		Highest level of education	Ever received education on good child feeding practices
Highest level of education	Pearson Correlation	1	.332**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	204	204
Ever received education on good child feeding practices	Pearson Correlation	.332**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	204	204
**. Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).			

The table above shows existence of a significant relationship between level of education and awareness on good child feeding practices. This implies that formal literacy positively impacts knowledge on good child feeding practices. As such, literate caregivers ensure good feeding practices for their children since they are able to comprehend information on good feeding practices disseminated from various platforms as well as shifting negative attitude towards some diets which are beneficial to children.

Caregivers' nutrition literacy

Nutrition literacy refers to education gained from either health facilities, mass media or person to person on the diet that contributes to healthy living of children aged five and below (WHO, 2010). Nutrition literacy

was categorized by differentiating the caregivers that had received any education on nutrition from those that had not received such education. The researcher further enquired if the caregivers were aware of the 3 categories of food including proteins, carbohydrates and vitamins. The caregivers who were aware and could categorize the listed foods appropriately into either proteins, carbohydrates or vitamins were classified as being nutritionally literate whereas the caregivers that were not aware of the 3 categories of food and could not categorize the listed foods properly were classified as those of low nutritional literacy level.

To establish the caregivers' nutrition literacy, the researcher looked at the caregivers' knowledge on good child feeding practices and this included the adolescent mothers and the alternate caregivers. Data on feeding practices was gathered using questionnaires that were administered to every caregiver including the adolescents and the alternate caregivers.

Responses from the questionnaires were analysed and by use of split file tool on SPSS, data on age was split into different groups in order to establish the level of knowledge on good child feeding practices of each and every caregiver (table 6).

Table 6. Ever received education on good child feeding practices
Таблица 6. Вы когда-либо получали образование о надлежащих методах кормления детей

Age of the respondent			Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Below 20 years	Valid	Yes	54	37.8	37.8	37.8
		No	89	62.2	62.2	100.0
		Total	143	100.0	100.0	
20 to 35 years	Valid	Yes	5	100.0	100.0	100.0
36 to 45 years	Valid	No	4	100.0	100.0	100.0
46 to 50 years	Valid	Yes	4	44.4	44.4	44.4
		No	5	55.6	55.6	100.0
		Total	9	100.0	100.0	
Above 51 years	Valid	Yes	8	18.6	18.6	18.6
		No	35	81.4	81.4	100.0
		Total	43	100.0	100.0	

Source: Author's field data (2024)

Table 6 above revealed that more than half of the adolescent mothers (62%) had not received education on good child feeding practices. This implies low nutrition literacy among adolescent mothers who were the main caregivers which leads to poor child feeding practises due to lack of awareness. It was also established that 18.6% of the grandmothers who were the main alternate caregivers had received education on good child feeding practices while 81.4% had not received such education. Knowledge on good child feeding practices among grandmothers could be partly associated with the fact that this particular group has past experience on feeding practices of children aged five and below.

In an effort to further establish nutrition literacy levels of caregivers, the researcher further enquired whether they were aware of the three food groups. Out of the sampled caregivers, 28.4% were aware of the

three food groups and could name the different types whereas 71.6% were not aware of proteins, carbohydrates and vitamins. Majority (71.6%) of the caregivers were not aware of the three food groups including proteins, carbohydrates and vitamins. This implies low nutrition literacy among the closest individuals in the environment in which under-fives live in and who are responsible for their healthy development as emphasized in Bronfenbrenner's Ecological theory. Lack of awareness by this group results to poor decision making when it comes to feeding practices of children below the age of five through failure to provide the recommended food groups to children. A study by World Health Organization [1, p.6] showed that children ought to be provided with four different types of foods on daily basis for their healthy development regardless of whether they are breastfeeding or not. Failure to feed on these foods due to low nutrition literacy may put children at the risk of malnutrition which has been identified as a major cause of death amongst under-fives. Similarly, low nutrition literacy resulting in poor feeding practices by caregivers jeopardizes the achievement of the policy objectives in the National Maternal, Infant and Young Child Nutrition Policy, 2013. This policy aims at protecting, facilitating and encouraging optimal Maternal Infant and Young Child Nutrition as well as creating an environment that fosters nutrition wellbeing in order to uphold the right of every child to be well nourished through good breastfeeding practices and appropriate complementary feeding (table 7).

Table 7. Regression analysis on education level and knowledge on food groups
Таблица 7. Регрессионный анализ уровня образования и знаний о группах продуктов питания

Correlations			
		Highest level of education	Ever heard of the 3 food groups
Highest level of education	Pearson Correlation	1	.691**
	Sig. (2-tailed)		.000
	N	204	204
Ever heard of the 3 food groups	Pearson Correlation	.691**	1
	Sig. (2-tailed)	.000	
	N	204	204
**. Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).			

The table 7 above shows existence of significant association between caregivers' education level and knowledge on the three food groups. From the regression data on the named variables, it was established that formal and nutritional literacy of caregivers had a positive effect on knowledge on the three food groups. This implied that exposure to both formal and nutrition literacy translated to caregivers having knowledge on good child feeding practices and having an understanding of proteins, carbohydrates and vitamins. Therefore, literate caregivers are able to ensure good feeding practices through balanced diet for their children which promotes healthy growth and development.

Caregivers' feeding practices

The Infant and Young Child Feeding recommends guidelines to

establish the feeding practices and they include continued breastfeeding, minimum meal frequency, minimum dietary diversity as well as minimum acceptable diet [1, p.6]. In this study, feeding practices were associated with indicators such as exclusive breastfeeding, complementary feeding as well as quantity and quality of foods. The researcher therefore looked at knowledge on exclusive breastfeeding, complementary feeding knowledge, dietary diversity, meal frequency for children aged five and below as well as quality and quantity of food.

Timely introduction to breastfeeding

Timely introduction to breastfeeding can be described as putting the neonate to the breast within one hour of delivery. This early initiation to breastfeeding highly contributes to the survival of the newborn. The study by WHO showed that 22% of newborn deaths are preventable if breastfeeding was initiated not later than an hour after delivery. In spite of this fact, only (45%) of neonates started breastfeeding within one hour of delivery worldwide [5, p.8]. Data gathered by use of questionnaires showed that majority (40.7%) of the caregivers were not aware of the need to introduce breastfeeding instantly after birth. These findings signify failure of caregivers to adhere to timely introduction to breastfeeding as per the WHO guidelines. Statistical analysis of data from 204 caregivers showed that 22.5% initiated breastfeeding 30 minutes after delivery, 40.7% initiated 1 hour after delivery, 17.2% initiated breastfeeding within the first day whereas 19.6% initiated breastfeeding the following day after delivery.

The Community Health Volunteers (CHVs) probed explained that place of birth and timely introduction to breastfeeding were considerably associated. This is because incidences of timely introduction to breastfeeding were observed amongst children delivered in health centres as opposed to the children that were delivered at home or with the assistance of Traditional Birth Attendants (TBAs). This implies that there is some feeding practice knowledge-gaining on breastfeeding in health centres, which may be lacking in TBAs. Mothers who deliver at home therefore miss out on important knowledge given at the MCH clinics on timely introduction of breastfeeding resulting to poor breastfeeding practices.

Oral in-depth interviews with the Community Health Volunteers showed that the caregivers would receive wrong information on timely introduction to breastfeeding when they delivered through the help of Traditional Birth Attendants (TBAs).

During an Interview, a CHV explained:

Some of the misconceptions by the traditional doctors are that: The initial milk may affect the child's tummy thus recommends that the child to be fed on warm water. The Traditional birth attendants also believe that the mother and the child require some duration to rest after delivery. This is the information they give the caregivers.

Another CHV explained during an Interview:

It is a common belief amongst caregivers instigated by TBAs that in instances where a child is delivered after numerous still births or new born deaths, the mothers are not supposed to breastfeed instantly until the mother and the child are given traditionally made herbs or medicine.

The significance of initiating breastfeeding at an early stage is recognized by the World Health Organization which advocates for introduction of breastfeeding within a period of one hour after giving birth for every neonate delivered at term or with a gestational age higher

than 32 weeks or birth weight higher than 1500 grams [1, p.6]. This can only be achieved through creation of awareness amongst caregivers and enhancing their literacy levels on the importance of timely introduction to breastfeeding since they form an important part of the microsystem, the closest surrounding in which a child grows as per Bronfenbrenner's theory. Literate caregivers are able to disregard unfounded beliefs and misconceptions regarding untimely introduction to breastfeeding for infants.

Exclusive breastfeeding

Exclusively breastfeeding a child for the first six months prevents newborn and infant mortalities through a reduced risk of infectious illnesses. In Ndhiwa sub-County, knowledge on exclusive breastfeeding (EBF) stood at 77.4% meaning that majority of the caregivers were aware of the importance of exclusive breastfeeding. However, statistical analysis of data from the 204 caregivers showed that 34.8% practiced exclusive breastfeeding while 65.2% did not practise exclusive breastfeeding. Findings from Key Informant Interviews and Focus Group Discussions showed that practise of EBF was hindered by a number of factors:

One of the major barriers to exclusive breastfeeding was that of receiving wrong information from the Traditional Birth Attendants advising caregivers that breastfeeding alone is not enough for children and therefore they should be fed additional liquids including water or diluted cow milk. Another barrier to exclusive breastfeeding resulted from some of the adolescent mothers having other competing activities. For the few adolescent mothers that went to school after child birth, this implied that they could not successfully practise exclusive breastfeeding. Even though awareness on exclusive breastfeeding was high in Ndhiwa sub-County at 77.4%, the caregivers that took part in the focus group discussions noted that most adolescent mothers translate exclusive breastfeeding to mean "breastfeeding, as well as giving children water or dilute cow milk without solid foods". So long as the baby is on breast milk and other food, the caregivers believe that it qualifies to be exclusive breastfeeding.

Exclusive breastfeeding for the first 6 months can make a major contribution towards reducing neonatal and early infant mortality, thus advancing SDG number 3 [5, p.8]. These goals can be met through ensuring that the caregivers understand the importance of EBF and practice it exclusively. However, as this study shows, the knowledge and practice of EBF is low and this is majorly associated with negative perceptions or cultural beliefs and misinformation by traditional birth attendants. This leads to failure in practicing EBF and hence poor feeding practices of infants which compromises their overall growth.

Continued Breastfeeding

The WHO recommends that mothers continue to breastfeed up to 2 years of age since breast-milk is a significant source of energy and nutrients in children aged 6–23 months. Breastmilk provides half or more of a child's energy requirements between the ages of 6 and 12 months and one third of energy requirements between 12 and 24 months. Breast milk is also an important source of energy and nutrients when a child is sick and reduces deaths among children who are malnourished [1, p.6]. The questionnaires showed that the age during which mothers stopped breastfeeding was different with 20% stopping at less than 6 months, 28.9% stopping at 6-11 months, 37.8% stopping at 12-18 months and 13.3% extending to more than 18 months.

From the Focus Group Discussions, it emerged that when mothers with small children conceived, they are supposed to stop breastfeeding or else the small child falls sick, commonly known as “chira”. Chira in dholuo means illness caused by failure to follow some of the Luo traditional practices. It was further established that majority of the mothers had short birth intervals making them stop breastfeeding earlier than required. Another barrier to continued breastfeeding was high cases of HIV/AIDs in the County. From the findings of this study, it is evident that there is low knowledge and practise of continued breastfeeding as seen in the age at which mothers stopped breastfeeding. Therefore, lack of awareness amongst caregivers on the importance of continued breastfeeding and low practise of the same highly hinders healthy growth and development of infants. Failure to continue breastfeeding puts the child at the risk of death within the first two years of life.

Complementary feeding knowledge

Complementary feeding is the process of starting to give liquids, solids, semi-solids or soft foods alongside breastfeeding. From the age of 6 months to 24 months, breastfeeding only is not enough to meet the nutritional needs of a child (WHO, 2008). This section therefore sought to establish how caregivers’ nutritional literacy levels influence their complementary feeding habits by looking at factors such as dietary diversity, meal frequency as well as quality and quantity of food.

The researcher first sought to establish the age at which caregivers introduced other foods. Data gathered by use of questionnaires showed that the age during which a child was given other foods apart from breast milk varied where 40% started at 4 to 5 Months, an additional 40% started at 6 Months, 12% at 0 to 3 Months and 8% at 7 Months and above. Almost half of the population (48%) introduced complementary foods before the age of 6 months. Follow up interviews with the Community health volunteers showed that the main reason for introduction of foods before the age of 6 was associated with misinformation mostly from the Traditional birth attendants that breastmilk alone was not enough and hence the infants required additional foods. Additionally, for the few adolescent mothers that were school going or were engaging in economic activities it necessitated introduction of complementary foods at an early age.

It was established that many of the caregivers (56.2%) were feeding their children 1 to 3 times on daily basis. During focus group discussions the caregivers pointed out that some of the foods that were forbidden in the community included eggs. It was a common misconception among caregivers that feeding children on eggs would cause stammering or hinder the development of speech in children below the age of five. This implied that the under-fives had no access to recommended dietary diversity which is important for their development.

The achievement of minimum dietary diversity and minimum acceptable diet is only possible if caregivers are well literate on the required diet for children aged five and below. However, findings from this study show existence of low literacy on dietary diversity and minimum diet as evidenced by failure to give children foods like eggs due to misconceptions. These practices do not adhere to the guidelines outlined in the National Nutrition Action Plan, 2012-2017 which emphasizes on appropriate feeding of children during the first five years of life while

putting more attention on those aged two and below in order to prevent undernutrition or overnutrition. Therefore, the policy should be revised and include a strategy of creating awareness and educating caregivers on appropriate complementary feeding and also help do away with unfounded misconceptions. Failure to adhere to these guidelines due to lack of awareness leads to children aged five and below having limited access to the recommended dietary diversity and acceptable meals which may compromise the nutritional status of these children through poor feeding practices (tables 8-9).

Table 8. Highest level of education * Ever received education on good child feeding practices (Crosstabulation)
Таблица 8. Самый высокий уровень образования * Из когда-либо получавших образование по надлежащей практике кормления детей (Кросстабилизация)

Highest level of education		Ever received education on good child feeding practices		Total
		Yes	No	
Secondary not completed	Count	32	29	61
	Standardized Residual	2.3	-1.7	
Primary school	Count	35	60	95
	Standardized Residual	.3	-.2	
No school	Count	4	44	48
	Standardized Residual	-3.1	2.3	
Total	Count	71	133	204

Table 9. Highest level of education * Ever received education on good child feeding practices (Chi-Square Tests)
Таблица 9. Самый высокий уровень образования * Из когда-либо получавших образование по надлежащей практике кормления детей (Тесты на Хи-квадрат)

	Value	Df	Asymptotic Significance (2-sided)
Pearson Chi-Square	23.376a	2	.000
Likelihood Ratio	26.666	2	.000
Linear-by-Linear Association	22.343	1	.000
N of Valid Cases	204		
a. 0 cells (0.0%) have expected count less than 5. The minimum expected count is 16.71.			

Null hypothesis (Ho): There is no association between the caregivers' literacy levels and feeding practices among under-fives. Chi square test done on caregivers' formal literacy versus knowledge on good child feeding practices showed p value to be 0.000, less than alpha, 0.05. That implies rejection of the null hypothesis and acceptance of an existence of a significant association between the caregivers' literacy levels and feeding practices.

This implied existence of a

significant association between the two variables, that is literacy levels and knowledge on good child feeding practices. Therefore, this means that being literate implied better feeding practices amongst the under-fives since the caregivers had exposure to the three food groups. Additionally, if caregivers have nutritional literacy either from MCH, school or from kins, they tend to give better care to their children aged five and below in terms of nutrition. However, in case where caregivers have both formal literacy and nutritional literacy, this has a positive impact on the day-to-day upbringing of the children. Caregivers with high formal and nutritional literacy can make good choices when it comes to nutritious foods and diverse or variety of diets for the children under their care as opposed to those without such knowledge. This leads to better feeding practices of such children which enhances their overall growth and development.

Discussion

The study established that there was low practice on timely introduction to breastfeeding at 40.7% due to caregivers giving birth through the help of traditional birth attendants who misadvised the caregivers on timely initiation of breastfeeding. The study also revealed that there was low exclusive breastfeeding rate at 34.8% due to community misconceptions. In addition, it was established that there was low continued breastfeeding rate at 1 year and 2 years at 73.7% and 37.3% correspondingly. This goes against the stipulations of various child feeding policies including WHO policy recommendations which for instance document that a child has to be introduced to breastmilk within one hour of delivery and be exclusively breastfed for six months as well as an extension along with complementary foods for two years or longer. These findings are also not in line with the recommendations of the National Maternal, Infant and Young Child Nutrition Policy, 2013 which emphasizes on timely introduction to breastfeeding, exclusively breastfeeding for six months and continued breastfeeding to two years of age. According to this policy, exclusive breastfeeding is highlighted as a key strategy under high impact nutrition interventions.

Qualitative data gathered through focus group discussions showed that misconceptions and delivery through the help of traditional birth attendants were major barriers to timely initiation of breastfeeding as well as Exclusive breastfeeding. The study further established that the under-fives did not have access to appropriate complementary diet. It emerged that the main challenge facing complementary feeding was some of the foods being forbidden in the community due to misconceptions.

The study further established that there was low nutrition literacy amongst caregivers who were not aware of the three food groups and the suitable diet for a sick child. Due to lack of knowledge on the required diet for the under-fives, the caregivers did not adhere to minimum dietary diversity and minimum acceptable diet which compromises their nutritional status.

For Caregivers' formal and nutrition literacy versus feeding practices by use of Chi-square test of independence, it was established that $p=0.000$ which was less than $\alpha=0.05$ at 95% confidence interval. This implies existence of a significant relationship between caregivers' formal and nutrition literacy levels and feeding practices of the under-fives. That implies rejection of the null hypothesis and acceptance of an existence of a significant association between the caregivers'

formal and nutrition literacy levels and feeding practices. Therefore, the study concluded that formal and nutrition literacy equips caregivers with knowledge on exclusive breastfeeding, appropriate complementary feeding practices as well as knowledge on the three food groups.

CONCLUSION

The study concludes that formal and nutrition literacy helps caregivers understand the importance of practicing exclusive breastfeeding, timely introduction to breastfeeding and continued breastfeeding since they are able to avoid misinformation by fellow caregivers and traditional birth attendants.

The study also concludes that formal and nutrition literacy play a big role in enhancing the nutritional status of under-fives through better feeding practices. Literate caregivers are aware of the type of foods to feed their children and ensure balanced diet and are capable of disregarding misconceptions towards some type of foods. Therefore, having both formal and nutrition literacy equips caregivers with better knowledge on dietary diversity and minimum acceptable diet for the under-fives which is essential for their healthy development and also helps the government to meet the policy objectives for reducing child mortality.

Based on the study findings and the conclusions drawn, the study makes the following recommendations aimed at helping the government in formulation of better policies. It was established that timely introduction to breastfeeding and exclusive breastfeeding is low as a result of misconceptions and misinformation by fellow caregivers. The study also established that poor complementary feeding practices were as a result misconceptions and lack of knowledge on the three food groups. Failure to provide good diet for the under-fives undermines the achievement of policy objectives outlined in the National Maternal, Infant and Young Child Nutrition, 2013. The study recommends that the County health department initiates and scales up Infant and Young Child Nutrition (IYCN) education and creation of awareness both at MCH clinics and within the community. Another recommendation is entrenching nutrition education in the school curriculum. By so doing, once caregivers acquire formal literacy, they will also have nutrition literacy. Additionally, the mass media needs to create awareness on nutrition matters since malnutrition is associated with almost half of all the under-five mortalities.

The study also recommends training and capacity building of every traditional birth attendant in Ndhiwa sub-County on breastfeeding practices such as timely introduction to breastfeeding and exclusive breastfeeding and use them in bringing change in terms of perceptions. It is also recommended that health department transmits targeting communications aimed at averting negative perceptions within the community on timely introduction of breastfeeding and colostrum feeding to infants while targeting traditional birth attendants and communal leaders.

Scaling up of Exclusive Breastfeeding campaigns is also recommended in Ndhiwa sub-County to enhance the practice. The campaign ought to be focused on sufficiency of breast milk for children aged 6 months and below as well as advising caregivers to do away with perception hindering exclusive breastfeeding as outlined in the current study. Most importantly, as a result of high cases of adolescent pregnancy in the sub-County, it is crucial to initiate and educate

adolescent mothers how to express breast milk for their children to enable them breastfeed even when mothers are away.

LIST OF REFERENCES

1. World Health Organization, United Nations Children's Fund. Levels and trends in child malnutrition: key findings of the 2020 edition. UNICEF/WHO/World Bank Group joint child malnutrition estimates. World Health Organization, 2020. URL: https://www.who.int/publications/i?%20item/9789240003576.

2. Katoch O.R. Determinants of malnutrition among children: A systematic review // Nutrition. 2022. Vol. 96. P. 111565. DOI: 10.1016/j.nut.2021.111565.

3. Benedict L., Hong S.A., Winichagoon P., Tejativaddhana P., Kasemsup V. Double burden of malnutrition and its association with infant and young child feeding practices among children under-five in Thailand // Public Health Nutrition. 2021. Vol. 24(10). P. 3058–3065. DOI: 10.1017/S1368980020002869.

4. Biswas T., Townsend N., Magalhaes R.S., Hasan M., Mamun A. Patterns and determinants of the double burden of malnutrition at the household level in South and Southeast Asia // European Journal of Clinical Nutrition. 2021. Vol. 75(2). P. 385–391. DOI: 10.1038/s41430-020-0675-6.

5. World Health Organization. The state of food security and nutrition in the world 2020: transforming food systems for affordable healthy diets. FAO, 2020. URL: https://www.fao.org/publications/sofi/2020.

6. Ekholuenetale M., Tudeme G., Onikan A., Ekholuenetale C.E. Socioeconomic inequalities in hidden hunger, undernutrition, and overweight among under-five children in 35 sub-Saharan Africa countries // Journal of the Egyptian Public Health Association. 2020. Vol. 95. P. 1–15. DOI: 10.1186/s42506-020-00041-2.

7. Ejie I.L., Eleje G.U., Chibuzor M.T., Anetoh M.U., Nduka I.J., Umeh I.B., Ekwunife O.I. A systematic review of qualitative research on barriers and facilitators to exclusive breastfeeding practice in sub-Saharan African countries // International Breastfeeding Journal. 2021. Vol. 16(1). P. 44. DOI: 10.1186/s13006-021-00403-6.

8. Dukuzumuremyi J.P.C., Acheampong K., Abesig J., Luo J. Knowledge, attitude, and practice of exclusive breastfeeding among mothers in East Africa: a systematic review // International Breastfeeding Journal. 2020. Vol. 15. P. 1–17. DOI: 10.1186/s13006-020-00284-6.

9. Amzat J., Aminu K., Matankari B., Ismail A., Almu B., Kanmodi K.K. Sociocultural context of exclusive breastfeeding in Africa: A narrative review // Health Science Reports. 2024. Vol. 7(5). e2115. DOI: 10.1002/hsr2.2115.

10. Kinshella M.L.W., Prasad S., Hiwa T., Vidler M., Nyondo-Mipando A.L., Dube Q., Kawaza K. Barriers and facilitators for early and exclusive breastfeeding in health facilities in Sub-Saharan Africa: a systematic review // Global Health Research and Policy. 2021. Vol. 6. P. 1–11. DOI: 10.1186/s41256-021-00194-9.

11. Mrema J.D., Elisaria E., Mwanri A.W., Nyaruhucha C.M. Prevalence and determinants of undernutrition among 6–59-month-old children in lowland and highland areas in Kilosa District, Tanzania: A cross-sectional study // Journal of Nutrition and Metabolism. 2021. Vol. 2021(1). P. 6627557. DOI: 10.1155/2021/6627557.

12. Mbunda K.A., Sewando P.T. The influence of feeding practices on under-five nutrition status in Mbinga District, Tanzania // International Journal of Science and Research Archive. 2024. Vol. 11(1). P. 124–139. URL: https://ijsra.net/article/view/476.

13. Khamis A.G., Mwanri A.W., Kreppel K., Kwesigabo G. The burden and correlates of childhood undernutrition in Tanzania according to composite index of anthropometric failure // BMC Nutrition. 2020. Vol. 6. P. 1–13. DOI: 10.1186/s40795-020-00330-9.

14. Mmbando B.P., Mwaiswelo R.O., Chacky F., Molteni F., Mohamed A., Lazaro S., Ngasala B. Nutritional status of children under five years old involved in a seasonal malaria chemoprevention study in the Nanyumbu and Masasi districts in Tanzania // PLOS ONE. 2022. Vol. 17(4). e0267670. DOI: 10.1371/journal.pone.0267670.

15. Frumence G., Jin Y., Kasangala A.A., Mang'enya M.A., Bakar S., Ochieng B. A qualitative exploration on perceived socio-cultural factors contributing to undernutrition among under-fives in the southern highlands of Tanzania // International Journal of Public Health. 2023. Vol. 68. P. 1605294. DOI: 10.3389/ijph.2023.1605294.

16. Guyatt H., Muiruri F., Mburu P., Robins A. Prevalence and predictors of underweight and stunting among children under 2 years of age in Eastern Kenya // Public Health Nutrition. 2020. Vol. 23(9). P. 1599–1608. DOI: 10.1017/S1368980019003716.
17. Gudu E., Obonyo M., Omballa V., Oyugi E., Kiilu C., Githuku J., Ransom J. Factors associated with malnutrition in children under 5 years in western Kenya: a hospital-based unmatched case control study // BMC Nutrition. 2020. Vol. 6. P. 1–7. DOI: 10.1186/s40795-020-00336-3.
18. Odingo P.A., Munde E.O., Sang D., Atieli H., Ouma C. Maternal factors influencing under-five mortality in Karemo Sub-county in Siaya County, Kenya. 2023. URL: https://www.researchsquare.com/article/rs-2808419.
19. Musyoka A. Factors associated with under-five child mortality in Kenya: a systematic review and meta-analysis. 2021. URL: https://ir-library.ku.ac.ke/handle/123456789/22918.
20. Apat D.O. Spatio-temporal distribution of fever-related malaria and non-malarial cases among children aged below five years and their relationship with rainfall, in Siaya County, Kenya: дис. ... докт. наук. 2022. URL: http://41.89.227.156/handle/123456789/2453.

Информация об авторе
Терезия Юла Музембри – магистрант

REFERENCES

1. World Health Organization, & United Nations Children's Fund. (2020). Levels and trends in child malnutrition: key findings of the 2020 edition. UNICEF/WHO/World Bank Group joint child malnutrition estimates. World Health Organization.
2. Katoch, O. R. (2022). Determinants of malnutrition among children: A systematic review. Nutrition, 96, 111565.
3. Benedict, L., Hong, S. A., Winichagoon, P., Tejativaddhana, P., & Kasemsup, V. (2021). Double burden of malnutrition and its association with infant and young child feeding practices among children under-five in Thailand. Public health nutrition, 24(10), 3058-3065.
4. Biswas, T., Townsend, N., Magalhaes, R. S., Hasan, M., & Mamun, A. (2021). Patterns and determinants of the double burden of malnutrition at the household level in South and Southeast Asia. European journal of clinical nutrition, 75(2), 385-391.
5. World Health Organization. (2020). The state of food security and nutrition in the world 2020: transforming food systems for affordable healthy diets (Vol. 2020). Food & Agriculture Org.
6. Ekholuenetale, M., Tudeme, G., Onikan, A., & Ekholuenetale, C. E. (2020). Socioeconomic inequalities in hidden hunger, undernutrition, and overweight among under-five children in 35 sub-Saharan Africa countries. Journal of the Egyptian Public Health Association, 95, 1-15.
7. Ejie, I. L., Eleje, G. U., Chibuzor, M. T., Anetoh, M. U., Nduka, I. J., Umeh, I. B., ... & Ekwunife, O. I. (2021). A systematic review of qualitative research on barriers and facilitators to exclusive breastfeeding practice in sub-Saharan African countries. International breastfeeding journal, 16(1), 44.
8. Dukuzumuremyi, J. P. C., Acheampong, K., Abesig, J., & Luo, J. (2020). Knowledge, attitude, and practice of exclusive breastfeeding among mothers in East Africa: a systematic review. International breastfeeding journal, 15, 1-17.
9. Amzat, J., Aminu, K., Matankari, B., Ismail, A., Almu, B., & Kanmodi, K. K. (2024). Sociocultural context of exclusive breastfeeding in Africa: A narrative review. Health Science Reports, 7(5), e2115.
10. Kinshella, M. L. W., Prasad, S., Hiwa, T., Vidler, M., Nyondo-Mipando, A. L., Dube, Q., ... & Kawaza, K. (2021). Barriers and facilitators for early and exclusive breastfeeding in health facilities in Sub-Saharan Africa: a systematic review. Global Health Research and Policy, 6, 1-11.
11. Mrema, J. D., Elisaria, E., Mwanri, A. W., & Nyaruhucha, C. M. (2021). Prevalence and Determinants of Undernutrition among 6-to 59-Months-Old Children in Lowland and Highland Areas in Kilosa District, Tanzania: A Cross-Sectional Study. Journal of Nutrition and Metabolism, 2021(1), 6627557.

12. Mbunda, K. A., & Sewando, P. T. (2024). The influence of feeding practices on under-five nutrition status in Mbinga District, Tanzania. International Journal of Science and Research Archive, 11(1), 124-139.
13. Khamis, A. G., Mwanri, A. W., Kreppel, K., & Kwesigabo, G. (2020). The burden and correlates of childhood undernutrition in Tanzania according to composite index of anthropometric failure. BMC Nutrition, 6, 1-13.
14. Mmbando, B. P., Mwaiswelo, R. O., Chacky, F., Molteni, F., Mohamed, A., Lazaro, S., & Ngasala, B. (2022). Nutritional status of children under five years old involved in a seasonal malaria chemoprevention study in the Nanyumbu and Masasi districts in Tanzania. Plos one, 17(4), e0267670.
15. Frumence, G., Jin, Y., Kasangala, A. A., Mang'enya, M. A., Bakar, S., & Ochieng, B. (2023). A qualitative exploration on perceived socio-cultural factors contributing to undernutrition among under-fives in the southern highlands of Tanzania. International journal of public health, 68, 1605294.
16. Guyatt, H., Muiruri, F., Mburu, P., & Robins, A. (2020). Prevalence and predictors of underweight and stunting among children under 2 years of age in Eastern Kenya. Public health nutrition, 23(9), 1599-1608.
17. Gudu, E., Obonyo, M., Omballa, V., Oyugi, E., Kiilu, C., Githuku, J., ... & Ransom, J. (2020). Factors associated with malnutrition in children< 5 years in western Kenya: a hospital-based unmatched case control study. BMC nutrition, 6, 1-7.
18. Odingo, P. A., Munde, E. O., Sang, D., Atieli, H., & Ouma, C. (2023). Maternal Factors Influencing Under-five Mortality in Karemo Sub-county in Siaya County, Kenya.
19. Musyoka, A. (2021). Factors associated with under-five child mortality in Kenya: a systematic review and meta-analysis.
20. Apat, D. O. (2022). Spatio-Temporal Distribution of Fever-Related Malaria and Non-Malarial Cases among Children Aged Below Five Years and their Relationship with Rainfall, in Siaya County, Kenya (Doctoral dissertation).

Information about the author
Teresiya Yu. Musembi – Master's degree student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 04.05.2025
Поступила после рецензирования 08.07.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 351:338.24
JEL: D42, G38, L43

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В ЧАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ РЕГЛАМЕНТОВ КОНТРОЛЯ И АУДИТА

Владимир Витальевич Строев[1]
Татьяна Михайловна Рогуленко[2]
Роман Сергеевич Близкий[3]

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Российская Федерация, Москва, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99, e-mail: vv_stroev@guu.ru

[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Российская Федерация, Москва, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99, e-mail: tmguu@mail.ru

[3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Российская Федерация, Москва, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99, e-mail: rs_blizkiy@guu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния внутренних регламентов контроля и аудита на эффективность государственного регулирования естественных монополий. Актуальность обусловлена ростом тарифной нагрузки при сохраняющейся непрозрачности затрат. Научная новизна – оценка связи между полнотой регламента контроля и динамикой тарифов в 2008-2023 гг. В работе описана трёхуровневая структура нормативного поля (международный, федеральный, корпоративный уровни), изучены практики идентификации естественных монополий, проанализированы модели ценообразования «затраты + инвестиционная надбавка» и «ценовой коридор». Особое внимание уделено тесту субаддитивности как инструменту раннего выявления завышенных расходов. Целью исследования стало обоснование управленческих решений, минимизирующих совокупные издержки при сохранении инвестиционной привлекательности отрасли. В заключении сформулированы предложения по унификации корпоративных регламентов, внедрению «аудиторской оговорки» в дивидендную политику и расширению договорных схем «конкуренция за рынок». Материал будет полезен научному сообществу, регуляторам и специалистам служб внутреннего аудита естественных монополий.

Ключевые слова: тариф, субаддитивность, внутренний контроль, аудит, прозрачность, естественная монополия, государственное регулирование, затраты, тарифообразование, антимонопольное право.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Строев В.В., Рогуленко Т.М., Близкий Р.С. Государственное регулирование деятельности естественных монополий в части формирования внутренних регламентов контроля и аудита. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 73-85.

UDC 351:338.24
JEL: D42, G38, L43

HAC 5.2.6. Public and municipal administration

STATE REGULATION OF NATURAL MONOPOLIES IN TERMS OF FORMING INTERNAL CONTROL AND AUDIT REGULATIONS

Vladimir Vitalievich Stroev[1]
Tatyana Mikhailovna Rogulenko[2]
Roman Sergeevich Blizkiy[3]

[1]Federal state budget educational institution of higher education «State University of Management», Russian Federation, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, e-mail: vv_stroev@guu.ru

[2]Federal state budget educational institution of higher education «State University of Management», Russian Federation, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, e-mail: tmguu@mail.ru

[3]Federal state budget educational institution of higher education «State University of Management», Russian Federation, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, e-mail: rs_blizkiy@guu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of internal control and audit regulations on the effectiveness of state regulation of natural monopolies. The relevance is due to the growth of the tariff burden with the continuing opacity of costs. Scientific novelty is an assessment of the relationship between the completeness of the control regulations and the dynamics of tariffs in 2008-2023. The work describes a three-level structure of the regulatory field (international, federal, corporate levels), studies the practices of identifying natural monopolies, analyzes the pricing models "costs + investment premium" and "price corridor". Particular attention is paid to the subadditivity test as a tool for early detection of inflated costs. The purpose of the study was to substantiate management decisions that minimize total costs while maintaining the investment attractiveness of the industry. The conclusion contains proposals on unification of corporate regulations, introduction of an “audit clause” into dividend policy, and expansion of “competition for the market” contractual schemes. The material will be useful for the scientific community, regulators, and specialists in internal audit services of natural monopolies.

Keywords: tariff, subadditivity, internal control, audit, transparency, natural monopoly, government regulation, costs, tariff setting, antitrust law.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Stroev, V.V., Rogulenko, T.M., Blizkiy, R.S. (2025). State regulation of natural monopolies in terms of forming internal control and audit regulations. Public administration and law, 2(06), 73-85.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение тарифов инфраструктурных компаний остаётся одним из факторов инфляционного давления на экономику. При этом обязательные процедуры внутреннего контроля, предписанные Законом № 402-ФЗ[1], внедрены фрагментарно, что снижает эффективность государственного надзора. Процедура индексации тарифов – крайне важный этап, связанный, с одной стороны, с поддержанием работоспособности и модернизацией изношенной инфраструктуры естественных монополий, таких как электроэнергетика, железнодорожный транспорт и жилищно-коммунальное хозяйство, при этом выражая объективную необходимость дальнейшего предоставления безопасных и качественных уникаль-

[1] О бухгалтерском учёте от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023) / Федеральный закон. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/?ysclid=mat9rfgif6997014691

ных продуктов потребителям, а с другой стороны, бесконтрольное повышение тарифов перекладывает бремя издержек на конечных потребителей, подрывая их покупательную способность и провоцируя рост цен на товары и услуги. Так, по данным Минэкономразвития России[2], прогноз роста индексации тарифов за коммунальные услуги с 01.06.2025 г. в среднем составит 11,9 %, а в последующие два года увеличение тарифов совокупно достигнет увеличения на 10,2 %. Динамика социально-экономического прогноза Российской Федерации, а также особенности влияния процедур индексации тарифов на состояние экономики увеличивают внимание к государственному регулированию деятельности естественных монополий, особо отражая недостаточное внимание в исследовании значимости внутренних регламентов контроля и аудита.

В научной среде актуализации и поиску решений проблем, направленных на снижение совокупных затрат, разработке корпоративных регламентов, а также усилению внимания к механизмам государственного регулирования в компаниях естественных монополий, уделяется внимание в научных работах. Среди работ заслуживают внимания научные решения и актуализация проблем, рассмотренные: В.И. Балахонцевым, Н.С. Фёдоровой и С.П. Хохловым [1], в части анализа роли и вклада государственных компаний с монопольным положением в экономику России, они подчеркнули неоднозначность монополизации в контексте защиты национальных интересов и эффективности управления; Н.И. Белоусова [2] рассматривает проблемы законодательного обеспечения управленческих решений в сферах естественных монополий, выделяя правовые коллизии и оптимизацию регуляторных норм; Л.В Брезинская [3] акцентирует внимание на финансовой устойчивости предприятий естественных монополий, в частности, на примере территориальной железной дороги, с рекомендациями по обеспечению устойчивого финансирования; С.М. Бычкова [4], обобщая ситуацию в рамках современных тенденций, выделяет целевые критерии финансовой устойчивости с учётом анализа сформированных затрат в среде субъектов естественных монополий; Д.С. Гукасов [5] исследует закономерности реализации антимонопольной политики в системе государственного управления, выделяя стратегические направления антимонопольного регулирования, с учётом трансформаций международных связей; Н.В. Хаванова и другие авторы [6] используют понятие феномена естественных монополий в части их специфик в регулировании, контроле и взаимодействии с контрольно-надзорными государственными органами; В.В. Строевым, Т.М. Рогуленко, Н.С. Близким, А.В. Бодяко [7] акцент смещён на оптимизацию контроля монопольных структур для поддержания экономической стабильности и качества оказываемых услуг; А.А Козлова, В.И. Проворов и Е.А. Боркова [8] анализируют процесс государственного регулирования монополий в Российской Федерации, при этом основу плюсов и минусов рассматривают на примере естественной монополии ПАО «Газпром»; Т.А. Крыга [9] диагностирует проблемы и методы ценового регулирования естественных монополий, подчёркивая их влияние на экономику, уровень жизни и конкурентоспособность страны;

[2] Сайт Минэкономразвития России. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. URL: https://economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf.

К.А. Кудрявцев [10] предлагает авторскую модель тарифного регулирования естественных монополий с учётом выбора потребителей, направленную на обеспечение экономической безопасности субъектов регулирования и баланса интересов; О.Н. Мингазова [11], исследуя сущность и роль естественных монополий в экономике России, определяет очевидные и рациональные подходы в естественных монополиях, их функции, проблемы неэффективности и крайней необходимости прямого государственногоконтроляирегулирования; Д.А. Николаенко, Е.П. Мягкова и А.Н. Кузяшев [12] провели в исследовании обзор проблем и перспектив государственного регулирования деятельности естественных монополий и развития конкуренции в экономике России. Системный анализ в выборке методов и инструментов государственного управления субъектами естественных монополий с позиции обеспечения энергетической безопасности государства предлагает рассматривать И.В. Смирнова [13]; Н.А. Толокнова [14] доказала перенос цен естественных монополий в общий уровень цен; С.П. Федосова [15] на примере компании ОАО «РЖД» исследовала ценообразование естественных монополий, при этом выделила проблемы государственного регулирования тарифов, сделав акцент на избирательное правоприменение государственного вмешательства в ценовую политику субъекта; А.С. Царегородцев [16], рассматривая сущность последствий деятельности естественных монополий, формирует научную проблему государственного контроля цен и внедрения инноваций; А.П. Шунькевич [17], сравнивая роли и регулирование естественных монополий в России и США, устанавливает эффективные механизмы контроля над ними.

Таким образом, поиск и выработка подходов в области государственного регулирования деятельности естественных монополий в части формирования внутренних регламентов контроля и аудита доказаны актуально, а непосредственное направление вызывает научный интерес и форматирует научные задачи.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – обосновать инструменты снижения совокупных затрат через стандартизацию корпоративных регламентов контроля и аудита.

Для достижения цели решаются задачи:

- исследовать действующую систему норм на международном, федеральном и корпоративном уровнях и выявить пробелы;

- количественно оценить влияние полноты регламента контроля на темп роста тарифов естественных монополий;

- сравнить отечественные механизмы с зарубежными моделями «конкуренция за рынок» и предложить направления совершенствования.

Новизна работы заключается в интегральной оценке эластичности тарифов по отношению к индексу прозрачности затрат и в применении теста субаддитивности к российским данным 2020-2023 гг.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основными научными методами исследования, обосновывающими результаты достижения цели, явились: анализ документов как эмпирический метод научного познания в части исследования действующего регулирования (международного, федерального и корпоративного уровней), включая законы, методические рекомендации и стандарты; статистический анализ в части использования статистических данных для выявле-

ния зависимостей и закономерностей, таких как эластичность цен, снижение затрат после внедрения внутреннего контроля, динамика тарифов и доли электроэнергии в расходах; сравнительный анализ при сопоставлении российских практик с зарубежным опытом регулирования естественных монополий; кейс-стади (Case study) при фокусировке на подробном анализе изучения конкретных примеров корпоративных регламентов компаний (ОАО «ФСК ЕЭС») анализа проблем и выявления лучших практик; моделирование панельных данных, в том числе построение моделей для оценки влияния различных факторов на тарифы и выработки рекомендаций по улучшению регулирования; метод субаддитивности совокупных затрат в оценке результативности государственного регулирования; контент-анализ научных публикаций, исследовавших инструменты снижения совокупных затрат, разработки корпоративных регламентов, государственного регулирования в компаниях естественных монополий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ действующего регулирования показал, что нормативная среда построена на трёх уровнях – международном[3,4,5], федеральном [6,7,8] и корпоративном. Закон № 402-ФЗ[9] прямо обязал хозяйствующий субъект вести внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учёта и составления отчётности [6]. Правовое пространство при этом остаётся фрагментированным: приказы ФАС России[10] определяют государственное регулирование деятельности субъектов естественной монополии с достаточно ограниченным «точечным» выбором хозяйствующих субъектов, в том числе, устанавливая правила применения цен (тарифов), а методические документы Минфина носят рекомендательный характер, а обязательный отраслевой стандарт внутреннего аудита на дату исследования отсутствует. Охват исследования включал семь субъектов (предприятий) естественной монополии, из которых только два утвердили регламент, предусматривающий тест действий первой и второй линии защиты, тогда как остальные ограничиваются положением об отделе бухгалтерии.

Системная непрозрачность тарифных расчётов фиксируется многими авторами. Практически полное отсутствие прозрачности в ценообразовании естественных монополий вызывает недоверие и справедливые нарекания потребителей [1]. Проверка методик формирования предельных уровней показала, что в 2020-2023 гг. до

[3] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/?ysclid=matbz5xxu0997409475.
[4] ISO 18091:2019 Quality management systems – Guidelines for the application of ISO 9001 in local government. URL: https://www.iso.org/standard/72808.html.
[5] ISO 9001:2015 Quality management systems – Requirements. URL: https://www.iso.org/standard/62085.html.
[6] О естественных монополиях от 17.08.1995 N 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / Закон Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7578/?ysclid=matcm4ozbr356288761.
[7] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 31.07.2020 N 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/?ysclid=matcpxl8sq288238484.
[8] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 13.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/?ysclid=matcuupal2235147801.
[9] О бухгалтерском учёте: Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 12.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/?ysclid=mat9rfgif6997014691.
[10] Сайт Федеральной антимонопольной службы России. Нормативно-правовые акты. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/acts?ysclid=matdbixkdr986404306.

18 % статей затрат утверждались без раскрытия расчётной базы; именно эти элементы обеспечивали основное увеличение необходимой валовой выручки. На примере ОАО «ФСК ЕЭС» прослеживается устойчивая динамика: тарифы компании растут ежегодно [14], а доля электроэнергии в потребительских расходах домохозяйств, по сравнению с 2003 г., увеличилась почти в полтора раза.

Ценовая нагрузка усугубляется отсутствием единых критериев отнесения организации к естественным монополиям. Единственным применяемым критерием идентификации служит перечисление видов деятельности в законе [4]. Это ведёт к тому, что в реестр попадают структуры с разнотипной технологией, а сравнимые по экономике предприятия остаются вне поля тарифного надзора. В трёх изученных субъектах Федерации гособоронные подрядчики эксплуатируют инфраструктуру, технологически идентичную зарегистрированным субъектам, однако формируют цены вне процедуры публичного согласования.

В зарубежных практиках главенствует тест субаддитивности издержек с последующей сегментацией бизнеса [3]. Экономическая теория предусматривает три основных способа регулирования естественных монополий: по ценам, по прибыли и по объёму производства [8]; во всех случаях базовый расчёт выполняется на основе независимого внутреннего и внешнего аудита. Российские компании формально используют метод «затраты + инвестиционная надбавка», но при отсутствии сквозного внутреннего контроля проверка достоверности производственной программы становится затруднительной.

Исследование показало, что сбалансированное тарифное решение возможно лишь при строгом соблюдении принципа «социально справедливая цена – нормальная прибыль» [5]. В выборке из двадцати тарифных кампаний снижение неоправданных затрат после внедрения полноценного регламента внутреннего контроля составило 4,3 % годовых, что эквивалентно замедлению темпа увеличения конечного тарифа на 0,7 п.п. в год. Итоговая модель демонстрирует: совмещение жёсткого теста субаддитивности, стандартизированного регламента аудита и досудебных механизмов разрешения споров сокращает регуляторный лаг и удерживает темп роста тарифов вблизи инфляционных ожиданий.

Полученные результаты задают новую рамку интерпретации государственного вмешательства в дела инфраструктурных компаний. Первое и наиболее очевидное следствие – подтверждение гипотезы о прямой корреляции между полнотой регламентов внутреннего контроля и сдерживанием тарифного роста. Выявленная на панели 2008-2023 гг. эластичность – 0,42 – указывает на высокую чувствительность конечных цен к информационной прозрачности. Это означает, что даже частичное расширение контрольных регламентов уменьшает темп инфляционного переноса почти на пятую часть, при том, что воздействие по другим каналам – через субсидирование или жёсткие тарифные моратории – даёт значительно менее выраженный эффект. Следовательно, основной регуляторной стратегией должен стать переход от экзогенного ценового торможения к эндогенному снижению затрат посредством стандартизированного внутреннего аудита.

Системная выгода от унификации процедур объясняется не только прямым сокращением необоснованных затрат, но и снижением регуляторной асимметрии.

Отсутствие единого отраслевого стандарта аудита усиливает транзакционные расходы надзорных органов: дублирование проверок, несогласованные методики, неодинаковая глубина выборки данных. Закрытие нормативного вакуума выводит государство из позиции «постфактум-контролёра» в позицию соавтора единых правил игры. Этим открывается пространство для двухконтурного механизма, апробированного в антитрестовой практике США: судебный уровень обслуживает случаи прецедентного характера, административный – рутинный мониторинг. Переход на подобную модель позволяет упростить процедуру апелляции и снять избыточную нагрузку с хозяйствующих субъектов.

Нельзя оставлять без внимания и технологическое измерение проблемы. Внедрение внутреннего контроля не сводится к формальному созданию нового подразделения. Эффективные кейсы характеризуются полной интеграцией контрольных процедур в производственный цикл: предварительная верификация смет, сквозной контроль закупок, обязательные пост-проектные аудит-ревью. Именно такая конфигурация даёт экономию свыше четырёх процентов ежегодно. У организаций, ограниченных учётной проверкой экс-пост, экономический выигрыш почти втрое ниже, а риски коррупционно-опосредованных завышений остаются высокими.

Сравнение российских реалий с зарубежными реформами показывает: снижение издержек достигается не столько жёсткой приватизацией или дроблением вертикально-интегрированных компаний, сколько последовательным обезличиванием функций ценообразования [2]. Там, где тариф формируется по расчётной модели «затраты + инвестиционная надбавка», внутренний контроль обеспечивает достоверность входных параметров; там, где применяется метод «ценового коридора», контроль гарантирует, что целевой диапазон не размывается в процессе промежуточных корректировок. Таким образом регулятор возвращает себе информационную инициативу, сохраняя при этом целостность технологически неделимых активов.

Недооценённым остаётся региональный аспект. Внутренняя методика формирования тарифов у федеральных монополий редко учитывает территориальную разнородность издержек. Панель по 56 субъектам Федерации демонстрирует: при запуске концессионных схем «конкуренция за рынок» разница между предельной и фактической ценой уменьшается почти на треть, если регион заранее публикует техническое досье объектов. Стало быть, ключ к выравниванию условий – публичный доступ к информации о состоянии сетевой инфраструктуры, нормативах амортизационного расхода и реальной величине потерь.

Вопрос ответственности руководства остаётся открытым. Тест субаддитивности выявляет реципиентов монопольной ренты, но не назначает санкции. Перспективным решением видится введение «аудиторской оговорки» в соглашения о выплате дивидендов: все выплаты собственникам разрешены только после экспертного подтверждения корректности затратной базы. Подобная оговорка уже применяется в Норвегии и Канаде, где дивидендные решения входят в пакет утверждаемой регулятором бизнес-программы.

Наконец, следует отметить ограниченность исследования. Первая граница – временной лаг между утверждением тарифного решения и фактической реализацией инвестиционной программы; вто-

рое ограничение – конфиденциальность части данных о производственных затратах. Эти факторы затрудняют полную калибровку вычислительной модели. Для дальнейшей работы целесообразно развернуть динамическую базу данных, в которой расходные позиции будут маркироваться по степени верифицированности, что позволит уточнить корреляцию между изменениями регламента и тарифной динамикой.

Подводя итог, данные убеждают: тарифная устойчивость и инвестиционная привлекательность не противопоставляются друг другу. Стандартизованный внутренний контроль, прозрачный аудит и независимая верификация издержек формируют новый баланс интересов государства, бизнеса и потребителей. Именно этот триединый результат способен стать индикатором успешности реформ в сфере государственного регулирования естественных монополий.

ВЫВОДЫ

Таким образом, исследование выявило ряд критических проблем, препятствующих эффективному регулированию естественных монополий в России. Анализ существующей нормативной базы, охватывающей международный, федеральный и корпоративный уровни, показал её фрагментированность, несмотря на прямое обязательство хозяйствующих субъектов организовывать и ввести внутренний контроль. На практике, приказы ФАС России, регулирующие деятельность субъектов естественной монополии, носят точечный характер, а методические рекомендации Минфина не имеют обязательной силы, при отсутствии единого отраслевого стандарта внутреннего аудита.

Исследование подтвердило системную непрозрачность тарифных расчётов, вызывающую справедливое недовольство потребителей. Значительная доля затрат, утверждаемых при формировании тарифов, не раскрывает расчётную базу, что приводит к необоснованному росту необходимой валовой выручки. На примере ОАО «ФСК ЕЭС» продемонстрирована устойчивая тенденция к увеличению тарифов, что увеличивает долю электроэнергии в потребительских расходах домохозяйств, создавая дополнительные нагрузки на бюджеты.

Дополнительную нагрузку создаёт отсутствие чётких критериев отнесения организаций к естественным монополиям, что приводит к включению в реестр структур с разнотипными технологиями и исключает из-под тарифного надзора сопоставимые по экономике предприятия. В ряде регионов гособоронные подрядчики эксплуатируют инфраструктуру, аналогичную инфраструктуре зарегистрированных субъектов, но формируют цены вне процедуры публичного согласования. Изучение зарубежного опыта показывает, что эффективным инструментом регулирования является тест субаддитивности издержек с последующей сегментацией бизнеса. В то время как российские компании формально используют метод «затраты + инвестиционная надбавка», отсутствие сквозного внутреннего контроля затрудняет проверку достоверности производственной программы.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что сбалансированное тарифное решение возможно только при соблюдении принципа «социально справедливая цена – нормальная прибыль». Внедрение полноценного регламента внутреннего контроля приводит к снижению неоправданных затрат и замедлению темпа роста тарифов. Модель, сочетающая тест

субаддитивности, стандартизированный регламент аудита и досудебные механизмы разрешения споров, способствует сокращению регуляторного лага и удержанию темпа роста тарифов вблизи инфляционных ожиданий.

Результаты исследования подчёркивают прямую корреляцию между полнотой регламентов внутреннего контроля и сдерживанием тарифного роста, что подтверждается выявленной эластичностью 0,42. Это указывает на высокую чувствительность конечных цен к информационной прозрачности. Переход от экзогенного ценового торможения к эндогенному снижению затрат посредством стандартизированного внутреннего аудита является основной регуляторной стратегией.

Важным аспектом является интеграция контрольных процедур в производственный цикл, включая предварительную верификацию смет, сквозной контроль закупок и обязательные пост-проектные аудит-ревью. Такой подход обеспечивает значительную экономию, в отличие от организаций, ограничивающихся учётной проверкой экспост.

Сравнение с зарубежными реформами показывает, что снижение издержек достигается не только приватизацией или дроблением вертикально-интегрированных компаний, но и путём обезличивания функций ценообразования. Внутренний контроль обеспечивает достоверность входных параметров в моделях формирования тарифов.

Открытым остаётся вопрос об ответственности руководства. Введение «аудиторской оговорки» в соглашения о выплате дивидендов может стать перспективным решением, аналогичным практикам в Норвегии и Канаде.

Необходимо учитывать ограниченность исследования, связанную с временным лагом между утверждением тарифного решения и реализацией инвестиционной программы, а также конфиденциальностью части данных о производственных затратах. Для дальнейшей работы целесообразно развернуть динамическую базу данных, в которой расходные позиции будут маркироваться по степени верифицированности.

Выполненное исследование подтвердило, что стандартизация внутренних регламентов контроля снижает величину необоснованных затрат на 4,3 % и замедляет годовой прирост тарифов на 0,7 п.п. Тест субаддитивности позволяет ранжировать статьи расходов и оперативно выявлять источники монопольной ренты. Сравнение с зарубежными практиками показало эффективность двухконтурной модели надзора и схем «конкуренция за рынок» при условии полного раскрытия технического досье объектов. Рекомендуется:

1) утвердить единый отраслевой стандарт внутреннего аудита;

2) включить «аудиторскую оговорку» в дивидендную политику субъектов;

3) развить договорные концессии с обязательной публикацией инфраструктурных показателей.

В заключение, отметим, что тарифная устойчивость и инвестиционная привлекательность не являются взаимоисключающими. Стандартизованный внутренний контроль, прозрачный аудит и независимая верификация издержек формируют новый баланс интересов государства, бизнеса и потребителей, который является индикатором успешности реформ в сфере государственного регулирования естественных монополий. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность регулирования, снизить издержки, обеспе-

чить справедливые тарифы и создать благоприятные условия для инвестиций в инфраструктурные проекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балахонцев В.И. Естественные монополии в экономике современной России // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 49. С. 247-250. EDN EUHVNX.
2. Белоусова Н.И. Вопросы законодательного обеспечения и теоретических обоснований управленческих решений в сферах естественных монополий // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1. № 8(149). С. 15-24. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.08.01.002. EDN GLBYVH.
3. Брезинская Л.В. К вопросу финансовой устойчивости естественных монополий // Финансовая экономика. 2022. № 8. С. 90-91. EDN LATRYK.
4. Бычкова С.М. Целевые критерии финансовой устойчивости для субъектов естественной монополии // Современные тенденции и направления развития статистики и аналитики / под редакцией М.Н. Толмачёва, И.В. Зенкиной. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "КноРус"», 2023. С. 121-130. EDN RJVMPD.
5. Гукасов Д.С. Закономерности реализации антимонопольной политики в системе государственного управления // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 12(132). С. 32-39. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.12.02.004. EDN LWTVZE.
6. Государственное регулирование естественных монополий в РФ / Н.В. Хаванова, В.А. Данилова, Е.В. Литвинова [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2024. № 7(168). С. 251-254. DOI 10.34925/EIP.2024.168.7.044. EDN ZXXYPB.
7. Государственное регулирование естественных монополий: инструменты, проблемы, направления реформирования / В.В. Строев, Т.М. Рогуленко, Р.С. Близкий, А.В. Бодяко // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 3. С. 131-135. EDN CIKOSU.
8. Козлова А.А. Государственное регулирование монополии в Российской Федерации // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 1-9. С. 180-186. EDN JPDPKV.
9. Крыга Т.А. Проблемы и методы ценового регулирования естественных монополий // Экономика и предпринимательство. 2023. № 12(161). С. 323-325. DOI 10.34925/EIP.2023.161.12.063. EDN MWIZPS.
10. Кудрявцев К.А. Модель тарифного регулирования естественных монополий в условиях учёта выбора потребителей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. Т. 15. № 3. С. 439-453. DOI 10.18184/2079-4665.2024.15.3.439-453. EDN OUZGFT.
11. Мингазова О.Н. Естественные монополии и их роль в экономике России // Профессиональные коммуникации в научной среде – фактор обеспечения качества исследований: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Альметьевск, 16 апреля 2024 года. Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2024. С. 620-625. EDN YWDQHT.
12. Николаенко Д.А. Государственное регулирование естественных монополий и его границы // Нацразвитие. Наука и образование. 2022. № 1(4). С. 7-10. EDN CZIEID.
13. Смирнова И.В. Повышение эффективности управления естественными монополиями как механизм обеспечения энергетической безопасности государства // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2024. № 4. С. 62-69. DOI 10.17586/2310-1172-2024-17-4-62-69. EDN AOXJBF.
14. Толокнов Н.А. Естественная монополия и естественная олигополия в экономике и их влияние на общий уровень цен // Economics. 2015. № 8(9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennaya-monopoliya-i-estestvennaya-oligopoliya-v-ekonomike-i-ih-vliyanie-na-obschiy-uroven-tsen.
15. Федосова С.П. Проблемы государственного регулирования ценовой политики естественных монополий // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7(144). С. 232-237. DOI 10.34925/EIP.2022.144.7.041. EDN RZCVCO.

16. Царегородцев А.С. Оценка деятельности естественной монополии в условиях рыночной экономики // Вектор экономики. 2024. № 1(91). EDN WTVFIN.
17. Шунькевич А.П. Естественные монополии: их место в экономике и особенности регулирования в России и США // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 9(21). С. 329-340. EDN HVKDIK.

Информация об авторах
Строев Владимир Витальевич – доктор экономических наук, профессор, ректор
Рогуленко Татьяна Михайловна – доктор экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой бухгалтерского учета аудита и налогообложения по науке
Близкий Роман Сергеевич – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учёта аудита и налогообложения

REFERENCES

1. Balakhontsev, V.I. Natural Monopolies in the Economy of Modern Russia // Innovations. Science. Education. 2022. No. 49. P. 247-250. EDN EUHVNX. (In Russ.)
2. Belousova, N.I. Issues of Legislative Support and Theoretical Justifications of Management Decisions in the Spheres of Natural Monopolies // Economics and Management: Problems, Solutions. 2024. T. 1. No. 8(149). P. 15-24. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.08.01.002. EDN GLBYVH. (In Russ.)
3. Brezinskaya, L.V. On the Issue of the Financial Stability of Natural Monopolies // Financial Economics. 2022. No. 8. P. 90-91. EDN LATRYK. (In Russ.)
4. Bychkova, S.M. Target Criteria of Financial Stability for Subjects of Natural Monopoly // Modern Trends and Directions of Development of Statistics and Analytics / Edited by M.N. Tolmacheva, I.V. Zenkina. Moscow: Limited Liability Company "KnoRus Publishing House", 2023. P. 121-130. EDN RJVMPD. (In Russ.)
5. Gukasov, D.S. Regularities in the Implementation of Antimonopoly Policy in the System of Public Administration // Economics and Management: Problems, Solutions. 2022. T. 2. No. 12(132). P. 32-39. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2022.12.02.004. EDN LWTVZE. (In Russ.)
6. State Regulation of Natural Monopolies in the Russian Federation / N.V. Khavanova, V.A. Danilova, EV. Litvinova [et al.] // Economics and Entrepreneurship. –2024. No. 7(168). P. 251-254. DOI 10.34925/EIP.2024.168.7.044. EDN ZXXYPB. (In Russ.)
7. State Regulation of Natural Monopolies: Instruments, Problems, Directions of Reforming / V.V. Stroev, T.M. Rogulenko, R.S. Blizkiy, A.V. Bodyako // Russian Economic Developments. 2025. T. 32. No. 3. P. 131-135. EDN CIKOSU. (In Russ.)
8. Kozlova, A.A. State Regulation of Monopoly in the Russian Federation // Scientific Almanac of the Central Chernozem Region. 2022. No. 1-9. P. 180-186. EDN JPDPKV. (In Russ.)
9. Kryga, T.A. Problems and Methods of Price Regulation of Natural Monopolies // Economics and Entrepreneurship. 2023. No. 12(161). P. 323-325. DOI 10.34925/EIP.2023.161.12.063. EDN MWIZPS. (In Russ.)
10. Kudryavtsev, K.A. Model of Tariff Regulation of Natural Monopolies in the Context of Taking into Account Consumer Choice // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2024. T. 15. No. 3. P. 439-453. DOI 10.18184/2079-4665.2024.15.3.439-453. EDN OUZGFT. (In Russ.)
11. Mingazova, O.N. Natural Monopolies and Their Role in the Russian Economy // Professional Communications in the Scientific Environment – A Factor in Ensuring the Quality of Researc: Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Almetyevsk, April 16, 2024. St. Petersburg: LLC Publishing House "Scientia", 2024. P. 620-625. EDN YWDQHT. (In Russ.)
12. Nikolaenko, D.A. State Regulation of Natural Monopolies and Its Boundaries // National Development. Science and Education. 2022. No. 1(4). P. 7-10. EDN CZIEID. (In Russ.)

13. Smirnova, I.V. Improving the Efficiency of Natural Monopoly Management as a Mechanism for Ensuring the Energy Security of the State // Scientific Journal NRU ITMO. Series: Economics and Environmental Management. 2024. No. 4. P. 62-69. DOI 10.17586/2310-1172-2024-17-4-62-69. EDN AOXJBF. (In Russ.)
14. Toloknov, N.A. Natural Monopoly and Natural Oligopoly in the Economy and Their Impact on the Overall Price Level // Economics. 2015. No. (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennaya-monopoliya-i-estestvennaya-oligopoliya-v-ekonomike-i-ih-vliyanie-na-obschiy-uroven-tsen). (In Russ.)
15. Fedosova, S.P. Problems of State Regulation of Pricing Policy of Natural Monopolies // Economics and Entrepreneurship. 2022. No. 7(144). P. 232-237. DOI 10.34925/EIP.2022.144.7.041. EDN RZCVCO. (In Russ.)
16. Tsaregorodtsev, A.S. Evaluation of the Activities of a Natural Monopoly in a Market Economy // Vector of Economics. 2024. No. 1(91). EDN WTVFIN. (In Russ.)
17. Shunkevich, A.P. Natural Monopolies: Their Place in the Economy and Features of Regulation in Russia and the USA // Theory of Law and Interstate Relations. 2022. T. 2. No. 9(21). P. 329-340. EDN HVKDIK. (In Russ.)

Information about the authors
Vladimir V. Stroev – Doctor of Economics, Professor, Rector of the State University of Management
Tatiana M. Rogulenko – Doctor of Economics, Professor, Deputy Head for Science of the Department of Accounting, Auditing and Taxation
Roman S. Blizkiy – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Accounting, Auditing and Taxation

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 20.05.2025
Поступила после рецензирования 17.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.12.017
JEL: L52, C54

ВАК 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

ГЕОМАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЪЮНКТУРЫ КОНДИТЕРСКИХ РЫНКОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАГНОСТИКИ ФОКУС-ГРУПП

Андрей Анатольевич Семёнов[1]
Светлана Сергеевна Кузьменко[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 283050, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, г. Донецк, улица Щорса, дом 31, e-mail: hodakovsky6@yandex.ru

[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 283050, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация, г. Донецк, улица Щорса, дом 31, e-mail: svetlanakuzmenko@mail.ru

Аннотация. В условиях геополитической турбулентности кондитерская отрасль Российской Федерации и Донецкой Народной Республики рассматривается как значимый сегмент продовольственного рынка, требующий системной государственной поддержки и применения инновационных методов стратегического управления. В статье обоснована актуальность использования геомаркетинга (компонента «place» в маркетинг-миксе 5P) для диагностики конъюнктуры кондитерских рынков, выделения фокус-групп потребителей и оптимизации деятельности хозяйствующих субъектов. Представлены результаты типизации продукции на основе международных классификаторов, анализа внешнеторговых потоков и диагностики ключевых геосегментов. На основе статистических, графических и аналитических методов проведено прогнозирование основных показателей развития отрасли на 2024-2026 гг. Выявлены разнонаправленные тенденции функционирования российских и региональных предприятий, включая предприятия Донецкой Народной Республики, подтверждающие необходимость комплексных мер регулирования. Разработан организационный механизм совершенствования функционирования кондитерского рынка ДНР и определены стратегические направления его развития в условиях усиливающейся конкуренции и инновационных сдвигов. Сформулированы практические рекомендации для органов государственного управления и предприятий, направленные на укрепление конкурентоспособности, расширение экспортного потенциала и обеспечение национальной продовольственной безопасности.

Ключевые слова: кондитерский рынок, геомаркетинг, маркетинг-микс, государственное управление, геосегментация, фокус-группы, экспорт, импорт, конкуренция, продовольственная безопасность, стратегия, прогнозирование, эффективность, потребительский спрос, Донецкая Народная Республика.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Семёнов А.А., Кузьменко С.С. Геомаркетинговые исследования конъюнктуры кондитерских рынков в контексте диагностики фокус-групп. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 85-103.

UDC 338.12.017
JEL: L52, C54

HAC 5.2.3. Regional and sectoral economics

GEOMARKETING RESEARCHES OF CONFECTIONERY MARKET CONJUNCTURE IN THE CONTEXT OF FOCUS GROUP DIAGNOSTICS

Andrey Anatolyevich Semenov[1]
Svetlana Sergeevna Kuzmenko[2]

[1]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Shchorsa str. 31, Donetsk, 283050, Donetsk People's Republic, Russian Federation, e-mail: hodakovsky6@yandex.ru

[2]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Shchorsa str. 31, Donetsk, 283050, Donetsk People's Republic, Russian Federation, e-mail: svetlanakuzmenko@mail.ru

Abstract. In the context of growing geopolitical turbulence, the confectionery industry of the Russian Federation and the Donetsk People's Republic is analyzed as a strategically important segment of the food market that requires systemic state support and innovative methods of strategic regulation. The study substantiates the relevance of geomarketing (the "place" component within the 5P marketing mix) as a tool for diagnosing market conditions, identifying consumer focus groups, and optimizing the activities of business entities. The article presents the results of product typification based on international classifications, an analysis of foreign trade flows, and the identification of key geosegments of the confectionery market. Statistical, graphical, and analytical methods were applied to forecast the main indicators of market development for 2024–2026. The research revealed heterogeneous trends in the performance of both Russian and regional enterprises, including confectionery companies of the Donetsk People's Republic. These findings highlight the urgent need for comprehensive measures of state regulation to enhance competitiveness and ensure sectoral stability. An organizational mechanism for improving the functioning of the confectionery market of the Donetsk People's Republic has been developed, together with strategic directions for its modernization. These include product quality enhancement, diversification of the product range, transition to non-price competition based on innovations, and broader application of geomarketing instruments. The results of the study provide practical recommendations for public authorities and enterprises aimed at strengthening competitiveness, expanding export potential, diversifying foreign markets, and ensuring national food security under conditions of geopolitical uncertainty.

Keywords: confectionery market, geomarketing, marketing mix, public administration, geosegmentation, focus groups, export, import, competition, food security, strategy, forecasting, efficiency, consumer demand, Donetsk People's Republic.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Semenov, A.A., Kuzmenko, S.S. (2025). Geomarketing researches of confectionery market conjuncture in the context of focus group diagnostics. Public administration and law, 2(06), 85-103.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях нарастающей геополитической нестабильности и трансформации глобальных экономических процессов кондитерская отрасль демонстрирует высокую зависимость от факторов конъюнктурного характера. Наличие значительного количества хозяйствующих субъектов, предлагающих однородный ассортимент продукции, а также высокий уровень конкурентной напряжённости предопределяют необходимость

выработки системных мер государственного управления, направленных на поддержание устойчивости отрасли. В данных условиях особое значение приобретает стратегическое планирование, включающее научно обоснованный выбор территориальных сегментов реализации продукции, развитие инфраструктуры сбыта и формирование институциональных механизмов регулирования. Это, в свою очередь, подтверждает актуальность рассматриваемой проблематики в контексте формирования эффективных управленческих решений.

Теоретико-методологические основы геомаркетинга (элемент «place» в маркетинг-миксе 5P) как инновационного инструмента стратегического регулирования нашли отражение в работах Герасименко О.А., Тхорикова Б.А., Наплековой Ю.А. [1, с. 625; 2, с. 92], Карповой М.К., Куреневой А.А., Жуковской Ю.А., Кнотько-Мороз О.И., Антипенко Н.А. [3, с. 54], Скитёвой Е.И., Ярмишко А.С. [4, с. 89] и др.

Функционирование кондитерских рынков как объекта государственного регулирования подробно изучалось отечественными учёными. Так, Шиманский О.В. рассматривает ключевые составляющие развития высококонкурентного рынка [5, с. 236], Антинескул Е.А. и Ремнева М.А. анализируют специфику товарного предложения [6, с. 48], Николаев А.А. акцентирует внимание на особенностях продвижения продукции [7, с. 227], Илларионова В.В., Вербицкая Е.А., Попкова П.О. исследуют структуру потребительского рынка мучных кондитерских изделий [8, с. 415]. Иващенко Т.Ю. уделяет внимание механизмам регулирования потребительского выбора [9, с. 256], а Малявина А., Алексеенкова Е., Бегиева А.Ш., Хосроева Н.И. анализируют маркетинговые инструменты кондитерской отрасли [10, с. 15; 11, с. 23; 12, с. 65].

Вместе с тем остаются недостаточно проработанными отдельные теоретико-методологические положения, касающиеся определения геосегментов рынка как важнейшего условия повышения результативности хозяйственной деятельности. Системное исследование данных аспектов необходимо не только для бизнес-структур, но и для органов государственного управления. Пространственная организация сбыта, идентификация конъюнктурообразующих факторов и определение ключевых фокус-групп потребителей создают предпосылки для повышения эффективности государственного регулирования и обеспечения устойчивости социально-экономических систем в условиях геополитической турбулентности.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель настоящего исследования заключается в проведении комплексного геомаркетингового анализа конъюнктуры кондитерских рынков с акцентом на диагностику ключевых фокус-групп потребителей. Реализация указанной цели требует решения следующих задач:

осуществить геосегментацию кондитерских рынков в рамках маркетинговых исследований на основе анализа внешнеторговых потоков, включая идентификацию стран-лидеров отрасли;

исследовать специфику геосегментации российского кондитерского рынка в условиях интенсификации международной торговли, уделив особое внимание основным направлениям экспорта кондитерских изделий;

обосновать необходимость применения инструментов геомаркетинга (компонента «place» в модели маркетинг-микса 5P) в целях оптимизации деятельности хозяйству-

ющих субъектов с учётом показателей функционирования ведущих транснациональных корпораций кондитерской отрасли, предприятий Российской Федерации, а также субъектов кондитерского рынка Донецкой Народной Республики;

провести диагностику основных фокус-групп потребителей как важнейшего условия выработки эффективных мер государственного управления и обеспечения устойчивости функционирования отрасли в условиях геополитической турбулентности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поставленные цели и задачи предопределили выбор соответствующего методического инструментария. В процессе исследования применялся комплекс методов, обеспечивающих научную обоснованность полученных результатов и их практическую значимость для системы государственного регулирования. Так, статистические и графические методы использовались для диагностики динамики показателей развития кондитерских рынков в условиях геополитической нестабильности. Методы систематизации информации позволили выявить и структурировать основные конъюнктурообразующие геосегменты отрасли. Для разработки управленческих рекомендаций по геосегментации кондитерских рынков и прогнозированию ключевых показателей в контексте применения инструментов геомаркетинга («place» в маркетинг-миксе 5P) применялись методы теоретического обобщения, сравнения, анализа и синтеза. Использование данных подходов также обеспечило проведение углублённой диагностики фокус-групп потребителей, что является необходимым условием для выработки эффективных стратегий государственного управления развитием кондитерской отрасли в условиях усиливающейся геополитической турбулентности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На следующем этапе исследования, опираясь на представленный методический инструментарий, была осуществлена систематизация исходной информации, что позволило перейти к формированию эмпирической базы анализа. Типизация кондитерской продукции проведена в соответствии с международными и общероссийскими классификаторами, а также товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС, что представлено в таблице 1.

Таблица 1. Типизация продукции кондитерских рынков в соответствии с международными классификациями [составлено авторами]
Table 1. Typification of confectionery market products in accordance with international classifications [compiled by the authors]

Типизация	Продукция	Источник
Группа 1-34	Перечень товаров	Международный классификатор товаров и услуг
Класс 30	Кофе, чай, какао и заменители кофе; рис; тапиока (маниока); мука и зерновые продукты; хлебобулочные изделия; кондитерские изделия; мороженое; сахар; мед, сироп из патоки; дрожжи, пекарные порошки; соль; горчица; уксус, приправы; пряности; лёд для охлаждения	

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Типизация	Продукция	Источник
Раздел С	Продукция обрабатывающих производств	Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности
Класс 10	Продукты пищевые	
10.8	Продукты пищевые прочие	
10.82	Какао, шоколад и изделия кондитерские сахаристые	
Раздел 4	Готовые пищевые продукты; алкогольные, безалкогольные напитки и уксус; табак и его заменители	Товарная номенклатура внешнеэкономичес кой деятельности ЕАЭС
Группа 17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	
Группа 18	Какао и продукты из него	

С учётом номенклатурных позиций ГС ВТамО [13] динамика ключевых показателей функционирования кондитерских рынков, отражённая в маркетинговых исследованиях [14-16], демонстрирует устойчивый рост объёмов мирового экспорта и товарооборота продукции отрасли. Данные тенденции, фиксируемые даже в условиях геополитической турбулентности, позволяют говорить о положительной динамике развития мирового кондитерского рынка, что формирует благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления позиций национальных производителей. Для органов государственного управления такие результаты представляют важную информационную основу при формировании стратегий поддержки экспортоориентированных предприятий и адаптации отраслевой политики к изменяющимся условиям внешнеэкономической среды.

Классификация продукции служит базой для стандартизации учёта и мониторинга внешнеэкономической деятельности. Для государственного управления это открывает возможности корректировки мер таможенно-тарифной и нетарифной политики, направленных на укрепление конкурентных позиций российских производителей.

Несмотря на сохранение положительного сальдо торгового баланса, его динамика в последние годы характеризуется снижением, что указывает на необходимость усиления государственной поддержки экспортоориентированных предприятий. В целях уточнения пространственной структуры сбыта и выявления ключевых направлений внешнеэкономической активности были проведены геомаркетинговые исследования конъюнктуры кондитерских рынков в разрезе основных геосегментов. Их результаты представлены в таблице 2, где отражены товарные позиции в соответствии с классификацией внешнеэкономической деятельности, а также основные объёмные показатели развития рынка.

Таблица 2. Результаты геомаркетинговых исследований конъюнктуры кондитерских рынков в контексте диагностики основных фокус-групп [составлено авторами]
Table 2. The results of geomarketing studies of confectionery market conditions in the context of diagnostics of the main focus groups [compiled by the authors]

Сегменты / Показатели	Экспорт	Импорт	Кондитерский товарооборот
Шоколадный сегмент	Германия, Нидерланды, Бельгия, Польша, Италия, Канада, США, Гана, Малайзия, Швейцария и др.	США, Германия, Нидерланды, Великобритания, Бельгия, Канада, Польша, Малайзия, Италия, Испания и др.	Германия, Нидерланды, Бельгия, Польша, Италия, Канада, Малайзия, США, Гана, Швейцария, Великобритания, Испания и др.
Сахаристый сегмент	Бразилия, Германия, Китай, США, Нидерланды, Мексика, Польша, Бельгия, Канада, Турция и др.	США, Китай, Германия, Великобритания, Италия, Испания, Канада, Нидерланды, Мексика, Малайзия и др.	Германия, Китай, США, Нидерланды, Мексика, Канада, Бразилия, Польша, Бельгия, Турция, Великобритания, Италия, Испания, Малайзия и др.
Мучнистый сегмент	Германия, Италия, Нидерланды, Канада, США, Польша, Бельгия, Мексика, Испания, Великобритания и др.	США, Германия, Великобритания, Китай, Канада, Нидерланды, Бельгия, Италия, Испания, Польша и др.	Германия, Канада, США, Бельгия, Испания, Великобритания, Италия, Нидерланды, Польша, Мексика, Китай и др.
Кондитерские рынки	Германия, Нидерланды, Бельгия, Польша, Канада, США, Италия, Мексика, Гана, Малайзия, Швейцария, Бразилия, Китай, Турция, Испания, Великобритания и др.	США, Германия, Нидерланды, Великобритания, Канада, Италия, Испания, Бельгия, Польша, Малайзия, Китай, Мексика и др.	Германия, Нидерланды, Бельгия, Польша, Италия, Канада, США, Великобритания, Испания, Малайзия, Китай, Мексика, Гана, Швейцария, Бразилия, Турция и др.

Данные, приведённые в таблице, позволяют выделить фокус-группы потребителей по странам и регионам, определить динамику внешнеторговых потоков и сформировать информационную основу для корректировки инструментов государственной политики. В практическом плане это даёт возможность органам государственного управления более эффективно распределять меры поддержки экспортоориентированных предприятий, учитывать специфику спроса в различных геосегментах и выстраивать долгосрочные стратегии укрепления позиций России на мировом кондитерском рынке.

Выявленные геосегменты и ключевые показатели товарооборота формируют основу для приоритизации внешнеэкономической политики. Государственным органам необходимо ориентироваться на страны и регионы с наибольшим экспортным потенциалом, сочетая стимулирование экспорта с диверсификацией рынков сбыта для снижения зависимости от отдельных направлений.

На завершающем этапе исследования был проведён прогноз динамики развития кондитерских рынков. Результаты прогнозирования основных показателей функционирования отрасли на 2024-2026 гг. представлены на рисунке 1, а прогнозные оценки эффективности торговой деятельности хозяйствующих субъектов – на рисунке 2.

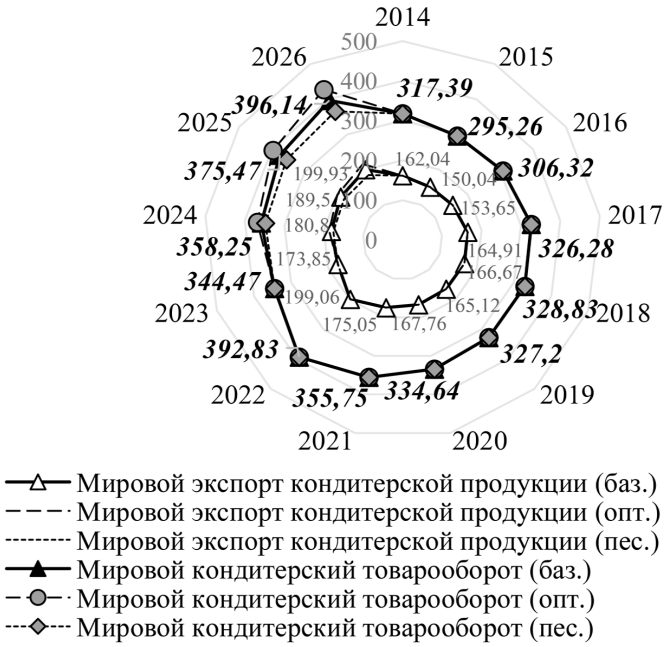

Рисунок 1. Результаты прогнозирования основных показателей функционирования кондитерских рынков в 2024-2026 гг., млрд долл. [составлено авторами]
Figure 1. The results of forecasting the main indicators of the functioning of confectionery markets in 2024-2026, billion dollars. [compiled by the authors]

Прогноз демонстрирует сохранение позитивной динамики ключевых показателей отрасли. Для органов государственного управления это служит сигналом о необходимости закрепления положительных тенденций через поддержку производственного потенциала и развитие экспортной инфраструктуры.

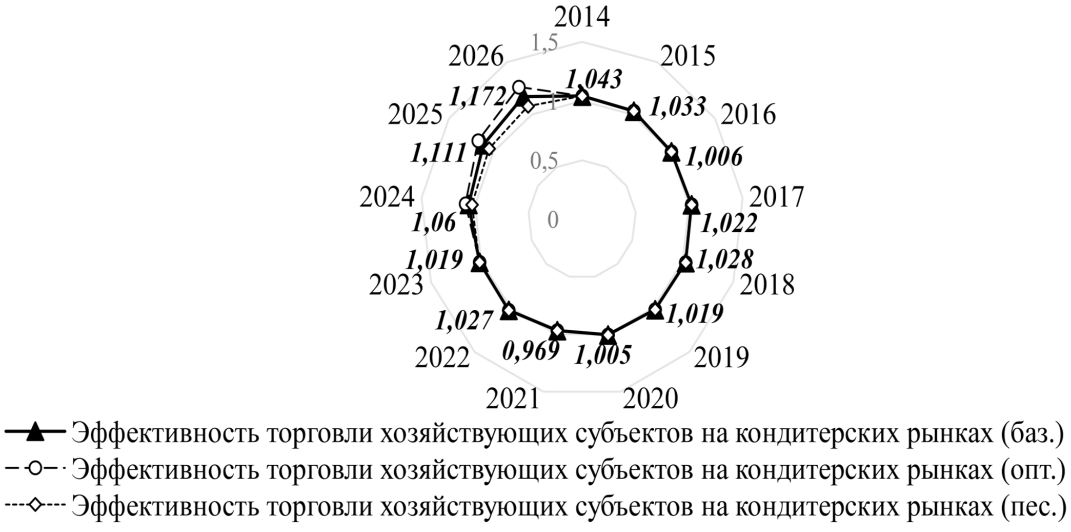

Рисунок 2. Результаты прогнозирования эффективности торговли хозяйствующих субъектов кондитерских рынков в 2024-2026 гг. [составлено авторами]
Figure 2. The results of forecasting the trade efficiency of business entities of confectionery markets in 2024-2026. [compiled by the authors]

Прогноз эффективности торговой деятельности указывает на целесообразность совершенствования механизмов государственной поддержки, включая инструменты стимулирования экспорта и меры по расширению доступа отечественных производителей на международные рынки. Это позволит минимизировать риски, связанные с внешнеэкономической нестабильностью, и обеспечить устойчивый рост отрасли.

С теоретической точки зрения конъюнктура определяется как совокупность эластических условий и факторов, объективно отражающих ситуацию, сложившуюся на рынке в определённый период времени и имеющую тенденцию к изменению [17, с. 7; 18, с. 53]. Применение данного подхода позволило оценить вероятные сценарии развития отрасли и выявить ключевые параметры, определяющие устойчивость её функционирования.

На основе номенклатурных товарных позиций ГС ВТамО динамика основных показателей внешней торговли кондитерской продукцией Российской Федерации на мировых рынках в 2015-2021 гг. [19] демонстрирует значительный рост объёмов экспорта и общего внешнеторгового оборота. Эти тенденции проявляются даже в условиях геополитической турбулентности, что в целом подтверждает позитивную динамику отрасли и её способность адаптироваться к изменениям внешнеэкономической среды. В то же время сохраняется отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, что требует усиления мер государственной поддержки национальных производителей и активизации политики импортозамещения.

С целью выявления особенностей внутренней конъюнктуры и уточнения характеристик ключевых сегментов потребителей были проведены геомаркетинговые исследования российского кондитерского рынка. Их результаты представлены в таблице 3, где отражены основные геосегменты и показатели, определяющие структуру спроса и специфику функционирования отрасли.

Таблица 3. Результаты геомаркетинговых исследований конъюнктуры кондитерского рынка Российской Федерации в контексте диагностики основных фокус-групп [составлено авторами]
Table 3. Results of geomarketing studies of the conjuncture of the confectionery market of the Russian Federation in the context of diagnostics of the main focus groups [compiled by the authors]

Сегменты / Показатели	Экспорт	Импорт	Внешнеторговый оборот
Мучнистый сегмент	Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Китай, Монголия, Грузия, Таджикистан	Польша, Германия, Швейцария, Италия, Нидерланды, Беларусь, Казахстан, Ирландия, Китай	Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Китай, Монголия, Грузия, Таджикистан, Польша, Германия, Швейцария, Италия, Нидерланды, Ирландия
Шоколадный сегмент	Казахстан, Китай, Беларусь, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Монголия, Армения, Саудовская Аравия	Кот-д'Ивуар, Германия, Индонезия, Малайзия, Гана, Польша, Беларусь, Италия, Бельгия	Казахстан, Китай, Беларусь, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Монголия, Армения, Саудовская Аравия, Кот-д'Ивуар, Германия, Индонезия, Малайзия, Гана, Польша, Италия, Бельгия

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Сегменты / Показатели	Экспорт	Импорт	Внешнеторговый оборот
Сахаристый сегмент	Казахстан, Беларусь, Киргизия, Турция, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Монголия, Испания	Беларусь, Германия, Китай, Турция, Казахстан, Франция, Бельгия, Италия, Нидерланды	Казахстан, Беларусь, Киргизия, Турция, Армения, Азербайджан, Таджикистан, Монголия, Испания, Германия, Китай, Франция, Бельгия, Италия, Нидерланды
Кондитерский рынок Российской Федерации	Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Китай, Монголия, Грузия, Таджикистан, Армения, Саудовская Аравия, Турция, Испания	Польша, Германия, Швейцария, Италия, Нидерланды, Беларусь, Казахстан, Ирландия, Китай, Кот-д'Ивуар, Индонезия, Малайзия, Гана, Бельгия, Турция, Франция	Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Китай, Монголия, Грузия, Таджикистан, Армения, Саудовская Аравия, Турция, Испания, Польша, Германия, Швейцария, Италия, Нидерланды, Ирландия, Кот-д'Ивуар, Индонезия, Малайзия, Гана, Бельгия, Франция

Выявленные особенности внутренней конъюнктуры указывают на необходимость дифференцированного подхода к регулированию отрасли. Для органов государственного управления ключевыми задачами становятся стимулирование экспорта, развитие внутреннего потребительского спроса и обеспечение конкурентоспособности отечественной продукции на фоне сохраняющегося отрицательного сальдо внешней торговли.

Анализ управленческих решений в части оптимального местоположения предприятий подтверждает значимость геомаркетинга как ключевого элемента концепции «5P». Применение данного подхода позволяет систематизировать конъюнктурообразующие факторы и использовать их в качестве базовых компонентов при исследовании конъюнктуры российского кондитерского рынка. В управленческом аспекте это открывает возможности для оптимизации экспортной структуры и прогнозирования объёмов внешнеторговых операций [20, с. 8776]. В более широком контексте маркетинг-микс рассматривается как совокупность инструментов, обеспечивающих донесение информации о ценности продукта до целевой аудитории [21, с. 136; 22, с. 259-268; 23, с. 121-128].

Динамика деятельности ведущих международных корпораций демонстрирует устойчивый рост выручки и чистой прибыли компаний Mondelez International, Hershey Company, Chocoladefabriken Lindt & Sprungli AG, а также выручки Nestle SA, при этом у последней фиксируется отрицательная динамика чистой прибыли (–8,34 % в 2023 г. по сравнению с 2020 г.) [24]. Российские предприятия кондитерской отрасли (ООО «КДВ ГРУПП», ООО «Мон'дэлис Русь», ЗАО БКК «Коломенский», ОАО «Хлебпром», АО «Акконд») характеризуются положительной динамикой выручки, чистой прибыли и рентабельности активов (ROA), что подтверждает устойчивость их развития в долгосрочном периоде [25].

Особое внимание в рамках исследования уделено кондитерским предприятиям Донецкой Народной Республики. В 2023 г. численность работников предприятий варьировалась от 15 до 538 человек (рисунок 3) [26].

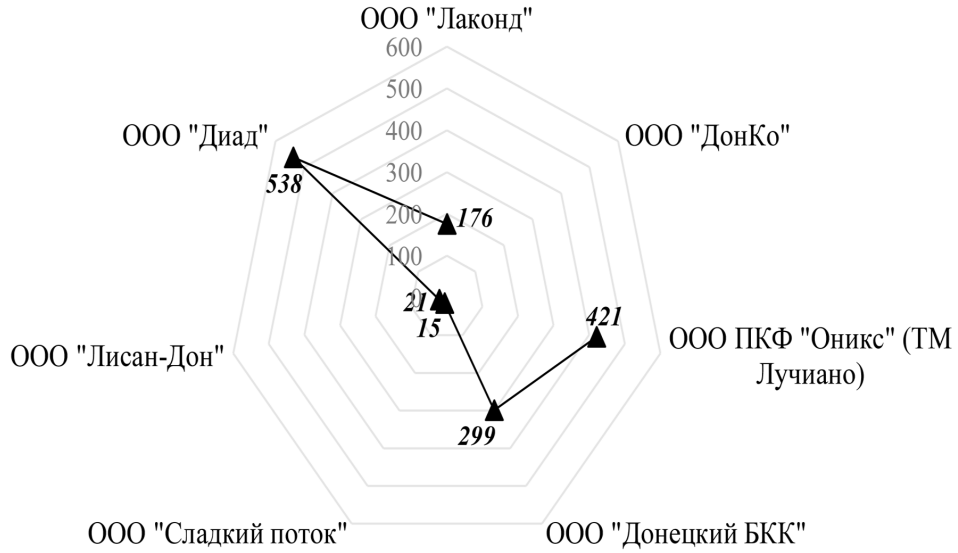

Рисунок 3. Численность работников кондитерских предприятий Донецкой Народной Республики в 2023 г., чел. [26]
Figure 3. Number of employees of confectionery enterprises of the Donetsk People's Republic in 2023, people [26]

Кадровый потенциал отрасли в ДНР демонстрирует значительную вариативность, что требует адресных мер государственной поддержки: от стимулирования крупных предприятий как локомотивов отрасли до создания условий для развития малых производств в целях укрепления занятости и социально-экономической устойчивости региона.

Результаты анализа финансовых показателей показывают разнонаправленные тенденции: положительная динамика выручки отмечается у ООО «Лаконд» (+9 %) и ООО ПКФ «Оникс» (ТМ Лучиано) (+44 %), в то время как у ряда предприятий фиксируется снижение (ООО «ДонКо» -15,1 %, ООО «Донецкий БКК» -21 %, ООО «Диад» -16,5 %) (рисунок 4) [26].

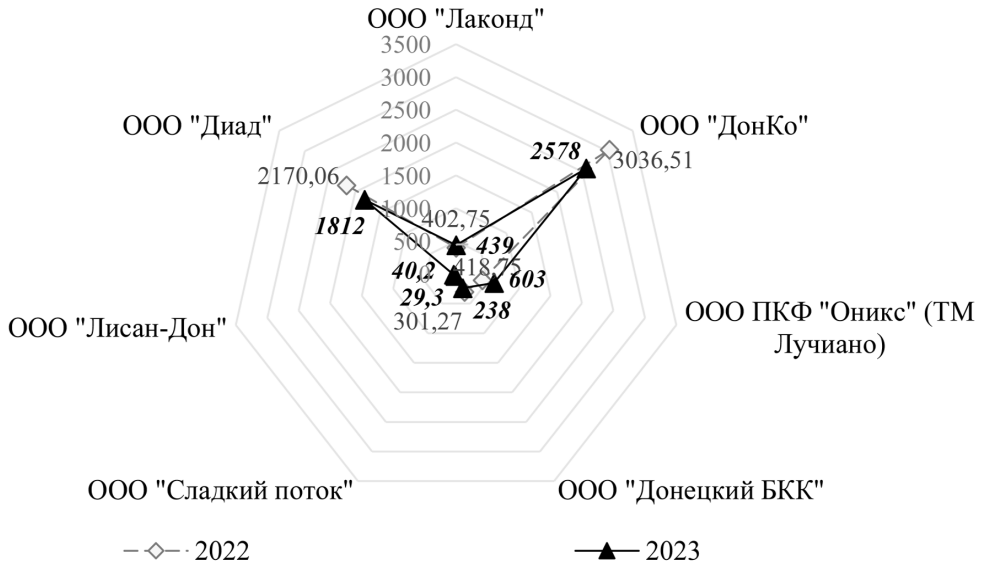

Рисунок 4. Динамика выручки кондитерских предприятий Донецкой Народной Республики в 2022-2023 гг., млн руб. [26]
Figure 4. Revenue dynamics of confectionery enterprises of the Donetsk People's Republic in 2022-2023, million rubles [26]

Снижение выручки ряда предприятий указывает на необходимость корректировки государственной поддержки, включая меры по расширению рынков сбыта и стимулированию внутреннего спроса для сохранения производственного потенциала.

Аналогичные разнонаправленные тенденции выявлены при анализе динамики чистых активов: рост показателей у ООО «Лаконд» (+9,9 %), ООО ПКФ «Оникс» (+17 %), ООО «Диад» (+12 %), при этом фиксируется падение у ООО «ДонКо» (-13,6 %), ООО «Донецкий БКК» (-24,7 %), ООО «Лисан-Дон» (-20,58 %) (рисунок 5) [26].

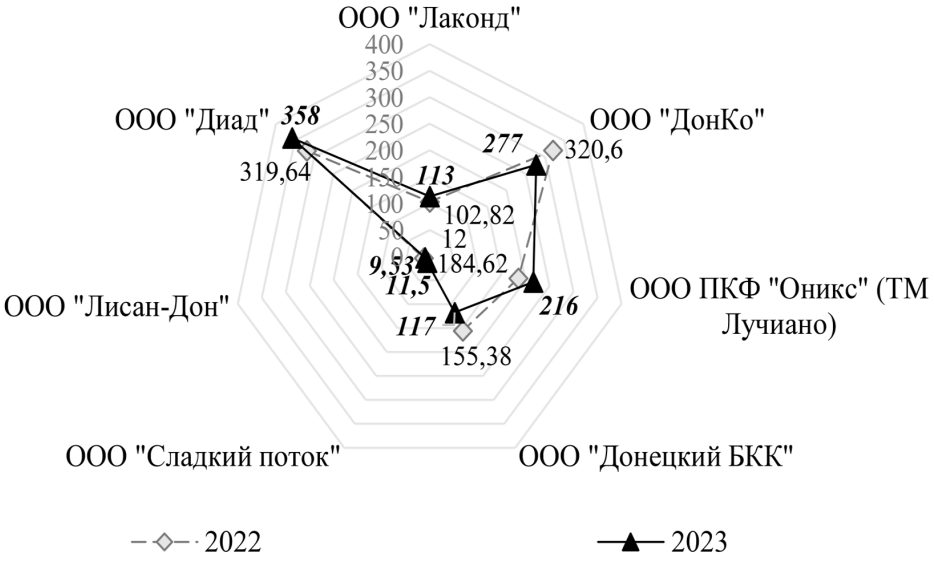

Рисунок 5. Динамика чистых активов кондитерских предприятий Донецкой Народной Республики в 2022-2023 гг., млн руб. [26]
Figure 5. Dynamics of net assets of confectionery enterprises of the Donetsk People's Republic in 2022-2023, million rubles [26]

Дивергенция в динамике чистых активов свидетельствует о необходимости адресной государственной поддержки финансово уязвимых предприятий и внедрения инструментов мониторинга для предупреждения кризисных ситуаций в отрасли.

При этом отмечается негативная динамика чистой прибыли у всех исследуемых предприятий кондитерской отрасли Донецкой Народной Республики (рисунок 6) [26].

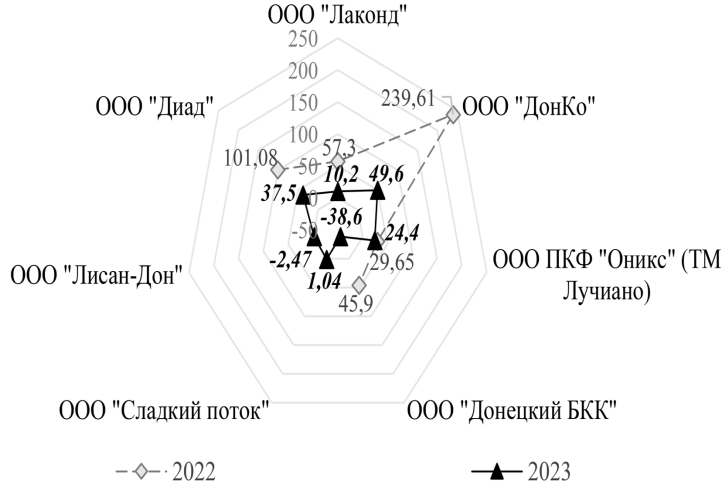

Рисунок 6. Динамика чистой прибыли кондитерских предприятий Донецкой Народной Республики в 2022-2023 гг., млн руб. [26]
Figure 6. Dynamics of net profit of confectionery enterprises of the Donetsk People's Republic in 2022-2023, million rubles [26]

Убытки предприятий отрасли подтверждают системные проблемы, требующие комплексных мер государственного регулирования. Среди приоритетных направлений – налоговые и финансовые стимулы, развитие инфраструктуры сбыта и поддержка локальной занятости, что позволит снизить риски социально-экономической дестабилизации и укрепить продовольственную безопасность региона.

Результаты геомаркетинговых исследований кондитерского рынка Донецкой Народной Республики в контексте диагностики потребительских фокус-групп в условиях геополитической турбулентности представлены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты геомаркетинговых исследований кондитерского рынка Донецкой Народной Республики в контексте диагностики потребительских фокус-групп в условиях геополитической турбулентности, 2025 г. [составлено авторами]

Table 4. Results of geomarketing studies of the confectionery market of the Donetsk People's Republic in the context of diagnostics of consumer focus groups in the context of geopolitical turbulence, 2025 [compiled by the authors]

Критерии геомаркетинга	Результаты исследования потребительских фокус-групп
Доля потребителей кондитерских изделий по семейному положению в отношении ко всей выборке	Женаты (замужем) – 59,4 % Холосты (не замужем) – 27,4 % Разведены – 10,1 % Вдовцы (вдовы) – 3,1
Доля потребителей кондитерских изделий по количеству детей в отношении всей выборке	1 ребёнок – 28,7 % 2 ребёнка – 18,3 % 3 ребёнка – 4,6 % 4+ ребёнка – 1,4 %
Объём потребления кондитерских изделий среди выбранной группы	1 ребёнок – 96,1 % 2 ребёнка – 96,4 % 3 ребёнка – 95,4 % 4+ ребёнка – 92,1 %
Виды рекламы, которые привлекают внимание потребителей кондитерских изделий	Акции и распродажи в магазинах – 82,6 % Рекламные щиты рядом с дорогой – 77,2 % Рекламные ролики на TV – 76,8 % Баннеры в интернете – 74 % Instream-видео (кроме соцсетей) – 73,1 %
Виды рекламы, которые не привлекают внимание потребителей кондитерских изделий	Реклама при подключении в Wi-Fi сети – 30,8 % Реклама в онлайн-играх – 30,9 % Видеоэкраны и щиты в торговых центрах – 31,7 %
Тематики, вызывающие наибольший интерес у потребителей кондитерских изделий	Кулинария, рецепты – 48,6 % Кино (новинки, режиссеры, селебрити, премии) – 48 % Путешествия – 45,8 % Дизайн, ремонт, обустройство жилья – 41,6 %
Тематики, вызывающие наименьший интерес у потребителей кондитерских изделий	Экономика, бизнес, инвестиции – 22,4 % Новости шоу-бизнеса и мира звезд – 22,8 % Мода и стиль – 23,7 % Рукоделие, творчество – 24,9 %
Выбор маркетплейсов при осуществлении онлайн-покупок	Ozon – 67,2 % Wildberries – 67 % Авито – 55,4 %

Анализ кадровых и финансовых параметров деятельности предприятий кондитерской отрасли Донецкой Народной Республики позволил перейти к формированию организационного механизма совершенствования функционирования регионального рынка. На основе проведённых геомаркетинговых исследований его конъюнктуры и диагностики фокус-групп был разработан организационный механизм, учитывающий специфику функционирования отрасли в условиях геополитической турбулентности (рисунок 7).

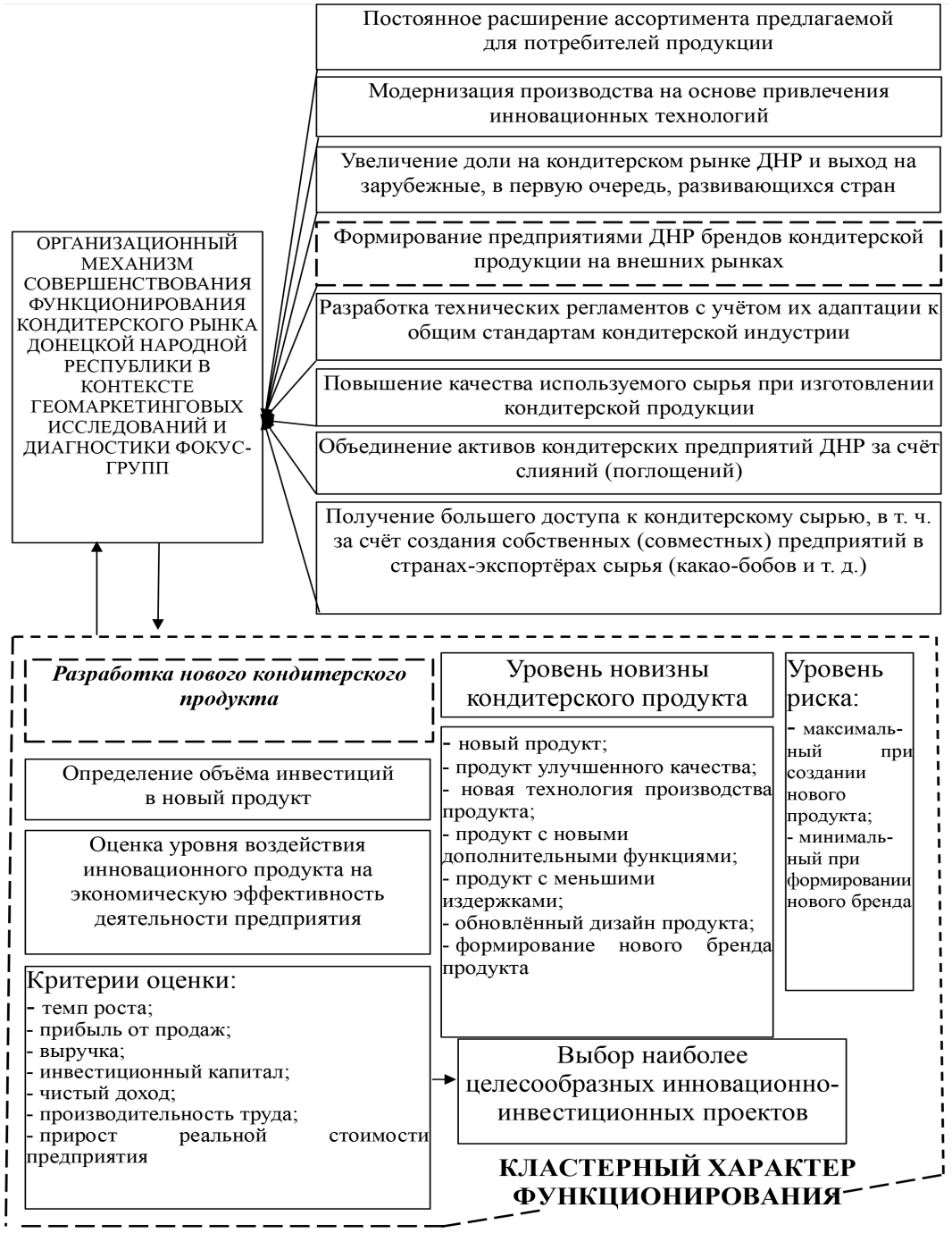

Рисунок 7. Организационный механизм совершенствования функционирования кондитерского рынка Донецкой Народной Республики в условиях геополитической турбулентности [составлено авторами]
Figure 7. Organizational mechanism for improving the functioning of the confectionery market of the Donetsk People's Republic in the context of geopolitical turbulence [compiled by the authors]

Представленный механизм предполагает комплексное взаимодействие бизнеса и органов государственного управления. Его реализация позволит повысить устойчивость отрасли, снизить риски продовольственной зависимости и обеспечить социально-экономическую стабильность региона.

Кроме того, обоснованы стратегические направления дальнейшего развития кондитерского рынка Донецкой Народной Республики на основе применения геомаркетинга (компонент «place» в маркетинг-миксе 5P). В рамках данной концепции акцент сделан на выявлении и анализе фокус-групп потребителей, что позволяет адаптировать ассортиментную политику и систему продвижения продукции к изменяющимся условиям (рисунок 8).

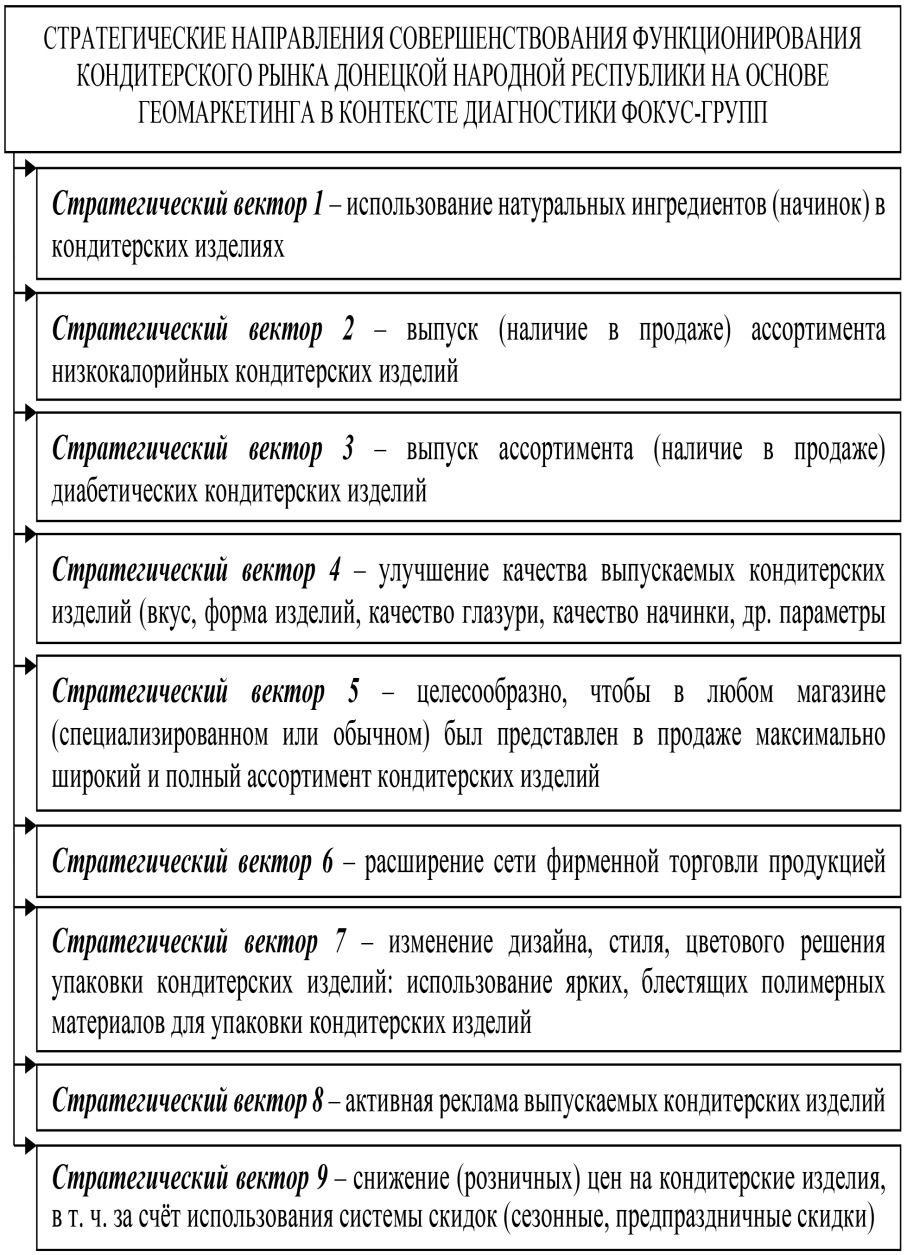

Рисунок 8. Стратегические направления совершенствования функционирования кондитерского рынка Донецкой Народной Республики на основе геомаркетинга [составлено авторами]
Figure 8. Strategic directions for improving the functioning of the confectionery market of the Donetsk People's Republic based on geomarketing [compiled by the authors]

Стратегические направления развития предполагают повышение качества и расширение ассортимента продукции, совершенствование маркетинговых и рекламных практик, а также внедрение инновационных методов конкуренции. Для органов государственного управления ключевой задачей становится формирование институциональных условий, способствующих инвестиционной привлекательности отрасли и устойчивому развитию регионального кондитерского рынка.

Таким образом, перспективное развитие кондитерского рынка ДНР связано с ростом концентрации производства, переходом к неценовой конкуренции на основе инноваций и активным расширением использования геомаркетинговых инструментов. Всё это формирует благоприятные предпосылки для повышения конкурентоспособности и укрепления национальной продовольственной безопасности.

ВЫВОДЫ

Проведённые геомаркетинговые исследования подтвердили, что кондитерская отрасль остаётся одним из наиболее динамичных сегментов продовольственного рынка, обладающим устойчивым потенциалом развития даже в условиях геополитической турбулентности. В то же время выявленные риски, связанные с отрицательным сальдо внешнеторгового баланса и неоднородностью динамики показателей отдельных предприятий, требуют активизации государственного регулирования и формирования адресных мер поддержки.

Основные результаты исследования заключаются в следующем:

1. Определены ключевые геосегменты мирового и российского кондитерских рынков, что позволило выделить фокус-группы потребителей и выявить специфику регионального спроса. Для государственного управления это создаёт основу для более точного распределения инструментов поддержки и диверсификации экспортных направлений.

2. Проведена диагностика кондитерской отрасли Донецкой Народной Республики. Установлено, что несмотря на наличие положительных тенденций по выручке и активам отдельных предприятий, общий финансовый результат характеризуется отрицательной динамикой. Это подтверждает необходимость комплексных мер поддержки, включая налоговые стимулы, доступ к финансированию и развитие сбытовой инфраструктуры.

3. Разработан организационный механизм совершенствования функционирования регионального кондитерского рынка и обоснованы стратегические направления его развития на основе геомаркетинга (компонент «place» в маркетинг-миксе 5P). Механизм предполагает интеграцию усилий бизнеса и государства в части стимулирования производства, модернизации маркетинговых практик и повышения инвестиционной привлекательности отрасли.

4. Прогнозирование показателей развития отрасли на 2024-2026 гг. подтвердило положительную динамику мирового и российского рынка, что создаёт предпосылки для расширения экспортного потенциала. Для органов государственного управления это означает необходимость закрепления позитивных тенденций через институциональные меры поддержки и стратегическое планирование.

В совокупности полученные результаты позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций: усилить государственную поддержку экспортно-ориентированных предприятий кондитерской отрасли с целью повышения конкурентоспособности на мировом рынке; развивать механизмы им-

портозамещения и стимулировать внутренний спрос для минимизации внешних рисков; использовать геомаркетинговые инструменты в системе государственного управления как основу для прогнозирования и пространственного распределения производственных и сбытовых мощностей; уделить приоритетное внимание укреплению кондитерской отрасли Донецкой Народной Республики как важного сегмента национальной продовольственной безопасности.

Развитие кондитерской отрасли в современных условиях должно рассматриваться не только как экономический, но и как стратегический фактор, обеспечивающий устойчивость социально-экономических систем и продовольственную безопасность государства.

Совершенствование деятельности предприятий кондитерских рынков в условиях конъюнктурных изменений и геополитической турбулентности должно опираться на применение инструментов геомаркетинга (компонента «place» в маркетинг-миксе 5P) как основы стратегического управления. В целях оптимизации функционирования хозяйствующих субъектов и укрепления национальной продовольственной безопасности рекомендуется:

1. Применять геомаркетинговые инструменты для выбора оптимальных локаций и каналов реализации продукции, что позволит обеспечить более полное соответствие между предложением и потребительским спросом.

2. Интегрировать системные оценки рыночной эффективности, конкурентоспособности и потребительских предпочтений в управленческие процессы, включая использование диагностики фокус-групп для выбора стратегических альтернатив.

3. Разработать единый методический подход к оценке результативности деятельности предприятий, включающий показатели рыночной эффективности, динамику экспортного потенциала и степень удовлетворения потребительских запросов.

4. Содействовать модернизации маркетинговых и рекламных практик, обеспечивая переход от ценовой к инновационной модели конкуренции.

5. Укреплять производственную и сбытовую инфраструктуру Донецкой Народной Республики, создавая условия для повышения устойчивости предприятий, увеличения их конкурентоспособности и интеграции в общероссийское экономическое пространство.

6. Использовать полученные результаты геомаркетинговых исследований в практике государственного управления, что позволит повысить качество принимаемых решений и обеспечить устойчивое развитие отрасли в условиях внешнеэкономической нестабильности.

Таким образом, предложенный методический подход к оценке эффективности деятельности предприятий кондитерской отрасли, основанный на комплексном использовании инструментов геомаркетинга и диагностике фокус-групп, позволяет органам государственного управления и бизнесу вырабатывать оптимальные решения для удовлетворения потребительского спроса и укрепления конкурентоспособности национального производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герасименко О.А. Концептуальные представления геомаркетинга в системе маркетингового управления: 4G концепт геомаркетингового анализа // Управленческий учёт. Саратов: ООО «Финпресс», 2021. № 9-3. С. 623-628.

2. Герасименко О.А. Стратегическое планирование розничного бизнеса: актуализация и развитие контурных элементов геомаркетинга // Вызовы и решения для бизнеса: ВЭД в новых реалиях: сб. мат. III Междунар. внешнеэконом. науч.-практ. форума. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2023. С. 89-94.
3. Жуковская Ю.А., Кнотько-Мороз О.И., Антипенко Н.А. Инструменты маркетинга и менеджмента в различных сферах и отраслях народного хозяйства // Современные тенденции развития менеджмента и маркетинга: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2022. С. 53-56.
4. Скитёва Е.И., Ярмишко А.С. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности // Перспективы и тенденции развития менеджмента в XXI веке: сб. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.Ю. Ксенофонтовой, Л.А. Кравченко. Санкт-Петербург: Петерб. гос. ун-т путей сообщения Императора Александра I, 2022. С. 87-90.
5. Шиманский О.В. Анализ тенденций развития высококонкурентного рынка в постпандемийный период (на примере рынка кондитерских изделий) // Россия и мир: развитие цивилизаций. Научное наследие и взгляды В.В. Жириновского на формирующийся миропорядок: сб. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2023. С. 234-238.
6. Антинескул Е.А., Ремнева М.А. Предложение на рынке диетических кондитерских изделий: специфика и перспективы развития // Маркетинг в России и за рубежом. Москва: ООО «Финпресс», 2021. № 1. С. 46-56.
7. Николаев А.А. Особенности и перспективы современного продвижения кондитерских изделий на продуктовом рынке России // Естественно-гуманитарные исследования. Краснодар: ООО «Академия знаний», 2022. № 44(6). С. 225-230.
8. Илларионова В.В., Вербицкая Е.А., Попкова П.О. Обзор состояния потребительского рынка мучных кондитерских изделий // Инновации в индустрии питания и сервисе: сб. мат. V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2023. С. 413-416.
9. Иващенко Т.Ю. Управление процессом принятия решений потребителей на рынке кондитерских изделий // Аллея науки. Томск: Изд. центр «Quantum», 2022. Т. 1. № 3(66). С. 252-258.
10. Малявина А. О рынке замороженных хлебобулочных и кондитерских изделий // Кондитерское и хлебопекарное производство. Москва: Отраслевые ведомости, 2022. № 12(197). С. 14-16.
11. Алексеенкова Е. Пряный шоколад, «мини» и полная автоматизация: о трендах кондитерского рынка // Пищевая индустрия. Краснодар: ООО «Институт развития сельского хозяйства», 2021. № 1(45). С. 22-24.
12. Бегиева А.Ш., Хосроева Н.И. Маркетинговое исследование рынка кондитерских мучных изделий региона // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. № 6(133). С. 64-66.
13. Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров. URL: https://customs.gov.tm/pdf/nomenclature.pdf.
14. Какао и продукты из него | Импорт и Экспорт | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=18&indicator=tv_wrld_share,TV&trade_flow=Export,Import&time_period=2023.
15. Сахар и кондитерские изделия из сахара | Импорт и Экспорт | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=17&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2023.
16. Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия | Импорт и Экспорт | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=19&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2023.
17. Лола И.С. О совершенствовании методологии оценки и анализа экспортной конъюнктуры российских предприятий обрабатывающей промышленности // Вопросы статистики. 2023. Т. 30. № 3. С. 5-19.
18. Шпилько Т.Ф. Анализ спроса и предложения, влияющих на конъюнктуру товарного рынка // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2021. № 15. С. 53-57.

19. TrendEconomy – Портал открытых данных | Импорт и Экспорт | 2021. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/.
20. Dai C. A Method of Forecasting Trade Export Volume Based on Back-Propagation Neural Network // Neural Computing and Applications. 2023. Vol. 35. Iss. 12. P. 8775-8784. DOI: 10.1007/s00521-022-07693-5.
21. Германчук А.Н. Маркетинговое взаимодействие участников системы распределения товаров // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. 2021. № 10. С. 135-139.
22. Семёнов А.А. Исследование конъюнктуры кондитерских рынков в контексте геомаркетинга // Торговля и рынок. Донецк, 2021. № 4-1(60). С. 258-270.
23. Вдовин С.А., Барлиани А.Г. Алгоритмы геоаналитического и геомаркетингового исследования коммерческих объектов // Интерэкспо Гео-Сибирь. Новосибирск, 2022. Т. 5. С. 120-129.
24. Global Top 100 Candy Companies | Candy Industry 2023. URL: https://www.snackandbakery.com/candy-industry/2023/global-top-100-candy-companies.
25. Топ-30 предприятий кондитерской промышленности. URL: https://aspromservis.ru/stati/top-30-predpriyatiy-konditerskoy-promyshlennost/
26. Кондитерские фабрики и хлебозаводы. URL: https://candy-factory.ru/russia/donetskaya-respublika/donetsk.

Информация об авторах
Андрей Анатольевич Семёнов – кандидат экономических наук, доцент
Светлана Сергеевна Кузьменко – старший преподаватель

REFERENCES

1. Gerasimenko, O.A. (2021). Conceptual ideas of geomarketing in the system of marketing management: 4G concept of geomarketing analysis // Managerial Accounting. Saratov: Finpress LLC, No. 9-3, pp. 623-628. (In Russ.)
2. Gerasimenko, O.A. (2023). Strategic planning of retail business: actualization and development of contour elements of geomarketing // Challenges and Solutions for Business: Foreign Economic Activity in the New Realities: Proceedings of the III International Foreign Economic Scientific and Practical Forum. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, pp. 89-94. (In Russ.)
3. Zhukovskaya, Yu.A., Knotko-Moroz, O.I., Antipenko, N.A. (2022). Marketing and management tools in various spheres and sectors of the national economy // Modern Trends in the Development of Management and Marketing: Collection of Scientific Articles. Cheboksary: I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, pp. 53-56. (In Russ.)
4. Skityova, E.I., Yarmishko, A.S. (2022). Marketing in industries and spheres of activity // Prospects and Trends in the Development of Management in the XXI Century: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference / Ed. T.Yu. Ksenofontova, L.A. Kravchenko. St. Petersburg: Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, pp. 87-90. (In Russ.)
5. Shimansky, O.V. (2023). Analysis of trends in the development of a highly competitive market in the post-pandemic period (on the example of the confectionery market) // Russia and the World: Development of Civilizations. Scientific Heritage and Views of V.V. Zhirinovsky on the Emerging World Order: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference. Moscow, pp. 234-238. (In Russ.)
6. Antineskul, E.A., Remneva, M.A. (2021). Supply in the market of dietary confectionery products: specifics and development prospects // Marketing in Russia and Abroad. Moscow: Finpress LLC, No. 1, pp. 46-56. (In Russ.)
7. Nikolaev, A.A. (2022). Features and prospects of modern promotion of confectionery products in the Russian food market // Natural and Humanitarian Studies. Krasnodar: Academy of Knowledge LLC, No. 44(6), pp. 225-230. (In Russ.)
8. Illarionova, V.V., Verbitskaya, E.A., Popkova, P.O. (2023). Review of the consumer market for flour confectionery products // Innovations in the Food Industry and Service: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: Kuban State Technological University, pp. 413-416. (In Russ.)
9. Ivashchenko, T.Yu. (2022). Management of consumer decision-making process in the confectionery market // Alley of Science. Tomsk: Publishing Center "Quantum", Vol. 1, No. 3(66), pp. 252-258. (In Russ.)

10. Malyavina, A. (2022). On the market of frozen bakery and confectionery products // Confectionery and Bakery Production. Moscow: Industry Department, No. 1-2(197), pp. 14-16. (In Russ.)
11. Alekseenkova, E. (2021). Spicy chocolate, "mini" and full automation: trends in the confectionery market // Food Industry. Krasnodar: Institute for Agricultural Development LLC, No. 1(45), pp. 22-24. (In Russ.)
12. Begieva, A.Sh., Khosroeva, N.I. (2023). Marketing research of the flour confectionery market of the region // Humanities and Socio-Economic Sciences. Rostov-on-Don: Southern Federal University, No. 6(133), pp. 64-66. (In Russ.)
13. International Convention on the Harmonized Commodity Description and Coding System. URL: https://customs.gov.tm/pdf/nomenclature.pdf. (In Russ.)
14. Cocoa and cocoa products | Import and Export | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=18&indicator=tv_wrld_share,TV&trade_flow=Export,Import&time_period=2023. (In Russ.)
15. Sugar and sugar confectionery | Import and Export | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=17&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2023. (In Russ.)
16. Cereal, flour, starch or milk preparations; flour confectionery | Import and Export | 2023. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2?commodity=19&indicator=TV,tv_wrld_share&trade_flow=Export,Import&time_period=2023. (In Russ.)
17. Lola, I.S. (2023). On improving the methodology for assessing and analyzing the export situation of Russian manufacturing enterprises // Statistical issues. Vol. 30. No. 3, pp. 5-19. (In Russ.)
18. Shpilko, T.F. (2021). Analysis of demand and supply affecting the commodity market situation // Education and Science without Borders: Social and Humanitarian Sciences. No. 15, pp. 53-57. (In Russ.)
19. TrendEconomy – Open Data Portal | Import and Export | 2021. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/.
20. Dai, C. (2023). A method of forecasting trade export volume based on back-propagation neural network // Neural Computing and Applications. Vol. 35, Iss. 12, pp. 8775-8784. DOI: 10.1007/s00521-022-07693-5. (In Russ.)
21. Germanchuk, A.N. (2021). Marketing interaction of participants in the distribution system // Enterprise Strategy in the Context of Increasing its Competitiveness. No. 10, pp. 135-139. (In Russ.)
22. Semenov, A.A. (2021). Research of the confectionery market situation in the context of geomarketing // Trade and Market. Donetsk, No. 4-1(60), pp. 258-270. (In Russ.)
23. Vdovin, S.A., Barliani, A.G. (2022). Algorithms of geoanalytical and geomarketing research of commercial objects // Interexpo Geo-Siberia. Novosibirsk, Vol. 5, pp. 120-129. (In Russ.)
24. Global Top 100 Candy Companies | Candy Industry 2023. URL: https://www.snackandbakery.com/candy-industry/2023/global-top-100-candy-companies. (In Russ.)
25. Top-30 confectionery enterprises. URL: https://aspromservis.ru/stati/top-30-predpriyatiy-konditerskoy-promyshlennost/. (In Russ.)
26. Confectionery factories and bakeries. URL: https://candy-factory.ru/russia/donetskaya-respublika/donetsk. (In Russ.)

Information about the authors
Andrey A. Semenov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Svetlana S. Kuzmenko – Senior lecturer

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.04.2025
Поступила после рецензирования 11.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.486:005
JEL: R10

ВАК 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ЦЕНТР: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЗДАНИЯ

Анна Геннадиевна Китаева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283050, г.о. Донецк, ул. Щорса, 31, e-mail: kitaeva.anna1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению идеи создания инклюзивного туристского центра как новой формы образовательного и социального института. В работе прослеживается эволюция образовательного туризма от его зарождения до современных тенденций, что позволило выявить закономерности развития данного направления и определить предпосылки для внедрения инклюзивных практик. Отдельное внимание уделено анализу национальных проектов «Современная школа» и «Цифровая образовательная среда», в которых заложены основы модернизации инфраструктуры и цифровизации образовательного процесса. Показано, что именно эти инициативы создают благоприятные условия для внедрения инновационных решений, ориентированных на детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Автором обоснована необходимость интеграции инклюзивного туристского центра в систему образования как элемента, объединяющего образовательные, культурные и технологические ресурсы. Рассматриваются потенциальные направления деятельности центра: разработка виртуальных образовательных туров, создание безбарьерной среды, подготовка специалистов и информационное сопровождение. Делается вывод, что инклюзивный туристский центр способен восполнить дефицит адаптированных туристско-образовательных программ, повысить доступность знаний и способствовать социальной интеграции обучающихся, тем самым укрепляя основы формирования справедливого и инклюзивного общества.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, адаптация детей инвалидов, ограниченные возможности здоровья, социальный эффект инклюзивного туристского центра.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Китаева А.Г. Инклюзивный туристский центр: теоретическое обоснование создания. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 104-117.

UDC 338.486:005
JEL: R10

HAC 5.2.3. Regional and sectoral economics

INCLUSIVE TOURIST CENTER: THEORETICAL JUSTIFICATION OF CREATION

Anna Gennadievna Kitaeva

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University OF Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», Russian Federation, Donetsk People's Republic, 283050, DNR, Donetsk, 31 Shchorsa str., e-mail: kitaeva.anna1@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the theoretical substantiation of establishing an inclusive tourist center as a new institutional form combining educational, cultural, and social functions. The study examines the historical trajectory of educational tourism, identifying key stages of its development and demonstrating the prerequisites for introducing inclusive practices. Particular attention is given to the analysis of the federal projects "Modern School" and "Digital Educational Environment", which lay the groundwork for the modernization of educational infrastructure and the digital transformation of the learning process. These initiatives create favorable conditions for implementing innovative solutions aimed at children with disabilities and special educational needs.

The author justifies the necessity of integrating an inclusive tourist center into the educational system, emphasizing its role as a platform for designing virtual educational tours, creating barrier-free environments, training qualified personnel, and providing informational support. The proposed concept highlights the potential of the inclusive tourist center to compensate for the lack of adapted tourist and educational programs, improve access to knowledge, and contribute to the social inclusion of learners. In this way, the project is positioned as an important step toward building a more equitable and inclusive society.

Keywords: inclusive tourism, adaptation of disabled children, limited health opportunities, social effect of inclusive tourist center.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Kitaeva, A.G. (2025). Inclusive tourism center: theoretical justification for creation. Public administration and law, 2(06), 104-117.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение качественного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и инвалидов – это не только соблюдение международных норм, но и залог их успешной адаптации в обществе и повышения качества жизни. Образование даёт им гораздо больше, чем просто знания. В условиях, когда реальные путешествия часто недоступны из-за барьеров и отсутствия адаптированных программ, виртуальный образовательный туризм, основанный на современных технологиях, предлагает инновационный способ расширить свой кругозор и получить образовательный опыт, имитирующий реальные путешествия. Именно это является важнейшим условием для организации инклюзивного туристского центра, главной целью которого является создание адаптивных виртуальных образовательных туров. Социальный эффект данного мероприятия состоит в предоставлении равных возможностей детям с инвалидностью и ОВЗ в получении знаний и полноценном отдыхе, так как образовательный туризм – это не просто развлечение, а уникальная форма обучения, способствующая развитию познавательных навыков, социальной адаптации и личностному росту. Инклюзивный центр гарантирует, что эти возможности не будут недоступны из-за физических ограничений.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является обоснование необходимости создания и примерной структуры инклюзивного туристского центра (далее – ИТЦ) как элемента образовательного процесса.

Задачи исследования: провести обобщение исторических предпосылок становления образовательного туризма и выявить ключевые этапы его развития; сформулировать сущностные характеристики инклюзивного туристского центра и определить его отличие от существующих форм образовательного туризма; оценить потенциальный круг пользователей ИТЦ с учётом особенностей образовательных потребностей детей с инвалидностью и ОВЗ; определить уровень и формы институциональной интеграции ИТЦ в систему образования (муниципальный, региональный, федеральный); обосновать направления деятельности ИТЦ, учитывающие образовательные, социальные и технологические аспекты.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа работы сочетает в себе несколько взаимодополняющих подходов, что позволяет всесторонне раскрыть заявленную проблему.

Во-первых, применялся метод историзма, с помощью которого образовательный туризм рассматривался в динамике – от его истоков до современных тенденций. Такой подход позволил выявить закономерности эволюции туристско-образовательных практик и обосновать необходимость их адаптации к инклюзивной среде.

Во-вторых, использован системный подход. Он дал возможность рассматривать инклюзивный туристский центр как комплексный социально-экономический институт, включающий образовательные, культурные, организационные и технологические компоненты. В рамках системного анализа были определены связи ИТЦ с органами власти, образовательными учреждениями, общественными организациями и бизнес-структурами.

В-третьих, привлекался прогностический метод. Его применение позволило смоделировать перспективные направления внедрения технологий виртуальной и дополненной реальности в образовательный процесс и оценить социальный эффект их использования.

Наряду с этим в исследовании использовались методы анализа, наблюдения и аналогии, которые способствовали структурированию теоретических положений и выделению практических задач для последующей реализации проекта ИТЦ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Инклюзивный туризм является мощным инструментом регионального развития, обеспечения экономического роста, социальной справедливости и защиты окружающей среды. Внедрение инклюзивных подходов в туристическую отрасль не только повышает конкурентоспособность региона, но и значительно улучшает качество жизни его населения. Образовательный туризм, как важная часть инклюзивных туров, обладает огромным социальным потенциалом и заслуживает особого внимания. В настоящее время тема развития инклюзивного образовательного туризма актуальна и является объектом изучения многих учёных, среди которых Джавадова С.А., Карицкая И.М., Коренко Ю.М., Лебедев А.Р., Лутошкина А.К., Петрова А.С., Томилин К.Г.

Право на получение образования на территории Российского государства закреплено в двух основных законодательных актах: Конституции Российской Федерации и Федеральном Законе «Об об-

разовании в Российской Федерации».

Статьёй 43 Конституции Российской Федерации «Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях... Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования» [1].

Статья 5 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует «право каждого человека на образование... независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [2].

В нашей стране вопросы воспитания детей имеют первостепенное значение, так как оно считается определяющим элементом в формировании личности, развитии навыков социального взаимодействия и залогом востребованности будущих специалистов. Именно воспитание в детстве формирует фундамент для успешной самореализации и адаптации к условиям современного рынка труда. Одним из способов получения новых знаний, профессиональных навыков и умений является образовательный туризм.

История образовательных путешествий имеет древние традиции. Первые путешествия с целью получения новых знаний появились в древнейшие времена. Египетские жрецы, обладавшие знаниями в разных науках, делились ими не только друг с другом, но и с греческими учёными. Архимед, Платон, Пифагор обучались математике в своих путешествиях в Египет. Таким образом, можно предположить, что свою историю образовательный туризм начал с V тысячелетия до н. э. [3]. Параллельно со Средиземноморьем, образовательный туризм развивался на Востоке. Конфуций и его ученики, в отличие от греческих учёных, которые приезжали за новыми знаниями в Египет, сами, путешествуя по другим странам, обучали их жителей [4].

Следующим значимым этапом, проявившем себя в XI-XII вв., повлиявшим на развитие образовательного туризма, стало создание первых средневековых европейских университетов. Средневековые университеты (Болонский, 1088, Парижский, 1150), представляли собой так называемые учебные корпорации, присуждавшие своим студентам степени, начиная от лицентиата и далее: бакалаврские, магистерские, докторские. Степень лицентиата, дающая «право преподавания повсюду», а также единая католическая религия и общая языковая среда позволили создать университетское пространство, в котором студенты и преподаватели свободно перемещались между университетами [5].

Различные экономические и политические процессы, приведшие к распаду Священной римской империи и разложению феодального строя, способствовали развитию транспортной системы, взаимодействию ранее отдалённых друг от друга земель, стимулировали процесс появления Грант-туров в Европе. Во второй половине XVII в. интерес европейской аристократии к истории, культуре и архитектуре Римской империи позволили Грант-турам стать очень популярными среди состоятельных путешественников [6].

В России история развития об-

разовательного туризма началась в петровские времена и продолжается по настоящее время [7]. Этапы развития образовательного туризма на территории России представлены на рисунке 1.

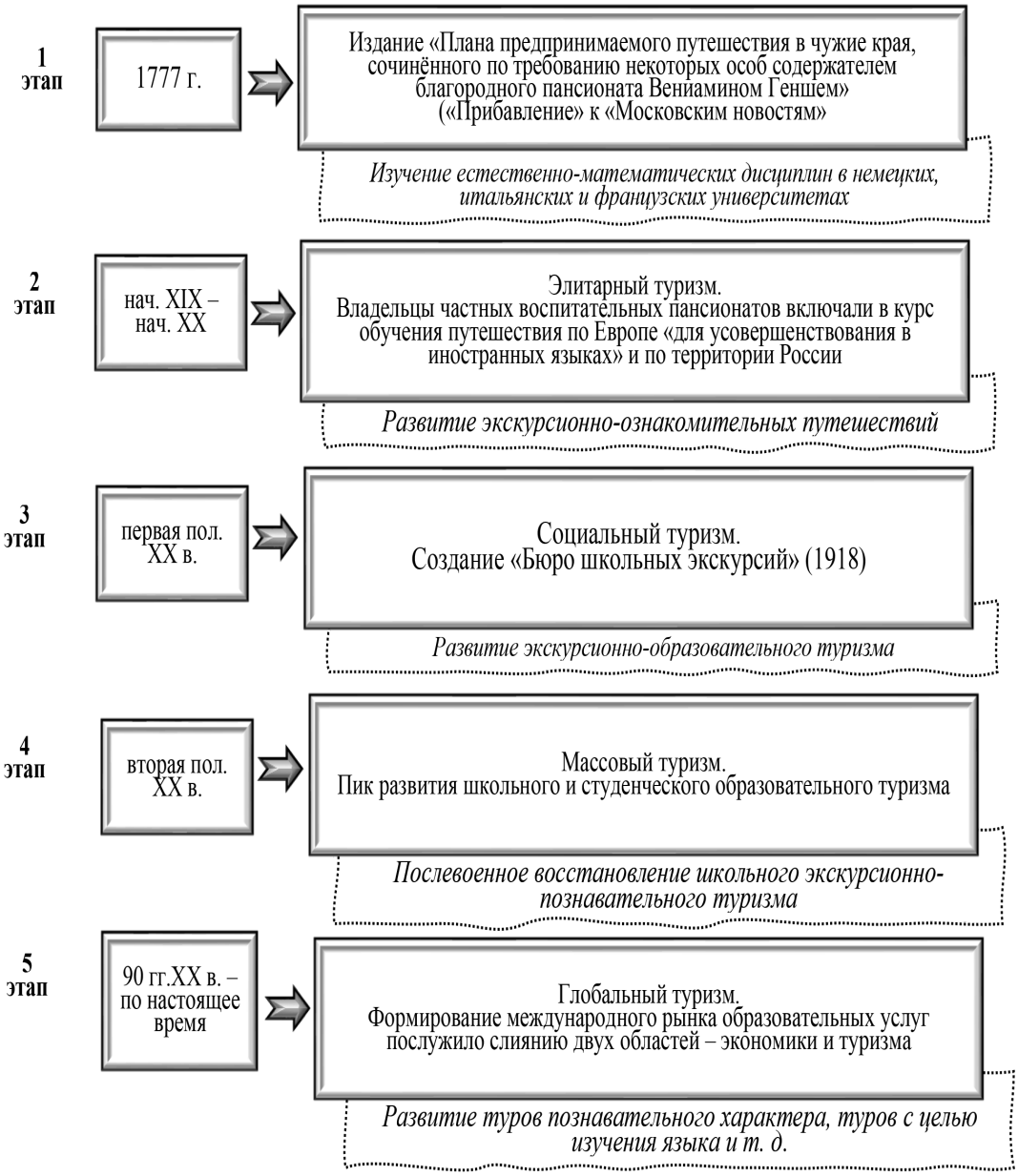

Рисунок 1. Этапы развития образовательного туризма в России (составлено автором)
Figure 1. Stages of development of educational tourism in Russia (compiled by the author)

Последовательность этапов иллюстрирует постепенное расширение функций и форм туристско-образовательной практики: от первых поездок с познавательными целями в XVIII – XIX вв. до формирования глобального рынка образовательных услуг в конце XX – начале XXI вв. Визуализация позволяет проследить переход от элитарных индивидуальных путешествий к массовым экскурсионным программам, а затем к международным образовательным обменам. Каждый этап характеризуется изменением социальных потребностей, институциональной базы и инфраструктурных условий, что подчёркивает тесную связь образовательного туризма с социально-экономическим развитием государства. Представляется возможным проследить логику эво-

люции исследуемого явления. Данная периодизация задаёт основу для дальнейшего обоснования необходимости создания инклюзивного туристского центра как новой формы образовательного туризма.

В результате исследования определено, что развитие образовательного туризма, который уже давно вышел за рамки одного государства, продолжается и в настоящее время. На современном рынке туристских услуг образовательный туризм выделен в самостоятельный вид туризма, который в нынешних условиях развития становится доступным для большинства граждан государства.

С экономической точки зрения, образовательный туризм – это «система отношений, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением образовательного туристского продукта, в рамках народного и мирового хозяйства» [8].

С точки зрения потребностно-ориентированного подхода. образовательный туризм представляет собой «туристские поездки, экскурсии с целью удовлетворения познавательных интересов» [9].

Всемирная туристская организация предлагает следующее определение дефиниции «образовательный туризм» – это «широкий спектр продуктов и услуг, связанных с академическим обучением, каникулами для повышения квалификации, школьными поездками, спортивными тренировками, курсами по развитию карьеры и языковыми курсами, среди прочего» [10].

Осокина И.В. в своей работе «Образовательный туризм как образовательная технология» выделяет педагогический подход к трактовке термина «образовательный туризм» – «часть образовательного процесса по получению новых знаний как в частном, так и в общем образовании, осуществляемого при помощи визуализации» [11].

Именно это определение мы возьмём за основу сущности исследуемой темы. В данном определении выделено, что новые знания обучающиеся могут получать при помощи визуализации. А этот момент крайне важен, так как не всегда образовательный туризм, как процесс перемещения туриста в пространстве, возможен.

В настоящее время, по данным Федеральной службы государственной статистики на 31.12.2024 (корректировка информации на 26.04.2024), количество инвалидов на территории Российской Федерации составляет [12]:

«- дети в возрасте до 18 лет – 755 тыс. человек,

в том числе:

в возрасте 0-7 лет – 199 тыс. человек;

в возрасте 8-17 лет – 557 тыс. человек;

- трудоспособного возраста (от 18 до 63 лет) – 4036 тыс. человек».

Министерство просвещения России реализует комплекс мероприятий, направленных на охрану прав учащихся с ОВЗ и инвалидов в образовании. Ведомство гарантирует доступность качественного обучения и всестороннюю поддержку специализированным (коррекционным) учебным заведениям. Кроме того, министерство активно работает над созданием инклюзивной среды в общеобразовательных школах и дошкольных учреждениях. В рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» планируется модернизация инфраструктуры более чем в 50 % коррекционных школ, что составляет около 900 образовательных учреждений. В частности, процесс модернизации затронет трудовые мастерские, кабинеты специалистов, предоставляющих психолого-педагогическую поддержку обучающимся с осо-

быми образовательными потребностями, а также учебные аудитории и помещения, предназначенные для обеспечения качественного доступного образования. Доступными станут компьютерные классы, спортивные залы и залы лечебной физкультуры, кабинеты химии, физики, географии, иностранных языков, музыки и другие учебные аудитории [13].

Необходимо отметить, что действующий на территории Российской Федерации национальный проект «Образование» включает в себя реализацию федеральных проектов «Современная школа», «Успех каждого ребёнка», «Молодые профессионалы», «Цифровая образовательная среда», «Социальные лифты для каждого» и др. Проекты направлены на оказание методической, психолого-педагогической, консультационной помощи семьям, в которых воспитываются дети с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья [14].

Более подробно о результатах реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда» (период реализации 01.01.2019 – 31.12.2024). Целью проекта является создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, которая будет гарантировать высокое качество и доступность образования всех видов и уровней. В рамках проекта ведётся работа по оснащению организации новейшим оборудованием и разработке цифровых сервисов и контента для образовательной деятельности.

Некоторые ключевые результаты и показатели проекта до конца 2024 года:

– «более 21тыс. образовательных учреждений оснащены оборудованием для внедрения цифровой образовательной среды;

– организованы более 300 центров цифрового образования детей «IT-куб;

– более миллиона учителей подключены к платформе «Цифровая образовательная среда»;

– у 81 % педагогов и не менее 33 % учителей школ появилась возможность использовать услуги, предлагаемые Федеральной информационно-сервисной платформой в цифровой образовательной среде;

– разработаны 50 комплектов проверенного цифрового образовательного контента, соответствующего Федеральным государственным образовательным стандартам общего образования;

– более 40 % образовательных учреждений из числа субъектов Российской Федерации принимают участие в экспериментах по модернизации начального, базового и среднего общего образования, оснащены компьютерами, мультимедийным, презентационным оборудованием и программным обеспечением» [14].

В результате ранее проведённых исследований было установлено, что для удовлетворения потребностей граждан с инвалидностью и ОВЗ, с целью их социальной адаптации, получения дополнительной информации в рамках образовательных программ, необходимо разрабатывать туры инклюзивного виртуального туризма. Для реализации данного направления предложен методический подход к созданию данных туров и выявлены направления применения технологий виртуальной реальности в сфере инклюзивного туризма [15-16].

На основе полученных данных, для поддержки и дальнейшего развития коммуникативных и образовательных навыков детей с инвалидностью и ОВЗ, предлагаем создание и внедрение в образовательную среду инклюзивного туристского центра (далее – ИТЦ), использующего в своей деятельности технологии виртуальной реальности.

Инклюзивный туристский центр (ИТЦ) – это специализированная структура, ориентированная на разработку и реализацию образовательных и культурно-познавательных туров с применением технологий виртуальной реальности, обеспечивающая доступность образовательных услуг для детей с инвалидностью и ОВЗ.

Предполагается интеграция ИТЦ на региональном уровне с последующей возможностью масштабирования до федерального уровня. Это позволит сочетать функции методического центра и практической площадки для внедрения инновационных образовательных технологий.

Основная цель деятельности ИТЦ – разработка, реализация и представление различных туристских продуктов образовательного, культурно-исторического и других видов туризма с применением виртуальной реальности, направленных на социальную, культурную и образовательную интеграцию людей с ограниченными возможностями и инвалидностью.

Также необходимо отметить, что значимым условием адаптации инвалидов и людей с ОВЗ является формирование мобильной городской среды, в том числе организация городских и межгородских транспортных коммуникаций. Городской и межгородской транспорт остаётся, в большинстве случаев, недоступным для безопасного перемещения инвалидов и людей с ОВЗ, особенно, если это дети.

Ещё одним неоспоримым преимуществом создания ИТЦ является возможность виртуального перемещения в любую точку мира. В условиях вводимых санкций против Российской Федерации и ограничения перемещения российских граждан за пределами государства, центр предоставляет возможность через реализацию виртуальных образовательных туров языковой практики при изучении иностранных языков, изучение истории, географии, биологии и других предметов.

Схематично теоретическое обоснование создания инклюзивного туристского центра представлено на рисунке 2.

Представленная схема отражает логическую конструкцию формирования инклюзивного туристского центра как комплексного института. В её основе лежит взаимосвязь нескольких ключевых блоков: образовательной среды, социальной сферы, государственного управления и бизнес-структур. Каждый из элементов вносит собственный вклад в развитие центра: органы власти обеспечивают нормативно-правовую поддержку, образовательные учреждения – внедрение адаптивных программ, общественные организации – учёт потребностей детей с инвалидностью и ОВЗ, а коммерческие компании – технологические решения в области виртуальной и дополненной реальности.

В центральной части схемы обозначены направления деятельности центра: разработка стратегии и адаптированных программ, организация безбарьерной среды, подготовка кадров, продвижение образовательных туров и интеграция цифровых технологий. Такой подход позволяет рассматривать ИТЦ как многоуровневую систему, где успешная реализация целей возможна только при координации усилий всех заинтересованных сторон.

Таким образом, рисунок 2 наглядно демонстрирует системный характер предлагаемой модели и подчёркивает необходимость межсекторального взаимодействия для достижения социальной и образовательной эффективности.

Необходимо отметить, что при

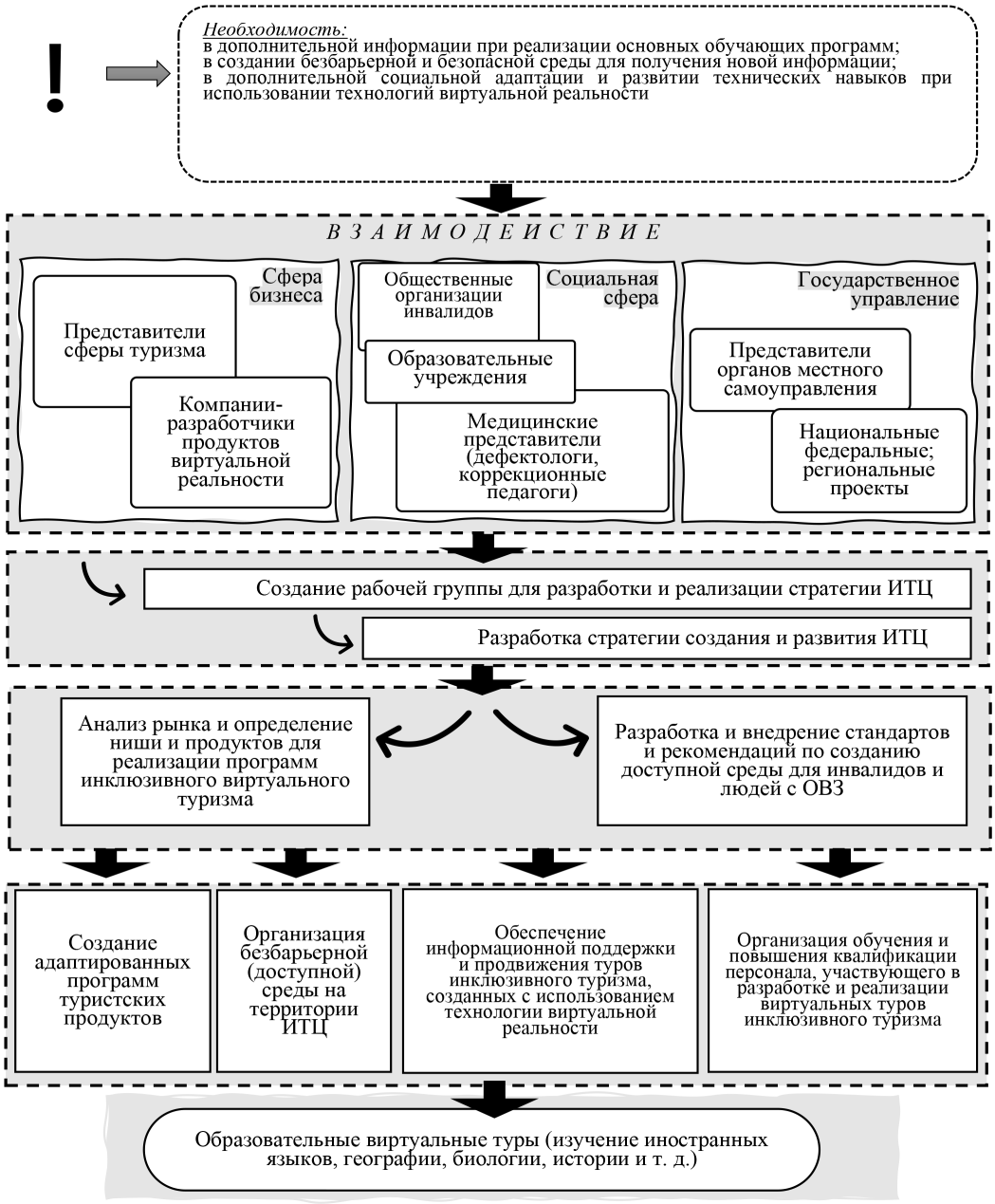

Рисунок 2. Теоретические основы создания инклюзивного туристского центра (составлено автором)
Figure 2. Theoretical foundations for creating an inclusive tourist center (compiled by the author)

использовании технологий виртуальной реальности для людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов существуют отрицательное и положительное воздействия при реализации предлагаемых продуктов виртуальной реальности, которые необходимо учитывать при создании программ инклюзивного туризма.

1. Отрицательное воздействие:

– отсутствие адаптивного контента, так как предлагаемые на рынке виртуальных технологий программы не учитывают определённые специфические нужды данных потребителей;

– ограниченные возможности подвижности и координации не представляют возможным вовлечения данной группы потребителей в активные действия, предлагаемые некоторыми программами;

– необходимость в предварительном обучении использования приложений и устройств виртуаль-

ной реальности как персонала центра, так и посетителей.

2. Положительное воздействие:

– возможность адаптировать интерфейс программы под потребности людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов;

– возможность предоставления дополнительной обучающей информации для развития необходимых профессиональных навыков, социальной и культурной адаптации;

– создание персонализированных программ в зависимости от специальных потребностей людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов;

– наглядная и точная графика, спецэффекты, детально воспроизводящие пространство, архитектуру, произведения искусства, лабораторные опыты и т. д.;

– безопасность при демонстрации технических или химических процессов при реализации обучающего процесса;

– полное погружение и фокусировка в происходящие в виртуальном пространстве процессы.

Также следует отметить, что на территории Российской Федерации нет дефицита в наличии компаний, предоставляющих услуги по созданию продуктов виртуальной и дополненной реальности. Рейтинг 20 ведущих компаний-разработчиков представлен на рисунке 3 [17].

1. Akademia akademia.art - 9,83;
2. ARJay Studio workspace.ru - 9,47;
3. Агентство "В точку" t4ka.ru - 9,21;
4. LikeVR likevr.ru - 8,97;
5. District Zero district0.com - 8,56;
6. Formika Lab formikalab.ru - 8,25;
7. INTY inty.pro - 7,89;
8. Twin3D twin3d.ru - 7,63;
9. EVENT technologies event-tech.org - 7,32;
10. SEVEN WINDS 7winds.mobi - 7,06;
11. Herbarium Games herbariumgames.com - 6,94;
12. Nomix nomixvr.ru - 6,75;
13. Dream Port dreamport.pro - 6,41;
14. Rubius rubius.com - 6,18;
15. AVM avmtechnology.ru - 5,76;
16. Rivestudio rivestudio.ru - 5,48;
17. E-legion e-legion.ru - 5,02;
18. pie studio pie.studio - 4,96;
19. ARVR3D arvr3d.ru - 4,74;
20. Enter VR enter-vr.com - 4,51.

Рисунок 3. Рейтинг ведущих компаний-разработчиков продуктов виртуальной и дополненной реальности Российской Федерации [17]
Figure 3. Rating of leading companies developing virtual and augmented reality products in the Russian Federation [17]

Важно отметить социальный эффект создания ИТЦ: технологии виртуальной реальности, применяемые при реализации образовательных туристских продуктов в образовательном процессе, позволят:

– осуществить дистанционное эффективное взаимодействие участника программы с продуктом программы;

– дополнить основные образовательные программы дополнительным материалом, обеспечив виртуальное адаптивное сопровождение информации;

– эффективно и безопасно осуществлять социальную адаптацию участников программы, т. е. создать

безбарьерную среду возможностей для участников программы (отсутствие преодоления больших расстояний, языковых, коммуникативных барьеров).

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование подтвердило, что вопрос создания инклюзивного туристского центра (ИТЦ) имеет высокую социальную и научную значимость. Современная система образования и туризма в России сталкивается с целым рядом вызовов, связанных с недостаточной доступностью образовательных и культурных ресурсов для детей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Анализ существующих предложений показал, что многие из них либо ориентированы на массового потребителя без учёта специфики особых образовательных потребностей, либо отличаются высокой стоимостью и ограниченной адаптацией к условиям инклюзивной среды.

Историко-педагогический анализ позволил выявить закономерности развития образовательного туризма и показать, что его становление происходило параллельно с изменениями в образовательной системе общества. На протяжении веков образовательные путешествия выполняли функцию социализации и профессионального становления личности. В современных условиях эта функция не утрачивает актуальности, однако требует дополнения инновационными инструментами, прежде всего технологиями виртуальной и дополненной реальности. Они открывают возможность компенсировать ограничения мобильности и создавать равные условия для всех категорий обучающихся.

Формулировка и уточнение дефиниции «инклюзивный туристский центр» позволили предложить новое научное видение этого института. ИТЦ может рассматриваться как интеграционная площадка, соединяющая ресурсы образования, туризма, бизнеса, государственного управления и некоммерческого сектора. В отличие от традиционных туристских организаций, деятельность центра ориентирована не только на предоставление рекреационных услуг, но и на формирование образовательной, культурной и социальной ценности.

Результаты исследования показали, что уровень интеграции ИТЦ в систему образования целесообразно рассматривать поэтапно: начиная с регионального уровня, где возможна апробация моделей взаимодействия участников, и постепенно расширяя масштаб до федерального. Такая стратегия позволит минимизировать риски, адаптировать методические подходы к разным категориям потребителей и обеспечить системное внедрение инклюзивных практик в образовательный процесс.

С точки зрения методологии исследования, применение историзма позволило выявить предпосылки формирования инклюзивного туризма; системный подход дал возможность рассмотреть ИТЦ как целостную социально-экономическую систему, включающую широкий круг участников; а использование прогностического метода позволило определить перспективные направления развития центра и обосновать его долгосрочный социальный эффект.

Особое значение имеют результаты анализа положительных и отрицательных аспектов применения технологий виртуальной реальности в образовании детей с инвалидностью и ОВЗ. Было установлено, что при правильной адаптации цифровые сервисы способны выполнять сразу несколько функций: компенсаторную (преодоление физических барьеров), образователь-

ную (расширение возможностей получения знаний), культурную (знакомство с наследием разных стран и регионов) и социальную (формирование коммуникативных навыков). Эти характеристики усиливают актуальность проекта ИТЦ и делают его перспективным направлением развития образовательного туризма.

Таким образом, в ходе исследования достигнуты поставленные цели и решены ключевые задачи. Научная новизна работы заключается в обосновании концепции инклюзивного туристского центра как инновационной формы образовательного туризма, обеспечивающей адаптацию и интеграцию детей с особыми образовательными потребностями. Практическая значимость выражается в том, что предложенные подходы могут быть использованы для разработки региональных и федеральных программ, направленных на расширение доступности образовательной среды.

Создание ИТЦ позволит компенсировать дефицит адаптированных туристско-образовательных услуг, сократить социальное неравенство и повысить качество жизни семей, воспитывающих детей с инвалидностью и ОВЗ. Реализация данного проекта станет важным шагом к формированию более справедливого и инклюзивного общества, где образовательные и культурные возможности будут доступны каждому ребёнку вне зависимости от его физических и когнитивных ограничений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022). URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/.

2. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 08.08.2024: принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698.

3. Московкин В.М. О деградации математического образования в мире и о мерах, повышающих интерес к математике // Оригинальные исследования. 2012. № 5. С. 116-132.

4. Chen S.C. Understanding the Evolving Roles of Outbound Education Tourism in China: Past, Present, and Future // Athens Journal of Tourism. 2020. Vol. 7. P. 101-116.

5. Tervoort A. The Iter Italicum and the Northern Netherlands: Dutch Students at Italian Universities and Their Role in the Netherlands' Society (1426-1575). Leiden: Koninklijke Brill, 2005. 438 p.

6. Towner J. The Grand Tour. A Key Phase in the History of Tourism // Annals of Tourism Research. 1985. Vol. 12, No. 3. P. 297-333.

7. Коренко Ю.М. Этапы развития образовательного туризма в России и за рубежом // Вестник ГУУ. 2013. № 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-obrazovatelnogo-turizma-v-rossiii-za-rubezhom.

8. Лебедев А.Р. Образовательный туризм как экономическая категория // СЭПТП. 2012. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-turizm-kak-ekonomicheskaya-kategoriya.

9. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма. Москва: Финансы и статистика, 2009. 368 с.

10. Glossary of tourism terms | UNWTO. URL: https://www.unwto.org/glossary-tourism-terms#:~:text=Education%20tourism%3A%20Education%20tourism%20covers,intellectual%20growth%20and%20skills%20development.

11. Осокина И.В. Образовательный туризм как образовательная технология // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 243-245.
12. Положение инвалидов. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964.
13. Дети с особыми образовательными потребностями. Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/?ysclid=m1z1t1b2dg257374604.
14. Национальный проект «Образование». Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/national-project.
15. Китаева А.Г. Virtusphere: возможности использования для туристов с ограниченными возможностями здоровья // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 6А. С. 288-293. DOI: 10.34670/AR.2023.85.97.033.
16. Китаева А.Г. Методический подход к созданию услуг виртуальной реальности в туристской сфере на примере инклюзивного туризма // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2023. № 3 (39). С. 101-109.
17. Рейтинг разработчиков VR/AR приложений в России 2024. URL: https://t4ka.ru/partner-club/tpost/bsi50ant81-reiting-razrabotchikov-vrar-prilozhenii?ysclid=m3rd3hw29d943875452.

Информация об авторе
Китаева Анна Геннадиевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма

REFERENCES

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12.12.1993) (with amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 01.07.2020 No. 11-FKZ, of 06.10.2022). URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (In Russ.)
2. Russian Federation. Laws. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ: text with amendments and additions as of 08.08.2024: adopted by the State Duma on December 21, 2012; approved by the Federation Council on December 26, 2012. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (In Russ.).
3. Moskovkin V.M. On the degradation of mathematical education in the world and on measures increasing interest in mathematics // Original Research. No. 5. Pp. 116-132. (In Russ.).
4. Chen, S.C. (2020). Understanding the evolving roles of outbound education tourism in China: Past, present, and future // Athens Journal of Tourism. Vol. 7. Pp. 101-116.
5. Tervoort, A. (2005). The Iter Italicum and the Northern Netherlands: Dutch Students at Italian Universities and Their Role in the Netherlands' Society (1426-1575). Leiden: Koninklijke Brill. 438 p.
6. Towner, J. (1985). The Grand Tour. A key phase in the history of tourism // Annals of Tourism Research. Vol. 12. No. 3. Pp. 297-333.
7. Korenko, Yu.M. (2013). Stages of development of educational tourism in Russia and abroad // Bulletin of the State University of Management. No. 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-obrazovatelnogo-turizma-v-rossiii-za-rubezhom (In Russ.)
8. Lebedev, A.R. (2012). Educational tourism as an economic category // SEPTP. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnyy-turizm-kak-ekonomicheskaya-kategoriya (In Russ.)
9. Zorin, I.V., Kvartalnov, V.A. (2009). Encyclopedia of Tourism. Moscow: Finance and Statistics. 368 p. (In Russ.)
10. Glossary of tourism terms | UNWTO. URL: https://www.unwto.org/glossary-tourism-terms#:~:text=Education%20tourism%3A%20Education%20tourism%20covers,intellectual%20growth%20and%20skills%20development.
11. Osokina, I.V. (2018). Educational tourism as an educational technology // Humanitarian Technologies in the Modern World: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Pp. 243-245. (In Russ.)

12. Situation of persons with disabilities. Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (In Russ.)
13. Children with special educational needs. Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/?ysclid=m1z1t1b2dg257374604 (In Russ.)
14. National Project "Education". Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://edu.gov.ru/national-project (In Russ.)
15. Kitaeva, A.G. (2023). Virtusphere: possibilities of use for tourists with disabilities // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. Vol. 13. No. 6A. Pp. 288-293. DOI: 10.34670/AR.2023.85.97.033 (In Russ.)
16. Kitaeva, A.G. (2023). Methodological approach to the creation of virtual reality services in tourism on the example of inclusive tourism // Actual Problems of Economics and Management. No. 3(39). Pp. 101-109. (In Russ.)
17. Ranking of VR/AR application developers in Russia 2024. URL: https://t4ka.ru/partner-club/tpost/bsi50ant81-reiting-razrabotchikov-vrar-prilozhenii?ysclid=m3rd3hw29d943875452 (In Russ.)

Information about the author
Teresiya Yu. Musembi – Master's degree student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.02.2025
Поступила после рецензирования 14.04.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.2:336.14:336.74(470)
JEL: E63, G28, H12

ВАК 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

СРАВНИТЕЛЬНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ НАЛОГОВО-БЮДЖЕТНОЙ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

Владимир Михайлович Окороков[1]
Николай Дмитриевич Кликунов[2]
Дмитрий Викторович Зюкин[3]

[1]Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: vmo@mebik.ru

[2]Частное образовательное учреждение высшего образования «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: nklikunov@yandex.ru

[3]Частное профессиональное образовательное учреждение «Курский техникум экономики и управления», Российская Федерация, 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 35, e-mail: d-zykin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сравнительные возможности и ограничения налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики как ключевых инструментов государственного регулирования экономики. На основе системного и историко-экономического анализа исследуются условия, при которых данные политики демонстрируют результативность или, напротив, оказываются малодейственными. Авторы разграничивают понятия «эффективность» и «результативность» применительно к макроэкономической политике, подчеркивая, что достижение макроэкономических целей требует учета временных лагов, институциональных барьеров и специфики кризисной динамики. На основе российской практики 1990–2022 гг. выявлены примеры успешного и неадекватного применения мер экономической стабилизации, в том числе в периоды дефолта 1998 г., мирового кризиса 2008–2009 гг. и пандемии COVID-19. Обосновывается, что в условиях структурных деформаций и глубоких кризисов возникает необходимость временного перехода к государственному «дирижизму», обеспечивающему прямое вмешательство государства в хозяйственные процессы. Полученные результаты могут быть полезны для выработки более сбалансированных и результативных стратегий макроэкономической политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный интервенционализм, результативность, налогово-бюджетная политика, денежно-кредитная политика, государственный «дирижизм».

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Окороков В.М, Кликунов Н.Д., Зюкин Д.В. Сравнительная результативность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 118-126.

UDC 338.2:336.14:336.74(470)
JEL: E63, G28, H12

HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

COMPARATIVE EFFECTIVENESS OF FISCAL AND MONETARY POLICIES

Vladimir Mikhailovich Okorokov[1]
Nikolay Dmitrievich Klikunov[2]
Dmitry Viktorovich Zyukin[3]

1Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: vmo@mebik.ru

2Private educational institution of higher education «Kursk Institute of Management, Economics and Business», 35 Radishcheva str., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: nklikunov@yandex.ru

3Private professional educational institution «Kursk College of Economics and Management», 35 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russian Federation, e-mail: d-zykin@yandex.ru

Abstract. The article explores the comparative effectiveness of fiscal and monetary policies as the main instruments of state regulation of the economy. Using a systemic and historical-economic approach, the authors analyze the conditions under which these policies prove to be effective, as well as situations where they lose their impact. Particular attention is paid to the conceptual distinction between «efficiency» and «effectiveness» in macroeconomic policy, highlighting the importance of time lags, institutional constraints, and the nature of economic downturns. Based on Russian practice from 1990 to 2022, the study examines specific episodes of crisis management, including the 1998 default, the 2008–2009 global financial crisis, and the 2020–2022 COVID-19 pandemic. The analysis demonstrates that while monetary policy may be sufficient in addressing short-term recessions, deeper structural crises require fiscal adjustments or even a temporary shift to state «dirigisme». The results provide insights for developing more balanced and result-oriented macroeconomic strategies in the Russian Federation.

Keywords: state interventionism, effectiveness, fiscal policy, monetary policy, state «dirigisme».

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Okorokov, V.M., Klikunov, N.D., Zyukin, D.V. (2025). Comparative effectiveness of fiscal and monetary policies. Public administration and law, 2(06), 118-126.

ВВЕДЕНИЕ

Спор о сравнительной результативности налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики приближается к своему вековому юбилею [1]. Его родоначальником можно считать Джона Мейнарда Кейнса [2], поднявшего денежную «вуаль» и придавшего политике центральных банков самостоятельное направление макроэкономического воздействия.

В настоящее время в учебных пособиях как вводного [3], так и промежуточного уровня [4] налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика рассматриваются, как равноправные способы государственного воздействия на экономическую систему, порождающие примерно одинаковые мультипликационные эффекты. В модели IS-LM, разработанной Джоном Хиксом [5], как математической интерпретации кейнсианских идей, налогового-бюджетная политика воздействует на кривую IS (инвестиции-сбережения), а денежно-кредитная – на кривую LM (ликвидность-деньги). У человека,

погружающегося в макроэкономическую проблематику, может сложиться впечатление, что можно делать и так, и так.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Базовая установка данной статьи состоит в выделении условий, при которых:

а) работают и налогово-бюджетная, и денежно-кредитная политика;

б) работает налогово-бюджетная политика, денежно-кредитная политика не работает;

в) не работает налогово-бюджетная политика, денежно-кредитная политика работает;

г) ни налогово-бюджетная политика, ни денежно-кредитная политика не могут оказывать существенного влияния на макроэкономическую систему, и требуется государственный «дирижизм».

Цель исследования заключается в проведении сравнительного анализа результативности налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики в российской экономике, выявлении факторов, определяющих их эффективность, а также обосновании условий, при которых возникает необходимость временного перехода к государственному «дирижизму».

Для достижения указанной цели в исследовании поставлены и решаются следующие задачи: уточнить понятийный аппарат категорий «результативность» и «эффективность» применительно к макроэкономической политике; охарактеризовать особенности реализации налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, включая механизмы их действия, временные лаги и институциональные ограничения, провести сравнительный анализ воздействия налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на макроэкономическую систему, исследовать российский опыт 1990-2022 гг. и выделить примеры адекватных и неадекватных реакций государства на кризисные явления, определить условия, при которых результативны оба вида политики/результативна только налогово-бюджетная или только денежно-кредитная политика/не результативна ни одна из них, и требуется использование механизмов государственного «дирижизма», сформулировать выводы о перспективах повышения результативности макроэкономической политики Российской Федерации.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологической основой исследования является системный подход к анализу макроэкономической политики, предполагающий рассмотрение налогово-бюджетных и денежно-кредитных инструментов как взаимосвязанных элементов единого механизма государственного регулирования.

В работе использованы:

сравнительный анализ, применяемый для сопоставления результативности налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики по ряду критериев (механизм воздействия, временной лаг, институциональные ограничения, влияние на экономические диспропорции);

историко-экономический метод, позволивший выявить особенности применения различных инструментов макроэкономической политики в России в 1990-2022 гг.;

метод кейс-стади, применённый для анализа конкретных кризисных периодов (1991, 1992-1993, 1998, 2001, 2008-2009, 2020-2022 гг.) и оценки адекватности реакций государства;

структурно-функциональный анализ, использованный для выделения условий, при которых эффективны отдельные виды политики либо возникает необходимость перехода к государственному «дирижизму»;

логический и абстрактно-теоре-

тический анализ, обеспечивающий разработку авторской концепции разграничения понятий «эффективность» и «результативность» в макроэкономическом контексте.

Эмпирическую базу исследования составили статистические данные о макроэкономических показателях России, нормативно-правовые акты, регулирующие налогово-бюджетную и денежно-кредитную политику, а также материалы отечественных и зарубежных научных публикаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятийный аппарат

В название статьи вынесен термин «результативность». Авторы отличают его от понятия «эффективность». Если для оценки эффективности применяется анализ «издержки-прибыль» и сравниваются альтернативные проекты с целью выбрать наиболее подходящий, то оценка результативности строится на основе анализа «издержки-результат» [6]. Макроэкономический подход сравнивает текущее состояние системы с её ожидаемым будущим состоянием [7] и в нём, как правило, не выделяется максимизация прибыли в качестве цели макроэкономической политики.

Спрос на изменение макроэкономической политики, как налогово-бюджетной, так и денежно-кредитной, возникает в ситуации рецессии, кризисов или депрессий, а следствием этого изменения этих изменений становится операционально выражаемый результат – выход системы из «провала» и возвращение на долгосрочный или среднесрочный тренд развития [8].

Налогово-бюджетная политика

Под налогово-бюджетной политикой авторы статьи понимают государственное воздействие, связанное с:

а) изменением налогового бремени на экономических агентов или средней ставкой налогообложения. Понятие средней ставки является статистическим, в первом приближении его можно определять, как сумму собираемых в текущем году налогов (федеральных, региональных, местных), делённую на количество населения страны;

б) изменением трансфертов или отрицательных налогов, выплачиваемых экономическим агентам (домашним хозяйства и фирмам) или средним размером трансферта. В первом приближении трансферты можно определять, как сумму социальных выплат (дотаций, субвенций и субсидий) населению и прямых выплат юридическим частным лицам, делённую на население страны;

в) изменением объёма и стоимости государственных закупок. Государственные закупки могут осуществляться у юридических лиц, например, сумма, выплаченная по контракту о поставке автомобилей региональной администрации, в результате исполнения которого автомобили переходят на баланс государственной структуры, или у физических лиц, например найм профессора федеральным государственным университетом, в результате исполнения которого профессор предоставит государству, представителем которого является вуз, услугу соответствующего объёма и качества.

Методологически важно разделять трансферты и государственные закупки. Трансферты по своей природе являются безвозмездными или частично возмездными. Государственные закупки – это всегда двусторонняя сделка (или контракт), предполагающая денежное возмещение;

г) изменением дефицита/профицита консолидированного государственного бюджета и, как следствие, государственного долга.

Осуществление налогово-бюд-

жетной политики связано с предварительным прохождением ряда формальных процедур [9]. Оно требует изменений в законодательстве на федеральном и региональном уровне. Это могут быть изменения в налоговом, бюджетном или иных Кодексах, принятие законов (решений) о бюджете, с детальным расписыванием направлений расходов, на очередной год или более продолжительный период (3 года).

Для изменений в налогово-бюджетной политике государства требуется согласие/одобрение/исполнение Президента, Государственной Думы, Совета Федерации, Правительства, Министерства финансов, Федеральной налоговой службы и т. д. [10].

Налогово-бюджетная политика не является способом краткосрочного воздействия на экономическую систему и зачастую связана с целым рядом отложенных эффектов.

Денежно-кредитная политика

Под денежно-кредитной политикой авторы статьи понимают государственное или квазигосударственное [11] (ЦБ РФ – квазигосударственный институт) воздействие, связанное с:

а) изменением объёма денежной массы, прежде всего наличных, а также безналичных денег, находящихся на расчётных счетах предприятий, организаций, государственных и муниципальных структур, органов власти и управления, дебетовых карт физических лиц;

б) изменением процентных ставок (ставки рефинансирования ЦБ, и производных от неё стоимости кредита, ставок по депозитам и т. д., устанавливаемого коммерческими и системообразующими банками);

в) изменением стоимости национальной валюты в ценах других валют или валютной политики.

Для изменения денежно-кредитной политики требуются согласованные действия Центрального банка, системообразующих, коммерческих банков и, как правило, соответствующего Казначейства, находящемся в ведении Министерства финансов РФ.

Денежно-кредитная политика является краткосрочным способом воздействия на макроэкономическую систему, формально для её изменения не требуется множественных и длительных согласований, как в случае с налогово-бюджетной политикой. Результативность политики требует именно согласованности, т. к. если каждый из игроков – банки, ЦБ, Минфин – преследует собственные цели, то итоговый результат будет отличаться от первоначально задуманной цели.

Сравнительный анализ результативности

В макроэкономических моделях, как правило, отделяют государство, как проводника налогово-бюджетной политики, Центральный банк, как проводника денежно-кредитной политики, от остальных участников, фирм и домашних хозяйств, вовлечённых в народную хозяйственную деятельность [12]. Государство и Центральный банк являются субъектами, оказывающими воздействие на макроэкономическую систему, домашние хозяйства и фирмы – объектами, но эти объекты принимают экономические решения при экзогенном воздействии двух типов макроэкономических регуляторов. Роберт Лукас в своей знаменитой «критике» [13] указывал на роль рациональных ожиданий фирм и домашних хозяйств при имплементации любого из типов макроэкономической политики. Экономические агенты, домашние хозяйства и фирмы не являются, в строгом смысле, объектами воздействия, как в физических термодинамических моделях, а субъектами, реакция которых на

воздействия определяет успех или провал воздействий государства и/или Центрального банка.

Выдающийся экономист Милтон Фридман для упрощённого описания каждого вида воздействия предложил аналогию «пылесос» для налогово-бюджетной, и «вертолёт» для денежно-кредитной политики [14]. В его трактовке налогово-финансовые органы страны пользуются «пылесосом» для выкачивания денег из макроэкономической системы, а банковский сектор «разбрасывает» деньги с «вертолёта».

Обобщение подходов к сравнительной результативности представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительная результативность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики
Table 1. Comparative effectiveness of fiscal and monetary policies

Критерии оценки	Налогово-бюджетная политика	Денежно-кредитная политика
Аналогия	Пылесос	Вертолёт
Сложность имплементации	Относительно много согласований	Мало согласований
Временной лаг воздействия на экономическую систему	Среднесрочный, долгосрочный	Краткосрочный
Влияние на экономические диспропорции	Значительное	Незначительное при эмиссии до 5 % прироста денежной массы
Возможность мобилизации денежных средств государством	Значительная, но порождающая структурные искажения	Незначительная при эмиссии до 5 % прироста денежной массы
Механизм воздействия на экономическую систему	Прямой	Косвенный
Обратная реакция экономической системы	Средняя	Незначительная, значительная и даже разрушительная при акценте на денежную эмиссию как основном источнике средств
Итоговая результативность в период кризиса	Хирургический эффект	Терапевтический эффект

Авторы утверждают, что лечение экономической рецессии, спада или кризиса должно определяться его природой.

Если природа кризиса техническая, а сам кризис носит относительно краткосрочный характер, то достаточно мер денежно-кредитного воздействия на макроэкономическую систему, если кризис вызван накопившимися диспропорциями в экономической системе, то терапевтического воздействия недостаточно [15] и требуется хирургическое вмешательство, т. е. изменения в структуре налогово-бюджетной политики.

Если же структурные диспропорции оказываются критическими, то власти должны прибегать к макроэкономическому «дирижизму», как предлагал делать Дж. М. Кейнс для «обуздания» великой экономической депрессии 30-х годов XX века [16]. Макроэкономический «дирижизм» означает, что государство в течение определённого времени депрессии забирает у других экономических агентов функции непосредственного управления.

Полученные результаты

Опыт российский экономиче-

ских воздействий показывает, что российское государство, как макрорегулятор, не всегда выбирает адекватные механизмы реакции на рецессию, депрессию или экономический кризис [17].

Примеры из российской действительности 1990-2022 годов, когда реакция на макроэкономическую проблему оказывалась недостаточной (таблица 2).

Таблица 2. Экономические кризисы 1990-2022 годов и изменения в государственной политике, порождённые ими
Table 2. Economic crises of 1990-2022 and the changes in public policy caused by them

Годы пика кризиса	Источник кризиса	Фактическая реакция государства	Необходимая реакция по мнению авторов
1991	Структурные деформации, породившие кризис неплатежей	«Павловская» денежная реформа. Изменения в денежно-кредитной политике	Государственный «дирижизм», изменения в налогово-бюджетной политике
1992-1993	Начало либерализации и приватизации	«Гайдаровская гиперинфляция». Изменения в денежно-кредитной политике	Изменения в налогово-бюджетной политике
1998	Дефолт, непродуманная заёмная политика	Изменения в денежно-кредитной политике	Государственный «дирижизм»
2001	Последствия дефолта	Единая шкала налогообложения. Изменения в налогово-бюджетной политике	Изменения в налогово-бюджетной политике
2008-2009	Мировой кризис	Сочетание изменений в налогово-бюджетной политике с изменениями в денежно-кредитной политике	Сочетание изменений в налогово-бюджетной политике с изменениями в денежно-кредитной политике
2020-2022	Пандемия	Акцент на налогово-бюджетную политику	Акцент на денежно-кредитную политику

Авторский подход показывает, что только в двух случаях из шести (2001 и 2008-2009 годы) была выбрана наиболее адекватная реакция на возникшие макроэкономические вызовы.

Вместе с тем российские налогово-бюджетные и денежно-кредитные регуляторы демонстрируют всё большее понимание реакции системы на возникающие кризисы, присутствует научение, адаптивность и рациональнось ожиданий как со стороны населения, так и со стороны регулирующих органов государственной власти и управления [18]. На каждый последующий вызов государственная система реагирует всё более результативно.

Поднятые в статье вопросы требуют дальнейшей научной дискуссии, которая, как надеются авторы, продолжится как в дальнейших публикациях, так и в оппонировании предложенной парадигме.

ВЫВОДЫ

Вызовы, возникающие перед макроэкономической системой, требуют использования адекватных видов государственной политики. К ним относятся денежно-кредитная, налогово-бюджетная политика и прямой государственный дирижизм.

Денежно-кредитная политика даёт наилучший результат в краткосрочном временном периоде и на неглубоких экономических спа-

дах, по мере серьёзности «заболевания» экономики требуются более системные способы воздействия, от налогово-бюджетной политики до государственного «дирижизма».

Выбор адекватных мер воздействия при экономическом кризисе является ключевой задачей государства и ЦБ, с которыми они, начиная с 2010 годов, справляются более результативно по сравнению с предыдущими периодами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Динец Д.А. Противоречия между денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политиками: анализ современной ситуации и возможностей сокращения уровня межпоколенческого долга // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechiya-mezhdu-denezhno-kreditnoy-i-byudzhetno-nalogovoy-politikami-analiz-sovremennoy-situatsii-i-vozmozhnostey.
2. Кейнс Дж.М. Трактат о денежной реформе: пер. с англ. / Дж.М. Кейнс; пер. А.С. Каменецкого. Москва: Экономическая жизнь, 1925. 109 с.
3. Мэнкью Н. Грегори. Макроэкономика. Пер. с англ. Москва: Изд-во МГУ, 2014. 563 с.
4. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика / пер. с англ.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 2017. 784 с.
5. Hicks John. IS-LM: An explanation // Journal of Post Keynesian Economics. 1980. Vol III, No.2. 152 p.
6. Nicholson Walter. Microeconomic theory. Basic principles and extensions. Thomson, Inc. 2015.
7. Barro R. Macroeconomics. Harvard University, 2013. 599 p.
8. Solow Robert M. (May 1974). The economics of resources or the resources of economics. The American Economic Review: Papers and Proceedings. 64 (2): 1-14.
9. Стадии принятия бюджета. URL: https://spec.tass.ru/budget-rf/.
10. Бюджетный Кодекс РФ. Глава 22. Рассмотрение и утверждение Федерального закона «О Федеральном бюджете». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/18e0bdeb92bf6d00ab7cc1aeb520dbd82190e0e7/.
11. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 N 86-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/.
12. Piketty Thomas. CAPITAL AND IDEOLOGY // The Belknap Press of Harvard University Press CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS LONDON, ENGLAND, 2020.
13. Черноокий В. Роберт Лукас – экономист, доказавший, что людей не обманешь. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/06/25/833382-robert-lukas.
14. Погудин С. Что такое вертолётные деньги и как они влияют на экономику? URL: https://www.finam.ru/publications/item/chto-takoe-vertoletnye-dengi-i-kak-oni-vliyayut-na-ekonomiku-20230510-145000/.
15. Krugman Paul. Development, Geography, and Economic Theory. The MIT Press. First MIT Press paperback edition, 1997, 117 p.
16. Чернышева Н.И. Дирижистская теория селективного экономического регулирования // Финансы и кредит. 2008. № 14(302). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dirizhistskaya-teoriya-selektivnogo-ekonomicheskogo-regulirovaniya.
17. Зубаревич Н.В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации «№ 2(2020): 158-167. URL: http://www.econorus.org/repec/journl/2020-46-158-167r.pdf.
18. Владимиров С.А. Об основных направлениях повышения эффективности и качества макроэкономической политики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovnyh-napravleniyah-povysheniya-effektivnosti-i-kachestva-makroekonomicheskoy-politiki-2.

Информация об авторах

Владимир Михайлович Окороков – кандидат экономических наук, доцент, ректор Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Николай Дмитриевич Кликунов – кандидат экономических наук, доцент, проректор по научной работе и инновациям Курского института менеджмента, экономики и бизнеса

Дмитрий Викторович Зюкин – кандидат экономических наук, доцент, директор Курского техникума экономики и управления

REFERENCES

1. Dinets, D.A. (2024). Contradictions between monetary and fiscal policies: an analysis of the current situation and the possibilities of reducing the level of intergenerational debt // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivorechiya-mezhdu-denezhno-kreditnoy-i-byudzhetno-nalogovoy-politikami-analiz-sovremennoy-situatsii-i-vozmozhnostey. (In Russ.)
2. Keynes, J.M. (1925). A treatise on Monetary reform: Translated from English; translated by A.S. Kamenetsky. Moscow: Economic Life. 109 p. (In Russ.)
3. Mankiw, N. Gregory (2014). Macroeconomics. Translated from English. Moscow: Moscow State University Press. 563 p. (In Russ.)
4. Dornbusch, R., Fisher, S. (2017). Macroeconomics / Translated from English: Moscow State University Press: INFRA-M. 784 p. (In Russ.)
5. Hicks, John. (1980) IS-LM: An explanation // Journal of Post Keynesian Economics. Vol III, No.2. P. 152.
6. Nicholson, Walter. (2015). Microeconomic theory. Basic principles and extensions. Thomson, Inc.
7. Barro, R. (2013). Macroeconomics. Harvard University. 599 p.
8. Solow, Robert M. (May 1974). The economics of resources or the resources of economics. The American Economic Review: Papers and Proceedings. 64 (2): 1-14.
9. Stages of Budget Adoption. URL: https://spec.tass.ru/budget-rf/. (In Russ.)
10. Budget Code of the Russian Federation Chapter 22. Review and approval of the federal law on the federal budget. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/18e0bdeb92bf6d00ab7cc1aeb520dbd82190e0e7/. (In Russ.)
11. Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated July 10, 2002, No. 86-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/. (In Russ.)
12. Piketty, Thomas. (2020). CAPITAL AND IDEOLOGY // The Belknap Press of Harvard University Press CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS LONDON, ENGLAND.
13. Chernookiy, V. (2020). Robert Lucas – an economist who proved that people can't be fooled. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/06/25/833382-robert-lukas. (In Russ.)
14. Pogudin, S. (2023). What are helicopter money and how do they affect the economy? URL: https://www.finam.ru/publications/item/chto-takoe-vertoletnye-dengi-i-kak-oni-vliyayut-na-ekonomiku-20230510-145000/. (In Russ.)
15. Krugman, Paul. (1997). Development, Geography, and Economic Theory. The MIT Press. First MIT Press paperback edition. 117 p.
16. Chernysheva, N.I. (2008). The Conducting Theory of Selective Economic Regulation // Finance and Credit. 14(302). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dirizhistskaya-teoriya-selektivnogo-ekonomicheskogo-regulirovaniya. (In Russ.)
17. Zubarevich, N.V. (2020). Possibilities and limitations of quantifying factors of economic development of Russian regions. Journal of the New Economic Association, 2(2020): 158-167. URL: http://www.econorus.org/repec/journl/2020-46-158-167r.pdf. (In Russ.)
18. Vladimirov S.A. (2014). On the Main Directions of Improving the Efficiency and Quality of Macroeconomic Policy // Izvestiya TulGU. Economic and Legal Sciences. 3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovnyh-napravleniyah-povysheniya-effektivnosti-i-kachestva-makroekonomicheskoy-politiki-2. (In Russ.)

Information about the authors
Vladimir M. Okorokov – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Rector of the Kursk Institute of Management, Economics and Business
Nikolay D. Klikunov – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovation of the Kursk Institute of Management, Economics and Business
Dmitry V. Zyukin – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Director of the Kursk College of Economics and Managemen

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.04.2025
Поступила после рецензирования 11.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 331.108.38:35.08
JEL: P41

ВАК 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРАХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елизавета Витальевна Матюшко

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», Российская Федерация, Луганская Народная Республика, 291034, г.о. Луганск, г. Луганск, квартал Молодёжный, дом 20А, e-mail: dahl.univer@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены современные модели региональной политики, применяемые в условиях новой социально-экономической реальности на примерах регионов Российской Федерации. Проведён сравнительный анализ стратегического, инновационно-кластерного, устойчивого, социально-ориентированного, инвестиционно-промышленного, цифрового и других подходов к региональному развитию. Особое внимание уделено возможности адаптации указанных моделей в специфических условиях Луганской Народной Республики с акцентом на необходимость создания собственной адаптивной модели, сочетающей в себе элементы интеграционного восстановления, цифровой трансформации и технологической модернизации. Подчёркивается значение внедрения искусственного интеллекта и цифровых решений для повышения эффективности регионального управления.

Ключевые слова: региональная политика, региональное развитие, адаптивная модель, инновационно-кластерная модель, пространственное развитие, государственно-частное партнёрство, устойчивое развитие, цифровизация.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Матюшко Е.В. Современные модели региональной политики в условиях новой реальности на примерах регионов Российской Федерации. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 127-139.

UDC 331.108.38:35.08
JEL: P41

HAC 5.2.3. Regional and sectoral economics

MODERN MODELS OF REGIONAL POLICY IN THE NEW REALITY: CASES FROM THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elizaveta Vitalievna Matyushko

Federal state budgetary educational institution of higher education «Lugansk State University named after Vladimir Dahl», Russian Federation, Lugansk People's Republic, 291034, Lugansk urban district, Lugansk city, Molodyozhny kvartal, building 20A, e-mail: dahl.univer@yandex.ru

Abstract. The article examines modern models of regional policy applied in the context of a new socio-economic reality, using examples from the regions of the Russian Federation. A comparative analysis of strategic, innovation-cluster, sustainable, socially-oriented, investment-industrial, digital, and other approaches to regional development is presented. Special attention is given to the potential adaptation of these models to the specific conditions of the Lugansk People's Republic, with an emphasis on the need to create an adaptive model of its own, combining elements of integrative recovery, digital transformation, and technological modernization. The importance of implementing artificial intelligence and digital solutions to improve the effectiveness of regional governance is emphasized.

Keywords: regional policy, regional development, adaptive model, innovation-cluster model, spatial development, public-private partnership, sustainable development, digitalization.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Matyushko, E.V. (2025). Modern models of regional policy in the new reality: cases from the regions of the Russian Federation. Public administration and law, 2(06), 127-139.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях трансформации социально-экономической и геополитической реальности региональная политика Российской Федерации сталкивается с необходимостью быстрой адаптации. Вызовы, связанные с санкционным давлением, интеграцией новых территорий, необходимостью цифровой трансформации и преодоления институциональных барьеров, требуют пересмотра устоявшихся подходов и выработки новых моделей. Кроме того, современная региональная политика должна учитывать растущее неравномерное распределение экономических, технологических и кадровых ресурсов, что актуализирует необходимость более гибкого и целенаправленного подхода к развитию территорий. Традиционные модели развития зачастую не справляются с задачей устойчивого роста в условиях усиливающейся цифровой трансформации, изменения структуры спроса на труд и усложнения внешнеполитической конъюнктуры. Возникает необходимость в системной корректировке управленческих механизмов, способных оперативно реагировать на вызовы. Это особенно важно для новых субъектов Российской Федерации, где требуется не только восстановление инфраструктуры, но и выстраивание долгосрочных стратегий, ориентированных на технологическое развитие, социальную стабильность и институциональную интеграцию.

Отдельного внимания заслуживает необходимость проектирования и внедрения адаптивных моделей регионального развития, сочетающих лучшие элементы различных подходов. Такие модели должны быть чувствительны

к локальной специфике, учитывать посткризисный контекст, инфраструктурные недостатки и социальное напряжение, а также предусматривать широкое использование передовых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные и цифровые платформы управления. В этом контексте научное исследование, направленное на критический анализ применяемых в Российской Федерации моделей региональной политики и выработку рекомендаций по их адаптации для специфических условий Луганской Народной Республики, представляется особенно актуальным и практически значимым.

Исследования в области стратегического и пространственного развития представлены в работах Смысловой О.Ю., Назаренко В.С., Перцева Н.Р. [2]. Вклад в изучение социальной политики в регионах внёс Исаев М.И. [5]. Проблемы реализации региональной политики рассмотрены в статьях Козловой Н.Ю. [11]. Инновационные подходы, включая кластерные модели и цифровизацию, отражены в аналитических материалах Минобрнауки РФ [4], Аналитического центра при Правительстве РФ [10], а также в докладах Института экономики роста им. Столыпина [8]. Значимым направлением также стало применение ИИ в прогнозировании кризисов, о чём пишет Бреус И.В. [12]. Однако в современных условиях экономического развития новых регионов РФ особую актуальность представляет привлечение научного внимания к построению собственной адаптивной модели, способной обеспечить устойчивое развитие региона в условиях интеграции и цифровой трансформации.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи – систематизация и критический анализ современных моделей региональной политики, применяемых в Российской Федерации, а также выявление возможностей их адаптации к условиям Луганской Народной Республики.

Научная новизна нашего исследования заключается в попытке разработки концепции адаптивной модели регионального развития, применимой к территориям с постконфликтным статусом и высоким уровнем институциональной неопределённости.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования базируется на системном и сравнительном подходах. Использованы методы сравнительного анализа для сопоставления современных моделей региональной политики, кейс-метод для изучения практики отдельных субъектов Российской Федерации, историко-логический и системно-структурный анализ для выявления эволюции и взаимосвязей региональных моделей, а также прогностический метод для обоснования концепции адаптивной модели развития Луганской Народной Республики. Эмпирическую основу составили стратегические документы Российской Федерации, нормативно-правовые акты, статистические данные и аналитические материалы федеральных и региональных органов власти, а также труды отечественных и зарубежных исследователей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследуя региональную политику в Российской Федерации в условиях новой социально-экономической реальности, мы наблюдаем развитие в направлении диверсификации моделей и инструментов. Сегодня в практике реализуются различные подходы, зависящие от социально-экономического профиля региона, его ресурсного потенциала, геополитического положения и приоритетов федеральной повестки. Среди различных инстру-

ментов региональной политики в Российской Федерации можно выделить основные: национальные проекты, государственные программы, особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), региональные инвестиционные проекты, субсидии и трансферты из федерального бюджета.

В условиях многообразия социально-экономических, ресурсных и географических характеристик регионов России невозможно применять единый подход к их развитию. Поэтому в практике региональной политики используются различные модели, каждая из которых ориентирована на решение конкретных задач и реализацию приоритетов территориального развития. Рассмотрение этих моделей позволяет выявить наиболее эффективные механизмы развития с учётом специфики регионов, а также проследить трансформацию подходов в ответ на вызовы современной реальности. В ходе исследования мы рассмотрим ключевые модели регионального развития, присущие современному развитию Российской Федерации.

Одну из важных ролей в региональном развитии играет модель стратегического планирования и пространственного развития. Данная модель реализуется через Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Этот документ утверждён распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

Цель стратегии – формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики, которые будут способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности [1].

Сущность модели заключается в консолидации стратегий структурного развития разных уровней территориальных единиц, сфер и отраслей хозяйствования. Она опирается на разработку и реализацию стратегий социально-экономического развития субъектов, а также схем территориального планирования, что позволяет выстроить систему приоритетов и сосредоточить ресурсы на ключевых направлениях. Примером может служить Республика Татарстан, где успешно реализуется стратегия пространственного развития с акцентом на развитие высокотехнологичных кластеров (КАМАЗ, Иннополис), интеграцию науки, образования и бизнеса. К основным элементам модели относятся:

– пространственные приоритеты. Они включают систему опорных населённых пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики, и основные направления развития федеральных округов, Арктической зоны и новых субъектов РФ, а также геостратегических территорий;

– целевые показатели пространственного развития. Они сформированы с учётом национальных целей и детализированы до уровня задач пространственного развития;

– цифровая платформа управления комплексным социально-экономическим и пространственным развитием. Она обеспечивает взаимоувязку отраслевых и пространственных приоритетов, планов по развитию инфраструктуры на основе документов территориального планирования, мониторинг динамики развития территорий с использованием статистических и ведомственных данных.

Среди примеров реализации можно выделить следующие:

– планирование развития городов. Подход предоставляет возможность учитывать динамику урба-

низации и расширения городских территорий, выстраивая стратегию их развития с акцентом на устойчивость и рациональное распределение земельных ресурсов;

– оптимизация инфраструктурных проектов. Применение аналитических и моделирующих инструментов способствует выработке наиболее целесообразных маршрутов для прокладки транспортных сетей, включая железные дороги, автотрассы, а также трубопроводы для нефти и газа, с учётом экологических и экономических факторов;

– решение проблем социального неравенства и регулирование миграционных процессов. Модель предоставляет возможность оценивать направления и объёмы перемещения населения, а также разрабатывать превентивные меры для предотвращения негативных явлений, таких как перенаселение или сокращение численности в отдельных территориях [2].

В странах с развитой экономикой около 90 % прироста ВВП обеспечивается за счёт новых знаний, воплощённых в передовых технологиях, современном оборудовании, подготовке квалифицированных кадров и эффективной организации производства. В высокотехнологичных секторах экономики доля инвестиций в научные исследования и разработки (НИОКР) может превышать 85 % [3].

В современных условиях конкурентоспособность национальной и региональной экономики в значительной мере определяется уровнем развития НИОКР и качеством человеческого капитала. Те государства и регионы, которые создают благоприятную среду для научно-технического прогресса, получают стратегическое преимущество в глобальной экономике. В этой связи особую значимость приобретает государственная региональная политика, направленная на формирование и поддержку инновационно-кластерной модели регионального развития. Такая модель предполагает концентрацию научных учреждений, образовательных организаций, высокотехнологичного бизнеса и институтов развития в пределах конкретных территорий, что способствует ускоренной трансформации научных достижений в реальные экономические эффекты и устойчивое развитие регионов.

Инновационно-кластерная модель реализуется в таких регионах, как Калужская область, где кластерная политика позволила привлечь иностранные инвестиции и создать автомобильный и фармацевтический кластеры. В рамках модели особое значение придаётся интеграции малого и среднего бизнеса, внедрению инноваций, повышению уровня технологичности производства. Например, в Новосибирске реализуется проект «Академгородок 2.0» – стратегическая инициатива по созданию высокотехнологичной среды с участием бизнеса, науки и образования [4].

К основным элементам данной модели можно отнести:

– субъекты трёх сфер: государства, бизнеса и университетов. Интеграция этих сфер обеспечивает непрерывность процесса создания и освоения инноваций;

– кластерные единицы. Это организации (предприятия), которые технологически интегрированы в кластер и функционально связаны с другими участниками кластера процессами разработки, производства и реализации инновационной продукции;

– уровни кластера. Структура высокотехнологичного кластера включает инновационный, производственный, сбытовой, конструкторско-разработческий уровни и уровень трансфера технологий;

– взаимосвязи между элемен-

тами. Они выражаются в финансовых, информационных, материальных и человеческих потоках, интенсивность которых выше, чем в системе в целом;

– связи кластера с региональной инновационной системой. Инновационный кластер включает в себя всю инновационную цепочку – от генерации научных знаний и формирования на их основе бизнес-идей до реализации товарной продукции на традиционных или новых рынках сбыта.

Существенную роль в обеспечении долгосрочного развития территорий играет модель устойчивого развития. Регионы с высокой чувствительностью к экологическим угрозам (например, Республика Бурятия, Камчатский край) применяют модель устойчивого развития, ориентированную на экологическую безопасность, бережное природопользование и развитие «зелёной» экономики. Эта модель включает мероприятия по энергосбережению, развитию альтернативной энергетики, экологическому туризму, что соответствует принципам «зелёного» роста и долгосрочной сбалансированности.

Модель устойчивого развития регионов включает три аспекта:

1. Экономический. Рациональное использование ресурсов, развитие «зелёных» технологий производства.

2. Социальный. Развитие человеческого потенциала и обеспечение социальной справедливости.

3. Экологический. Сохранение окружающей среды и природных ресурсов, защита биоразнообразия.

К примерам реализации можно отнести возобновляемую энергетику, страны активно инвестируют в солнечные и ветровые источники энергии, что сокращает углеродные выбросы и создаёт новые рабочие места в «зелёном» секторе; устойчивое сельское хозяйство, внедрение практик устойчивого земледелия, например, чередование сельхозкультур на разных полях, использование «зелёных» удобрений; образование и осведомлённость, в школах внедряют курсы по экологии и устойчивому развитию, чтобы формировать у нового поколения осознание важности защиты окружающей среды.

Одной из приоритетных моделей регионального развития также является социально-ориентированная модель, направленная на повышение качества жизни населения. Данная модель применяется в регионах с высоким уровнем социального неравенства или депопуляции, например в Республике Тыва и Забайкальском крае. Здесь ключевое внимание уделяется социальной инфраструктуре, мерам по поддержке занятости, здравоохранения и образования [5]. Ключевая задача данной концепции заключается в повышении уровня жизни населения и формировании устойчивых, динамично развивающихся территориальных сообществ. Среди её основных компонентов выделяют следующие:

– человеческий капитал. Приоритет отдаётся повышению образовательного уровня, профессиональной подготовки граждан, а также формированию навыков, востребованных на современном рынке труда;

– социальная справедливость. Акцент делается на устранение неравенства в доступе к основным социальным благам, таким как образование, здравоохранение и жильё, а также на поддержку малообеспеченных и уязвимых категорий населения через систему социальной защиты;

– участие сообщества. Население вовлекается в процессы принятия управленческих решений, создаются механизмы обратной связи

и обсуждения актуальных проблем на местах;

– экологическая устойчивость. Экологические аспекты рассматриваются как неотъемлемая часть регионального развития – приоритет отдаётся бережному отношению к природным ресурсам и внедрению принципов ресурсосбережения;

– инновации и технологии. Использование новых технологических решений и цифровых платформ способствует эффективному реагированию на социальные вызовы и расширению доступа к различным видам услуг;

– инфраструктурное развитие. Развитие транспортной, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры рассматривается как основа обеспечения равного доступа к экономическим и социальным ресурсам.

Отдельное значение в системе территориального развития приобретает инвестиционно-промышленная модель, активно реализуемая в таких субъектах, как Республика Татарстан и Белгородская область. Она нацелена на стимулирование промышленного роста, поддержку инновационных производств, развитие индустриальных парков и инфраструктурную модернизацию [6]. Татарстан демонстрирует пример комплексного подхода, совмещающего промышленную политику с поддержкой инноваций и малого бизнеса [7].

Сущность механизма реализации инвестиционной политики на региональном уровне представляет собой совокупность действий, направленных на привлечение и рациональное распределение инвестиционных ресурсов. Он включает в себя организацию контроля за эффективностью их использования, а также разработку и применение инструментов регулирования, способствующих укреплению положительных процессов в инвестиционной деятельности и минимизации негативных факторов. Среди основных элементов модели можно выделить:

– формирование привлекательных условий для инвестирования как для отечественных, так и для зарубежных инвесторов. При этом важно учитывать наличие в регионе природных и трудовых ресурсов, уровень потребительского спроса и степень конкуренции на рынке;

– разработку стратегической программы долгосрочного социально-экономического развития территории, включающую инициативы по созданию и модернизации промышленных объектов и производственных кластеров;

– расширение доступных региональных ресурсов, необходимых для реализации приоритетных инвестиционных проектов;

– финансовую поддержку инновационных и наукоёмких производств, что способствует снижению инвестиционных рисков благодаря тщательной проработке проектных решений;

– содействие развитию малого и среднего предпринимательства в ключевых для региона отраслях, поскольку конкуренция в этой сфере выступает драйвером повышения качества производственной деятельности.

Среди примеров реализации: диверсификация экономики Республики Татарстан и Башкортостана за счёт создания новых наукоёмких и высокотехнологичных производств; создание импортозамещающих производств в регионах, например, выпуск оборудования для добычи нефти в Удмуртии или антикоррозийных покрытий для труб на нефте- и газопроводах в Ленинградской области; использование межрегиональной кооперации и близости к транспортным коридорам, например, проект по совмест-

ному производству электробусов Иркутской области и китайских инвесторов [8].

Одной из современных моделей является модель государственно-частного партнёрства (ГЧП), она становится эффективным инструментом в условиях бюджетных ограничений. Модель ГЧП широко применяется в Московской области, Санкт-Петербурге и других регионах для реализации проектов в сфере транспорта, здравоохранения, образования. Основной акцент делается на привлечении частного капитала при сохранении стратегической роли государства. Примером является строительство и эксплуатация скоростных автомагистралей, объектов здравоохранения (например, онкоцентр в Липецке, построенный на принципах ГЧП) [9].

Сущность модели заключается в том, что ГЧП позволяет привлечь ресурсы частного сектора для реализации проектов, которые традиционно финансируются государством. Это может включать строительство, реконструкцию и эксплуатацию инфраструктурных объектов, а также предоставление услуг.

К основным элементам относятся:

– финансирование проектов на основе совместных вложений: частные инвесторы предоставляют капитал, а государственные органы оказывают поддержку через гарантии, субсидии или налоговые преференции;

– распределение рисков между участниками в соответствии с их возможностями и компетенциями по их управлению;

– установление долгосрочных партнёрских отношений, способствующих стабильности и предсказуемости реализации инвестиционных инициатив;

– приоритет на достижении как социально значимых, так и экономических результатов.

Актуальной в условиях цифровой трансформации становится цифровая модель регионального развития. Цифровая модель регионального развития – это система, которая использует цифровые технологии для автоматизации процессов, повышения прозрачности и эффективности деятельности органов власти субъекта РФ.

Цифровизация как инструмент новой региональной политики получает особое развитие в таких регионах, как Москва, Татарстан, Сахалинская область. Здесь внедряются цифровые платформы управления (например, система «Умный город»), осуществляется интеграция систем мониторинга, анализа больших данных, цифровых двойников территорий. Такие технологии позволяют повысить прозрачность и эффективность управления, обеспечить оперативную обратную связь с населением, снизить административные барьеры [10].

Цифровая модель регионального развития направлена на повышение эффективности управления территорией за счёт использования цифровых технологий в различных сферах, таких как экономика, социальная сфера, государственное управление.

К ключевым составляющим относятся:

– цифровизация отраслей экономики, включающая интеграцию современных цифровых решений в производственные процессы и поддержку предпринимательства малого и среднего звена;

– развитие электронного государственного управления на уровне региона, что подразумевает автоматизацию предоставления услуг и выполнение управленческих задач посредством цифровых платформ;

– разработка цифровых региональных систем мониторинга эко-

номики и социальной сферы. Они должны собирать и анализировать данные, обеспечивать моделирование сценариев развития территории;

– формирование концепции цифрового качества жизни. Учёт потребностей населения в цифровых услугах, развитие цифровых навыков.

Некоторые примеры реализации:

– цифровизация ЖКХ. Внедрение «умных» систем контроля приборов учёта коммунальных услуг, которые позволяют снизить затраты на оплату ресурсов;

– использование цифровых технологий в сельском хозяйстве. Например, мониторинг состояния пахотных земель со спутников для контроля за оборотом земель;

– цифровизация туризма. Подсчёт количества туристов в регионе с помощью технологий больших данных, полученных от мобильных телефонов.

В условиях нестабильной внешней ситуации особое значение приобретает адаптивная модель с учётом современных геополитических реалий и санкционного давления, ряд регионов (например, Белгородская, Курская, Брянская области) вынуждены адаптировать региональные стратегии к новым угрозам. Применяется адаптивная модель, включающая меры по импортозамещению, развитию аграрного сектора, расширению внутреннего кооперационного потенциала. Эта модель предполагает оперативное реагирование на изменения внешней среды и гибкую корректировку региональных программ.

В качестве одного из примеров применения адаптивной модели регионального развития можно привести систему импортозамещения в условиях трансформации внешнеэкономической конъюнктуры. Например, в условиях санкционного противостояния в мировой экономике регионы могут разрабатывать стратегии адаптации, например, через:

– локализацию международных цепей поставок. Это снижает уязвимость региональных экономических систем к реконфигурации внешних связей;

– создание условий для выхода на модель импортоопережения. Это укрепляет конкурентные позиции региональных отраслевых комплексов на мировом рынке.

Также особую роль в специфических условиях играет интеграционно-восстановительная модель. Это особый тип региональной политики, ориентированный на включение территорий, прошедших через глубокие социально-экономические потрясения (в том числе военные действия), в единое политико-экономическое и правовое пространство государства.

В качестве примеров реализации мы можем привести:

– интеграцию новых регионов в национальное пространство, например, Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Херсонской и Запорожской областей в состав Российской Федерации. Для этого используются инструменты: восстановление инфраструктуры, модернизация ЖКХ, благоустройство общественных территорий;

– развитие межрегиональных связей между социально-экономическими системами регионов, например, в рамках Южного макрорегиона России. Учитываются совместные потребности в восстановлении и развитии горно-металлургического, туристско-рекреационного комплексов, а также подсистемы электронной промышленности.

С учётом разнообразия моделей регионального развития, применяемых в Российской Федерации, це-

лесообразно провести их сравнительный критический анализ. Это позволяет выявить сильные и слабые стороны каждой из моделей, оценить условия и ограничения их применения, а также определить возможности для адаптации и комбинирования подходов в зависимости от социально-экономического профиля региона. В таблице 1 представлены основные преимущества и ограничения моделей, выявленные на основе анализа практики их реализации.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей региональной политики в Российской Федерации
Table 1. Comparative analysis of regional policy models in the Russian Federation

Модель региональной политики	Применение (регионы)	Преимущества	Ограничения / Недостатки
Стратегического планирования и пространственного развития	Татарстан, Москва, Красноярский край	Долгосрочные приоритеты, интеграция отраслевого и территориального подходов	Разрыв между стратегией и реализацией в отстающих регионах
Инновационно-кластерная	Калужская обл., Новосибирск	Рост НИОКР, привлечение инвестиций, интеграция науки и бизнеса	Высокие стартовые затраты, ограниченность масштабирования
Устойчивого развития	Бурятия, Камчатка	Экологический баланс, развитие «зелёных» отраслей	Низкая доходность в краткосрочном периоде, требует господдержки
Социально-ориентированная	Тыва, Забайкалье	Борьба с бедностью, развитие социальной инфраструктуры	Зависимость от дотаций, слабая экономическая база
Индустриально-инфраструктурная	Татарстан, Белгород	Рост производства, модернизация логистики и ТЭК	Возможен дисбаланс при отсутствии инновационной поддержки
Государственно-частное партнёрство (ГЧП)	Москва, Санкт-Петербург, Липецк	Ускорение реализации крупных проектов, снижение нагрузки на бюджет	Сложности правового характера, риск конфликтов интересов
Цифровая модель управления	Москва, Татарстан, Сахалин	Прозрачность, цифровизация госуслуг, анализ данных	Требует развитой ИТ-инфраструктуры и кадров
Адаптивная модель (санкционная устойчивость)	Белгородская, Брянская обл.	Импортозамещение, внутренняя мобилизация ресурсов	Ограниченные рынки сбыта, временный характер решений
Интеграционно-восстановительная модель	Республика Крым, Севастополь, ЛДНР, Херсонская и Запорожская области	Постконфликтное восстановление, интеграция в правовую и бюджетную систему РФ	Инфраструктурные разрушения, кадровый дефицит, низкий уровень инвестиций, сложная правовая трансформация

Несмотря на широкий арсенал инструментов и моделей, существуют определённые препятствия, снижающие результативность региональной политики:

– недостаточная координация между федеральными и региональными органами управления;

– ограниченность финансовых ресурсов для реализации отдель-

ных программ;

– слабая институциональная и кадровая база на местном уровне;

– низкий уровень участия бизнеса и местных сообществ в процессе внедрения политических инициатив;

– доминирование единого стандартизированного подхода, который не учитывает различия в потенциале и особенностях отдельных регионов [11].

ВЫВОДЫ

В заключение следует сказать, что анализ современных моделей регионального развития, применяемых в Российской Федерации, показывает широкое многообразие подходов, каждый из которых отражает уникальные социально-экономические, географические и институциональные особенности конкретных территорий. Модели стратегического планирования, кластерного и устойчивого развития, государственно-частного партнёрства, цифровизации, а также адаптивные и интеграционно-восстановительные подходы демонстрируют высокую вариативность инструментов и механизмов реализации региональной политики.

Однако ни одна из существующих моделей не может быть механически использована для формирования региональной политики развития Луганской Народной Республики. Отсутствие устоявшейся модели регионального развития в ЛНР связано как с объективными факторами постконфликтного восстановления, так и с необходимостью глубокого институционального переосмысления механизмов интеграции в единое экономическое и правовое пространство Российской Федерации. Перед исследователями и практиками стоит задача не просто адаптации существующих решений, но и создания собственной, уникальной модели регионального развития.

Такой моделью может стать адаптивная модель нового типа, сочетающая элементы интеграционного восстановления, внутренней мобилизации ресурсов, социального переустройства и технологической модернизации, вбирающая в себя лучшие аспекты имеющихся подходов, но лишённая их узких ограничений. Она должна учитывать специфику регионального развития ЛНР: необходимость восстановления инфраструктуры и активного вовлечения населения в эти процессы, привлечение инвестиций, обеспечения технологического суверенитета и преодоления правовых барьеров. Также одним из важных векторов развития мы можем обозначить внедрение новых технологий, включая искусственный интеллект, системы больших данных, цифровых двойников территорий, а также платформенных решений для управления для обеспечения необходимого уровня интеграции Республики в социально-экономическое пространство РФ. Такие инструменты способны обеспечить более высокую точность прогнозирования, своевременное выявление угроз, автоматизированное принятие решений и персонифицированную политику в социальной сфере [12].

Резюмируя исследование, обозначим, что авторский научный вклад заключается в систематизации существующих моделей регионального развития и обосновании необходимости формирования уникального адаптивного подхода для посткризисных территорий. Перспективность дальнейших исследований состоит в выработке механизмов, которые могут быть использованы органами регионального управления при формировании стратегий развития новых территорий.

Также отметим, что одним из перспективных направлений явля-

ется построение системы цифрового мониторинга социально-экономических процессов, основанной на использовании искусственного интеллекта, непосредственно ИИ-алгоритмах. Это позволит региональным властям оперативно реагировать на изменения внешней и внутренней среды, минимизировать последствия управленческих ошибок и выстраивать стратегию на основе объективных данных.

Таким образом, формируемая адаптивная модель Луганской Народной Республики должна быть не только институционально и экономически интеграционной, но и высокотехнологичной, открытой для инвестиций и инноваций, ориентированной на цифровую трансформацию как основу устойчивого развития региона [13; 14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: https://lyl.su/XkHf.
2. Смыслова О.Ю., Назаренко В.С., Перцев Н.Р. Подходы к разработке стратегий пространственного развития России: современные инструменты анализа и моделирования // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 8. С. 4619-4632. DOI: 10.18334/epp.14.8.121648.
3. Глазьев С. Ю., Бодрунов С. Д. (ред.). Современное государственное управление: учебное пособие / под ред. С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. Москва: Красанд, 2025. 330 с. (Фундамент будущего: Классический учебник МГУ). ISBN 978 5 396 01128 1.
4. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Проект «Академгородок 2.0». URL: https://minobrnauki.gov.ru.
5. Исаев М.И. Особенности реализации социальной политики в регионах с низкой плотностью населения // Региональная экономика. 2021. № 3. С. 88-94.
6. Ахметов А. И. Вариативные инструменты региональной политики с учётом социальных ориентиров развития // Russian Journal of Management. 2024. Т. 12, № 3. С. 356-360. DOI: 10.29039/2409-6024-2024-12-3-356-360.
7. Официальный портал Республики Татарстан. URL: https://tatarstan.ru.
8. АНО «Институт экономики роста им. Столыпина». Доклад «Инвестполитика регионов РФ». 2023. URL: https://stolypin.institute.
9. ГЧП-центр: база данных проектов и аналитика. URL: https://rosinfra.ru.
10. Аналитический центр при Правительстве РФ. Доклад о цифровизации регионов. 2023. URL: https://ac.gov.ru.
11. Козлова Н.Ю. Проблемы и перспективы реализации региональной политики в Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 2. С. 143-160.
12. Бреус И.В. Искусственный интеллект для прогнозирования социально-экономических кризисов: создание «цифрового двойника» российской экономики // ScienceLead. 2025. № 2(223). URL: https://scilead.ru/article/9022-iskusstvennij-intellekt-dlya-prognozirovaniya.
13. Ангелина И.А., Ткачук П.Ю. Региональные особенности развития хозяйственного механизма предпринимательской деятельности в условиях цифровой трансформации экономики Донецкой и Луганской Народных Республик // Информатизация в цифровой экономике. 2021. Т. 2, № 4. С. 155-166.
14. Ткачук П.Ю., Матюшко Е.В. Концептуальные теоретические основы развития экономического потенциала региона // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 9, № 12(153). С. 81-88.

Информация об авторе
Елизавета Витальевна Матюшко – аспирант кафедры государственного управления

REFERENCES

1. Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation until 2030 with a Forecast until 2036. URL: https://lyl.su/XkHf. (In Russ.)
2. Smyslova, O.Yu., Nazarenko, V.S., Pertsev, N.R. Approaches to the Development of Spatial Development Strategies for Russia: Modern Tools of Analysis and Modeling // Economics, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14, No. 8. P. 4619-4632. DOI: 10.18334/epp.14.8.121648. (In Russ.)
3. Glazyev, S.Yu., Bodrunov, S.D. (Eds.). (2025). Modern Public Administration: Textbook / Eds. S.Yu. Glazyev, S.D. Bodrunov. Moscow: KRASAND. 330 p. (Future Foundation: Classic Textbook of Moscow State University). ISBN 978 5 396 01128 1. (In Russ.)
4. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Project "Akademgorodok 2.0". URL: https://minobrnauki.gov.ru. (In Russ.)
5. Isaev, M.I. (2021). Features of Social Policy Implementation in Regions with Low Population Density // Regional Economy. 3. 88-94. (In Russ.)
6. Akhmetov, A.I. (2024). Variable Instruments of Regional Policy Considering Social Development Guidelines // Russian Journal of Management. Vol. 12, No. 3. 356-360. DOI: 10.29039/2409-6024-2024-12-3-356-360. (In Russ.)
7. Official Portal of the Republic of Tatarstan. URL: https://tatarstan.ru. (In Russ.)
8. Stolypin Institute for the Economy of Growth. Report "Investment Policy of the Regions of the Russian Federation". 2023. URL: https://stolypin.institute. (In Russ.)
9. PPP Center: Project Database and Analytics. URL: https://rosinfra.ru. (In Russ.)
10. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Report on the Digitalization of Regions. 2023. URL: https://ac.gov.ru. (In Russ.)
11. Kozlova, N.Yu. (2023). Problems and Prospects of Regional Policy Implementation in the Russian Federation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2. 143-160. (In Russ.)
12. Breus, I.V. (2025). Artificial Intelligence for Forecasting Socio-Economic Crises: Creating a "Digital Twin" of the Russian Economy // ScienceLead. 22(223). URL: https://scilead.ru/article/9022-iskusstvennij-intellekt-dlya-prognozirovaniya. (In Russ.)
13. Angelina, I.A., Tkachuk, P.Yu. (2021). Regional Specifics of the Development of the Economic Mechanism of Entrepreneurial Activity under the Conditions of Digital Transformation of the Economy of the Donetsk and Lugansk People's Republics // Informatization in the Digital Economy. Vol. 2, No. 4. 155-166. (In Russ.)
14. Tkachuk, P.Yu., Matyushko, E.V. (2024). Conceptual Theoretical Foundations for the Development of the Region's Economic Potential // Economics and Management: Problems, Solutions. Vol. 9, No. 12(153). 81-88. (In Russ.)

Information about the author
Elizaveta V. Matyushko – Postgraduate Student, Department of Government Management

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 13.03.2025
Поступила после рецензирования 19.04.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 332.821(47-12)(470.1/.2)(045)
JEL: R58, O17

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Светлана Владимировна Лагунова[1]
Марк Станиславович Костарев[2]

[1]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, e-mail: s.lagunova@narfu.ru

[2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, e-mail: kostarev.m@edu.narfu.ru

Аннотация. Неформальная застройка рассматривается как одна из ключевых урбанистических проблем современности, затрагивающая страны Глобального Севера и Юга. В работе представлен сравнительный анализ влияния неформальных поселений на городское развитие. Исследование уточняет понятийные границы «неформальных поселений», предлагает типологию по правовому статусу, материально-техническим характеристикам и функциональному назначению, а также выделяет кластеры социальных, экономических, политических и инфраструктурно-экологических рисков. Показана зависимость масштабов и конфигураций явления от качества институтов, режимов прав собственности и доступности жилья. Рассмотрен российский контекст и возможные направления политического регулирования: поэтапная легализация, интеграция в инженерные сети, развитие доступного жилья, применение медиативных механизмов разрешения земельных споров. Практическая значимость связана с формированием адаптивных стратегий городского управления, ориентированных на снижение маргинализации и повышение устойчивости территорий.

Ключевые слова: неформальная застройка, неформальные поселения, Глобальный Юг, Глобальный Север, трущобы, городское планирование, жилищная политика, риски неформальной застройки

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Лагунова С.В., Костарев М.С. Неформальные поселения и их влияние на городское развитие: международный и российский контекст. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 140-159.

UDC 332.821(47-12)(470.1/.2)(045)
JEL: R58, O17

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

INFORMAL SETTLEMENTS AND THEIR IMPACT ON URBAN DEVELOPMENT

Svetlana Vladimirovna Lagunova[1]
Mark Stanislavovich Kostarev[2]

[1]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», 163002, Russian Federation, Arkhangelsk, 17 Severnaya Dvina Embankment, e-mail: s.lagunova@narfu.ru
[2]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», 163002, Russian Federation, Arkhangelsk, 17 Severnaya Dvina Embankment, e-mail: kostarev.m@edu.narfu.ru

Abstract. Informal development is examined as one of the key urban challenges of the present, affecting countries of both the Global North and South. The paper presents a comparative analysis of the impact of informal settlements on urban development. The study refines the conceptual boundaries of "informal settlements", proposes a typology by legal status, material-technical characteristics, and functional purpose, and identifies clusters of social, economic, political, and infrastructural-environmental risks. The dependence of the scale and configuration of the phenomenon on institutional quality, property-rights regimes, and housing affordability is demonstrated. The Russian context is considered alongside potential policy options: phased legalization, integration into utility networks, development of affordable housing, and the use of mediation mechanisms to resolve land disputes. The practical significance lies in shaping adaptive urban governance strategies aimed at reducing marginalization and enhancing territorial resilience.

Keywords: informal development, informal settlements, Global South, Global North, slums, urban planning, housing policy, risks of informal housing.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Lagunova, S.V., Kostarev, M.S. (2025). Informal settlements and their impact on urban development: the international and russian context. Public administration and law, 2(06), 140- 159.

ВВЕДЕНИЕ

По данным GSDRC (2016), более 50 % населения мира уже живёт в городах, и к 2050 году эта цифра вырастет до 66 %. Однако большинство урбанизационных процессов происходит в условиях недостаточной организационной и управленческой активности городских администраций. Это приводит к бесконтрольному росту неформальной застройки, особенно в развивающихся странах, где до 80 % новых городских территорий формируются без соблюдения официальных норм градостроительства. Проблемы управления такими территориями становятся критическими не только для местной власти, но и для национальных правительств, так как неформальные районы играют значимую роль в экономике и социальной структуре городов [1]. В России проблема неформальной застройки и неформальных поселений остаётся недостаточно исследованной, особенно в сравнении с зарубежными научными публикациями. Русскоязычный научный дискурс по данной теме характеризуется ограниченной глубиной и охватом.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе изложены результаты исследования, целью которого стало определение особенностей неформальной застройки в разных странах мира и анализ её влияния на городское развитие. В

процессе исследования были последовательно решены ключевые задачи, которые в свою очередь определили логику данной статьи. Мы посчитали важным не только описать конкретные практики неформальной застройки, но и разработать её типологию по выбранным критериям, оценить риски и последствия неформальной урбанизации, изучить российский контекст проблемы и рассмотреть политические возможности их разрешения.

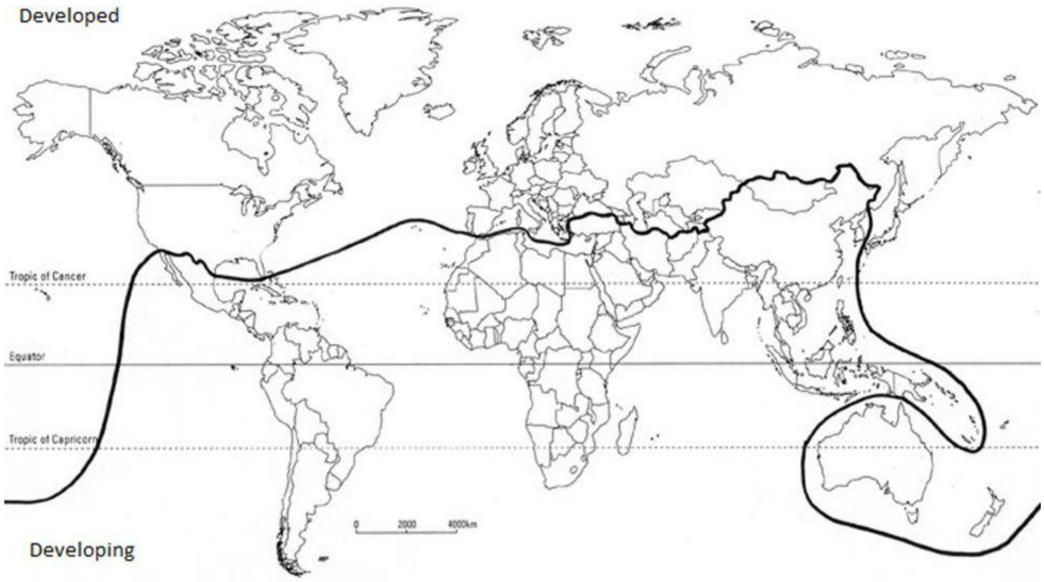
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования включили как анализ научной литературы, так и документов международных организаций, в которых рассматриваются глобальные тенденции неформальной урбанизации (доклады ООН-Хабитат, GSDRC, The Urban SDG Monitoring Series), для аргументации собственных выводов были применены методы сравнительного и статистического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Следует уточнить коннотацию используемых нами ключевых терминов. Так, *неформальная урбанизация* – форма урбанизации, которая не подчиняется формальным правилам и регуляции, это квазиурбанизация, созданная локальным экономическим развитием и рыночными условиями [2]. *Неформальные поселения* определяются как жилые районы, где: 1) жители не имеют гарантий владения землёй или жильём, которое они занимают (от самовольного захвата до неформальной аренды); 2) районы обычно лишены базовых услуг и городской инфраструктуры; 3) жильё может не соответствовать действующим нормам планирования и строительства и часто расположено в географически и экологически опасных зонах. *Трущобы* – наиболее депривированная форма неформальных поселений, характеризующаяся бедностью и большими скоплениями ветхого жилья, часто расположенного на самых опасных городских землях. Помимо отсутствия гарантий владения, жители трущоб лишены формального снабжения базовой инфраструктурой и услугами, общественных пространств и зелёных зон, и постоянно подвергаются выселению, болезням и насилию [3]. В результате работы Независимой комиссии по международному развитию, во главе которой стоял канцлер ФРГ Вилли Брандт, в 1980 году были введены термины «*Глобальный Север*» (экономически развитая часть мира) и «*Глобальный Юг*» (экономически развивающаяся часть мира). К Глобальному Северу (рисунок 1) отнесли страны, расположенные выше 30-й параллели северной широты, с рядом исключений (к этой группе отнесены Япония, Австралия и Новая Зеландия). В научном сообществе концепция линии Брандта считается устаревшей, но она во многом предопределила стартовые позиции для последующих дискуссий о разделении мира на «Север» и «Юг». Сегодня, например, из стран Глобального Юга часто исключают Израиль, Южную Корею, Китай, а бывшие республики СССР в Средней Азии и Закавказье, наоборот, включают в данную группу. В целом, проведённая независимой комиссией под руководством Брандта, региональная дифференциация мира представляется нам соответствующей целям исследования: мы использовали данную классификацию для иллюстрации специфики проблемы применительно к различным странам.

Анализ пространственного распространения неформальных поселений позволяет выявить структурные закономерности их формирования и определить наиболее уязвимые территории, требующие приоритетного внимания со стороны как учёных, так и управ-

Результаты исследования процесса неформальной застройки в странах Глобального Юга и Глобального Севера

Рисунок 1. Геополитическое разделение мира на Глобальный Север и Глобальный Юг согласно концепции В. Брандта
Figure 1. The division of the world into global north and global south according to Brandt conception

ленцев.

На рисунке 2 представлена диаграмма с распределением населения, живущего в трущобах и неформальных поселениях по специфическим социально-экономическим регионам, предложенным в отчёте The Urban SDG Monitoring Series от февраля 2019 года. Если в странах Латинской Америки и Карибского бассейна численность данной категории составляет 110 000 000 человек, то в странах Африки к югу от Сахары – 228 000 000 человек, в странах Центральной, Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии – 589 000 000

Рисунок 2. Население, живущее в трущобах и неформальных поселениях по регионам (миллионы человек) [4]
Figure 2. Population living in slums and informal settlements by region (millions of people)

человек и т. д.

Имея такие данные, можно рассчитать соотношение общего населения выделенных регионов с количеством тех, кто проживает в трущобах и неформальных поселениях.

Для подсчётов была использована следующая статистическая информация о численности населения [5]: Латинская Америка и Карибский бассейн: около 674 млн человек; Северная Африка и Западная Азия: около 617 млн человек; Субсахарская Африка: около 1401 млн человек; Австралия и Новая Зеландия: около 34 млн человек; Центральная и Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия: около 4620 млн человек; Северная Америка и Европа: около 1129 млн человек. Рисунок 3 демонстрирует, какую долю населения (в процентах) составляют жители трущоб и неформальных поселений, позволяя оценить масштабы проблемы и степень урабанизационного неравенства в различных регионах.

Как мы видим, ситуация различна: если, например, доля населения, живущего в трущобах и неформальных поселениях особенно велика в Латинской Америке и Карибском бассейне (16,32 %) и Субсахарской Африке (16,27 %), то в Австралии и Новой Зеландии этот показатель минимален (менее 0,02 %). Эти данные подтверждают очевидное разделение между «благополучным Севером» и «неблагополучным Югом» в вопросах неформальной урбанизации. Характер неформальной застройки в этих регионах существенно различается, что требует более детального рассмотрения.

Чтобы оценить масштабы и территориальное распространение неформальной застройки отдельно по региону Глобального Юга и региону Глобального Севера, обратимся к 22-му докладу в серии исследовательских отчётов HABITAT III ISSUE PAPERS 22 – INFORMAL SETTLEMENTS.

Согласно данному документу, около четверти мирового городского населения Глобального Юга продолжает жить в трущобах, при этом с 1990 года к этой цифре добавилось 213 миллионов человек (более 90 % прироста городского населения приходится на развивающиеся страны, с ежегодным приростом около 70 миллионов новых жителей).

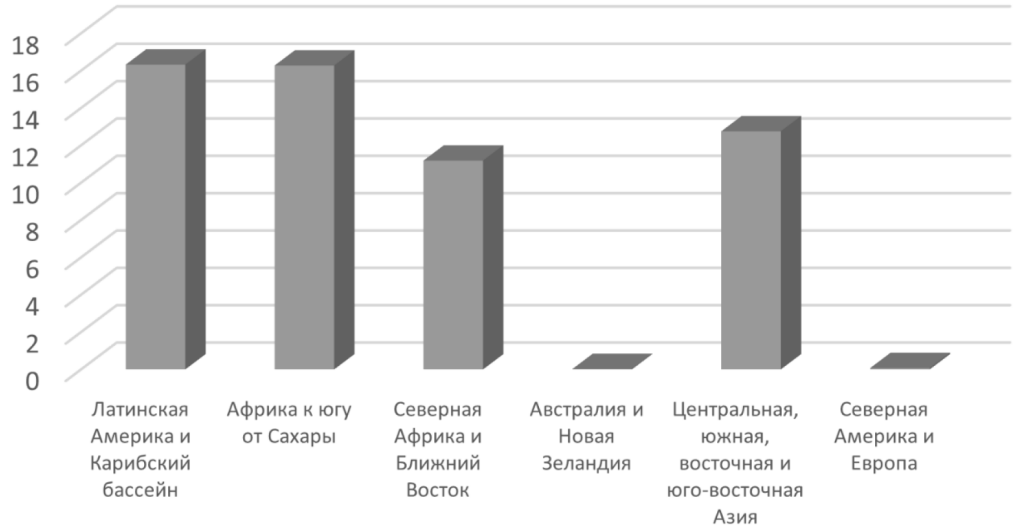

Рисунок 3. Доля населения, проживающего в трущобах и неформальных поселениях по регионам (в %)
Figure 3. Percentage of the population living in slums and informal settlements by region (%)

Отметим некоторые особенные явления и тенденции, демонстрирующие масштаб и территориальное распространение неформальной застройки, свойственные странам Глобального Юга. Наиболее критическая ситуация складывается в Африке: 61,7 % городского населения проживает в трущобах, а к 2050 году численность городских жителей вырастет с 400 млн до 1,2 млрд человек, что приведёт к резкому увеличению количества неформальных поселений. В настоящее время в городских центрах стран Субсахарской Африки проживает 424 млн человек, при этом примерно половина из них живёт в условиях неформальной застройки [6]. В Латинской Америке и Карибском бассейне, несмотря на снижение доли населения трущоб за последние годы, множество городских жителей по-прежнему живёт в неформальных поселениях. В арабских странах ситуация значительно варьируется: если в некоторых государствах неформальные поселения представляют собой изолированные анклавы, то в других – в условиях жилищных лишений проживает от 67 % до 94 % городского населения.

В целом, в странах Глобального Юга неформальная застройка занимает значительную часть урбанизированных территорий. В Южной Африке около 20 % горожан проживает в неформальных поселениях, тогда как в ряде других стран этот показатель может быть существенно выше. В Азии, где проживает половина всего городского населения планеты, большое количество жителей сталкиваются с жилищными лишениями. В то же время правительства стран региона активно реализуют меры по улучшению условий их проживания. [3].

Существующие прогнозы указывают, что уже в 2025 году число жителей трущоб достигнет 1,4 млрд, причём подавляющее большинство из них будет сосредоточено в странах Глобального Юга [7]. Если текущие тенденции сохранятся, количество жителей неформальных поселений будет экспоненциально расти [6]. Эти данные свидетельствуют о необходимости глубокого анализа проблемы и разработки эффективных стратегий для её решения.

В странах Глобального Севера неформальная застройка имеет менее широкие масштабы, но тем не менее присутствует, принимая иные формы. Так, в Европе наблюдается рост числа городских жителей, которые не могут позволить себе жильё из-за растущих цен на аренду, особенно в крупных городах. Это особенно заметно в южной и восточной частях Европы. В Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии также существует проблема неформальных поселений. Наиболее остро она проявляется в беднейших и наиболее уязвимых районах мегаполисов. Однако масштабы такого явления несопоставимы с ситуацией в странах Глобального Юга.

Для более полной иллюстрации особенностей неформальной застройки мы рассмотрели её проявления на примере государств из выделенных выше регионов, взяв страны как Глобального Юга, так и Глобального Севера. В представленной далее таблице 1 приведено краткое описание масштаба проблемы и причины её возникновения.

Таблица 1. Описание проблемы неформальной застройки по странам
Table 1. Description of the informal housing issue by country

Страна	Масштаб проблемы	Причины возникновения
Латинская Америка и Карибский бассейн		
Бразилия	В Бразилии неформальная застройка занимает значительное место в городском ландшафте, особенно в Рио-де-Жанейро, где favelas (фавелы) составляют 22 % от всех жилых домов. В абсолютных числах это около 1,4 миллиона человек, что является крупнейшим показателем среди всех бразильских городов. В отличие от многих других стран, где неформальная застройка концентрируется на окраинах, фавелы в Рио разбросаны по всему городу, включая центральные районы. Это обусловлено историческим развитием города и уникальным рельефом	Невыполненные обещания правительства по обеспечению жильём ветеранов и переселение бедных в XIX веке; разрушение фавел без предоставления альтернатив в XX веке, что способствовало их росту; ограниченные программы социального жилья; нехватка финансирования и отсутствие доступных кредитных инструментов для малоимущих [8]
Мексика	В Мексике значительная часть городского населения проживает в неформальных поселениях, особенно на окраинах крупных городов. В Мехико этот процесс наиболее заметен: за 1990-е годы было незаконно застроено около 4 800 гектаров земель, которые официально предназначались для защиты природы. Несмотря на попытки городских властей сдержать расширение таких районов, оно продолжается. Многие неформальные поселения появляются на ранее сельскохозяйственных территориях, поскольку город разрастается, и бедное население вынуждено искать доступное жильё. В результате новые кварталы формируются без необходимой инфраструктуры	Нехватка доступных вариантов для малоимущих; ресурсные ограничения государственных жилищных программ; высокие рыночные цены на жильё и землю; самозахват свободных участков; использование бывших общинных земель (эджидо) под самовольную застройку; пассивность властей в вопросе регулирования; практика легализации поселений в политических целях [9]
Африка к Югу от Сахары		
Эфиопия	Значительная часть жилищного фонда (более 64 процентов) имеет низкое качество, характерное для условий жизни в трущобах. Текущее годовое предложение в объёме 131 000 новых домов намного ниже годового спроса в 400 000 домов, который уже существует	Быстрый рост городского населения; нехватка доступного жилья и слабость институционального управления, особенно в сфере землепользования [10]; гражданские конфликты; внутренние перемещения населения, что особенно заметно в таких регионах, как Тыграй, Амхара и Оромия
Кения	В столице Кении, Найроби, около 2 миллионов человек проживают в неформальных поселениях, что составляет почти 50 % населения города. Однако эти поселения занимают лишь 5 % жилой территории и 1 % общей площади города. Плотность населения здесь крайне высокая – в среднем 63 000 человек на км² по сравнению с 500 человек на км² в районах с высоким доходом. Крупнейшие трущобы, такие как Кибера, Матаре и Хурума, продолжают расти: с 2000 по 2020 год население этих районов увеличилось в 1,25 раза, а некоторые из них превысили 1000 человек на гектар	Стремительная урбанизация; внутренняя миграция; низкая стоимость жизни; историческая сегрегация и слабое государственное регулирование [11]

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Страна	Масштаб проблемы	Причины возникновения
Северная Африка и Ближний Восток		
Египет	Неформальные поселения являются распространённой формой урбанизации. Существует риск утраты почти половины всех сельскохозяйственных земель из-за неформальной застройки в результате отсутствия планирования и эффективного правоприменения в сфере жилищного строительства	Дисбаланс между спросом и предложением жилья, возникший в результате значительного увеличения населения; неэффективные законы о контроле за арендной платой; направление всех ресурсов на ведение войн, с которыми столкнулся Египет; переселение в крупные города [12]
Йемен	66 % городского населения Йемена проживает в неформальных поселениях. В Йемене неформальные поселения разрастаются на фоне глубокого кризиса и политической нестабильности. С 2012 года миллионы человек были вынуждены покинуть свои дома, причём половина из них сосредоточена в Адене, Таизе, Хаддже и Аль-Дали. Из-за отсутствия официальных лагерей беженцы живут во временных убежищах, общественных зданиях или делят жильё с местными жителями, что перегружает инфраструктуру и обостряет гуманитарные проблемы. Дефицит ресурсов, особенно воды, ведёт к жестоким конфликтам, ежегодно уносящим тысячи жизней	Глубокий кризис; политическая нестабильность; частые военные конфликты; нехватка эффективных методов регистрации земель; внутренняя миграция беженцев [13]
Центральная, Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия		
Индия	В Индии масштабы неформальной застройки поражают своей грандиозностью – только в одном Мумбаи около 60 % населения вынуждены проживать в трущобах и неформальных поселениях. Эти районы зачастую представляют собой хаотичные кварталы, лишённые базовой инфраструктуры, доступа к воде, санитарии и формальных прав на землю. Неформальная урбанизация в Индии охватывает не только мегаполисы – стихийные поселения растут по всей стране, особенно вблизи промышленных центров, где рабочая сила находит заработок, но не жильё	Быстрая урбанизация и миграция; масштабная коррупция; особенности корпоративной культуры с приоритетом родственных, этнических, конфессиональных связей над формальными нормами [14]
Бангладеш	В Дакке расположены крупные неформальные поселения, такие как Корэйл (364 230 кв. м, >100 000 жителей), Калянпур Пора Бости (75 000 кв. м, 20 000 жителей), Эршаднагар (12 000 жителей) и Чалантрика (10 000 жителей). Эти районы характеризуются высокой плотностью населения, хаотичной застройкой, нехваткой базовой инфраструктуры и незаконными схемами владения землёй. Жители сталкиваются с ограниченным доступом к жилищным коммуникациям	Внутренняя миграция из-за бедности, природных катастроф (наводнения, размывы берегов) и отсутствия рабочих мест в регионах; высокая стоимость формального жилья; отсутствие доступных жилищных программ; коррупция; слабый контроль властей и близость поселений к промышленным зонам [15]

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Страна	Масштаб проблемы	Причины возникновения
Северная Америка и Европа		
Румыния	В некоторых регионах, таких как Клуж и Олт, неформальные поселения занимают обширные территории на окраинах городов. Хотя точные цифры по всей стране отсутствуют, исследования указывают на то, что тысячи семей проживают в условиях, не соответствующих минимальным стандартам жилья, без доступа к базовой инфраструктуре	Принудительная седентаризация кочевого населения в коммунистический период; экономический кризис; дефицит доступного жилья; самовольное строительство на непредназначенных для этого землях; урбанизация и экономическая нестабильность 1990-х годов
США	В городах с высокой плотностью населения, таких как Лос-Анджелес и Нью-Йорк, значительная часть новых построек носит нелегальный характер. В приграничных районах, например, у границы с Мексикой, растут нерегулируемые поселения, а в Детройте распространён самозахват зданий. В зонах с высокой бездомностью формируются палаточные городки	Строгие нормы землепользования и нехватка территорий в крупных городах; экономический спад и заброшенное жильё в старопромышленных городах; рост бездомности и стихийные лагеря в районах с высокой стоимостью жизни [16]

Таким образом, неформальная застройка является масштабным явлением в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, охватывая миллионы людей. Основные причины её распространения схожи во всех регионах: стремительная урбанизация, нехватка доступного жилья, коррупция, слабость государственного регулирования и низкие доходы населения.

В Азии неформальная застройка наиболее распространена там, где быстрое экономическое развитие сопровождается массовой миграцией в города, но не обеспечивается адекватными жилищными условиями. В Африке ситуацию усугубляют высокий уровень бедности, слабость институционального управления и нехватка инфраструктуры (Эфиопия, Нигерия и Кения). В Латинской Америке значительное влияние на рост неформальных поселений оказывают исторические факторы, насильственные конфликты и экономическая нестабильность.

ООН-Хабитат указывает на ряд взаимосвязанных факторов, приводящих к формированию и росту неформальных поселений как в странах Глобального Юга, так и в странах Глобального Севера. Так, в первых из них ключевыми факторами становятся:

1) быстрый рост населения и миграция в города;

2) дефицит доступного жилья для бедных слоёв;

3) слабое управление и спекуляция землёй;

4) экономическая уязвимость;

5) конфликты, стихийные бедствия и климатические изменения.

Для стран Глобального Севера характерны:

1) рост неравенства и экономическая нестабильность;

2) рост цен на жильё, особенно в крупных городах;

3) сокращение инвестиций в социальное жильё;

4) внутренняя и международная миграция (увеличение нагрузки на города).

Основное отличие между странами Глобального Юга и Севера, как указывалось выше, заключается в масштабе и характере проблемы. В развивающихся странах неформальная застройка охватывает

значительную часть городского населения (до 61,7 % в Африке), сопровождаясь нехваткой базовой инфраструктуры и услуг. В развитых странах данная проблема проявляется в виде редких исключений, которые характеризуются ограниченной доступностью жилья, вызванной высокими ценами и недостаточной обеспеченностью им для различных социальных групп.

Типология неформальной застройки

Для систематизации полученных в ходе исследования данных представим типологическую матрицу неформальной застройки по правовому статусу, по материально-техническим характеристикам и по функциональному назначению (таблицы 2, 3, 4).

Таблица 2. Типология неформальных поселений по правовому статусу
Table 2. Typology of informal settlements by legal status

Правовой статус	Примеры
Самозахватные территории	1. Незаконное занятие публичных земель; 2. Строительство на сельскохозяйственных угодьях и природоохранных зонах
Регуляторные нарушения	1. Надстройка этажей без разрешения и перепрофилирование нежилых помещений (например, распространено на юге России в таких курортных городах, как Сочи, Краснодар, Анапа). Зачастую нарушение встречается в гаражных кооперативах, где владельцы надстраивают несколько этажей над гаражом, впоследствии продавая в надстройках жилые помещения по ценам ниже рыночной. С наглядными примерами предлагается ознакомиться на рисунке 4; 2. Отклонения от регламентов этажности и плотности застройки. Застройщики превышают допустимые нормы этажности и плотности застройки, что нарушает градостроительные регламенты и может ухудшать условия проживания. Примером опасностей нерегулируемой гиперплотной застройки может служить Коулунский город (Kowloon Walled City) в Гонконге, возникший из-за правового вакуума, позволившего бесконтрольную застройку. На 2,2 га жили 50 000 человек в антисанитарных, тесных и плохо вентилируемых зданиях, контролируемых триадами (рисунок 5). В 1993 году его снесли, заменив парком [17]
Гибридные формы	1. Легальные проекты с элементами «неформального» благоустройства. Например, в Рио-де-Жанейро реализован проект "Favela-Bairro", где фавелы преобразуются в полноценные городские районы с улучшенной инфраструктурой, сохраняя при этом уникальные элементы самобытной архитектуры и дизайна, созданные жителями [18]; 2. Использование общественных пространств как маркетингового инструмента. Например, в Кейптауне (Южная Африка) район Вудсток, ранее известный своей неформальной застройкой, превратился в популярное место благодаря уличному искусству и рынкам, что повысило его привлекательность и стоимость недвижимости [19]; 3. Формирование импровизированных квазипубличных общественных зон. Имеется в виду самовольная установка различного вида заграждений на дворовой территории в виде самодельных заборов, вкопанных покрышек, создании импровизированных клумб, лавочек и прочих малых архитектурных форм без прямого разрешения соответствующих органов

Таким образом, представленные данные демонстрируют две ключевые проблемы: нелегальное использование земли и нарушение строительных норм. Это может быть следствием как недостаточной правоприменительной практики, так и сложностей в получении разрешений на строительство.

Таблица 3. Типология неформальных поселений по материально-техническим характеристикам
Table 3. Typology of informal settlements by material and technical characteristics

Параметр	Временные постройки	Капитальные сооружения
Материалы	Пластик, картон, отходы	Кирпич, бетон, металлоко-струк-ции
Срок существования	1-3 года	10 и более лет
Примеры	Импровизированные жилища в Аддис-Абебе	Самовольные надстройки в Сочи

Таблица 4. Типология неформальных поселений по функциональному назначению
Table 4. Typology of informal settlements by functional purpose

Функция	Примеры
Жилищная функция (доминирующая)	1. Индивидуальные усадьбы (йечерека беат в Эфиопии, фавелы в Латинской Америке); 2. Многоквартирные кондоминиумы в нелегальных модификациях (Коулунский город); 3. Коммунальные общежития в перепрофилированных зданиях (нелегальные надстройки в Сочи)
Коммерческая инфраструктура	1. Стихийные рынки; 2. Мастерские в жилых помещениях; 3. Несанкционированные точки общественного питания
Социальные объекты	1. Религиозные сооружения; 2. Общинные центры; 3. Неформальные образовательные учреждения

Представленная типология показывает направления необходимых решений и свидетельствует, что неформальная застройка создаёт сложные управленческие и социальные вызовы, требующие комплексного подхода. Одним из ключевых аспектов её регулирования становится оценка рисков, связанных с такими территориями.

Рисунок 4. Сочи (Россия), пример нелегальной надстройки в гаражном кооперативе. Скриншот из Google Street View
Figure 4. Sochi (Russia), an example of an illegal extension in a garage complex. Screenshot from Google Street View

Рисунок 5. Коулунский город в 1989
Figure 5. Kowloon city in 1989

Риски неформальной застройки

Исследование проблемы позволило классифицировать риски неформальной застройки: социальные, экономические, политические риски и риски, связанные с инфраструктурой и экологией. Они будут рассмотрены в предложенном порядке.

Неформальные поселения зачастую становятся очагами *социальной маргинализации и пространственной сегрегации населения.* Жители таких районов оказываются исключёнными из формальных городских процессов, что приводит к формированию параллельных социальных структур. В странах Глобального Юга, где масштабы проблемы наиболее значительны, это явление может охватывать значительную часть городского населения. Социальная стигматизация жителей неформальных поселений существенно ограничивает их возможности социальной мобильности и интеграции в городское сообщество. Ещё одним серьёзным риском для населения является значительное снижение показателей здоровья и продолжительности жизни. Распространённость инфекционных заболеваний в неформальных поселениях в несколько раз превышает средние городские показатели, что связано с отсутствием базовой санитарной инфраструктуры, перенаселённостью и ограниченным доступом к медицинским услугам. Дети и молодёжь, проживающие в неформальных поселениях, сталкиваются с существенными барьерами в получении качественного образования. Это связано как с физической недоступностью образовательных учреждений, так и с социально-экономическими факторами, вынуждающими детей рано включаться в трудовую деятельность. Недостаточное развитие человеческого капитала создаёт долгосрочные риски для экономического потенциала городов и усугубляет проблему «наследственной» бедности. Помимо этого, неформальные поселения часто характеризуются повышенным уровнем преступности и насилия. Отсутствие эффективного государственного контроля

создаёт условия для формирования альтернативных систем безопасности, включая деятельность криминальных группировок. Особенно остро эта проблема стоит в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где неформальные поселения нередко становятся территориями, контролируемыми наркокартелями и организованными преступными группировками.

Неформальная застройка создаёт *существенные экономические риски* для государства, выражающиеся, в первую очередь, в налоговых потерях и неэффективном использовании городских земель. Отсутствие регистрации имущества и экономической деятельности в неформальных поселениях лишает городские бюджеты значительной части потенциальных доходов. Неформальные поселения становятся базой для развития теневой экономики и неформального рынка труда. Это создаёт риски как для государства (в виде недополученных налогов), так и для работников (отсутствие социальных гарантий, нестабильность занятости, эксплуатация). В странах Глобального Юга неформальный сектор может составлять значительную часть городской экономики, что серьёзно подрывает устойчивость экономического развития. Распространение неформальной застройки негативно влияет и на инвестиционную привлекательность городов, создавая риски для устойчивого экономического роста. Инвесторы, как правило, избегают территорий с неурегулированными земельными отношениями и высокими социальными рисками, что приводит к дальнейшей территориальной поляризации городской экономики.

Политический риск связан со снижением управляемости территориями с неформальной застройкой. Жители таких районов часто находятся вне формальных систем учёта населения, что создаёт проблемы для реализации государственных программ, стратегических и оперативных решений. Концентрация социально-экономических проблем в неформальных поселениях создаёт риски политической нестабильности и социальных конфликтов. Неудовлетворённость базовых потребностей населения может трансформироваться в протестные настроения и политическую мобилизацию. Исторический опыт многих городов Глобального Юга демонстрирует, что неформальные поселения нередко становятся эпицентрами социальных движений и политических трансформаций. Правовая неопределённость статуса неформальных поселений создаёт благоприятную среду для коррупции и злоупотреблений властью. Отсутствие чётких юридических механизмов регулирования землепользования и строительства открывает возможности для произвольных решений со стороны должностных лиц и развития коррупционных схем.

Неформальные поселения создают множество *инфраструктурных и экологических рисков,* которые крайне губительно могут повлиять на устойчивое развитие государства или конкретных его регионов. Отсутствие базовой инфраструктуры в неформальных поселениях, включая системы водоснабжения, канализации и утилизации отходов, создаёт серьёзные санитарно-эпидемиологические риски. Это проявляется в повышенной заболеваемости инфекционными болезнями и может приводить к эпидемиям, угрожающим не только жителям неформальных поселений, но и населению города в целом. Неформальная застройка создаёт непредусмотренную нагрузку на существующие городские инженерные системы, что приводит к их преждевременному износу и ава-

риям. Несанкционированные подключения к электросетям, водопроводу и другим коммуникациям существенно снижают эффективность их функционирования и создают риски для городской инфраструктуры в целом. Также такие процессы могут провоцировать серьёзные убытки и дефицит бюджета. Неформальные поселения часто возникают на непригодных для строительства территориях – в поймах рек, на нестабильных склонах, вблизи промышленных зон. Это увеличивает уязвимость жителей перед лицом стихийных бедствий и техногенных катастроф.

Отметим взаимосвязанный характер перечисленных рисков, что ещё раз возвращает нас к необходимости комплексного решения проблемы.

Проблема неформальной застройки и неформальных поселений в российском контексте

В России проблема неформальной застройки существует в достаточно скрытом формате. По причине сурового климата в большей части государства не существует как таковых «трущоб» в привычном нам виде. Вряд ли, гуляя даже по самым отдалённым окраинам российских городов, находящихся выше пятидесятой параллели, можно найти район, состоящий из зданий хотя бы чем-то походящих на типичные трущобы Мумбаи или Медельина. Это связано как с советским наследием, доставшимся современной России, так и с природными условиями, упомянутыми выше. Латентный характер неформальной застройки скрывает такие частые проблемы, как неоформленное жильё, уход от налогов, игнорирование норм закона о правилах застройки с точки зрения пожарной безопасности, коммуникаций и прочего.

Таким образом, неформальные поселения в России чаще имеют характер скваттерского заселения государственной, муниципальной или частной земли, незаконно «нарезанных» участков и проживания в перенаселённом или полуразрушенном жилье без надлежащей обеспеченности коммуникациями. Ситуация часто связана с нелегальными мигрантами. Так, например, в Москве, по словам депутата Мосгордумы Антона Палеева, «расчёты потребления воды в Москве показывают, что в городе одновременно проживают 18-20 миллионов человек, а никак не 11 миллионов, официально зарегистрированных» [20].

Также в южной части России довольно остро стоит проблема «самостроя» (примеры можно увидеть на рисунке 4). Одной из причин распространения этого явления стало несоответствие между градостроительными нормами и реальными потребностями населения. Власти не обладают достаточными ресурсами для контроля и часто оказываются перед дилеммой: либо легализовать такие постройки, либо пытаться их снести, сталкиваясь с социальным недовольством. В результате разрыв между формальным и неформальным строительством продолжает расти, а многие районы становятся примерами неуправляемой урбанизации.

Особенность неформальной застройки в Краснодаре (крупнейшем городе российского юга после Ростова-на-Дону) заключается в том, что она охватывает не только индивидуальное жильё, но и многоэтажные дома, возводимые в зонах, где такие постройки запрещены. Например, микрорайон Музыкальный сформировался в результате активного строительства многоквартирных домов на землях, предназначенных для индивидуальной застройки. Этот процесс шёл практически бесконтрольно, что привело к проблемам с транспортом и коммунальными сетями. В то же время в Карасунской зоне массово

появляются дома на территориях, предназначенных для рекреации [21]. Таким образом, неформальная урбанизация не просто изменяет облик города, но и ставит под сомнение эффективность градостроительного планирования и контроля.

Варианты политических решений

Международная позиция в отношении проблемы неформальной застройки представлена в публикации ООН «Самовольно возведённые города» [22] и включает 1) легализацию; 2) упорядочение статуса и реконструкцию; 3) внедрение альтернативных жилищных систем; 4) переселение и перераспределение; 5) решение проблемы второсортного жилья в центральных городских районах.

Данные положения актуальны, но для ряда государств носят декларативный характер, так как их реализация требует значительных ресурсов. Поэтому в большинстве стран Глобального Юга выбирают путь игнорирования проблемы. Легализация, реконструкция и альтернативные жилищные системы требуют огромных вложений, а бюджеты стран часто зависят от международной помощи и нестабильных доходов. При этом неформальные поселения и неформальная застройка фактически служат саморегулирующимся механизмом расселения бедного населения, требуя минимальных затрат от государства. Мы видим, что часто неформальные поселения играют роль «социального амортизатора», обеспечивая жильём миллионы людей, которые в противном случае могли бы остаться бездомными. Эти районы также являются центрами неформальной экономики – мелкой торговли, ремесленничества, нелегальных перевозок и прочего. Многие бедные страны фактически зависят от этого сектора, поскольку он даёт рабочие места, которые официальная экономика обеспечить не может. Яркий пример – некоторые страны Латинской Америки, где крупная часть сельскохозяйственного сектора зарабатывает нелегальным выращиванием коки или марихуаны. Отметим, что подобный заработок становится единственной дорогой к достойному уровню жизни, так как приносит в разы больше прибыли, чем привычное для тех земель выращивание кофе.

Вмешательство в устоявшиеся районы неформальной застройки зачастую становится катализатором социальных конфликтов. Массовое переселение жителей или принудительный снос могут вызвать бунты и протесты, угрожающие политической стабильности. Многие политики предпочитают «не замечать» проблему, чтобы избежать напряжённости. Во многих странах местные элиты получают выгоду от существования трущоб. Чиновники могут брать взятки за разрешение на неформальную застройку, а владельцы земли – получать деньги за аренду нелегальных построек. Вмешательство в этот хаос противоречит интересам влиятельных групп.

Таким образом, игнорирование трущоб в бедных странах может быть не только следствием нехватки ресурсов, но и стратегией сознательного ухода от социальных потрясений, поддержки неформальной экономики и получения выгоды из сложившегося положения.

Для стран Глобального Юга реалистичным методом остаётся постепенная легализация существующих неформальных поселений с последующим включением их в официальную городскую сеть. Это не требует моментальных затрат на снос и переселение, а даёт возможность развивать территорию поэтапно, улучшая условия жизни без разрушения сложившихся социальных связей. В Бразилии, например,

успешной практикой стало предоставление жителям фавел прав на землю, что стимулировало саморазвитие поселений – люди начали инвестировать в свои дома, появилось электричество и базовая инфраструктура. Параллельно с этим необходимо вводить программы строительства доступного жилья, но не по принципу гигантских безликих комплексов, а с учётом интеграции с существующими районами, чтобы избежать маргинализации переселённых общин.

В странах Глобального Севера ситуация другая: неформальная застройка здесь встречается реже, но её формы проявляются в виде нелегальных поселений мигрантов, временных трейлерных городков и эксплуатации заброшенных зданий. Здесь эффективным решением может стать развитие гибких жилищных программ: аренда с постепенным выкупом, налоговые льготы для тех, кто предоставляет жильё по сниженным ценам, а также расширение муниципального фонда недвижимости. Эффективным может оказаться ввод определённого рода договоров, когда нелегальные жильцы получают возможность остаться, но обязуются участвовать в поддержании порядка и благоустройстве района. Такой подход не только решает проблему стихийного заселения, но и превращает маргинализированные группы в активных участников городского развития, создавая механизм, при котором ни государству, ни жителям невыгодно оставлять территорию в «серой» зоне.

Политические механизмы регулирования неформальной застройки в России основаны на сочетании нормативно-правовых, институциональных и социально-экономических подходов. Как было отмечено выше, неформальная застройка в стране чаще всего выражается в форме самовольного строительства и скваттерского освоения земельных участков. Процедуры легализации таких объектов осуществляются через Градостроительную земельную комиссию (ГЗК), специализированные комиссии по пресечению самовольного строительства, а также судебные инстанции. Эти инструменты способствуют упорядочиванию неформальной застройки и её интеграции в правовое пространство.

Перспективное развитие государственной политики в данной сфере предполагает совершенствование нормативно-правовой базы с учётом региональных особенностей, развитие механизмов медиации (внесудебного урегулирования) и альтернативного разрешения земельных споров, а также реализацию социально-экономических программ, направленных на снижение уровня неформальной занятости и повышение доступности официального рынка жилья. Ключевым фактором успешности данных мер является их адаптивность к локальным условиям и баланс между интересами государства, общества и отдельных граждан.

ВЫВОДЫ

Неформальная застройка остаётся сложным и многогранным явлением, которое по-разному проявляется в странах Глобального Юга и Глобального Севера. В развивающихся государствах она носит массовый характер, формируя обширные трущобы, ухудшая условия жизни и создавая дополнительные вызовы для городского планирования. В развитых странах такие поселения – редкость, возникающая, скорее, как исключение из правил.

Анализ показывает, что степень распространённости неформальной застройки находится в прямой зависимости от уровня бедности, преступности и социальной нестабильности. Чем слабее институты государства, тем менее эффективно

оно регулирует использование земель и контролирует рост городов. В таких условиях самовольное строительство становится вынужденной стратегией выживания для миллионов людей.

Сравнительный анализ также демонстрирует различия в подходах к регулированию неформальной застройки. В одних странах она постепенно интегрируется в официальную городскую структуру, а в других – остаётся маргинализированной и усиливает социальное неравенство.

Таким образом, неформальная застройка – это не только следствие урбанизационных процессов, но и индикатор уровня социально-экономического развития страны. Её изучение и грамотное управление могут стать важным инструментом для повышения качества городской среды и устойчивого развития любого государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. GSDRC. Urban Governance. Birmingham: GSDRC, University of Birmingham, 2016. URL: https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2016/11/UrbanGov_GSDRC.pdf.

2. Мальцева Д.М., Данелюк-Кобылянская Ю.К., Синяева Е.М., Скотников С.А., Широкова П.А. Сравнение стратегий политического вмешательства в неформальные поселения городов Глобального Юга // Городские исследования и практики. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/housing-sociology-apartment-building-soviet-courtyard-russian-courtyard-yard-community-yard-communication-neighborhood.

3. Организация объединённых наций. Исследовательский доклад по вопросам неорганизованных поселений, 2015. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/22_Habitat-III-Issue-Papers_Informal-Settlements_rus-Al_fin_49583.pdf.

4. UN-Habitat. The Urban SDG Monitoring Series: Monitoring SDG Indicator 11.1.1. Nairobi: United Nations Human Settlements Programme, 2020. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/06/the_urban_sdg_monitoring_series_monitoring_sdg_indicator_11.1.1.pdf.

5. World Population Prospects. Summary of Results, Нью-Йорк, Организация объединённых наций, 2022. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf.

6. Ouma S., Beltrame D.C., Mitlin D., Chitekwe-Biti B. Informal settlements: Domain report. ACRC Working Paper 2024-09. Manchester: African Cities Research Consortium, The University of Manchester, 2024. URL: https://www.african-cities.org/wp-content/uploads/2024/02/ACRC_Working-Paper-9_February-2024.pdf.

7. Agyabeng A.N., Peprah A.A., Mensah J.K., Mensah E.A. Informal settlement and urban development discourse in the Global South: Evidence from Ghana // Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography. 2022. Т. 76, № 4. С. 242-253. DOI: 10.1080/00291951.2022.2113428. – URL: https://www.researchgate.net/publication/363553671_Informal_settlement_and_urban_development_discourse_in_the_Global_South_Evidence_from_Ghana.

8. Cummings J. Confronting favela chic: The gentrification of informal settlements in Rio De Janeiro, Brazil. 2015. DOI: 10.46692/9781447313496.006. URL: https://www.researchgate.net/publication/306212799_Confronting_favela_chic_The_gentrification_of_informal_settlements_in_Rio_De_Janeiro_Brazil.

9. Aguilar A., Santos C. Informal settlements' needs and environmental conservation in Mexico City: An unsolved challenge for land-use policy // Land Use Policy. 2011. Т. 28. С. 649-662. DOI: 10.1016/j.landusepol.2010.11.002. URL: https://www.researchgate.net/publication/229168836_Informal_settlements'_needs_and_environmental_conservation_in_Mexico_City_An_unsolved_challenge_for_land-use_policy.

10. Организация Объединённых Наций. Программа ООН по населённым пунктам. Исполнительный совет. Нормативная и оперативная деятельность Программы ООН по населённым пунктам, включая обновления по программам в Эфиопии и Центральной Америке, инициативы по наращиванию потенциала, предотвращение и реагирование на городские кризисы и деятельность за период с июля по декабрь 2024 года: доклад Исполнительного директора. Найроби, 21 января 2025. 14 с. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2025/02/k2500890e_-_hsp-eb-2025-6_-_advance.pdf.

11. Ren H., Guo W., Zhang Z., Kisovi L., Das P. Population Density and Spatial Patterns of Informal Settlements in Nairobi, Kenya // Sustainability. 2020. Т. 12. № 18. С. 7717. DOI: 10.3390/su12187717. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344300336_Population_Density_and_Spatial_Patterns_of_Informal_Settlements_in_Nairobi_Kenya.
12. Khalifa M. Evolution of informal settlements upgrading strategies in Egypt: From negligence to participatory development // Ain Shams Engineering Journal. 2015. Т. 10. DOI: 10.1016/j.asej.2015.04.008. URL: https://www.researchgate.net/publication/277605144_Evolution_of_informal_settlements_upgrading_strategies_in_Egypt_From_negligence_to_participatory_development.
13. Republic of Yemen. Yemen National Report // United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development (Habitat III). September 2016. 84 p. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/Yemen-National-Report-September-2016.pdf.
14. Брагина Е.А. Реформы в Индии: продвижения и препятствия // Мировое и национальное хозяйство. Москва, 2008. № 1(4). URL: https://mirec.mgimo.ru/2008/2008-01/reformy-v-indii-prodvizheniya-i-prepyatstviya.
15. Zaman S., Reeda F. R., Rahman M. L., Mahmud M. J. Community Profiles of Informal Settlements in Dhaka: Korail, Ershad Nagar, Kallyanpur (Pora Bostee) and Chalantika. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=Y-YStyAAAAAJ&citation_for_view=Y-YStyAAAAAJ:WF5omc3nYNoC.
16. Herbert C., Durst N. J., Nevarez Martinez D. A Typology of Informal Housing in the United States: Lessons for Planners // Journal of Planning Education and Research. 2022. Т. 44. DOI: 10.1177/0739456X221136502. URL: https://www.researchgate.net/publication/365386242_A_Typology_of_Informal_Housing_in_the_United_States_Lessons_for_Planners.
17. Lehmann S. Sustainable urbanism: towards a framework for quality and optimal density? // Future Cities and Environment. 2016. Т. 2. № 8. DOI: 10.1186/s40984-016-0021-3. URL: https://www.researchgate.net/publication/305924865_Sustainable_urbanism_towards_a_framework_for_quality_and_optimal_density.
18. Miyamoto J., Buckman S. Rio de Janeiro's attempt at Favela urban upgrading: Analysis of the Favela-Bairro programme three decades later // CIDADES, Comunidades e Territórios. 2022. № 45. DOI: 10.15847/cct.25913 URL: https://www.researchgate.net/publication/366814673_Rio_de_Janeiro's_attempt_at_Favela_urban_upgrading_Analysis_of_the_Favela-Bairro_programme_three_decades_later.
19. Epicure & Culture [сайт]. Woodstock: An Immersive Art Experience In South Africa's Cape Town. URL: https://epicureandculture.com/cape-town-woodstock/.
20. Злобин В.В. Типология российских трущоб // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-rossiyskih-truschob.
21. Maria V. Karaselnikova, Daria M. Maltseva, Nikita M. Iskusov, Ekaterina A. Fadeeva, Linar R. Mardanov, Maria S. Pisareva, Mikhail P. Kharitonov Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatia Development in Krasnodar, Russia // Городские исследования и практики. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reality-vs-regulation-informal-practices-of-spatia-development-in-krasnodar-russia.
22. Организация Объединённых наций. Самовольно возведённые города: поиск долгосрочных решений проблемы неформальных поселений в регионе Европейской экономической комиссии Организации Объединённых Наций. Нью-Йорк и Женева, 2009. 120 с

Информация об авторах
Светлана Владимировна Лагунова – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Марк Станиславович Костарев – студент кафедры государственного и муниципального управления

REFERENCES

1. GSDRC. Urban Governance. Birmingham: GSDRC, University of Birmingham, 2016. URL: https://gsdrc.org/wp-content/uploads/2016/11/UrbanGov_GSDRC.pdf.
2. Maltseva, D.M., Danelyuk-Kobylyanskaya, Yu. K., Sinyaeva, E.M., Skotnikov, S.Al., Shirokova, P.An. (2023). Comparison of strategies of political intervention in informal settlements of cities of the Global South // Urban research and practice. No.2. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/housing-sociology-apartment-building-soviet-courtyard-russian-courtyard-yard-community-yard-communication-neighborhood. (In Russ.)

3. The United Nations. Research Report on Unorganized Settlements, 2015. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/22_Habitat-III-Issue-Papers_Informal-Settlements_rus-Al_fin_49583.pdf. (In Russ.)
4. UN-Habitat. The Urban SDG Monitoring Series: Monitoring SDG Indicator 11.1.1. Nairobi: United Nations Human Settlements Program, 2020. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/06/the_urban_sdg_monitoring_series_monitoring_sdg_indicator_11.1.1.pdf.
5. World Population Prospects. Summary of Results, New York, United Nations, 2022. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf.
6. Ouma, S., Beltrame, D.C., Mitlin, D., Chitekwe-Biti, B. (2024). Informal settlements: Domain report. ACRC Working Paper 2024-09. Manchester: African Cities Research Consortium, The University of Manchester. URL: https://www.african-cities.org/wp-content/uploads/2024/02/ACRC_Working-Paper-9_February-2024.pdf.
7. Agyabeng, A.N., Peprah, A.A., Mensah, J.K., Mensah, E.A. (2022). Informal settlement and urban development discourse in the Global South: Evidence from Ghana // Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography. Vol. 76, No. 4. 242-253. DOI: 10.1080/00291951.2022.2113428. URL: https://www.researchgate.net/publication/363553671_Informal_settlement_and_urban_development_discourse_in_the_Global_South_Evidence_from_Ghana.
8. Cummings, J. (2015). Confronting favela chic: The gentrification of informal settlements in Rio De Janeiro, Brazil. DOI: 10.46692/9781447313496.006. URL: https://www.researchgate.net/publication/306212799_Confronting_favela_chic_The_gentrification_of_informal_settlements_in_Rio_De_Janeiro_Brazil.
9. Aguilar, A., Santos, C. (2011). Informal settlements' needs and environmental conservation in Mexico City: An unsolved challenge for land-use policy // Land Use Policy. Vol. 28. 649-662. DOI: 10.1016/j.landusepol.2010.11.002. URL: https://www.researchgate.net/publication/229168836_Informal_settlements'_needs_and_environmental_conservation_in_Mexico_City_An_unsolved_challenge_for_land-use_policy.
10. The United Nations. The United Nations Human Settlements Program. The Executive Board. Normative and operational activities of the United Nations Human Settlements Programme, including programme updates in Ethiopia and Central America, capacity-building initiatives, prevention and response to urban crises, and activities from July to December 2024: report by the Executive Director. Nairobi, January 21, 2025. 14 p. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2025/02/k2500890e_-_hsp-eb-2025-6_-_advance.pdf. (In Russ.)
11. Ren, H., Guo, W., Zhang, Z., Kisovi, L., Das, P. (2020). Population Density and Spatial Patterns of Informal Settlements in Nairobi, Kenya // Sustainability. Vol. 12. No. 18. 7717. DOI: 10.3390/su12187717. URL: https://www.researchgate.net/publication/344300336_Population_Density_and_Spatial_Patterns_of_Informal_Settlements_in_Nairobi_Kenya.
12. Khalifa, M. (2015). Evolution of informal settlements upgrading strategies in Egypt: From ignorance to participatory development // Ain Shams Engineering Journal. Vol. 10. DOI: 10.1016/j.asej.2015.04.008. URL: https://www.researchgate.net/publication/277605144_Evolution_of_informal_settlements_upgrading_strategies_in_Egypt_From_negligence_to_participatory_development.
13. Republic of Yemen. Yemen National Report // United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development (Habitat III). September 2016. 84 p. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/Yemen-National-Report-September-2016.pdf.
14. Bragina, E.A. (2008). Reforms in India: advances and obstacles // World and National Economy. 1(4). URL: https://mirec.mgimo.ru/2008/2008-01/reformy-v-indii-prodvizheniya-i-prepyatstviya. (In Russ.)
15. Zaman, S., Reeda, F.R., Rahman, M.L., Mahmud, M.J. Community Profiles of Informal Settlements in Dhaka: Korail, Ershad Nagar, Kallyanpur (Pora Bostee) and Chalantika. URL: https://scholar.google.com/citations ?view_op=view_citation&hl=en&user=Y-YStyAAAAAJ&citation_for_view=Y-YStyAAAAAJ:WF5omc3nYNoC.
16. Herbert, C., Durst, N.J., Nevarez Martinez, D. (2022). A Typology of Informal Housing in the United States: Lessons for Planners // Journal of Planning Education and Research. Vol. 44. DOI: 10.1177/0739456X221136502. URL: https://www.researchgate.net/publication/365386242_A_Typology_of_Informal_Housing_in_the_United_States_Lessons_for_Planners.

17. Lehmann S. (2016). Sustainable urbanism: towards a framework for quality and optimal density? // Future Cities and Environment. Vol. 2. No. 8. DOI: 10.1186/s40984-016-0021-3. URL: https://www.researchgate.net/publication/305924865_Sustainable_urbanism_towards_a_framework_for_quality_and_optimal_density.
18. Miyamoto, J., Buckman, S. (2022). Rio de Janeiro's attempt at Favela urban upgrading: Analysis of the Favela-Bairro program three decades later // CIDADES, Comunidades e Territórios. 45. DOI: 10.15847/cct.25913 URL: https://www.researchgate.net/publication/366814673_Rio_de_Janeiro's_attempt_at_Favela_urban_upgrading_Analysis_of_the_Favela- Bairro_programe_three_decades_later.
19. Epiture & Culture. Woodstock: An Immersive Art Experience In South Africa's Cape Town. URL: https://epicureandculture.com/cape-town-woodstock /.
20. Zlobin, V.V. (2011). Typology of Russian slums // Intellectual potential of the 21st century: stages of cognition. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-rossiyskih-truschob.
21. Maria V. Karaselnikova, Daria M. Maltseva, Nikita M. Iskusov, Ekaterina A. Fadeeva, Linar R. Mardanov, Maria S. Pisareva, Mikhail P. Kharitonov. (2023). Reality vs Regulation: Informal Practices of Spatia Development in Krasnodar, Russia // Urban Research and Practice. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reality-vs-regulation-informal-practices-of-spatia-development-in-krasnodar-russia.
22. The United Nations. Unauthorized cities: the search for long-term solutions to the problem of informal settlements in the region of the United Nations Economic Commission for Europe. New York and Geneva, 2009. 120 p.

Information about the authors
Svetlana V. Lagunova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management
Mark S. Kostarev – student of the Department of State and Municipal Management

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 28.05.2025
Поступила после рецензирования 11.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.48
JEL: R58, J24, O15

ВАК 5.2.6. Менеджмент

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И УДЕРЖАНИЯ МОЛОДЁЖИ В РЕГИОНЕ

Елена Сергеевна Соколова[1]
Татьяна Викторовна Сидоровская[2]

[1]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, e-mail: e.s.sokolova@narfu.ru, ORCID 0000-0002-0948-414X

[2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, e-mail: sitavi73@mail.ru, ORCID 0009-0003-7107-8403

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли промышленного туризма в профориентационной работе и оценке его влияния на удержание молодёжи в регионе. Основная цель исследования – определить потенциал и проблемы развития промышленного туризма для формирования профессиональных интересов молодёжи и снижения миграционных настроений. Методология включает анализ российских и зарубежных научных источников, статистических данных, а также социологический опрос школьников и студентов. Тенденции оттока кадров из северных регионов России, недостаток квалифицированных рабочих сохраняются, и Архангельская область не является исключением. В то же время регион обладает достаточным потенциалом для развития промышленного туризма и активно включился в работу по разработке промышленных туров и экскурсий на предприятия. В результате опроса выявлены высокий интерес молодёжи к экскурсиям на промышленные предприятия и слабая связь этого интереса с выбором профессий в данной сфере. Основными проблемами стали низкий престиж инженерных и рабочих специальностей, высокие зарплатные ожидания, режим секретности на предприятиях оборонного комплекса и ряд других. Авторами предлагается комплекс мер, учитывающих специфику региона, для преодоления выявленных барьеров: разработка региональной стратегии развития промышленного туризма, интеграция промышленного туризма в программы образовательных организаций, внедрение современных форм и методов проведения экскурсий, цифровая трансформация промышленного туризма, усиление взаимодействия между образовательными учреждениями, предприятиями, турфирмами и органами власти. Практическая значимость исследования заключается в формировании рекомендаций для органов государственного управления, промышленных предприятий и образовательных организаций, направленных на повышение привлекательности региона для молодёжи и создание устойчивого кадрового потенциала.

Ключевые слова: промышленный туризм, производственные предприятия, молодёжь, профориентация, кадровый потенциал

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Соколова Е.С., Сидоровская Т.В. Промышленный туризм как инструмент профориентации и удержания молодёжи в регионе. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 160-176.

UDC 338.48
JEL: R58, J24, O15

HAC 5.2.6. Management

INDUSTRIAL TOURISM AS A TOOL FOR CAREER GUIDANCE AND RETENTION OF YOUTH IN THE REGION

Elena Sergeevna Sokolova[1]
Tatyana Viktorovna Sidorovskaya[2]

[1]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», 163002, Russian Federation, Arkhangelsk, 17 Severnaya Dvina Embankment, e-mail: e.s.sokolova@narfu.ru, ORCID 0000-0002-0948-414X
[2]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov», 163002, Russian Federation, Arkhangelsk, 17 Severnaya Dvina Embankment, e-mail: sitavi73@mail.ru, ORCID 0009-0003-7107-8403

Abstract. The article is devoted to the study of the role of industrial tourism in career guidance and assessment of its impact on youth retention in the region. The main purpose of the study is to identify the potential and problems of industrial tourism development for the formation of professional interests of young people and reducing migration attitudes. The methodology includes an analysis of Russian and foreign scientific sources, statistical data, as well as a sociological survey of schoolchildren and students. Trends in the outflow of personnel from the northern regions of Russia and the shortage of skilled workers persist, and the Arkhangelsk Region is no exception. At the same time, the region has sufficient potential for the development of industrial tourism and is actively involved in the development of industrial tours and excursions to enterprises. The survey revealed a high interest of young people in excursions to industrial enterprises and a weak connection between this interest and the choice of professions in this field. The main problems were the low prestige of engineering and working professions, high salary expectations, the secrecy regime at defense enterprises, and a number of others. The authors propose a set of measures that take into account the specifics of the region to overcome the identified barriers: the development of a regional strategy for the development of industrial tourism, the integration of industrial tourism into educational programs, the introduction of modern forms and methods of excursions, the digital transformation of industrial tourism, strengthening cooperation between educational institutions, enterprises, travel agencies and authorities. The practical significance of the research lies in the formation of recommendations for government agencies, industrial enterprises and educational organizations aimed at increasing the attractiveness of the region for young people and creating sustainable human resources.

Keywords: industrial tourism, industrial enterprises, youth, career guidance, human resources potential.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Sokolova, E.S., Sidorovskaya, T.V. (2025). Industrial tourism as a tool for career guidance and retention of young people in the region. Public administration and law, 2(06), 160-176.

ВВЕДЕНИЕ

В современных социально-экономических условиях тема развития промышленного туризма с ориентацией на молодёжную аудиторию приобретает особую актуальность. Промышленный туризм следует рассматривать как инструмент профориентационной работы с целью повышения информированности школьников и студентов о местных производственных предприятиях, выработки правильного восприятия рабочих специальностей, привлечения внимания молодёжи к промышленным предприятиям региона и формирования кадрового потенциала.

По мнению экспертов Проектного офиса развития Арктики (ПОРА), «развитие промышленного туризма может существенно повысить интерес к путешествиям по России, способствовать продвижению локальных брендов и региональных товаров, повышать инвестиционную привлекательность. Однако одной из ключевых целей является профориентационная работа с молодёжью и популяризация рабочих профессий»[1].

Развитие промышленного туризма как инструмента профориентационной работы обусловлена рядом факторов, делающих его крайне важным в решении кадровых проблем и повышении престижа профессий. Во-первых, демографическая ситуация во многих регионах России характеризуется оттоком молодёжи в крупные города и столичные центры, что приводит к дефициту квалифицированных кадров и замедлению темпов экономического развития в удалённых от центра регионах, особенно северных. По данным Архстата, число выбывших из Архангельской области (включая Ненецкий автономный округ) в 2023 году составило 38 024 чел., в том числе в возрасте от 15 до 34 лет 18 384 чел., что составляет 48,3 % от общей численности мигрантов[2].

Во-вторых, традиционные методы профориентации, зачастую, оказываются недостаточно эффективными, так как не дают молодёжи реального представления о современном производстве, инновационных технологиях и перспективах профессионального роста в различных отраслях промышленности. Промышленный туризм, напротив, предоставляет уникальную возможность увидеть производственный процесс изнутри, пообщаться с действующими специалистами и получить практическое представление о конкретных профессиях. В-третьих, промышленность, особенно в регионах, нуждается в притоке новых квалифицированных кадров. В-четвёртых, промышленный туризм способствует повышению туристской привлекательности региона, позволяет продемонстрировать уникальные особенности местного производства, историю развития промышленности и достижения местных предприятий.

Архангельская область обладает достаточным потенциалом для развития промышленного туризма, что связано с наличием в регионе большого количества промышленных предприятий (более 1500). На территории области функционируют такие крупные предприятия, как АО «ПО «Севмаш», АО «Центр судостроения «Звездочка», АО «СПО «Арктика», АО «Североалмаз», АО «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат», АО «Архангельский траловый флот», ООО «Архангельский водорослевый комбинат», АО «Архангельский ликеро-водочный завод», ЗАОр «НП Архангельскхлеб», АО «Северодвинский хлебокомбинат» и др. Однако основным сдерживающим фактором является режим секретности крупных промышленных и оборонных предприятий.

В 2021 году Архангельская область принимала участие в Акселераторе по промышленному туризму, по итогам которого были разработаны первый промышленный тур региона «Вкусные производства Арктики» и виртуальный тур «Промышленность Поморья», где можно познакомиться с предприятиями Архангельской обла-

[1]Промышленный туризм на территориях Арктической зоны РФ обсудили эксперты ПОРА. URL: https://pomorland.travel/news/promyshlennyy_turizm_na_territoriyakh_arkticheskoy_zony_rf/.

[2]Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу. Миграция населения. URL: https://29.rosstat.gov.ru/population11.

сти в трёхмерном отображении на экране компьютера, планшета или смартфона. В 2024 году команда Архангельской области приняла участие в программе «Открытая промышленность» Агентства стратегических инициатив (АСИ), в рамках которой были составлены технологические карты экскурсий по промышленным предприятиям и прорабатывались проекты потенциальных промышленных туров. Заключительным этапом программы стало проведение рекламного тура «На одной волне» для туроператоров и турагентов с посещением предприятий судостроительной отрасли региона, фермерских хозяйств и телекоммуникационных компаний[3].

В онлайн-путеводителе «Все – на завод!» Архангельской областью представлено всего два тура: на верфь судостроения «Поморский коч» и клюквенную плантацию СПК «Архангельская клюква», что свидетельствует о слабой представленности предприятий в медиа пространстве.

Проанализируем данные о вакансиях в Архангельской области. Эксперты hh.ru подвели итоги рынка труда Архангельской области в октябре 2024 года и выяснили, работники из каких сфер остаются на пике востребованности у местных работодателей. Аналитика показывает, что потребность в рабочем персонале выросла по сравнению с прошлым годом на 20 %[4].

Проведённое авторами исследование развития промышленного туризма в регионе позволит выявить взаимосвязи между различными факторами, влияющими на выбор профессии и миграционные настроения молодёжи.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования состоит в изучении роли промышленного туризма в формировании профессиональных интересов молодёжи Архангельской области и его влияния на желание остаться в регионе для обучения и трудоустройства.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использован ряд научных методов исследования: анализ научной литературы, анализ официальных и неофициальных документов, обобщение, сравнительно-сопоставительный анализ, опрос, а также графические методы для наглядного представления полученных результатов.

Авторами статьи проведен онлайн-опрос в феврале 2024 года путём анкетирования, в котором приняли участие 2024 человек из 23 муниципальных образований (МО) Архангельской области. Участниками опроса явились школьники, учащиеся колледжей и студенты вузов. Цель опроса – оценка потенциала промышленных предприятий для развития туризма с целью профориентационной работы среди молодёжи. При анализе первичных данных использовалась статистическая обработка результатов опроса с использованием программного обеспечения (Excel), а также кластеризация ответов по ключевым параметрам: интерес к промышленным экскурсиям, карьерные предпочтения, мотивы покупки продукции местных производителей.

В ходе сравнительного анализа были сопоставлены данные о желании работать на предприятиях с популярностью экскурсий на конкретные объекты, выявлены связи между оценкой качества продукции и лояльностью к региону.

Авторами проведён обзор российских и зарубежных исследо-

[3]Промышленный туризм на территориях Арктической зоны РФ обсудили эксперты ПОРА. URL: https://pomorland.travel/news/promyshlennyy_turizm_na_territoriyakh_arkticheskoy_zony_rf/.
[4]Названы самые востребованные профессии этого месяца в Архангельске. URL: https://pravdasevera.ru/2024/10/08/6704ddb114213764e36d4992.html.

ваний по теме промышленного туризма как инструмента профориентации молодёжи, формирования кадрового потенциала и приверженности своему региону.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Обзор российских и зарубежных источников позволил сделать вывод, что тема промышленного туризма достаточно актуальна, особенно для регионов с развитой промышленностью, низким потенциалом других видов туризма, а также с невысоким кадровым потенциалом.

Российские исследователи А.В. Танина и др. [1] и зарубежные учёные Зульмира Монтенегро и др. [2], проводя анализ публикаций по теме промышленного туризма, отмечают высокий интерес и рост в последние годы, как в Российской Федерации, так и в других странах мира. Промышленный туризм в РФ занимает не самые высокие позиции по сравнению с другими видами туризма (22 из 35 на elaibrary.ru, 9 из 35 в научной библиотеке «КиберЛенинка»). Неоднозначное понимание сути промышленного туризма у зарубежных учёных: как туризма «в прошлое» (на недействующие, закрытые предприятия, представляющие собой музеи, экспозиции), с одной стороны, и как посещения действующих предприятий, с другой. Российские учёные эти взгляды чаще всего объединяют. Так, Р.В. Кадыров и Р.Г. Мударисов определяют промышленный туризм как комплексное явление, включающее посещение действующих предприятий и объектов индустриального наследия. Авторы выделяют два направления: историко-индустриальное (музеи, заброшенные фабрики) и современное (экскурсии на действующие производства) [3]. Т.А. Танкиева и др. расширяют понятие промышленного туризма, добавляя научно-популярный туризм как инструмент технологического развития, подчёркивая его роль в устойчивом развитии и маркетинге территорий [4].

Во многих публикациях [1-19] подчёркивается важная роль промышленного туризма в решении кадровых проблем и повышении престижа профессий. Так, Е.А. Гришина и Д.Э. Удалов утверждают, что 77,8 % молодёжи заинтересованы в посещении предприятий для выбора профессии [5]. С. Рыжов отмечает, что 70-80 % молодёжи готовы работать в родном регионе, но лишь 20 % рассматривают промышленные предприятия. Причина – мифы о низких зарплатах и устаревших технологиях, которые могут быть развеяны посредством промышленного туризма [7].

Исследователи рассматривают проблемы развития промышленного туризма. Л. Тимофеева выделяет такие ключевые проблемы, как низкая вовлечённость предприятий (только 5 % заводов открыты для экскурсий), дефицит квалифицированных экскурсоводов, высокая стоимость посещения [8]. Зульмира Монтенегро и др., исследуя проблемы промышленного туризма в Португалии, отмечают, что 90 % малых предприятий не внедряют его из-за рисков безопасности [20]. Т.А. Танкиева и др. обращают внимание на слабую транспортную логистику и экологические ограничения [4]. И.З. Чхотуа и др. через кластерный анализ выявляют, что проблемами могут быть низкий потенциал региона в развитии промышленного туризма и слабая господдержка [9]. Ю.Н. Никулина, С.В. Трусов выделяют такие барьеры, как отсутствие опыта промышленных экскурсий, специалистов для их организации и проведения; небезопасность производства для туристов; отсутствие необходимой инфраструктуры для принятия туристов; нежелание отвлекать работников от исполнения

ими производственных задач; желание скрыть от конкурентов бизнес-процессы и т. д. [6]. Е.А. Гришина, Д.Э. Удалов подчёркивают, что остаётся низкая осведомлённость потенциальных туристов о промышленном туризме [5].

Обзор статей и ресурсов интернета показывает, что накоплен интересный практический опыт в сфере промышленного туризма, который может быть перенят и адаптирован. Е.А. Дубик и Н.В. Усов описывают проект «Промышленный Нижний»: 16 маршрутов с участием волонтёров, бесплатные экскурсии и VR-туры [10]. А.Г. Саакян на примере Нижегородской области показывает, что интерактивные форматы (VR-туры, квесты, 3D-моделирование) наиболее эффективны для поколений Z и Alpha [11]. А.В. Кучумов, П.Ю. Еремичева анализируют китайский опыт: разработку стратегий поддержки и развития промышленного туризма на государственном уровне, участие предприятий Huawei, BYD [12].

Интересен белорусский опыт по созданию справочника «Маршрутами познания и воспитания» – путеводителя по лидерам, авангардным предприятиям и учреждениям на промышленной карте города Могилёва, в котором представлены экскурсионные маршруты образовательной направленности: «Могилёв индустриальный», «Невидимые музеи в стенах образования», «Государственные структуры» [8].

Описание и условия туристских маршрутов и экскурсий в регионах РФ можно посмотреть в онлайн-путеводителе «Все – на завод!»[5], разработанном Агентством стратегических инициатив (АСИ) при поддержке Минпромторга РФ в 2022 г. Отметим, однако, ограниченный охват данного ресурса.

Производственные предприятия активно делятся опытом в рамках проекта «Открытая промышленность». Это Всероссийская образовательная программа по развитию промышленного туризма, которая реализуется с 2021 года Агентством стратегических инициатив. По информации на 2024 год, в этом проекте приняли участие около 1 тысячи предприятий из более чем 80 регионов России. На предприятиях создаются Центры компетенций (ПАО «ММК» г. Магнитогорск, ПАО «СИБУР Холдинг» г. Благовещенск). В г. Перми по инициативе АСИ с целью реализации стратегии, направленной на привлечение и сохранение человеческого капитала, создан Всероссийский центр компетенций по профориентации, который предлагает практико-ориентированные образовательные программы для детей и молодёжи, практические модули для родителей и педагогов в сфере воспитания и профориентации детей. В деятельность Центра вовлечено 65 предприятий, проведено более 220 мероприятий, в проект #ЗаводИтуризм» привлечено более 87 тыс. чел. Интерес представляет реализованный проект «Детиедуткдетям», в планах Центра его выведение на федеральный уровень, тиражирование опыта и методологии проекта по всей стране[6].

Накопленный опыт позволяет формировать рекомендации по развитию промышленного туризма как инструмента профориентационной работы и повышения лояльности молодёжи.

АСИ предлагает создать единый реестр предприятий с профориентационными программами. Примером может служить опыт Кузбасса,

[5]Все – на завод! Онлайн-путеводитель по экскурсиям на российские предприятия. URL: https://promtourism.online/routes.
[6]Годовой отчёт о деятельности АНО «Центр компетенций и развития проектов в сфере туризма, образования, культуры и спорта» 2022-2023 гг. URL: https://90f1661d-2ff4-4f29-b07c-0e47453ca691.selstorage.ru/site734798%2FОтчёт_по_инфо_открытости.pdf

где промышленный туризм интегрирован в федеральные проекты [13].

Гришина Е.А. и Удалов Д.Э. рекомендуют интеграцию экскурсий в учебные программы [5]. А.Г. Саакян считает, что наиболее эффективны для поколений Z и Alpha интерактивные форматы (VR-туры, квесты, 3D-моделирование), а также предлагает формат «Семейный день на предприятии» [11].

Для повышения лояльности посетителей Тао Чжан и др. предлагают модель «сервисного театра» (обстановка, представление, актеры) для проектирования промышленного туризма, выделяя, что обстановка (технологичность, прозрачность) и представление (демонстрация процессов) наиболее значимо влияют на опыт клиентов (удовольствие, обучение). Они рекомендуют фокусироваться на технологиях и интерактивности, а также интегрировать образовательные элементы для усиления профориентационного потенциала [14].

Шаналина Н. акцентирует внимание на разрушении стереотипов о промышленности через демонстрацию современных производств. Проекты в ГК «Русская кожа» включают обратную связь с участниками экскурсий [15].

Афанасьева А.В. с соавторами выделяют пять возрастных групп школьников и студентов, для каждой из которых определяют свои цели и формы профориентационной работы [16].

Артемьева О.В., Савченко И.О. описывают проект по разработке географической информационной системы (ГИС) в СПбГУ, который будет представлять собой систему, состоящую из базы данных с информацией об объектах промышленного туризма Российской Федерации и созданию на её основе интерактивной карты объектов промышленного туризма [17].

Рыжов С. предлагает субсидирование ставок экскурсоводов и создание медийных проектов [7].

Зульмира Монтенегро и др. предлагают делать акцент на безопасность и использование VR-форматов [2].

Рассмотрим место промышленного туризма, в том числе как инструмента профориентации и повышения лояльности молодёжи к региону, в Архангельской области.

Чхотуа И.З. и др. через кластерный анализ выявляют, что Архангельская область относится к регионам со средним потенциалом промышленного туризма, но слабой господдержкой. Согласно рекомендациям авторов, для таких регионов необходима интеграция в общие туристические маршруты [9].

Кадыров Р.В., Мударисов Р.Г. приводят пример проведения мастер-классов на хлебозаводах Архангельска с дегустацией локальной продукции как успешной практики профориентации [3].

Долженко Р.А. с соавторами провели исследование представления молодых людей о работе на промышленных предприятиях Свердловской области [18]. Большинство опрошенных не видят преимуществ работы в промышленности.

В контексте нашего исследования следует обратить внимание на данные опроса, проведённого в 2022 году Архангельским отделением партии «Новые Люди», в котором приняли участие свыше 150 студентов архангельских вузов: САФУ, СГМУ, ряда колледжей и техникумов. Он выявил, что 53,6 % молодёжи не планируют оставаться в регионе из-за низких зарплат и сурового климата[7].

[7]Каждый второй студент в Архангельской области хочет уехать из региона. URL: https://region29.ru/2022/02/01/61f94a73851956e3ff2eb5a2.html.

Авторами данной статьи в 2024 году проведён опрос школьников и студентов Архангельской области по оценке потенциала промышленных предприятий для развития туризма. В опросе приняли участие 2024 чел., из них 63 % – женского пола и 37 % – мужского. Распределение респондентов по возрасту: от 14 до 17 лет – 55,4 % опрошенных, 18-24 года – 42,6 %, 25-29 лет – 0,9 %, 30 лет и старше – 1,1 %. По социальному статусу респонденты распределились следующим образом: студенты – 65,2 %, школьники – 34,8 %.

По месту проживания в опросе приняли участие жители разных городских округов и муниципальных районов. Большинство опрошенных (43,6 %) проживают г. Архангельске, 18,0 % – в г. Северодвинске, 7,9 % – в Онежском муниципальном районе, 4,4 % – в Виноградовском муниципальном районе, 3,5 % – в Приморском муниципальном районе, 3,1 % – в г. Мирном, 2,9 % – в Няндомском муниципальном районе, 2,1 % – в Пинежском муниципальном районе и др.

Средняя оценка респондентами по десятибалльной шкале степени развития промышленных предприятий в Архангельской области составила 6,78 балла.

Средние оценки респондентов по десятибалльной шкале качества продукции, производимой в Архангельской области, приведены на рисунке 1.

Наиболее высокие оценки даны продукции хлебозаводов (8,39 баллов), молочной продукции (8,03 баллов), продукции деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов (7,95 баллов), изделиям народных художественных промыслов (7,89 баллов), продукции рыбных хозяйств и комбинатов (7,69 баллов), строительных материалов (7,64 баллов), продукции «Архангельского водорослевого комбината» (7,59 баллов), продукции животноводства (ферм, крестьянских фермерских хозяйств) (7,57 баллов).

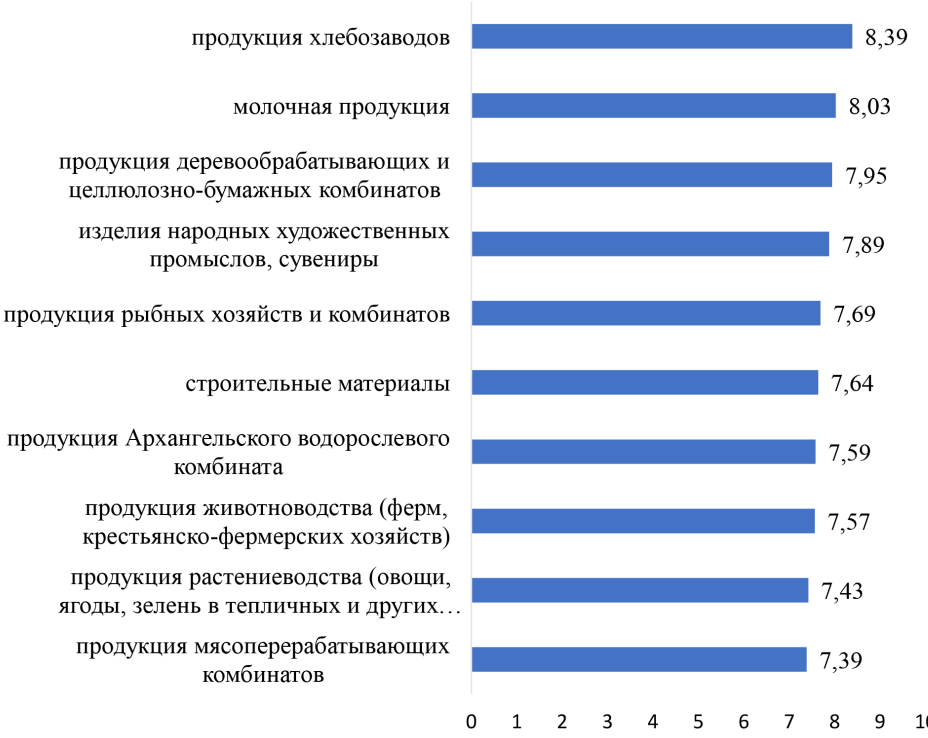

Рисунок 1. Средние оценки респондентов по 10-балльной шкале качества продукции, производимой в Архангельской области
Figure 1. Average respondents' assessments on a 10-point scale of the quality of products manufactured in the Arkhangelsk region

На рисунке 2 видно, что наиболее привлекательными предприятиями Архангельской области, которые респонденты хотели бы посетить с экскурсией (ТОП 10), являются: АО «ПО «Севмаш», АО «Центр судостроения «Звездочка», АО «Североалмаз», АО «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат» (АЦБК), ООО «Архангельский водорослевый комбинат», АО «Северодвинский хлебокомбинат», АО «Северодвинск-Молоко», АО «Архангельский траловый флот», АО «СПО «Арктика», ЗАОр «НП Архангельскхлеб».

Рисунок 2. Предприятия, которые респонденты хотели бы посетить с экскурсией
Figure 2. Enterprises that respondents would like to visit on excursion

На вопрос «Хотели бы Вы продолжить обучение в Архангельской области?» 31 % опрошенных ответили «да» и 30 % – «скорее да, чем нет», что составляет примерно 2/3 всех респондентов. 10 % опрошенных ответили «нет», 17 % – «скорее нет, чем да», а 12 % –затруднились ответить на этот вопрос (рисунок 3).

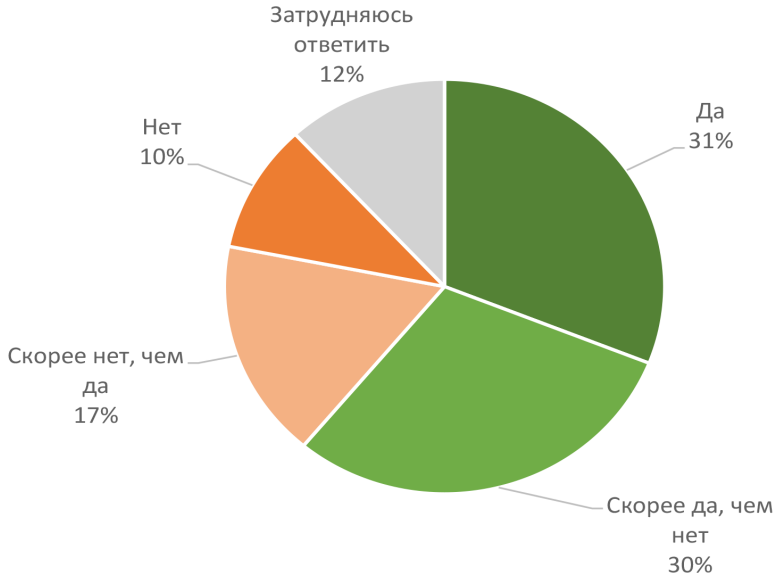

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы продолжить обучение в Архангельской области?»
Figure 3. Answers of respondents to the question: «Would you like to continue your education in the Arkhangelsk region?»

Около половины всех респондентов (48 %) на вопрос «Хотели бы Вы продолжить профессиональную карьеру в Архангельской области?»: 21 % ответили «да» и 27 % – «скорее да, чем нет». 15 % респондентов не связывают свою будущую профессиональную карьеру с нашим регионом (ответили категорично «нет»), 20 % – ответили «скорее нет, чем да» и 17 % – затруднились ответить (рисунок 4).

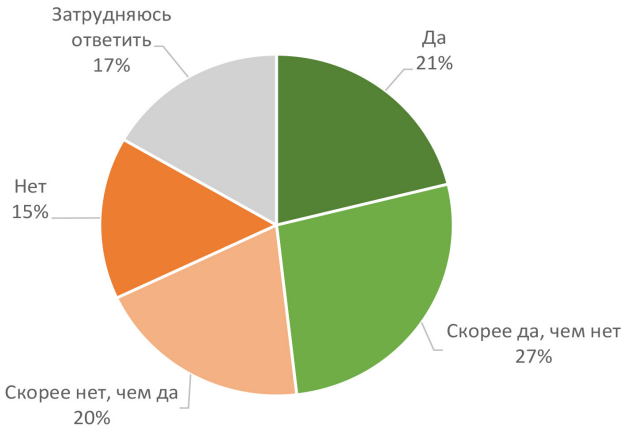

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы продолжить профессиональную карьеру в Архангельской области?»
Figure 4. Answers of respondents to the question: «Would you like to continue your professional career in the Arkhangelsk region?»

Респонденты хотели бы продолжить профессиональную карьеру в таких городах Архангельской области, как Архангельск, Северодвинск, Онега, Вельск, Каргополь, Котлас, Коряжма, Няндома, Нарьян-Мар, п. Березник, а также в городах других регионов: Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Казани, Ярославле, Вологде, Воронеже, Нижнем Новгороде, Мурманске, Сочи, Ленинградской области, Краснодарском крае и Республике Крым.

Только 13 % опрошенных школьников и студентов хотели бы работать на промышленных предприятиях, перечисленных в анкете, которые им предлагалось посетить с экскурсией, 15 % – «скорее да, чем нет», 22 % – «скорее нет, чем да», 17 % – затруднились ответить. Одна треть респондентов (33 %) категорично ответили «нет» (рисунок 5).

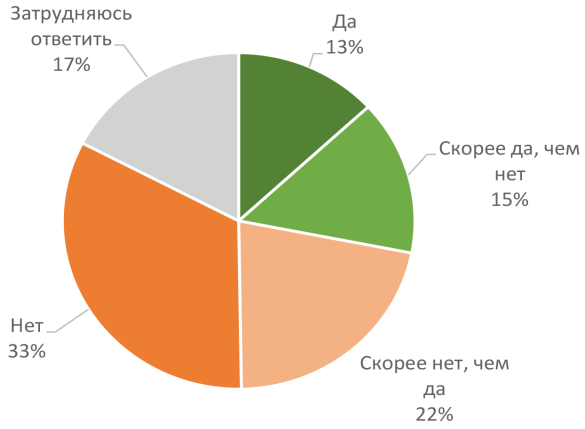

Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Хотели бы Вы работать на промышленных предприятиях из упомянутых выше?»
Figure 5. Answers of respondents to the question: «Would you like to work at the industrial enterprises mentioned above?»

Наиболее востребованные профессии по мнению опрошенных студентов и школьников: медицинский работник (66,7 % опрошенных), IT-специалист/программист (49,3 %), учитель/преподаватель (42,8 %), спасатель/пожарный (41,6 %), военный (35,8%), полицейский (31,3%), юрист (27,5 %), инженер (25,4 %), т. е. инженер лишь на 8-м месте. В ответе «другое» указаны такие профессии, как сварщик, электрик, автомеханик, строитель, повар/кондитер, водитель, психолог, дизайнер (рисунок 6).

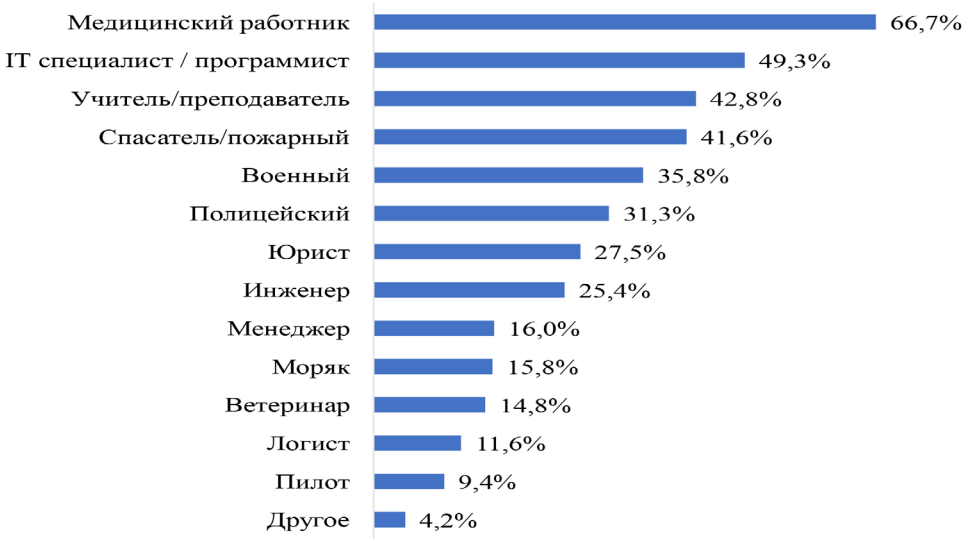

Рисунок 6. Наиболее востребованные профессии по мнению респондентов
Figure 6. The most in-demand professions according to respondents

Наиболее привлекательные профессии, которые школьники и студенты хотели бы освоить: IT-специалист/программист (35,5 % опрошенных), медицинский работник (26,5 %), юрист (24,1 %), полицейский (18,1 %), менеджер (17,6 %), учитель/преподаватель (17,2 %), инженер (17,1 %), военный (16,6 %). В ответе «другое» респонденты указали такие профессии, как сварщик, токарь, сборщик металлических корпусов судов, повар, тренер, косметолог, парикмахер, дизайнер, ремесленник народных промыслов, архитектор, журналист, телеведущий, режиссер, артист (рисунок 7).

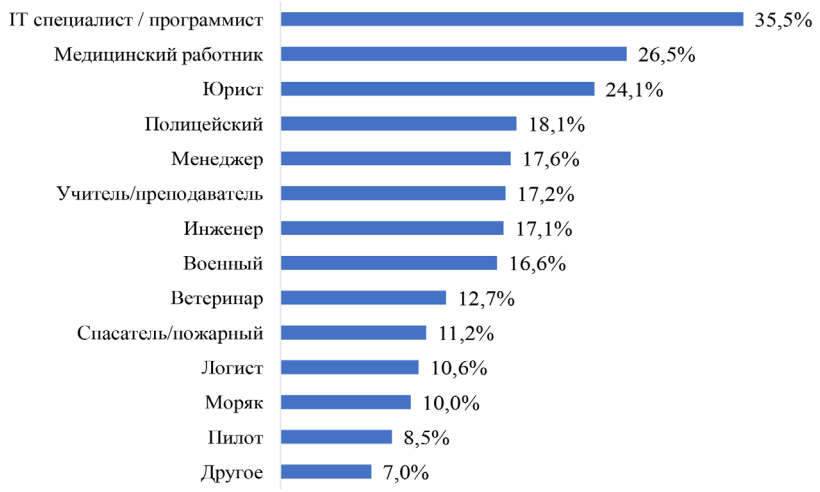

Рисунок 7. Профессии, которые школьники и студенты хотели бы освоить
Figure 7. Professions that schoolchildren and students would like to learn

Желаемый ежемесячный доход в рамках будущей профессии, по мнению большинства респондентов (45,7 % опрошенных), составляет свыше 100 тыс. руб., около 32 % считают приемлемым доход в размере от 70 до 100 тыс. руб., 15 % – от 50 000 до 69 999 руб. Эти данные свидетельствуют о довольно значительных ожиданиях от будущей профессии.

Основные выводы из опроса.

Интерес к экскурсиям на производственные предприятия региона среди школьников и студентов достаточно большой, многие хотели бы посетить крупные предприятия оборонной (Севмаш, Звездочка, Арктика), добывающей (Севералмаз) перерабатывающей промышленности (АЦБК, Архангельскхлеб, Архангельский водорослевый комбинат и др.).

Вместе с тем проявленный интерес к экскурсиям не означает интерес к работе на данных предприятиях: только 13 % респондентов рассматривают работу на промышленных предприятиях. Причинами являются завышенные зарплатные ожидания (45,7 % хотят иметь ежемесячный доход свыше 100 тыс. руб.), низкий престиж инженерных профессий (25,4 % востребованности).

Готовность остаться в регионе можно оценить как невысокую: 61 % готовы остаться для обучения, и только 48 % – для работы, наибольший интерес представляют города: Архангельск (43,6 % респондентов) и Северодвинск (18 %).

Высокие оценки качества местной продукции могут стать основой для формирования эмоциональной связи с регионом. Экскурсии на предприятия повышают осведомлённость о региональных возможностях.

Результаты исследования подтверждают необходимость развития промышленного туризма в регионе. Накоплен большой российский и международный опыт, который избирательно возможно адаптировать на предприятиях Архангельской области.

Целевая аудитория промышленного туризма, направленного на профориентацию и удержание молодёжи в регионе – школьники 7-11 классов и студенты учреждений СПО и ВО, то есть часть посещающих промышленные экскурсии – несовершеннолетние. Это накладывает определённые обязательства на сами предприятия, турфирмы, организующие промышленные туры, и взрослых, которые несут ответственность за детей во время экскурсий.

На основе обзора информационных источников и анализа результатов опроса авторами выявлены основные проблемы развития промышленного туризма в Архангельской области (таблица 1).

Таблица 1. Проблемы развития промышленного туризма в Архангельской области и направления их решения [составлено авторами]
Table 1. Problems of industrial tourism development in the Arkhangelsk region and their solutions [compiled by the authors]

Проблемы развития промтуризма	Характер проявления проблемы	Возможные пути решения проблемы
Отсутствие стратегии развития промышленного туризма в регионе	Низкая заинтересованность турбизнеса и производственных предприятий в организации промышленных туров и экскурсий	Разработка стратегии развития промышленного туризма, проведение форумов, круглых столов с привлечением заинтересованных сторон

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Проблемы развития промтуризма	Характер проявления проблемы	Возможные пути решения проблемы
Неготовность высшего руководства предприятий к внедрению промышленных экскурсий	Отказ от организации экскурсий на предприятия	Образовательные программы для руководителей предприятий («Открытая промышленность»), форумы, конференции, круглые столы по промышленному туризму, меры государственной поддержки предприятиям
Конфиденциальность оборонных предприятий	Риск утечки коммерческой или стратегической информации	Использование VR-туров, ограничение доступа к критическим зонам, цифровые симуляции
Низкая вовлечённость производственных предприятий	Ограничение доступности экскурсий для молодёжи	Создание реестра предприятий с льготами для участников, налоговые стимулы
Дефицит квалифицированных экскурсоводов	Низкое качество экскурсий и снижение интереса молодёжи к посещению предприятий	Разработка образовательных программ, субсидирование ставок экскурсоводов, привлечение волонтёров
Высокая стоимость посещения	Недоступность для социально незащищённых групп	Введение бесплатных экскурсий, спонсорская поддержка, гранты для предприятий
Риски безопасности на производстве при проведении экскурсий	Угроза травматизма посетителей и нарушения производственных процессов	Обязательный инструктаж, маркировка опасных зон, использование средств защиты
Экологические ограничения	Ухудшение экологической ситуации в регионе	Разработка «зелёных» маршрутов, контроль за соблюдением экологических норм
Неравномерное развитие регионов	Концентрация промышленного туризма в крупных городах, игнорирование малых городов	Интеграция промышленного туризма в региональные стратегии, поддержка моногородов
Слабая осведомлённость молодёжи	Низкий спрос на экскурсии, деформация восприятия и ценности инженерных и рабочих профессий	Интеграция промышленного туризма в учебные программы школ, колледжей, вузов, продвижение в соцсетях, сотрудничество предприятий с образовательными организациями
Низкий интерес молодёжи к традиционному формату экскурсий (влияние стереотипа «экскурсия – это скучно»)	Низкий спрос на экскурсии, неэффективность профориентации	Обучение экскурсоводов, внедрение современных форм и методов проведения экскурсий (VR-AR-туры, цифровые симуляции, квесты, фотозоны и т. п.), «дегустация» профессии (мастер-классы)
Негативное влияние на производство	Снижение производительности из-за частых экскурсий	Оптимизация графика посещений, выделение отдельных дней для туристов
Юридические барьеры	Сложности с оформлением разрешений и страховок	Упрощение нормативной базы, создание типовых договоров для предприятий, консультационная поддержка предприятий
Проблемы сетевого взаимодействия	Высокая созависимость всех участников процесса: школьники/студенты, образовательная организация, турфирма, предприятие	Обучение, использование успешного опыта, совместная проработка алгоритмов/процессов участниками-организаторами

По мнению авторов, цели промышленного туризма направлены на развитие региона, и, соответственно, входят в зону ответственности региональных органов власти. Работа по разработке стратегии развития промышленного туризма в Архангельской области была начата ещё в 2023 году в рамках проекта «Открытая промышленность», её следует довести до конца. Стратегия должна обозначить ключевые цели, ориентиры для участников, определить основной механизм сетевого взаимодействия, в котором каждое предприятие могло бы увидеть свои место и роль.

Руководители не готовы открывать двери своих предприятий для школьников и студентов, так как не считают промышленный туризм частью стратегии их развития. Наличие региональной стратегии позволит обеспечить продвижение идей промтуризма на уровень стратегий предприятий. Также среди причин отказа от экскурсий – нехватка финансирования, отсутствие опыта, специалистов, неготовность решать указанные выше проблемы. АСИ и Центр развития туризма и культуры Архангельской области могут стать связующим звеном в сетевой модели промышленного туризма региона, информационными и консультационными центрами, через который предприятия смогут найти партнёров, изучить лучшие мировые и российские практики, узнать о мерах государственной поддержки.

Образовательные учреждения также должны быть вовлечены в развитие промышленного туризма. В партнёрстве с промышленными предприятиями они могут внедрять в учебные планы интерактивные экскурсии с элементами профессиональных проб (например, мастер-классы на заводах), планировать практику и создавать программы стажировок с перспективой трудоустройства и конкурентной зарплатой. IT-ориентированную молодёжь можно заинтересовать на промышленных экскурсиях через показ современных технологий в производстве, применение цифровых технологий (VR-, AR, симуляторы и пр.).

Промышленный туризм может стать инструментом не только профориентации, но и укрепления региональной идентичности, если интегрировать его в долгосрочные стратегии развития.

Практическая значимость данного исследования заключается в предложении конкретных рекомендаций по интеграции туризма в региональные стратегические документы развития региона и стратегии развития предприятий, а также инициатив для формирования привлекательных туров для молодёжи в целях профориентации и формирования кадрового потенциала.

ВЫВОДЫ

Промышленный туризм обладает значительным потенциалом для профориентации и удержания молодёжи в Архангельской области. Исследование подтвердило необходимость системного подхода, объединяющего государственную поддержку, инновационные форматы взаимодействия и учёт региональной специфики.

Ключевым условием успеха является преодоление барьеров, таких как конфиденциальность оборонных предприятий, низкая осведомлённость молодёжи о возможностях промышленного сектора и недостаточная координация между участниками процесса. Опыт российских регионов и зарубежных стран свидетельствует о важности кластерного развития, цифровизации экскурсионных программ и сетевого взаимодействия.

Реализация предложенных мер, включая создание образовательных программ, внедрение интерак-

тивных технологий и разработку региональной стратегии развития промышленного туризма, позволит не только укрепить кадровый потенциал, но и сформировать эмоциональную связь молодёжи с регионом.

Таким образом, промышленный туризм может стать важным элементом долгосрочной стратегии устойчивого развития Архангельской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Танина А.В., Сергеев Д.А., Конышев Е.В., Танин Е.Ф. К вопросу о направлениях исследования промышленного туризма // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1(58). С. 158-170. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.170.

2. Montenegro Z., Marques J., Sousa C. Understanding the concept of Industrial Tourism: A systematic review of the literature // International Conference on Tourism Research. 2022. No. 15(1). P. 263-272. URL: https:// doi.org/10.34190/ictr.15.1.235.

3. Кадыров Р.В., Мударисов Р.Г. Промышленный туризм как креативный маркетинг // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 8. С. 88-94. URL: https://vaael.ru/ru/article/view?id=206.

4. Танкиева Т.А., Смолина Д.С., Пономарёва М.В. Научно-популярный и промышленный туризм как инструменты технологического развития в РФ // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 4(80). Номер статьи: 8025. URL: https://eee-region.ru/article/8025/.

5. Гришина Е.А., Удалов Д.Э. Промышленный туризм как форма профессиональной ориентации молодёжи // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2020. Т. 17. № 2. С. 45-51.

6. Никулина Ю.Н., Трусов С.В. Особенности и тенденции развития промышленного туризма: региональные аспекты // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 13. С. 2061-2078. DOI: 10.18334/rp.18.13.38108 (PDF). URL: https://www.researchgate.net/publication/318555663.

7. Рыжов С. Промышленные предприятия могут стать хорошим стимулом для привлечения туристов в регион. URL: https://ratanews.ru/news/interview/news_1032022_2.

8. Тимофеева Л. Промышленный туризм как средство профессионального самоопределения учащихся. URL: https://ng-press.by/2023/01/13/promyshlennyj-turizm-kak-sredstvo-professionalnogo-samoopredeleniya-uchashhihsya/.

9. Чхотуа И.З., Власюк Л.И., Задорожная Г.В. Развитие промышленного туризма в регионах России: стратегический анализ // Экономическое возрождение России. 2021. № 4(70). С. 156-174.

10. Дубик Е.А. Развитие промышленного туризма региона через добровольчество (на примере Нижегородской области) // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 8. С. 2927-2938. DOI 10.18334/epp.13.8.118896. URL: https://1economic.ru/lib/118896.

11. Саакян А.Г. Промышленный и научно-популярный туризм как инструмент профориентации молодёжи (на примере Нижегородской области) // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 12. С. 3511-3522. DOI 10.18334/ce.18.12.122421. URL: https://1economic.ru/lib/122421.

12. Кучумов А.В., Еремичева П.Ю. Анализ потенциала развития промышленного туризма в Китае // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 1. С. 45-55. DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-1-0-3, URL: https://rrbusiness.ru/journal/annotation/3725/.

13. Назаренко М., Раевская А. АСИ и федеральные министерства объединятся для создания и развития программ промышленного туризма URL: https://asi.ru/news/189947/.

14. Zhang, T. «Raising the Curtain»: The service theater model as a tool of industrial tourism and effects on customer experience // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2024. Vol. 8, № 6. P. 4513. DOI 10.24294/jipd.v8i6.4513.

15. Шаналина Н. Промышленный туризм как система профориентации молодёжи. Электронный журнал «ИНВЕСТ. Люди. События. Перспективы» URL: https://journal.fpkinvest.ru/2023/12/20/promyshlennyj-turizm-kak-sistema-proforientacii-molodezhi/.

16. Афанасьева А.В., Гончарова О.В., Прохорова О.В., Чурилина И.Н. Инструменты профориентационной работы в промышленном и научно-популярном туризме: проблемы и перспективы формирования кадрового потенциала // Сервис в России и за рубежом. 2024. Т. 18. № 1. С. 39-53. DOI: 10.5281/zenodo.11177125.
17. Артемьева О.В. Промышленный туризм в Российской Федерации как инновационное явление. Опыт разработки проекта ГИС // Проблемы и перспективы развития туризма региональный аспект: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Грозный, 26-27 апреля 2024 года. Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2024. С. 24-27. DOI 10.36684/126-1-2024-24-27.
18. Долженко Р.А., Долженко С.Б., Свинин С.В. Работа на промышленных предприятиях: ценностные ориентации молодёжи // Социально-трудовые исследования. 2024. № 3(56). DOI: 10.34022/2658-3712-2024-56-3-156-165/ URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-na-promyshlennyh-predpriyatiyah-tsennostnye-orientatsii-molodezhi.
19. Мерцалова С.Л. Промышленный туризм: перспективы развития // Форпост науки. 2023. № 1(63). С. 11-16. DOI 10.36683/2076-5347-2023-1-63-11-16.
20. Montenegro Z., Marques J., Sousa C. Industrial Tourism in Small and Medium-Sized Industrial Enterprises: Challenges and Opportunities. International Conference on Tourism Research. 2025. DOI: 10.34190/ictr.8.1.3435 URL: https://www.researchgate.net/publication/390829562_Industrial_Tourism_in_Small_and_Medium-Sized_Industrial_Enterprises_Challenges_and_Opportunities.

Информация об авторах
Елена Сергеевна Соколова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента
Татьяна Викторовна Сидоровская – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента

REFERENCES

1. Tanina, A.V., Sergeev, D.A., Konyshev, E.V., Tanin, E.F. (2022). On the directions of industrial tourism research. Business. Education. Law. (1(58)):158-70. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.170. (In Russ.)
2. Montenegro, Z., Marques, J., Sousa, C. (2022). Understanding the concept of Industrial Tourism: A systematic review of the literature. International Conference on Tourism Research. 2022;15(1):263-72. DOI: 10.34190/ictr.15.1.235.
3. Kadyrov, R.V., Mudarisov, R.G. (2018). Industrial tourism as creative marketing. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. (8):88-94. Available from: https://vaael.ru/ru/article/view?id=206. (In Russ.)
4. Tankieva, T.A., Smolina, D.S., Ponamareva, M.V. (2024). Scientific-popular and industrial tourism as tools of technological development in Russia. Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal. (4(80)):8025. Available from: https://eee-region.ru/article/8025/. (In Russ.)
5. Grishina, E.A., Udalov, D.E. (2020). Industrial tourism as a form of youth career guidance. Tourism Industry: Opportunities, Priorities, Problems and Prospects. 17(2):45-51. (In Russ.)
6. Nikulina, Y.N., Trusov, S.V. (2017). Features and trends of industrial tourism development: regional aspects. Russian Entrepreneurship. 18(13):2061-78. DOI: 10.18334/rp.18.13.38108. (In Russ.)
7. Ryzhov, S. (2022). Industrial enterprises as a incentive for regional tourism. Available from: https://ratanews.ru/news/interview/news_1032022_2. (In Russ.)
8. Timofeeva, L. (2023). Industrial tourism as a tool for students' professional self-determination. Available from: https://ng-press.by/2023/01/13/promyshlennyj-turizm-kak-sredstvo-professionalnogo-samoopredeleniya-uchashhihsya/. (In Russ.)
9. Chkhotua, I.Z., Vlasuk, L.I., Zadorozhnaya, G.V. (2021). Development of industrial tourism in Russian regions: strategic analysis. Economic Revival of Russia. (4(70)):156-74. (In Russ.)

10. Dubik, E.A., Usov, N.V. (2023). Developing regional industrial tourism through volunteering. Economics, Entrepreneurship and Law. 13(8):2927-38. DOI: 10.18334/epp.13.8.118896. (In Russ.)
11. Saakyan, A.G. (2024). Industrial and scientific-popular tourism as youth career guidance tools. Creative Economy. 18(12):3511-22. DOI: 10.18334/ce.18.12.122421. (In Russ.)
12. Kuchumov, A.V., Eremicheva, P.Y. (2025). Analysis of industrial tourism development potential in China. Scientific Result. Business and Service Technologies. 11(1):45-55. DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-1-0-3. (In Russ.)
13. Nazarenko, M., Raevskaia, A.A. (2024). ASI and federal ministries unite for industrial tourism programs. Available from: https://asi.ru/news/189947/. (In Russ.)
14. Zhang, T., Wang, Y., Xie, Y. (2024). "Raising the Curtain": The service theater model as a tool of industrial tourism and effects on customer experience. Journal of Infrastructure, Policy and Development. 8(6):4513. DOI: 10.24294/jipd.v8i6.4513.
15. Shanalina, N. (2023). Industrial tourism as a youth career guidance system. Available from: https://journal.fpkinvest.ru/2023/12/20/promyshlennyj-turizm-kak-sistema-proforientacii-molodezhi/. (In Russ.)
16. Afanasyeva, A.V., Goncharova, O.V., Prokhorova, O.V., Churilina, I.N. (2024). Career guidance tools in industrial and scientific-popular tourismService in Russia and Abroad. 18(1):39-53. DOI: 10.5281/zenodo.11177125. (In Russ.)
17. Artemyeva, O.V., Savchenko, I.O. (2024). Industrial tourism in Russia as an innovative phenomenon. Problems and Prospects of Tourism Development: Regional Aspect. Grozny: Chechenskiy Gosudarstvennyy Universitet im. A.A. Kadyrova; P. 24-27. DOI: 10.36684/126-1-2024-24-27. (In Russ.)
18. Dolzhenko, R.A., Dolzhenko, S.B., Svinin, S.V. (2024). Work at industrial enterprises: youth value orientations. Social and Labor Research. (3(56)):156-65. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-56-3-156-165. (In Russ.)
19. Mertsalova, S.L., Martynova, N.A., Karpova, I.V. (2023). Industrial tourism: development prospects. Outpost of Science. (1(63)):11-6. DOI: 10.36683/2076-5347-2023-1-63-11-16. (In Russ.)
20. Montenegro, Z., Marques, J., Sousa, C. (2025). Industrial Tourism in Small and Medium-Sized Industrial Enterprises: Challenges and Opportunities. International Conference on Tourism Research. DOI: 10.34190/ictr.8.1.3435.

Information about the authors
Elena S. Sokolova – PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management
Tatyana V. Sidorovskaya – PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 18.04.2025
Поступила после рецензирования 21.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.48-025.1
JEL: M38

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ОБЪЕКТА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ ПУТЁМ ЕГО РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ

Владимир Витальевич Строев[1]
Ольга Леонидовна Некрасова[2]
Татьяна Михайловна Рогуленко[3]

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Российская Федерация, Москва, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99, e-mail: vv_stroev@guu.ru

[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, 283001, г.о. Донецк, г. Донецк, ул. Университетская, 24 e-mail: olha_nekrasova@mail.ru

[3]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Российская Федерация, Москва, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99, e-mail: tmguu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль туристической индустрии в мировой экономике и её влияние на ВВП стран. Анализируются проблемы, требующие государственного регулирования и поддержки для устойчивого развития отрасли, включая вывод бизнеса из «серой зоны», стандартизацию услуг и развитие инфраструктуры. Особое внимание уделяется российскому опыту, демонстрирующему динамичный рост туристической отрасли и достижение целевых показателей национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Исследуются инструменты государственного управления конкурентоспособностью объектов туристической индустрии, включая правовые, финансово-экономические, маркетинговые, инфраструктурные, аналитические и образовательные меры. Предлагается трёхмерная матрица для выбора формы реструктуризации предприятия гостиничного хозяйства на основе критериев конкурентоспособности, стратегической значимости и прибыльности подразделений. Обосновывается важность экспертной оценки и комплексного подхода к управлению для обеспечения устойчивого развития и повышения конкурентоспособности туристической индустрии.

Ключевые слова: туристическая индустрия, государственное управление, инструменты государственного управления, реструктуризация, национальный проект, государственное регулирование, конкурентоспособность

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Строев В.В., Некрасова О.Л., Рогуленко Т.М. Инструментарий государственного управления конкурентоспособностью объекта туристической индустрии путём его реструктуризации. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 177-189.

UDC 338.48-025.1
JEL: M38

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

INSTRUMENTS OF STATE GOVERNANCE OF THE COMPETITIVENESS OF A TOURIST INDUSTRY OBJECT THROUGH ITS RESTRUCTURING

Vladimir Vitalievich Stroev[1]
Olga Leonidovna Nekrasova[2]
Tatyana Mikhailovna Rogulenko[3]

[1]Federal state budget educational institution of higher education «State University of Management», Russian Federation, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, e-mail: vv_stroev@guu.ru
[2]Federal state budget educational institution of higher education «Donetsk state university», Russian Federation, Donetsk People's Republic, 283001, Donetsk, Universitetskaya str., 24 e-mail: olha_nekrasova@mail.ru
[3]Federal state budget educational institution of higher education «State University of Management», Russian Federation, 109542, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, e-mail: tmguu@mail.ru

Abstract. This article examines the tourism industry's role in the global economy and its influence on national GDPs. It analyzes challenges requiring government regulation and support for sustainable development, such as combating the shadow economy, standardizing services, and improving infrastructure. Focusing on the Russian experience, which showcases growth and the success of the national project «Tourism and Hospitality Industry», the article emphasizes the need for diverse state governance tools to enhance the efficiency and competitiveness of tourism businesses. These tools encompass legal, financial, economic, marketing, infrastructural, analytical, and educational measures. The article proposes a three-dimensional matrix for restructuring hotel businesses based on competitiveness, strategic importance, and divisional profitability. It underscores the importance of expert assessment and an integrated approach to management for ensuring sustainable development and boosting the tourism industry's competitiveness.

Keywords: tourism industry, state governance, instruments of state governance, restructuring, national project, state regulation, competitiveness.
Financing information: this research received no external funding.
For citation: Stroev, V.V., Nekrasova, O.L., Rogulenko, T.M. (2025). Instruments of state governance of the competitiveness of a tourist industry object through its restructuring. Public administration and law, 2(06), 177-189.

ВВЕДЕНИЕ

Туристическая индустрия для многих стран мира играет важнейшую роль, усиливает их экономический потенциал, завоёвывает статус «качества», масштабируя восприятие государства в мировом сообществе, а также способствует всестороннему развитию инфраструктуры отдыха, финансов и транспорта. Согласно аналитическим данным, представленным мировыми агентствами[1,2], туристическая индустрия генерирует приблизительно 10 % валового внутреннего продукта (ВВП) в мире. Иными словами, каждый десятый доллар в глобальном ВВП формируется за счёт деятельности, связанной с этой индустрией. Устойчивое развитие экономических субъектов, связанных с туристической индустрией, влечёт значимые перемены в открытии новых рабочих мест, дополнительных по-

[1]Сайт глобальной консалтинговой компании Research Nester. Рынок туризма. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/tourism-industry-market/109.
[2]World Travel & Tourism Council (WTTC). Travel & Tourism set to Break All Records in 2024. URL: https://wttc.org/news/travel-and-tourism-set-to-break-all-records-in-2024-reveals-wttc.

токах денежных средств в виде туристских инвестиций, увеличивает масштабы прямых инвестиций в расширение таких отраслей, как транспорт, гостиничный бизнес, общественное питание и индустрия развлечений.

При этом остаются в туристической индустрии проблемы, требующие государственного внимания посредством механизмов правового регулирования, процедур государственной поддержки а также действенных мер контроля, связанных, прежде всего, с максимальным выходом субъектов бизнеса туристической индустрии из «серой зоны» (теневой экономики), стандартизации и упорядочивания оказания услуг в сфере туризма, совершенствование классификации средств размещения, поиск решений в сбалансированном развитии инфраструктур туристической индустрии, в том числе транспортной, кадровой, объектов общественного питания, предприятий по размещению и гостеприимству и др.

По данным Минэкономразвития России[3], туризм в России динамично развивается, демонстрируя показатели одной из самых быстрорастущих отраслей экономики. Так, по итогам 2024 года, в Российской Федерации[4] достигнуты все запланированные показатели нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». Зафиксировано увеличение количества туристических поездок, которое превысило 90 миллионов, что на 37 % больше аналогичного показателя 2021 года. Инфраструктура размещения характеризуется наличием более 872 тысяч номеров в классифицированных средствах размещения. Отмечается приток иностранных туристов, общее число которых составило 9,7 миллиона человек, что свидетельствует о сохраняющейся тенденции роста заинтересованности в туристических направлениях. Структура перезапущенного с 2025 года национального проекта «Туризм и гостеприимство» представлена в таблице 1.

Таблица 1. Структура и параметры национального проекта «Туризм и гостеприимство»
Table 1. Structure and Parameters of the National Project «Tourism and Hospitality»

Федеральный проект	Ключевая цель	Основные индикаторы	Государственный орган ответственный за проект	Меры государственной поддержки
«Создание номерного фонда, инфраструктуры и точек притяжения»	Трансформация туристической индустрии с созданием прогрессивного гостиничного сектора, включая как возведение новых объектов размещения (крупных отелей и гостиничных комплексов), так и модернизацию существующих	- Количество номеров в классифицированных средствах размещения; - количество туристических поездок по территории Российской Федерации	Минэкономразвития России	– Льготное кредитование крупных точек притяжения; – единая субсидия;

[3]Сайт Минэкономразвития России. Об итогах деятельности Минэкономразвития России за 2024 год и задачах на 2025 год. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/81ec230f6386de81666c559bd4015623 /itogi_deyatelnosti_za_2024_god_i_zadachi_na_2025_god.pdf.
[4]Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Дмитрий Чернышенко и Максим Решетников представили туристические итоги 2024 года и зимнего сезона. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_chernyshenko_i_maksim_reshetnikov_predstavili_turisticheskie_itogi_2024_goda_i_zimnego_sezona.html.

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Федеральный проект	Ключевая цель	Основные индикаторы	Государственный орган ответственный за проект	Меры государственной поддержки
«Производство отечественной продукции для туристской индустрии»	Создание отечественного оборудования и снаряжения для туристической индустрии	- Создание более 290 единиц канатных дорог; - создание свыше 300 ратраков; - создание более 1,2 тысячи единиц систем снегообразования для горнолыжных курортов и т. д.	Минэкономразвития России	– субсидия на строительство модульных гостиниц; – кредитование строительства крупных гостиниц; – более 120 номеров
«Туристическая привлекательность страны»	Популяризация и повышение интереса к туризму, продвижению его внутри страны и за её пределами, создание цифровых сервисов для туристов	- Число посещений «Национального туристического портала» Нацтурпортал (путешествуем.рф); - объём экспорта туристских услуг; - численность иностранных граждан, размещённых в коллективных средствах размещения; - индекс удовлетворённости граждан в сфере туризма и гостеприимства	Минэкономразвития России	
«Кадры для туризма»	Подготовка квалифицированных специалистов с высокими профессиональными стандартами	- Подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства (к 2030 году – 54 тыс. человек); - количество практико-ориентированных образовательных программ по формированию международных туристических продуктов и их продвижению на зарубежные рынки	Минэкономразвития России	
«Пять морей и озеро Байкал»	Создание современных круглогодичных морских курортов на побережьях Азовского, Чёрного, Каспийского, Балтийского, Японского морей, а также рядом с озером Байкал	- Увеличение внутреннего турпотока. К 2030 году число турпоездок вырастет до 140 млн; - создание рабочих мест (100 тыс. рабочих мест); - защита озера Байкал	Минэкономразвития России	

Основной нормативно-правовой документ, регулирующий правоотношения, связанные с реализацией прав человека на отдых, свободу передвижения во время путешествий, а также иных правовых основ, возникающих на едином туристском рынке Российской Федерации, определяет Федеральный Закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ.

Таким образом, тема исследования актуальна, а исходя из правового определения термина «туристическая индустрия», а также изменений, внесённых в общие принципы организации публичной власти в субъектах РФ (установленных Федеральным Законом от 30.11.2024г. № 436-ФЗ), можно выделить ряд объектов туристической индустрии, их базовую специфику а также особые подходы в отношении эффективного инструментария государственного управления.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является разработка и практическое обоснование инструментария государственного управления и реструктуризации, направленного на повышение конкурентоспособности объектов туристической индустрии. Ключевым элементом исследования является разработка и применение трёхмерной матрицы оценки конкурентоспособности продукции подразделений, предназначенной для принятия стратегических решений о реструктуризации и повышения прибыльности предприятия.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках данного исследования применялся комплекс взаимодополняющих методов, направленных на обеспечение всестороннего анализа и обоснованности выводов: системный анализ (использован для комплексной модернизации объекта туристической индустрии и выявления факторов обеспечения конкурентоспособности посредством реструктуризации организационной структуры управления); анализ литературных источников; метод экспертных оценок (применён для получения и обобщения знаний и опыта профильных специалистов в отношении выбора оптимальной формы реструктуризации); мультипликативное моделирование (использовано для оценки изменений в организационной структуре предприятия в динамике и анализа влияния различных факторов на выбор формы реструктуризации); матричный метод (разработана трёхмерная матрица, позволяющая оценить конкурентоспособность продукции подразделения, его значение для стратегического развития предприятия и прибыльность с целью выбора формы реструктуризации).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Государственное управление в системе развития конкурентоспособных объектов туристической индустрии представляет собой сложный комплементарно-технологический подход, синхронизирующий взаимодействие различных свойств и характеристик областей экономических отношений и уровня их технологичности. Особое внимание в процессе управления уделяется сочетанию реализации государственных функций и эффективности используемого инструментария, направленных на укрепление и развитие объектов туристической индустрии.

С учётом роста доступности и развития конкурентоспособности объектов туристической индустрии на международном и внутрирегиональном уровнях возрастает роль оценки социально-экономических различий территорий, актуализируется поиск инновационных инструментов поддержки эффективных форм хозяйствования. На государственном уровне ставятся задачи

по долгосрочному удержанию конкурентных преимуществ, направленных на усиление конкурентоспособности.

Анализ литературных источников по вопросам выбора формы и методов повышения конкурентоспособности предприятия гостиничного хозяйства путём его реструктуризации демонстрирует разнообразие подходов к решению этого вопроса.

Так, с точки зрения научного дискурса, проблематика и особенности реализации государственного управления в туристической индустрии нашли отражение в работах следующих исследователей: Агибалова В.Г. [1], Буракова Е.А. [2], Захер Н. [3], Котов А.И. [4], Некрасова О.Л. [5], Оборин М.С. [6], Панина О.В. [7], Рахаф А. [8], Рисин И.Е. [9], Успаева М.Г. [10].

В то же время научный интерес к поиску решений, направленных на оптимизацию механизмов, инструментов и процедур государственного управления в контексте устойчивого развития, кризисных явлений, цифровизации экономики и повышения конкурентоспособности государства, обоснован в трудах: Балацкий Е.В. [11], Близкий Р.С. [12], Буга А.В. [13], Букреев А.М. [14], Дохкильгова Д.М. [15], Земцова Е.А. [16], Мишина А.К. [17], Петрулевич И.А. [18], Пожидаев А.Е. [19].

В научной литературе под инструментом механизма государственного управления понимается «орудие» или «средство управленческого труда», посредством которого осуществляется целенаправленное воздействие на объект управления [11-19]. На наш взгляд, данное определение достаточно точно отражает суть инструментов государственного управления. При этом стоит добавить, что эффективность этих инструментов напрямую зависит от их соответствия специфике объекта управления и контексту социально-экономической ситуации, сложившейся в государстве. Таким образом, нельзя рассматривать инструменты как универсальное «лекарство», а их применение требует тщательного анализа и адаптации к конкретным условиям. На рисунке 1 представлена классификация типовых инструментов государственного управления.

Рисунок 1. Классификация инструментов государственного управления и определяющие особенности их характеристик [составлено авторами на основании [11-19]]

Figure 1. Classification of public administration instruments and defining features of their characteristics [compiled by the authors based on [11-19]]

В своей работе Оборин М.С. выделяет инструментарий регулирования развития сферы туризма как совокупность сложившихся элементов: субсидирования, грантовой поддержки, налоговых льгот, соответствующей системы государственных заказов и прямого финансирования. При этом в условиях трансформации экономических условий доля участия государственного капитала и элементов инструментария в системе приоритетов развития туризма постоянно меняется [6, с. 28]. С позиции правового регулирования Успаева М.Г. отмечает, что сфера туризма нуждается в постоянном адаптационном поиске актуальных нормативно-правовых решений, особенно в части инфраструктуры туризма новых субъектов РФ, Причерноморья [10, с. 32]. Особенности туристической индустрии как наиболее гибкого и динамичного сектора экономики с долгосрочными эффектами и последствиями, влияющими на всю систему государственного управления, доказывает в своих трудах Рахаф А. [8, с. 153-156].

Захер Н. выделяет ещё одну особенность сферы туристических услуг в условиях государственного регулирования, направленную на поддержание их деятельности в условиях кризисов. Так, учёный рассматривает тесную связь между удовлетворённостью качеством жизни среди населения и качеством предлагаемых туристических услуг в регионе, поэтому создаётся модель корреляции внутринациональных показателей со степенью успешности социокультурного базиса, определяющего специализацию региона в туризме [3, с. 192-195].

Системным методом модернизации объекта туристической индустрии и выявления факторов обеспечения конкурентоспособности является реструктуризация организационной структуры управления, которая призвана оценить реализацию экономических результатов деятельности предприятия гостиничного хозяйства и определить его конкурентную позицию на рынке гостиничных услуг.

Учёные Земцова Е.А., Набиев Р.А. и Кутаев Ш.К. предлагают определять форму реорганизации предприятия на основе двух главных параметров: конкурентной позиции подразделения на рынке и его полезности для предприятия в целом. Однако данный подход не предлагает конкретного механизма выбора формы реорганизации (каким критериям какая форма удовлетворяет) [16, с. 18-29].

Концептуальные императивы, представленные в исследованиях Некрасовой О.Л. [5; 20; 22], предусматривают выбор формы реорганизации через критерии: уровень диверсификации продукции предприятия, уровень конкурентоспособности продукции, степень (вероятность) кризисного состояния предприятия. При этом в зависимости от того, к какому сегменту матрицы принадлежит большее количество оцениваемых параметров, предлагается три пути (модели) проведения реструктуризации: разделение предприятия на самостоятельные отделенные субъекты ведения хозяйства (ресторан, паркинг, гостиничные номера и т. д.); выделение из состава предприятия самостоятельных отделённых подразделений (юридическая консультация, пекарня и др.); сохранение технологической и организационной целостности предприятия. Такие модели имеют ограниченную область применения, поскольку, во-первых, в них не представлена такая форма реорганизации предприятия, как укрупнение (присоединение, слияние, поглощение), во-вторых, в данных моделях предусматривается выбор одной формы реструктуризации по отношению

ко всему предприятию при разных входных параметрах отдельных подразделений [20, с. 210]. На рисунке 2 представлена схема стадий государственного управления объектами туристической индустрии путём реструктуризации.

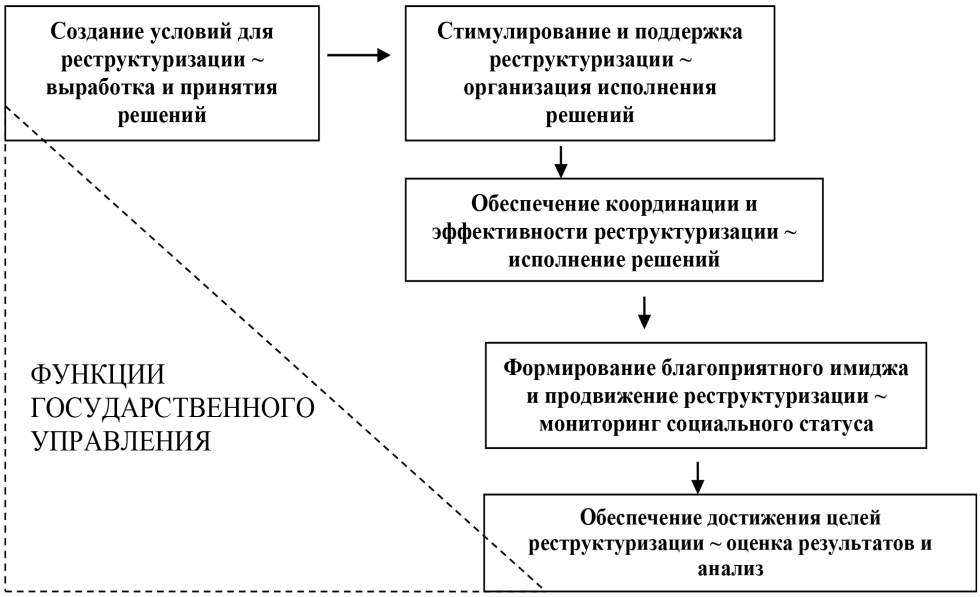

Рисунок 2. Схема стадий государственного управления объектами туристической индустрии путем реструктуризации [составлено авторами]
Figure 2. Diagram of the stages of state management of tourism industry facilities through restructuring [compiled by the authors]

Стадии государственного управления – это последовательные этапы управленческого процесса, интегрирующие результаты на каждом этапе достижений в общий адаптивный процесс поиска оптимальных решений управленческих задач, в том числе, связанных с реализацией реструктуризации.

Применение «Матрицы аутсорсинга BKG» в государственном управлении позволяет более эффективно распределять ресурсы и принимать обоснованные решения о развитии отдельных подразделений и направлений деятельности. Анализ соответствия стратегическим целям и рыночным предложениям предоставляет чёткую картину о том, какие подразделения требуют усиления, какие могут быть переданы на аутсорсинг, а какие способны стать центрами прибыли и инноваций. Обоснование расширения линейки услуг или приобретения продукции на внешнем рынке становится более прозрачным и основанным на данных. Если подразделение демонстрирует низкое соответствие стратегическим целям и наличие более выгодных предложений на рынке, аутсорсинг может быть наиболее рациональным решением. В то же время подразделения, демонстрирующие высокое соответствие стратегическим целям, но отстающие по рыночным предложениям, требуют развития и инвестиций для повышения их конкурентоспособности.

Принимая во внимание опыт и практики предыдущих научных исследований и полученные наработки [5; 20; 22], для выбора формы реструктуризации предприятия предлагается использовать трёхмерную матрицу, где по осям: OX (абсцисс) будет отображаться конкурентоспособность продукции подразделения; OY (ординат) – значение подразделения для стратегического развития предприятия; OZ (аппликат) – прибыльность подразделения. Использование этих

критериев представляется целесообразным с позиции главной цели реструктуризации – роста конкурентных преимуществ отечественных предприятий, их стоимости и доли на рынках туристической индустрии (особенно гостиничных услуг).

Для оценки каждого критерия предлагается использовать шкалу, отображенную в таблице 2.

Таблица 2. Рекомендованная шкала оценок критериев
Table 2. Recommended evaluation scale for criteria

Критерий	Оценка критерия		
	[0; 1]	[1; 2]	[2; 3]
Конкурентоспособность услуг подразделения	низкая	средняя	высокая
Значение подразделения для стратегического развития предприятия	не существенная	средняя	значительная
Конкурентные преимущества	низкая	средняя	высокая

Применение трёхмерной матрицы даёт возможность визуализировать положение каждого подразделения в трёхмерном пространстве, где его координаты определяются значениями конкурентоспособности, стратегической значимости и прибыльности. На основе анализа положения каждого подразделения в трёхмерной матрице можно разработать индивидуальные стратегии реструктуризации. Например, подразделения с высокой конкурентоспособностью и стратегической значимостью, но низкой прибыльностью, могут нуждаться в инвестициях для повышения эффективности. Подразделения с высокой прибыльностью, но низкой конкурентоспособностью, могут быть реструктурированы для повышения их рыночной устойчивости.

Внедрение предложенной трёхмерной матрицы позволит предприятиям туристической индустрии, в частности гостиничным комплексам, более осознанно и стратегически подойти к процессу реструктуризации. Для более точного выбора формы реструктуризации и определения критериев соответствия этой форме необходимо дополнительно воспользоваться экспертным, мультипликативным методами и дискриминантным анализом [21, с. 86].

Выбор именно этих подходов обусловлен следующим:

во-первых, экспертный метод позволяет получить и обобщить знания и опыт профильных специалистов;

во-вторых, использование мультипликативной модели даёт возможность оценить все изменения в организационной структуре предприятия в динамике, что позволяет обнаружить и проанализировать влияние на выбор формы реструктуризации как явных, так и неявных факторов, решить вопрос управления ими;

в-третьих, использование дискриминантного анализа, как одного из методов многомерного статистического анализа, позволяет на основе изменений разнообразных характеристик объектов классифицировать их, то есть отнести к одной из групп оптимальным способом. Под оптимальным способом понимается минимум математического ожидания потерь или минимум вероятности ошибочной классификации.

Таким образом, использование и сочетание экспертного метода,

мультипликативной модели и дискриминантного анализа позволяет создать комплексную систему анализа и принятия решения относительно выбора формы реструктуризации предприятия.

Для выбора формы реструктуризации экспертным методом была сформирована рабочая группа, которая состояла из десяти высококвалифицированных работников, которых можно охарактеризовать как деловых, объективных, заинтересованных в достоверных результатах экспертизы и хорошо информированных в профессиональном направлении. Профессиональная информированность экспертов распространялась на глубокое понимание основных вопросов реализации гостиничного продукта (комплекса гостиничных услуг), состояния и тенденций развития рынка, конкурентной ситуации в отрасли.

Процесс выбора формы реструктуризации включал несколько этапов. На первом этапе экспертам была предоставлена вся необходимая информация о текущем состоянии гостиничного бизнеса, его финансовых показателях, операционных процессах и стратегических целях. Далее были определены ключевые критерии оценки различных форм реструктуризации, такие как снижение издержек, повышение эффективности управления, улучшение качества обслуживания и увеличение прибыли. На втором этапе эксперты, независимо друг от друга, оценили различные варианты реструктуризации по установленным критериям. Каждый эксперт выставлял баллы по каждому критерию, отражая своё мнение о том, насколько хорошо данная форма реструктуризации соответствует поставленным целям. Для обеспечения объективности оценки экспертам было предложено обосновывать свои оценки, приводя конкретные аргументы и факты.

На третьем этапе результаты индивидуальных оценок были собраны и проанализированы. Для выявления наиболее предпочтительной формы реструктуризации использовались методы статистического анализа и экспертных оценок. Особое внимание уделялось согласованию мнений экспертов и выявлению возможных противоречий [21, с. 86].

ВЫВОДЫ

Таким образом, предложенный подход к выбору формы реструктуризации на основе трёхмерной матрицы, учитывающей конкурентоспособность, стратегическую значимость и прибыльность подразделений, представляется перспективным инструментом для предприятий туристической индустрии. Он позволяет комплексно оценить вклад каждого подразделения в общий успех предприятия и разработать индивидуальные стратегии развития, направленные на усиление сильных сторон и устранение слабых. Сочетание трёхмерной матрицы с экспертным методом, мультипликативной моделью и дискриминантным анализом обеспечивает многосторонний подход к принятию решений о реструктуризации. Реализация данной модели требует слаженной работы государственных органов, предприятий туристической индустрии и экспертного сообщества. Необходимо разработать чёткие критерии оценки конкурентоспособности, стратегической значимости и прибыльности подразделений, а также обеспечить доступность информации для принятия обоснованных решений о реструктуризации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Совершенствование взаимодействия государственных и муниципальных органов власти по повышению эффективности развития туристической индустрии в муниципальных образованиях РФ / В.Г. Агибалова, И.М. Корниенков, С.И. Макаренко, К.Ф. Гафурова // Вестник Академии знаний. 2023. № 6(59). С. 16-18. EDN TGGHXP.

2. Буракова Е.А. Анализ международной практики государственного финансового стимулирования развития туристической инфраструктуры и индустрии гостеприимства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 9-1. С. 18-23. DOI 10.17513/vaael.3692. EDN OCAJKD.

3. Захер Н. Основные принципы управления экскурсионными объектами, государственное регулирование туристической сферы для поддержания их деятельности в условиях кризисов // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 191-195. EDN EATWNX.

4. Котов А.И. Автоматизированная система управления социально-экономическим развитием территории как инновационный инструмент государственного управления // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022.№ 4(71). С. 38-45. DOI 10.52897/2411-4588-2022-4-38-45. EDN WWBJNN.

5. Некрасова О.Л. Инновационная модель осуществления проекта строительства и реконструкции гостиниц // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2016. № 1. С. 89-97.

6. Оборин М.С. Трансформация приоритетов государственного регулирования сферы туризма и рекреации в Российской Федерации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2024. Т. 10, № 2. С. 16-35. DOI 10.18413/2408-9346-2024-10-2-0-2. EDN WGWJPV.

7. Панина О.В. Инструменты стратегического государственного управления в рамках развития удаленных территорий // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 2В. С. 476-482. EDN RRPPFK.

8. Рахаф А. Индустрия туризма как сложный фактор государственного управления // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2024. № 4(72). С. 153-157. EDN FXZITL.

9. Рисин И.Е. Инструменты государственного управления развитием экспортной деятельности регионов // Актуальные проблемы региональной экономики и территориального управления: Сборник статей. Воронеж: «Волми-Плюс», 2024. С. 77-80. EDN FENVMP.

10. Успаева М.Г. Правовое регулирование туризма: анализ законодательства и международные нормативы в контексте управления туризмом в государстве // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2023. № 6. DOI 10.55186/27131424_2023_5_6_11. EDN CKEYLZ.

11. Балацкий Е.В. Инструменты государственного управления: прогнозирование vs проектирование // Управленец. 2021. Т. 12, № 1. С. 18-31. DOI 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2. EDN MHZZKJ.

12. Строев В.В., Рогуленко Т.М., Близкий Р.С., Бодяко А.В. Государственное регулирование естественных монополий: инструменты, проблемы, направления реформирования // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32, № 3. С. 131-135. EDN CIKOSU.

13. Буга А.В. Теория и механизмы современного государственного управления. Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2024. 174 с. ISBN 978-5-00188-448-4. EDN TWOPHG.

14. Букреев А.М. Новые инструменты государственного управления экономикой региона // Актуальные проблемы региональной экономики и территориального управления: Сборник статей. Воронеж: «Волми-Плюс», 2024. С. 4-10. EDN NQWADN.

15. Дохкильгова Д.М. Стимулирование цифровизации как инструмента государственного управления // Вестник научной мысли. 2021. № 6. С. 367-371. DOI 10.34983/DTIPB.2022.89.67.001. EDN LWIMNJ.

16. Земцова Е.А. Исследование генезиса категории «реструктуризация бизнеса хозяйствующего субъекта» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. № 1. С. 18-29. EDN TYZIPD.

17. Мишина А.К. Государственно-частное партнёрство как устойчивый механизм развития региональной туристической индустрии // Муниципальная академия. 2017. № 3. С. 67-70. EDN ZSMOSR.

18. Петрулевич И.А. Модель государственно-частного партнёрства в сфере туризма // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 116-122. EDN VVDHBB.

19. Пожидаев А.Е. Особенности реализации механизмов государственного управления во вновь созданных субъектах Федерации на современном этапе // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 11(77). С. 50-55. EDN SPKGXJ.
20. Некрасова О.Л. Ценностный подход к стратегическому анализу факторов, влияющих на устойчивое развитие конкурентоспособного бизнеса на уровне региона // Маркетинг и логистика в системе конкурентоспособного бизнеса: монография / коллектив авторов; под общей редакцией Т.В. Ибрагимхалиловой; Донецкий национальный университет, Экономический факультет, Кафедра маркетинга и логистики. Донецк: ДонНУ, 2022. 345 с. С. 207-219.
21. Санду И.С., Рыженкова Н.Е. Предпосылки и направления совершенствования государственной поддержки инновационного развития АПК // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2024. № 3(109). С. 86-95. DOI 10.33938/243-86.
22. Некрасова О.Л. Устойчивое развитие предприятий в условиях санкционной политики США и стран ЕС в отношении России // Инвестиционно-инновационное развитие бизнеса в условиях цифровизации экономики: монография / коллектив авторов; под общей редакцией О.Л. Некрасовой; Донецкий национальный университет, Экономический факультет, Кафедра международного бизнеса и делового администрирования. Донецк: ДонНУ, 2022 383 с. -С. 11-19.

Информация об авторах
Владимир Витальевич Строев – доктор экономических наук, профессор, ректор
Ольга Леонидовна Некрасова – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой международного бизнеса и делового администрирования
Татьяна Михайловна Рогуленко – доктор экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой бухгалтерского учета аудита и налогообложения по науке

REFERENCES

1. Agibalova, V.G., Kornienkov, I.M., Makarenko, S.I., & Gafurova, K.F. (2023). Improving the interaction of state and municipal authorities to enhance the efficiency of tourism industry development in municipal entities of the Russian Federation. Bulletin of the Academy of Knowledge, 6(59), 16-18. EDN TGGHXP. (In Russ.)
2. Burakova, E.A., & Dyatlova, I.I. (2024). Analysis of international practices of state financial incentives for the development of tourism infrastructure and the hospitality industry. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law, 9(1), 18-23. DOI 10.17513/vaael.3692. EDN OCAJKD. (In Russ.)
3. Zakher, N. (2023). Basic principles of managing excursion sites, state regulation of the tourism sector to support their activities in times of crisis. Innovation and investment, 2, 191-195. EDN EATWNX. (In Russ.)
4. Kotov, A.I. (2022). Automated system of socio-economic development management of the territory as an innovative tool of public administration. Economy of the North-West: problems and prospects of development, 4(71), 38-45. DOI 10.52897/2411-4588-2022-4-38-45. EDN WWBJNN. (In Russ.)
5. Nekrasova, O.L. (2016). Innovative model for the implementation of the project of construction and reconstruction of hotels. Bulletin of Donetsk National University. Series B. Economics and law, 1, 89-97. (In Russ.)
6. Oborin, M.S., & Orlov, S.P. (2024). Transformation of priorities of state regulation of tourism and recreation in the Russian Federation. A scientific result. Business and service technologies, 10(2), 16-35. DOI 10.18413/2408-9346-2024-10-2-0-2. EDN WGWJPV. (In Russ.)
7. Panina, O.V. (2022). Instruments of strategic state management in the development of remote areas. Issues of Russian and international law, 12(2B), 476-482. EDN RRPPFK. (In Russ.)
8. Rakhaf, A. (2024). The tourism industry as a complex factor of public administration. Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of economics and management of the national economy). Economic sciences, 4(72), 153-157. EDN FXZITL. (In Russ.)
9. Risin, I.E., & El'nukaev, B.A. (2024). Instruments of state management of the development of export activities of regions. In Actual problems of regional economy and territorial management: Collection of articles. (pp. 77-80). Voronezh: Volmi-Plyus. EDN FENVMP. (In Russ.)
10. Uspaeva, M.G., & Gachaev, A.M. (2023). Legal regulation of tourism: analysis of legislation and international standards in the context of tourism management in the state. International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral, 6. DOI 10.55186/27131424_2023_5_6_11. EDN CKEYLZ. (In Russ.)

11. Balatsky, E.V., & Ekimova, N.A. (2021). Instruments of state governance: forecasting vs. projecting. The Manager, 12(1), 18-31. DOI 10.29141/2218-5003-2021-12-1-2. EDN MHZZKJ. (In Russ.)
12. Stroev, V.V., Rogulenko, T.M., Blizkiy, R.S., & Bodyako, A.V. (2025). State regulation of natural monopolies: instruments, problems, directions of reforming. Economic development of Russia, 32(3), 131-135. EDN CIKOSU. (In Russ.)
13. Buga, A.V., Izotov, A.V., & Kuprin, A.A. (2024). Theory and mechanisms of modern public administration. St. Petersburg: Asterion Research and Production Technology Center, 174. ISBN 978-5-00188-448-4. EDN TWOPHG. (In Russ.)
14. Bukreev, A.M., & Sviridova, Ya.Yu. (2024). New instruments of state management of the region's economy. Actual problems of regional economy and territorial management: Collection of articles. Voronezh: Volmi-Plus, (pp. 4-10). Volmi-Plyus. EDN NQWADN. (In Russ.)
15. Dokhkil'gova, D.M., & Yushaeva, R.S.E. (2021). Stimulation of digitalization as an instrument of public administration. Bulletin of Scientific Thought, 6, 367-371. DOI 10.34983/DTIPB.2022.89.67.001. EDN LWIMNJ. (In Russ.)
16. Zemtsova, E.A., Nabiev, R.A., & Kutaev, Sh.K. (2015). Study of the genesis of the category «restructuring of a business entity». Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics, 1, 18-29. EDN TYZIPD. (In Russ.)
17. Mishina, A.K. (2017). Public-private partnership as a sustainable mechanism for the development of the regional tourism industry. Municipal Academy, 3, 67-70. EDN ZSMOSR. (In Russ.)
18. Petrulevich, I.A., Goryainov, S.G., & Goryainova, T.V. (2015). Model of public-private partnership in the field of tourism. Social and humanitarian knowledge, 11, 116-122. EDN VVDHBB. (In Russ.)
19. Pozhidaev, A.E., & Kontsedal, I.N. (2023). Features of the implementation of public administration mechanisms in newly created subjects of the Federation at the present stage. Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl, 11(77), 50-55. EDN SPKGXJ. (In Russ.)
20. Nekrasova O.L. (2022). A value-based approach to the strategic analysis of factors influencing the sustainable development of a competitive business at the regional level. Marketing and Logistics in the competitive business system: a monograph (pp. 207-219). Edited by T.V. Ibragimkhalilova. Donetsk National University, Faculty of Economics, Department of Marketing and Logistics. Donetsk: DonNU. (In Russ.)
21. Sandu I.S., Ryzhenkova N.E. Preconditions and directions for improving state support for innovative development of the agro-industrial complex. Economics, labor, management in agriculture. 2024. № 3(109). С. 86-95. DOI 10.33938/243-86. (In Russ.)
22. Nekrasova O.L. (2022). Sustainable development of enterprises in the context of the sanctions policy of the USA and EU countries against Russia. Investment and innovation business development in the context of the digitalization of the economy: monograph (pp. 11-19). Edited by O.L. Nekrasova. Donetsk National University, Faculty of Economics, Department of International Business and Business Administration. Donetsk: DonNU. (In Russ.)

Information about the authors
Vladimir V. Stroev – Doctor of Economics, Professor, Rector of the State University of Management
Olga L. Nekrasova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of International Business and Business Administration
Tatiana M. Rogulenko – Doctor of Economics, Professor, Deputy Head for Science of the Department of Accounting, Auditing and Taxation

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 11.04.2025
Поступила после рецензирования 20.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 622.8: 614.89
JEL: H10, J58, P35

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМОЙ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА

Дмитрий Николаевич Швайба

Белорусский национальный технический университет, 220045, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Чюрлениса, 8-37, e-mail: shvabia@tut.by, SPIN-code: 6899-8025, ORCID: 0000-0001-6783-9765

Аннотация. В статье приведены результаты исследований эффективности использования подвижного состава специализированного транспортного предприятия калийной промышленности ТУП «Калийспецтранс», от которого во многом зависят конечные показатели работы любого автотранспортного предприятия. При этом эффективность предприятия должна коррелироваться с процессами, происходящими в регионе, и оказывать позитивное влияние на его социально-экономическую устойчивость. Специальное разрешение Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь позволяет исследуемому предприятию оказывать услуги по перевозке грузов и пассажиров не только по территории Республики Беларусь, но и в международном сообщении. Из имеющейся грузовой техники почти три десятка единиц зарегистрировано в Госпроматомнадзоре, а также имеют необходимые допуски и оборудованы для перевозки опасных грузов. Помимо перевозки горюче-смазочных материалов предприятие осуществляет перевозки (в том числе и международные) кислорода, взрывчатых материалов, аргона, азота, ацетилена, лакокрасочной продукции, гипохлорита натрия, высококонцентрированных кислот, гидроксида калия и других видов опасных грузов, что подтверждает узкоспециализированный аспект, ориентированный на калийную промышленность. Кроме того, у исследуемого предприятия имеется большой опыт перевозок крупногабаритных и тяжеловесных грузов, для осуществления которых необходимо получить специальное разрешение на проезд. Перевозки данных грузов способствуют увеличению общего объёма грузоперевозок. При этом износ активной части основных производственных фондов с учётом полезного срока использования составит 62,3 %, а техническое обслуживание и ремонт автотракторной техники, диагностика подвижного состава и его агрегатов, другого оборудования, приспособлений и инструмента осуществляется преимущественно силами собственного ремонтного персонала.

Ключевые слова: специализированное транспортное предприятие, калийная промышленность, социально-экономическая устойчивость, подвижной состав, эффективность

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Благодарности: автор статьи выражает благодарность доктору экономических наук, профессору, заведующему кафедрой государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета Паздниковой Наталье Павловне за совместную работу и помощь в исследовательской деятельности.

Для цитирования: Швайба Д.Н. Эффективное управление транспортной системой как фактор территориальной устойчивости региона. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 190-200.

UDC 622.8: 614.89
JEL: H10, J58, P35

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

EFFECTIVE MANAGEMENT OF THE TRANSPORT SYSTEM AS A FACTOR OF TERRITORIAL SUSTAINABILITY OF THE REGION

Dmitry Nikolaevich Shvaiba

Belarusian National Technical University, 220045, Republic of Belarus, Minsk, 8-37 Churlenis St., e-mail: shvabia@tut.by, SPIN-code: 6899-8025, ORCID: 0000-0001-6783-9765

Abstract. The article presents the results of research on the effectiveness of the use of rolling stock of the specialized transport enterprise of the potash industry TUP «Kaliyspetstrans», on which the final performance indicators of any motor transport enterprise largely depend. At the same time, the effectiveness of the enterprise should correlate with the processes taking place in the region and have a positive impact on its socio-economic sustainability. A special permit from the Ministry of Transport and Communications of the Republic of Belarus allows the company under study to provide services for the transportation of goods and passengers not only on the territory of the Republic of Belarus, but also in international traffic. Of the available trucks, almost three dozen units are registered with Gospromatomnadzor, and also have the necessary permits and are equipped for the transportation of dangerous goods. In addition to transporting fuels and lubricants, the company transports (including internationally) oxygen, explosives, argon, nitrogen, acetylene, paint and varnish products, sodium hypochlorite, highly concentrated acids, potassium hydroxide and other types of dangerous goods, which confirms a highly specialized aspect focused on the potash industry. In addition, the company under study has extensive experience in transporting bulky and heavy goods, for which it is necessary to obtain a special travel permit. Transportation of these cargoes contributes to an increase in the total volume of cargo transportation. At the same time, depreciation of the active part of fixed assets, taking into account the useful life, will amount to 62.3%, and maintenance and repair of tractor equipment, diagnostics of rolling stock and its aggregates, other equipment, fixtures and tools is carried out mainly by own repair personnel.

Keywords: specialized transport company, potash industry, socio-economic sustainability, rolling stock, efficiency.

Financing information: this research received no external funding.

Acknowledgements: the author of the article expresses gratitude to Natalia Pavlovna Pazdnikova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Public Administration and History at Perm National Research Polytechnic University, for their joint work and assistance in research activities.

For citation: Shvaiba, D.N. (2025). Effective management of the transport system as a factor of territorial sustainability of the region. Public administration and law, 2(06), 190-200.

ВВЕДЕНИЕ

Современные условия хозяйствования характеризуются высокой зависимостью устойчивости региональных социально-экономических систем от состояния транспортной инфраструктуры. Для специализированных предприятий, работающих на стыке промышленного производства и транспортной логистики, эффективность управления подвижным составом приобретает значение не только для обеспечения собственных финансовых результатов, но и для достижения общегосударственных приоритетов. В частности, транспортное обеспечение калийной промышленности напрямую влияет на экспортный потенциал, валютные поступления и конкурентоспособность национальной экономики.

Государственное управление в этих условиях сталкивается с задачей координации отраслевых и территориальных интересов. От эффективности функционирования транспортных предприятий зависит сбалансированность региональных рынков труда, налоговые поступления, инвестиционная привлекательность территорий. Таким образом, транспортная система перестаёт быть исключительно внутренней задачей отдельного хозяйствующего субъекта и выступает элементом комплексной государственной экономической политики.

Особую актуальность проблема приобретает в связи с необходимостью обеспечения устойчивого развития в условиях внешнеэкономической нестабильности, санкционного давления и усиления требований к промышленной безопасности. Для органов власти важно иметь инструменты оценки эффективности специализированных транспортных предприятий, результаты которых могут быть использованы при формировании стратегий пространственного развития, инвестиционной политики и программ импортозамещения.

Исследование эффективности управления транспортной системой специализированного предприятия имеет двойное значение: для самого бизнеса оно способствует повышению устойчивости и конкурентоспособности, а для государства и региональных администраций – служит источником данных и аналитической базы для принятия решений в сфере промышленной и транспортной политики. Это позволяет увязать корпоративные стратегии с национальными приоритетами и выстраивать более результативную систему государственного регулирования экономики.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования заключается в комплексном анализе функционирования транспортной системы специализированного предприятия калийной промышленности, выявлении взаимосвязи её эффективности с производственно-хозяйственными результатами предприятия и определении значения для социально-экономической устойчивости региона.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использован комплекс методов, позволивший оценить эффективность функционирования транспортной системы специализированного предприятия и определить её влияние на социально-экономическую устойчивость региона. Экономико-математические методы применялись для анализа коэффициентов использования подвижного состава, показателей загрузки техники, расчёта темпов роста финансовых результатов. Это позволило выявить зависимость конечных производственных показателей от технического состояния автопарка и качества его эксплуатации. Статистические методы использовались при обработке данных о структуре основных фондов, уровне их износа, динамике выручки и себестоимости. С их помощью проведена оценка эффективности деятельности предприятия за 2022-2024 гг. и выявлены тенденции её изменения. Сравнительный анализ позволил сопоставить внутренние показатели предприятия с динамикой региональных процессов, что дало возможность оценить степень его вклада в социально-экономическую устойчивость. Системный подход обеспечил рассмотрение транспортной системы предприятия не только как внутреннего хозяйственного механизма, но и как элемента региональной экономики, находящегося под регулированием органов государственного управления (в части лицензирования, допусков

к перевозке опасных грузов, международных перевозок).

Эмпирическую базу исследования составили данные о составе и техническом состоянии автопарка предприятия, результаты финансово-хозяйственной деятельности за 2022-2024 гг., а также нормативные документы Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь.

Применение указанных методов позволило показать, что эффективность управления транспортной системой специализированного предприятия напрямую связана не только с его внутренними результатами, но и с решением задач регионального развития, находящихся в фокусе государственной экономической политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

От технического состояния подвижного состава, эффективности его использования во многом зависят конечные показатели работы любого автотранспортного предприятия, в т. ч. и такого специализированного транспортного предприятия калийной промышленности, как ТУП «Калийспецтранс». Эффективность предприятия должна коррелироваться с процессами, происходящими в регионе, и оказывать позитивное влияние на свою социально-экономическую устойчивость [1].

ТУП «Калийспецтранс» имеет специальное разрешение Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, которое позволяет оказывать услуги по перевозке грузов и пассажиров не только по территории Республики Беларусь, но и в международном сообщении, как юридическим лицам, так и физическим лицам [2]. В исследуемом предприятии, как можно увидеть в таблице 1, по состоянию на 01.01.2025 год, числится 271 единица автотракторной техники (без учёта прицепов и полуприцепов).

Таблица 1. Численность единиц автотракторной техники (без учёта прицепов и полуприцепов) [составлено автором]
Table 1. Number of tractor units (excluding trailers and semi-trailers) [compiled by the author]

Наименование единицы	Количество единиц (шт.)
Автобусы и микроавтобусы различной пассажировместимости и классов	40
Погрузчики грузоподъёмностью от 2 до 7 тонн	34
Грузовые автомобили-самосвалы различной грузоподъёмности	29
Бортовые грузовые автомобили и фургоны различной грузоподъёмности	29
Грузопассажирские автомобили	27
Седельные тягачи	18
Автомобильные краны грузоподъёмностью от 10 до 70 тонн	19
Бульдозеры различных тяговых классов	15
Тракторы различных тяговых классов	9
Автомобили медицинской помощи	7
Короткобазовые и пневмоколесные краны	7
Грузовые автомобили топливозаправщики	6

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Наименование единицы	Количество единиц (шт.)
Автогидроподъёмники	6
Легковые автомобили разных классов	6
Автомобили с гидродинамической и вакуумными установками	5
Экскаваторы (в т. ч. 2 на автомобильном шасси)	3
Комбинированные дорожные машины	3
Автогрейдер	1
Гидроподъёмник на шасси МТЗ	1
Автомобиль-сортиментовоз с манипулятором	1
Специализированный весоповерочный автомобиль	1
Специализированный автомобиль аварийной помощи	1
Специализированный автомобиль фургон с краном манипулятором	1
Кран самоходный Liebherr LTM 1500-8.1 грузоподъёмностью 500 тонн	1
Специализированный грузовой автомобиль для перевозки взрывчатых веществ	1

Из грузовой техники исследуемого предприятия 28 единиц зарегистрировано в Госпроматомнадзоре, имеют необходимые допуски и оборудованы для перевозки опасных грузов. Помимо перевозки горюче-смазочных материалов, предприятие осуществляет перевозки (в том числе и международные) кислорода, взрывчатых материалов, аргона, азота, ацетилена, лакокрасочной продукции, гипохлорита натрия, высококонцентрированных кислот, гидроксида калия и других видов опасных грузов [3]. Данное обстоятельство подтверждает узкоспециализированный аспект предприятий, ориентированный, в первую очередь, на калийную промышленность. Кроме того, предприятие имеет большой опыт перевозок крупногабаритных и тяжеловесных грузов, для осуществления которых необходимо получить специальное разрешение на проезд. Перевозки данных грузов способствуют увеличению общего объёма грузоперевозок [4].

При этом износ активной части основных производственных фондов с учётом полезного срока использования по состоянию на 01.01.2025 год составил 62,3 %. Техническое обслуживание и ремонт автотракторной техники, диагностика подвижного состава и его агрегатов, другого оборудования, приспособлений и инструмента на Предприятии осуществляется преимущественно силами собственного ремонтного персонала [5].

В состав исследуемого предприятия входят следующие структурные подразделения: три колонны; четыре участка (на 2, 3 и 4-м рудоуправлениях и городской участок); ремонтная мастерская; гараж; служба эксплуатации; бухгалтерия; отдел планово-экономический, организации труда и заработной платы; отдел кадровой и идеологической работы; производственно-технический отдел [6]. К службе эксплуатации относятся началь-

ники 1, 2, 3 колонн; работники диспетчерской, инженер по эксплуатации и инженер по логистике, техники по учёту, работники городского участка. Основные функции службы эксплуатации: организация выполнения всех видов автотранспортных работ в соответствии с имеющейся техникой; обеспечение технически правильной эксплуатации автотракторной техники предприятия и её эффективного использования; выполнение работ специализированной техникой в соответствии с имеющимися заявками; обеспечение контроля технического состояния подвижного состава; выполнение плановых заданий по коэффициенту выпуска автомобилей на линию и отработке машино-часов на линии [7].

К ремонтно-технической службе относятся мастерские, участки № 2, 3, 4, склады. Основными функциями службы являются техническое обслуживание и ремонт автотракторной техники и оборудования, диагностика подвижного состава и его агрегатов, эксплуатация, ремонт и техническое обслуживание оборудования, приспособлений и инструментов предприятия [8].

Рабочие основного производства (водители автомобилей и машинисты механических транспортных средств) разделены на три колонны. К первой колонне относятся водители грузопассажирских и грузовых автомобилей малой грузоподъёмности, водители автобусов, водители дежурного транспорта, водители топливозаправщиков и прочих видов специальной автомобильной техники [9]. Ко второй колонне относятся водители бортовых автомобилей большой грузоподъёмности и седельных тягачей, водители автомобилей-самосвалов, а также машинисты автогрейдера и трактористы. К третьей колонне относятся машинисты кранов автомобильных и пневмоколесных, бульдозеров, экскаваторов, погрузчиков, автогидроподъёмников. При этом среднесписочная численность работников предприятия за 2024 год составила 466 чел. Списочная численность работающих на 01.01.2025 года составила 484 человек, в т. ч. 423 рабочих и 61 служащий, из них руководителей – 21 чел., специалистов – 40 чел., и других служащих – 1 чел. Среднесписочная численность Транспортного унитарного предприятия «Калийспецтранс» в текущем периоде прогнозируется 463 чел., в том числе: рабочих – 403 чел.; руководителей – 22 чел.; специалистов и других служащих – 38 чел. [10].

Для того чтобы оценить эффективность деятельности ТУП «Калийспецтранс» по обеспечению своей социально-экономической устойчивости, необходимо провести анализ основных финансово-экономических показателей работы предприятия за последние 3 года. Анализ данных за указанный период представлен в таблице 2 [11].

Таблица 2. Результаты финансово-хозяйственной деятельности за 2022-2024 годы, тыс. бел. руб. [составлено автором]
Table 2. Results of financial and economic activity for 2022-2024, thousand BYN [compiled by the author]

Наименование показателей	2022	2023	Темп роста, %	2024	Темп роста, %
1. Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг	26 941	26 166	97,12	26 814	102,48
2. Налоги и сборы, исчисляемые из выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг	5 119	4 972	97,13	5 095	102,47

Продолжение табл. 2
Continuation of table 2

Наименование показателей	2022	2023	Темп роста, %	2024	Темп роста, %
3. Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг за вычетом налогов и сборов, исчисляемых из выручки	21 822	21 194	97,12	21 719	102,48
4. Себестоимость реализованной продукции, товаров, работ, услуг	20 218	19 514	96,52	19 817	101,55
7. Прибыль (убыток) от реализации продукции, товаров, работ, услуг	1 605	1 681	104,74	1 902	113,15
8. Чистая прибыль	35	48	137,14	52	108,33

Основные показатели, характеризующие эффективность деятельности филиала за исследуемый период, представлены в таблице 3 [12].

Таблица 3. Показатели эффективности деятельности филиала, % [составлено автором]
Table 3. Performance indicators of the branch, % [compiled by the author]

Наименования показателей	2022	2023	Отклонение (+,-)	2024	Отклонение (+,-)
1. Рентабельность продаж	6,0	6,4	0,4	7,1	0,7
2. Рентабельность реализованных услуг	7,9	8,6	0,7	9,6	1

Анализ представленных в таблице 3 показателей свидетельствует о том, что в течение 2024 года происходит повышение эффективности деятельности филиала в сравнении с предыдущими отчётными периодами [13; 14].

Производственно-хозяйственную деятельность организации, прежде всего, характеризует структура себестоимости реализованной продукции, товаров, работ, услуг [15], которая представлена в таблице 4.

Таблица 3. Показатели эффективности деятельности филиала, % [составлено автором]
Table 3. Performance indicators of the branch, % [compiled by the author]

Элементы затрат	2022	Уд.вес, %	2023	Уд. вес, %	2024	Уд. вес, %
1. Материальные затраты	114	2,32	125	2,44	198	3,60
2. Расходы на оплату труда	1890,90	38,45	1 917,10	37,47	2 025,10	36,78
3. Отчисления в ФСЗН	642,91	13,07	651,81	12,74	688,53	12,50
4. Амортизация основных средств и нематериальных активов	590	12,00	615	12,02	690	12,53
5.Прочие затраты	1 680	34,16	1 808	35,33	1 905	34,59
Итого:	4917,81	100 %	5116,91	100 %	5506,63	100 %

Как видно из таблицы 4, наибольший удельный вес в структуре себестоимости реализованной продукции, товаров, работ, услуг занимают расходы на оплату труда и отчисления в ФСЗН, поскольку организация занимается оказанием услуг [16].

Основным потребителем транспортных услуг унитарного предприятия «Калийспецтранс» в 2025 году будет являться ОАО «Беларуськалий». Это обусловлено географическим положением унитарного предприятия «Калийспецтранс» и тем фактом, что Общество является учредителем предприятия [17].

При этом следует учитывать тот факт, что локальный рынок ОАО «Беларуськалий» является высококонкурентным, что связано, в первую очередь с относительно большим объёмом самого рынка и со стабильной платёжеспособностью Общества. Поэтому на данном рынке существует немало крупных, средних и мелких потенциальных конкурентов [18].

Кроме оказания услуг ОАО «Беларуськалий», большое значение в осуществлении деятельности также имеет работа со сторонними организациями: перевозка грузов, в том числе опасных; оказание услуг погрузочно-разгрузочной и специальной техникой; оказание транспортных услуг предприятиям сельского хозяйства в период посевной и уборочной кампаний; оказание транспортных услуг по перевозке пассажиров автобусами [19].

Также при сегментации рынка транспортных услуг учитывают: демографию региона, транспортную сеть; численность и плотность населения; характер производственной и коммерческой деятельности; динамику развития; уровень инфляции. Город Солигорск является крупным городом с населением более 100 тыс. чел., а ОАО «Беларуськалий» является крупнейшим предприятием и регулярно нуждается в транспортных услугах.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование показало, что транспортная система специализированного предприятия калийной промышленности является ключевым фактором его устойчивости и конкурентоспособности. Техническое состояние подвижного состава, организация обслуживания и ремонта, а также уровень загруженности транспортных мощностей напрямую влияют на финансовые результаты предприятия, включая рост выручки, рентабельности и чистой прибыли в последние годы.

Эффективное функционирование ТУП «Калийспецтранс» имеет мультипликативный эффект для социально-экономической устойчивости региона. Оно обеспечивает занятость населения, создаёт налоговые поступления, поддерживает стабильность в смежных секторах (горнодобывающем, химическом, сельскохозяйственном), а также позволяет выполнять стратегически важные перевозки опасных и крупногабаритных грузов.

Для органов государственного управления результаты исследования представляют ценность в части разработки мер по совершенствованию транспортной и промышленной политики. Во-первых, выявленные закономерности могут использоваться при оценке устойчивости специализированных предприятий, обслуживающих отрасли с высоким экспортным и социальным значением. Во-вторых, данные анализа дают возможность учитывать специфику транспортной системы при формировании региональных стратегий развития и программ модернизации инфраструктуры. В-третьих, опыт предприятия подтверждает необходимость согласования корпоративных стратегий с государственными при-

оритетами – от лицензирования и контроля перевозок до участия в международных логистических операциях.

Таким образом, результаты исследования могут быть применены не только на уровне корпоративного менеджмента, но и в сфере государственного управления: при разработке нормативных требований к специализированным перевозкам, формировании программ импортозамещения, обеспечении промышленной и транспортной безопасности. Это позволяет рассматривать эффективность транспортной системы как показатель, значимый для координации государственной экономической политики в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев М.С., Дьяконов В.П. Развитие и совершенствование нормативной базы управления безопасностью: тез. докл. Всесоюзн. науч.- практ. конф. по проблемам охраны труда в условиях ускорения научно-технического прогресса. Часть I. Москва, 1988. С. 23-24.
2. Швайба Д.Н. Концептуально-методические основы системы социально-экономической безопасности Республики Беларусь // Форум. Минск, 2024. 236 с.
3. Швайба Д.Н. Применение средств индивидуальной защиты – социально-экономический фактор устойчивости трудящихся горнодобывающих предприятий // Московский экономический журнал. 2025. № 7. С. 62-79.
4. Швайба Д.Н. Системный подход при разработке мероприятий по повышению безопасности труда как фактор социально-экономической устойчивости горнодобывающих предприятий // International agricultural journal. 2025. № 4. С. 992-1011.
5. Левашов С.П. Системы мониторинга безопасности труда и охраны здоровья в РФ и странах ЕС // Безопасность в техносфере. 2013. Т. 2. № 1. С. 44-52.
6. Земсков А.Н., Лискова М.Ю., Гайдин А.М. Способы и средства борьбы с сероводородом в рудничном воздухе и в подземных водах // Известия Тульского госуниверситета, серия «Наука о Земле». 2021. Вып. 1. С. 91-100.
7. Земсков А.Н., Лискова М.Ю. Оценка эффективности мероприятий по борьбе с выделениями природных ядовитых газов на калийных рудниках // Известия Тульского госуниверситета, серия «Наука о Земле». 2021. Вып. 4. С. 531-538.
8. Земсков А.Н., Лискова М.Ю. Роль средств индивидуальной защиты работников в обеспечении безопасных условий труда на горнодобывающих предприятиях // Известия Тульского госуниверситета, серия «Наука о Земле». 2022. Вып. 3. С. 61-69.
9. Моисеев В.А., Земсков А.Н., Кучеров В.Ф. Изучение теплового режима выработок III-го калийного горизонта рудника РУ 4 ПО «Беларуськалий» и пути снижения температуры на рабочих местах // Аэрология калийных рудников: мат-лы регионал. семинара. 1989г. Сверловск, 1989. С. 75-78.
10. Косяченко Г.И., Богданович А.С. Гигиенические основы комплексной оценки добычи калийных руд Беларуси и рационального использования спелеосреды месторождения // Сборник науч. трудов БелНИСГИ. Минск, 2004.
11. Иткин М.З., Суханов В.В., Перцевой Е.А., Лобачева И.В. Комплексная оценка условий труда горнорабочих по вредным факторам шахтной среды // Предупреждение травматизма и производственная санитария в шахтах. Сб. научн. трудов МакНИИ. Макеевка, 1988. С. 16-21.
12. Земсков А.Н. Экономическая и социальная значимость мероприятий по охране труда и промышленной безопасности // Новые технологии технического регулирования и системного управления промышленной безопасностью охраной труда: мат-лы 5-го межрегионального научн.-техн. семинара. Пермь, 2004. С. 159-163.
13. Яковенко Н.В. Устойчивость социально-экономического развития муниципальных образований Воронежской области // Юг России: экология, развитие. 2021. № 1(58). С. 87-97. DOI 10.18470/1992-1098-2021-1-110-116.

14. Рязанцев С.В. Система измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС // Экономика региона. 2021. № 3. С. 971-986. DOI 10.17059/ekon.reg.2021-3-18.
15. Чистякова О.А. Методический инструментарий оценки социально-экономической устойчивости потребительской кооперации на сельском сегменте потребительского рынка // Вестник Казанского государственного аграрного университета 2024. № 4(76). С. 144-152. DOI 10.12737/2073-0462-2024-144-152.
16. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-v-sovremennom-mire-i-stanovlenie-novyh-form-sotsialnogo-rassloeniya-v-rossii.
17. Красильникова Н.А. Устойчивость социально-экономических систем арктического региона: анализ состояния сельского хозяйства республики Саха (Якутия) и оценка влияния внешних шоков // Международный сельскохозяйственный журнал. 2025. № 2(404). С. 214-219. DOI 10.55186/25876740_2025_68_2_214.
18. Гезалов А.А. Трансформация современной России в социальное государство: объективная реальность или утопия? // Вопросы философии. 2025. № 1. С. 5-13. DOI 10.21146/0042-8744-2025-1-5-13.
19. Зинченко В.П. Эргономические основ организации труда // Экономика. Москва, 1976.

Информация об авторе
Дмитрий Николаевич Швайба – кандидат экономических наук, профессор кафедры «Экономика и логистика»

REFERENCES

1. Vasiliev, M.S., Dyakonov, V.P. (1988). Development and improvement of the regulatory framework for safety management. In: Proceedings of the All-Union Scientific-Practical Conference on Labor Protection Problems in the Context of Accelerating Scientific and Technical Progress. Part I. Moscow, pp. 23-24. (In Russ.)
2. Shvaiba, D.N. (2024). Conceptual and methodological foundations of the system of socio-economic security of the Republic of Belarus. Minsk: Forum, 236 p. (In Russ.)
3. Shvaiba, D.N., Zemskov, A.N. (2025). The use of personal protective equipment as a socio-economic factor of stability of mining enterprise workers. Moscow Economic Journal, 7, 62-79. (In Russ.)
4. Shvaiba, D.N. (2025). A systemic approach to the development of occupational safety measures as a factor of socio-economic sustainability of mining enterprises. International Agricultural Journal, 4, 992-1011. (In Russ.)
5. Levashov, S.P. (2013). Monitoring systems of labor safety and health protection in the Russian Federation and EU countries. Safety in Technosphere, 2(1), 44-52. (In Russ.)
6. Zemskov, A.N., Liskova, M.Yu., Gaydin, A.M. (2021). Methods and means of combating hydrogen sulfide in mine air and groundwater. Izvestiya of Tula State University. Series "Earth Science», 1, 91-100. (In Russ.)
7. Zemskov, A.N., Liskova, M.Yu. (2021). Evaluation of the effectiveness of measures against natural toxic gas emissions in potash mines. Izvestiya of Tula State University. Series "Earth Science", 4, 531-538. (In Russ.)
8. Zemskov, A.N., Liskova, M.Yu. (2022). The role of personal protective equipment in ensuring safe working conditions at mining enterprises. Izvestiya of Tula State University. Series "Earth Science", 3, 61-69. (In Russ.)
9. Moiseev, V.A., Zemskov, A.N., Kucherov, V.F. (1989). Study of the thermal regime of workings of the 3rd potash horizon of the mine RU-4 PO "Belaruskaliy" and ways to reduce workplace temperature. In: Aerology of Potash Mines: Proceedings of the Regional Seminar. Sverdlovsk, pp. 75-78. (In Russ.)

10. Kosyachenko, G.I., Bogdanovich, A.S. (2004). Hygienic foundations of a comprehensive assessment of potash ore mining in Belarus and rational use of the speleo-environment of the deposit. Collection of Scientific Papers, BelNISGI. Minsk. (In Russ.)
11. Itkin, M.Z., Sukhanov, V.V., Pertsevoy, E.A., Lobacheva, I.V. (1988). Comprehensive assessment of miners' working conditions by harmful factors of the mine environment. In: Prevention of Injuries and Occupational Sanitation in Mines. Collection of Scientific Papers, MakNII. Makeevka, pp. 16-21. (In Russ.)
12. Zemskov, A.N. (2004). Economic and social significance of labor protection and industrial safety measures. In: New Technologies of Technical Regulation and System Management of Industrial Safety and Labor Protection. Proceedings of the 5th Interregional Scientific-Technical Seminar. Perm, pp. 159-163. (In Russ.)
13. Yakovenko, N.V., Ten, R.V., Komov, I.V., Didenko, O.V. (2021). Sustainability of socio-economic development of municipalities in the Voronezh region. South of Russia: Ecology, Development, 1(58), 87-97. DOI: 10.18470/1992-1098-2021-1-110-116. (In Russ.)
14. Ryazantsev, S.V., Rostovskaya, T.K., Zolotareva, O.A. (2021). Measurement system for sustainability of socio-economic development of the EAEU countries. Economy of Region, 3, 971-986. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-18. (In Russ.)
15. Chistyakova, O.A. (2024). Methodological tools for assessing the socio-economic sustainability of consumer cooperation in the rural segment of the consumer market. Bulletin of Kazan State Agrarian University, 4(76), 144-152. DOI: 10.12737/2073-0462-2024-144-152. (In Russ.)
16. Shkaratan, O.I. (2018). Socio-economic inequality in the modern world and the emergence of new forms of social stratification in Russia. Universe of Russia. Sociology. Ethnology, 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-neravenstvo-v-sovremennom-mire-i-stanovlenie-novyh-form-sotsialnogo-rassloeniya-v-rossii. (In Russ.)
17. Krasilnikova, N.A., Savvin, E.E., Plotnikov, S.N. (2025). Sustainability of socio-economic systems of the Arctic region: analysis of agriculture in the Republic of Sakha (Yakutia) and assessment of external shocks. International Agricultural Journal, 2(404), 214-219. DOI: 10.55186/25876740_2025_68_2_214. (In Russ.)
18. Gezalov, A.A., Dzyuba, E.I., Fayzullin, F.S., Gubarev, R.V. (2025). Transformation of modern Russia into a social state: objective reality or utopia? Voprosy Filosofii, 1, 5-13. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-1-5-13. (In Russ.)
19. Zinchenko, V.P., Munikov, V.M., Smolyan, G.L. (1976). Ergonomic foundations of labor organization. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Information about the author
Dmitry N. Shvaiba – PhD in Economics, Professor of the Department of Economics and Logistics

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 15.05.2025
Поступила после рецензирования 02.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.46:339.138:005.591.6
JEL: L84, M31, L11

ВАК 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

РАЗВИТИЕ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ И ОЦЕНКЕ МОДЕЛЕЙ РЫНКОВ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ

Матвей Сергеевич Оборин[1]
Константин Владимирович Ширинкин[2]

[1]Пермский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», 614070, Россия, г. Пермь, ул. бульвар Гагарина, 57; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 23, e-mail: matvey_uk@rambler.ru, ORCID 0000-0002-4281-8615

[2]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Петропавловская, д. 23, e-mail: unique-01@mail.ru

Аннотация. Современные трансформационные процессы в экономике обусловливают повышение роли интеллектуального капитала и нематериальных активов, в том числе консалтинговых услуг как ключевых ресурсов обеспечения конкурентоспособности организаций. Консалтинг представляет собой один из наиболее динамично развивающихся сегментов экономики знаний, способствующий распространению передовых управленческих, технологических и организационных решений. В условиях усложняющихся социально-экономических вызовов особенно важным становится формирование устойчивых и адаптивных моделей функционирования рынков консалтинговых услуг, что позволяет повысить эффективность бизнес-практик и управленческих решений в различных секторах экономики. В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования и оценки моделей рынков консалтинговых услуг в условиях усиливающейся цифровизации и трансформации бизнес-процессов. Обоснована необходимость совершенствования оценки рынка консалтинговых услуг как одного из факторов обеспечения устойчивого экономического роста. На основе анализа существующих моделей и критериев предложен авторский подход к оценке рынков консалтинговых услуг с учётом отраслевых особенностей и ключевых экономических показателей.

Ключевые слова: рынок консалтинговых услуг, модель рынка, консалтинг, оценка модели, интегральный показатель.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Оборин М.С., Ширинкин К.В. Развитие подходов к формированию и оценке моделей рынков консалтинговых услуг. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 201-210.

UDC 338.46:339.138:005.591.6
JEL: L84, M31, L11

HAC 5.2.3. Regional and sectoral economics

DEVELOPMENT OF APPROACHES TO THE FORMATION AND EVALUATION OF MODELS OF CONSULTING SERVICES MARKETS

Matvey Sergeyevich Oborin[1]
Konstantin Vladimirovich Shirinkin[2]

[1]Perm Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 614070, Russia, Perm, 57 Gagarin Boulevard; Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University», 614990, Russia, Perm, 15 Bukireva St.; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State Agro-Technological University named after academician D.N. Prianishnikov», 614990, Russia, Perm, 23 Petropavlovsk Street, e-mail: matvey_uk@rambler.ru, ORCID 0000-0002-4281-8615
[2]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State Agro-Technological University named after academician D.N. Prianishnikov», 614990, Russia, Perm, 23 Petropavlovsk Street, e-mail: unique-01@mail.ru

Abstract. Modern transformation processes in the economy lead to an increased role of intellectual capital and intangible assets, including consulting services, as key resources for ensuring the competitiveness of organizations. Consulting is one of the most dynamically developing segments of the knowledge economy, contributing to the dissemination of advanced management, technological and organizational solutions. In the context of increasingly complex socio-economic challenges, it is especially important to form sustainable and adaptive models for the functioning of consulting services markets, which makes it possible to increase the effectiveness of business practices and management decisions in various sectors of the economy. The article discusses current issues of formation and evaluation of models of consulting services markets in the context of increasing digitalization and transformation of business processes. The necessity of improving the assessment of the consulting services market as one of the factors of ensuring sustainable economic growth is substantiated. Based on the analysis of existing models and criteria, an author's approach to evaluating consulting services markets is proposed, taking into account industry specifics and key economic indicators.

Keywords: consulting services market, market model, consulting, model evaluation, integral indicator.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Oborin, M.S., Shirinkin, K.V. (2025). Development of approaches to the formation and evaluation of models of consulting services markets. Public administration and law, 2(06), 201-210.

ВВЕДЕНИЕ

Консалтинговые услуги играют ключевую роль в современной экономике, выступая катализатором роста за счёт оптимизации управленческих процессов, внедрения инновационных решений и повышения конкурентоспособности предприятий. Формирование эффективной модели рынка консалтинговых услуг способствует усилению положительной динамики в различных отраслях, особенно на региональном уровне, где доступ к специализированным знаниям и передовым практикам зачастую ограничен. Интеграция консалтинговых услуг в экономическую систему регионов позволяет не только решать локальные проблемы, такие как низкая производительность или устаревшие бизнес-модели, но и создавать условия для устойчивого развития за счёт адаптации лучших мировых практик к местным обстоятельствам. Важным аспектом является также мультипликативный эффект консалтинговых услуг: их

внедрение в одной отрасли часто стимулирует рост смежных секторов, создавая синергию и усиливая общую экономическую динамику. Таким образом, формирование устойчивой модели рынка консалтинговых услуг, учитывающей региональную специфику и глобальные тренды, становится неотъемлемым элементом стратегии экономического развития, обеспечивающим долгосрочный рост и повышение конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и территорий в целом [16].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является разработка комплексного подхода к формированию и оценке моделей рынков консалтинговых услуг, который позволит учитывать количественные и качественные показатели, а также специфику межотраслевого взаимодействия.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве методов исследования выступили анализ литературных источников для систематизации существующих подходов к оценке консалтинговых услуг, сравнительный анализ различных моделей рынков (институциональных, функциональных, процессно-ориентированных), экспертные оценки для определения весовых коэффициентов ключевых показателей, математическое моделирование при разработке интегрального показателя оценки рынка, а также эмпирические методы, включающие сбор и анализ данных о выручке, рентабельности, численности сотрудников и других параметрах консалтинговых компаний. Эти методы позволили разработать универсальный подход к оценке рынка консалтинговых услуг, учитывающий региональные и отраслевые особенности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Консалтинговые компании, специализирующиеся на цифровой трансформации, помогают малым и средним предприятиям внедрять современные технологии, что приводит к росту их эффективности и расширению рыночных возможностей. Кроме того, консалтинг способствует развитию человеческого капитала через обучение и передачу знаний, что особенно важно для регионов с дефицитом квалифицированных кадров [10].

На сегодняшний день модели рынков консалтинговых услуг представлены в различных концептуальных и методологических рамках. Наиболее распространёнными являются институциональные, функциональные и процессно-ориентированные модели [5].

В институциональной парадигме рынок консалтинговых услуг рассматривается как совокупность взаимодействующих агентов – консалтинговых компаний, заказчиков, регулирующих органов. Функциональные модели акцентируют внимание на разделении видов консалтинговых услуг (управленческий, стратегический, IT-консалтинг и т. д.) и их роли в обеспечении устойчивости и развития организаций. Процессно-ориентированные подходы рассматривают рынок как совокупность стадий оказания услуг: от выявления потребности до внедрения и сопровождения решений [15].

В статье Соколовой И.И., посвящённой анализу влияния пандемии COVID-19 на глобальный рынок консалтинговых услуг, отмечается, что, несмотря на общее снижение объёма рынка в 2020 году до уровня 2016 года, в России наблюдался незначительный рост. Автор подчёркивает, что пандемия ускорила цифровую трансформацию отрасли, сместив акцент на удалённые форматы работы, гибридные модели взаимодействия и автоматизацию

процессов, что потребовало от консалтинговых компаний адаптации методологий и пересмотра бизнес-моделей, где особое внимание уделено росту спроса на ИТ- и HR-консалтинг, связанному с необходимостью решения задач цифровизации, управления удалёнными командами и мотивации персонала. Основным ключевым трендом в работе выделено усиление роли этических аспектов использования ИИ, кооперация между государством и бизнесом, а также фрагментация проектов на более мелкие задачи для снижения рисков [14].

В работе Базда К. приводит исследование моделей оценки конкурентоспособности предприятий на рынке консалтинговых услуг в условиях цифровой трансформации экономики. Автором акцентируется внимание на то, что современный рынок консалтинга, объём которого превышает 265 млрд долл. США, характеризуется преобладающей частью стратегического консалтинга, составляющим более 50 % рынка и активным развитием сегментов общего бизнес-консалтинга и ИТ-консалтинга. Основными факторами развития рынка являются цифровая трансформация, ускорение научно-технического прогресса и возрастающая сложность управленческих задач, что требует от консультантов новых компетенций, включая владение цифровыми технологиями. Особенности консалтинговых услуг, такие как непостоянство качества, высокая персонализация и неотделимость от производителя, ограничивают применимость традиционных методов анализа, что актуализирует необходимость разработки комплексных многофакторных моделей оценки, основанных на статистических данных, экспертных опросах и цифровых платформах [1].

В статье Бессарабова В.О. предложена модель институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности на рынке консалтинговых услуг, основанная на создании, распространении и закреплении формальных и неформальных «правил игры» на микро-, мезо- и макроуровнях, где основной акцент выстраивается на необходимости разработки комплекса взаимосвязанных документов, включая концепции, методические рекомендации, кодексы этики и доктрины, которые обеспечивают регламентацию и унификацию процессов. Результатом институционализации является переход от неформальных норм к формальным правилам, обеспечивающим экономический и социальный эффект, а также интеграцию методологии в государственные стратегии и программы [3].

На рисунке 1 представлена структура модели рынка консалтинговых услуг, которая интегрирует ключевые элементы функционирования рынка, включая субъекты (поставщиков и потребителей), механизмы взаимодействия (договоры, стандарты), внешние факторы (экономические, правовые, технологические) и институциональные ограничения.

Динамические факторы развития (цифровизация, управленческие инновации, уровень доверия) напрямую влияют на конкурентоспособность и устойчивость рынка. Критическим недостатком является слабая проработка механизмов оценки эффективности (KPI, ROI, удовлетворённость клиентов), что ограничивает аналитические и прогностические возможности.

Для совершенствования модели необходимо формализовать метрики эффективности, учесть двунаправленные связи между элементами и разработать инструменты мониторинга для корректировки стратегий. Дополненная си-

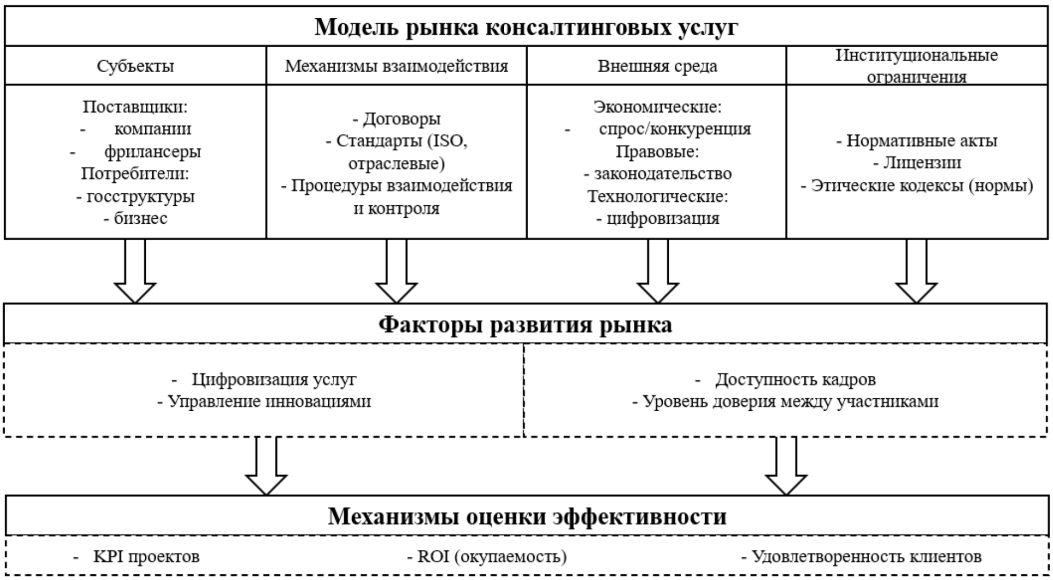

Рисунок 1. Структура модели рынка консалтинговых услуг [составлено автором на основе [4; 6; 8]]
Figure 1. The structure of the consulting services market model [compiled by the author based on [4; 6; 8]]

стемой оценки, модель может стать основой для повышения прозрачности и адаптивности консалтингового рынка к изменениям внешней среды.

Рынок консалтинговых услуг переживает значительные трансформации, обусловленные глобальными вызовами, цифровой революцией и усилением конкуренции, что требуют от консалтинговых компаний адаптации бизнес-моделей, пересмотра методологий и разработки новых инструментов оценки эффективности [8].

Несмотря на значительное число публикаций, посвящённых отдельным аспектам функционирования консалтинговых услуг, вопрос их количественной и качественной оценки остаётся слабо разработанным. Существующие исследования, как правило, сосредоточены на анализе отдельных метрик, таких как объём выручки отрасли, доля ВВП, структура спроса на услуги.

Отдельные исследования, такие как BCG, Deloitte и McKinsey предлагают макроэкономические сценарии развития отрасли, однако они не ориентированы на создание воспроизводимых оценочных моделей, применимых на региональном и отраслевом уровнях [18; 19].

В научной среде наблюдается недостаток унифицированных методик оценки уровня развития и эффективности рынков консалтинговых услуг. Более того, отсутствуют комплексные подходы, позволяющие учитывать специфику различных типов консалтинга, а также их связь с потребностями заказчиков в разных секторах экономики, что свидетельствует о необходимости разработки универсального и адаптивного подхода к оценке состояния и динамики развития рынка консалтинговых услуг.

Таблица 1. Обоснование подходов к оценке рынка консалтинговых услуг
Table 1. Justification of approaches to the assessment of the consulting services market

Автор	Основа подхода к оценке рынка консалтинговых услуг	Обоснование необходимости развития подхода
Юшко В.Н. [17]	Исследуется роль консалтинговых услуг в экономическом развитии региона, акцентируя внимание на факторах, формирующих спрос на такие услуги, как уровень доходов населения, инвестиционная привлекательность региона и состояние предприятий. Автор выделяет, что консалтинговые услуги развиваются в регионах с устойчивым экономическим ростом, где предприятия имеют свободные финансовые ресурсы для инвестирования в консультации, и ключевыми факторами спроса являются платёжеспособность предприятий, их финансовая устойчивость и наличие квалифицированных кадров	Исследование демонстрирует, что оценка рынка консалтинговых услуг должна учитывать региональные экономические показатели, такие как ВРП, уровень доходов и инвестиционную активность, что, в свою очередь, позволяет прогнозировать спрос на услуги и разрабатывать стратегии их развития с учётом локальных особенностей
Ромашков А.С. [12]	Исследование посвящено методическим подходам к оценке эффективности консалтинговых услуг, включая согласование интересов между консалтинговой организацией и предприятием, а также использование имитационного моделирования для анализа результатов. Эффективность консалтинга зависит от способности консультантов адаптировать решения к специфике предприятия и достигать поставленных целей. Предлагается использование имитационного моделирования для оценки альтернативных стратегий развития предприятия после внедрения консалтинговых решений	Необходимость разработки унифицированных методов оценки эффективности консалтинга обусловлена сложностью измерения его результатов, а использование имитационных моделей и стандартизации услуг позволят минимизировать субъективность и повысить точность оценок
Прижигалинская Т.Н. [11]	Предложенная методика оценки эффективности консалтинговых услуг в сфере госзакупок основывается на группировке участников рынка по целям и разработке системы показателей для измерения результатов. Эффективность консалтинга в госзакупках оценивается через показатели, отражающие достижение целей заказчиков и поставщиков. Предложенная система показателей включает коэффициенты эффективности заключения контрактов и уровни финансовых потерь	Разработка специализированных методик для оценки консалтинга в госзакупках необходима из-за высокой сложности и регулируемости данного сегмента рынка, что в свою очередь повысит прозрачность и снизит риски недобросовестных практик
Жигарь О.В. [7]	Автор анализирует проблемы оценки качества консалтинговых услуг, включая субъективность восприятия клиентов и сложность измерения результатов, а также рассматривает методы ценообразования как параметр качества. В качестве методов оценки предложен расчёт экономического эффекта и анализ изменений в организации после внедрения консалтинговых решений	Необходимость объективных методов оценки качества консалтинга обусловлена растущим спросом на такие услуги и высокой конкуренцией на рынке
Белый Е.М. [2]	Автор систематизирует три подхода к оценке качества консалтинговых услуг: 1. Маркетинговый, основанный на комплексном показателе качества, и оценку эффективности реализации проектов; 2. Подход на основе комплексного показателя качества, учитывающий репутацию компании и профессионализм персонала; 3. Подход, оценивающий экономическую эффективность консалтинговых проектов через показатели рентабельности и затрат	Интеграция экономических показателей в оценку качества консалтинга позволяет перейти от субъективных оценок к количественным измерениям, что повышает достоверность и практическую ценность результатов, что особенно важно для обоснования инвестиций в консалтинговые услуги

На основе таблицы 1 можно сделать вывод, что представленные исследования авторов по оценке рынка консалтинговых услуг требуют многоаспектного подхода, учитывающего экономические, региональные и отраслевые особенности. Развитие методик оценки эффективности и качества консалтинга необходимо для повышения прозрачности, снижения рисков и обоснования инвестиций в данный сектор. Унификация подходов и использование количественных показателей позволят создать более объективную систему оценки, способствующую дальнейшему росту рынка консалтинговых услуг.

В качестве инструмента оценки предлагается интегральный подход, основанный на совокупности количественных и качественных показателей. Основными параметрами, отражающими текущее состояние и потенциал рынка консалтинговых услуг, являются ключевые показатели [9; 13]:

– Выручка (V_k), определяющаяся доходами всех консалтинговых компаний;

– показатель рентабельности (R_k), продаж, активов и капитала (ROS,\ ROA,\ ROE);

– среднесписочная численность сотрудников (N_k);

– доля повторных заказов (Q_k);

– индекс диверсификации (D_k).

Указанные показатели позволяют сформировать количественный профиль рынка, выявить его сильные и слабые стороны, определить динамику и потенциал роста. Важно подчеркнуть, что данные параметры необходимо интерпретировать в контексте отраслевой и региональной специфики, а также учитывать макроэкономические условия и степень вовлечённости рынка в глобальные цепочки создания стоимости.

Для агрегированной оценки предлагается интегральный показатель, объединяющий ключевые метрики с весовыми коэффициентами:

$$Pik = \omega_1 * V_k + \omega_2 * R_k + \omega_3 * N_k + \omega_4 * Q_k + \omega_5 * D_k, \quad (1)$$

где ω_1,..., ω_5 – весовые коэффициенты, определяемые методом экспертных оценок или статистическим анализом.

Предложенный подход для оценки рынка консалтинговых услуг универсален: применим для региональных и отраслевых рынков, позволяет адаптировать весовые коэффициенты под специфику рынка, а интеграция межотраслевых критериев повышает точность оценки вклада консалтинга в экономику.

Среди дополнительных рекомендаций к подходу можно выделить:

1. Регулярный мониторинг показателей (ежеквартально/ежегодно);

2. Использование цифровых платформ для сбора данных с использованием CRM-систем;

3. Разработка отраслевых нормативов для сравнения показателей.

Данный подход обеспечит прозрачность, прогнозируемость и устойчивое развитие рынка консалтинговых услуг. С учётом специфики консалтинговых услуг как инструмента межотраслевого взаимодействия предлагается включение в модель оценки критериев, отражающих уровень интеграции рынка с ключевыми секторами экономики. Таким образом, расширение модели оценки за счёт межотраслевых критериев позволяет более точно отразить реальное влияние консалтинговых услуг на экономическое развитие и обеспечить обратную связь между рынком и его основными потребителями.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование показало, что существующие модели

и методики оценки консалтинговых рынков в недостаточной степени учитывают специфику межотраслевого взаимодействия, динамику кадровых ресурсов и многообразие оказываемых услуг.

Предложенный в работе подход, основанный на интеграции количественных показателей и критериев межотраслевого взаимодействия, может служить основой для мониторинга, стратегического планирования и регулирования рынков консалтинговых услуг. Развитие подхода позволит обеспечить большую прозрачность сектора консалтинговых услуг, способствовать повышению качества оказываемых услуг и усилению их вклада в социально-экономическое развитие регионов и страны в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бадза К. Модели оценки конкурентоспособности предприятия на рынке консалтинговых услуг // Конкурентоспособность территорий: Материалы XXIII Всероссийского экономического форума молодых учёных и студентов. В 4-х частях, Екатеринбург, 27-30 апреля 2020 года / отв. за выпуск Я.П. Силин, Е.Б. Дворядкина. Часть 4. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. С. 214-216.

2. Белый Е.М. Основные подходы к оценке качества консалтинговых услуг // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 261.

3. Бессарабов В.О. Модель институционализации методологии обеспечения экономической безопасности предпринимательской деятельности на рынке консалтинговых услуг // Сборник научных работ серии «Финансы, учёт, аудит». 2022. № 2(26). С. 5-20.

4. Брагинский С.В. Индустрия консалтинга: современное состояние и перспективы развития // Экономика и управление. 2022. № 5. С. 45-50.

5. Громова Т.А. Институциональные основы развития ИТ-консалтинговых услуг // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 50-55.

6. Еремина В.С. Текущее состояние и перспективы развития российского рынка консалтинговых услуг // Хроноэкономика. 2022. № 2(36). С. 46-51.

7. Жигарь О.В. К вопросу об оценке качества консалтинговых услуг // Общество, экономика, управление. 2018. Т. 3, № 2. С. 44-49.

8. Князева Е.А. Особенности консалтинга в России: тенденции и перспективы развития // Методы и механизмы управления региональным развитием: Материалы всероссийской научно-практической Интернет-конференции, Орёл, 20-30 июля 2015 года. Том 1. Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2017. С. 114-120.

9. Котов К.С. современные тенденции и перспективы развития рынка консалтинговых услуг в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 5(115). С. 31-35.

10. Полещенко К.Н. Инновационный консалтинг как технология управления корпоративным развитием // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 2(21). С. 44-52.

11. Прижигалинская Т.Н. Механизм оценки эффективности деятельности субъектов рынка консалтинговых услуг в сфере государственных и муниципальных закупок // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 3(51). С. 43-52.

12. Ромашков А.С. Оценка эффективности использования консалтинговых услуг в управлении предприятием // Вестник Российской академии естественных наук (Санкт-Петербург). 2014. № 2. С. 50-52.

13. Рудков С.С. Оценка эффективности деятельности консалтинговой компании // Молодёжный научно-технический вестник. 2014. № 8. С. 30.

14. Соколова И.И. Цифровая трансформация глобального рынка услуг консалтинга в постковидных условиях // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). 2021. № 4. С. 4.

15. Сорокин А.В. Рынок консалтинговых услуг в условиях неопределённости // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 977-989.

16. Шапиева А.В. Роль инновационного консалтинга в современной экономике // Устойчивое развитие общества: новые научные подходы и исследования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 18 декабря 2023 года. Москва: Центр развития образования и науки, ООО «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 24-28.
17. Юшко В.Н. Оценка факторов формирования рынка консалтинговых услуг как движущей силы развития экономики региона // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 19. С. 78-84.
18. McKinsey & Company. The State of the Consulting Market. 2025. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech.
19. Deloitte 2025: как решить главные противоречия современного HR с помощью технологий. URL: https://www.mirapolis.ru/blog/deloitte-za-2025-god.

Информация об авторах
Матвей Сергеевич Оборин – доктор экономических наук, профессор
Константин Владимирович Ширинкин – аспирант

REFERENCES

1. Badza, K. (2020). Models for assessing the competitiveness of enterprises in the consulting services market // Competitiveness of territories: Proceedings of the XXIII All-Russian Economic Forum of Young Scientists and Students. In 4 parts, Yekaterinburg, April 27-30, 2020 / Edited by Ya.P. Silin, E.B. Dvoryadkina. Volume Part 4. Yekaterinburg: Ural State University of Economics, pp. 214-216. (In Russ.)
2. Bely, E.M. (2014). Basic approaches to assessing the quality of consulting services // Modern problems of science and education. No. 1. P. 261. (In Russ.)
3. Bessarabov, V.O. (2022). A model of institutionalization of the methodology for ensuring economic security of entrepreneurial activity in the consulting services market // Collection of scientific papers of the series "Finance, accounting, audit". № 2(26). Pp. 5-20. (In Russ.)
4. Braginsky, S.V. (2008). Consulting industry: current state and development prospects // Economics and management. 2022. No. 5. Pp. 45-50. (In Russ.)
5. Gromova, T.A. (2008). Institutional foundations for the development of IT consulting services // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. No. 54. Pp. 50-55. (In Russ.)
6. Eremina, V.S. (2022). The current state and prospects of development of the Russian consulting services market // Chronoeconomics. No. 2(36). Pp. 46-51. (In Russ.)
7. Zhigar, O.V. (2018). On the issue of assessing the quality of consulting services // Society, economics, management. Vol. 3, No. 2. Pp. 44-49. (In Russ.)
8. Knyazeva, E.A. (2017). Features of consulting in Russia: trends and development prospects // Methods and mechanisms of regional development management: Proceedings of the All-Russian Scientific and practical Internet conference, Orel, July 20-30, 2015. Volume 1. Orel: I.S. Turgenev Oryol State University. Pp. 114-120. (In Russ.)
9. Kotov, K.S. (2024). Current trends and prospects for the development of the consulting services market in Russia // Universum: economics and Jurisprudence. № 5(115). Pp. 31-35. (In Russ.)
10. Poleshchenko, K.N. (2015). Innovative consulting as a technology of corporate development management // Siberian Trade and Economic Journal. № 2(21). Pp. 44-52. (In Russ.)
11. Prizhigalinskaya, T.N. (2014). Mechanism for evaluating the effectiveness of the activities of the subjects of the consulting services market in the field of state and municipal procurement // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. № 3(51). Pp. 43-52. (In Russ.)
12. Romashkov, A.S. (2014). Evaluation of the effectiveness of consulting services in enterprise management // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences (Saint Petersburg). No. 2. Pp. 50-52. (In Russ.)
13. Rudkov, S.S. (2014). Evaluation of the effectiveness of a consulting company // Youth Scientific and Technical Bulletin. No. 8. P. 30. (In Russ.)

14. Sokolova, I.I. (2021). Digital transformation of the global consulting services market in post-crisis conditions // A-factor: scientific research and development (humanities). No. 4. P. 4. (In Russ.)
15. Sorokin, A.V. (2024). Consulting services market in conditions of uncertainty // Economics, entrepreneurship and law. Vol. 14, No. 3. Pp. 977-989. (In Russ.)
16. Shapieva, A.V. (2023). The role of innovative consulting in the modern economy // Sustainable development of society: new scientific approaches and research: A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 18, 2023. Moscow: Center for the Development of Education and Science, ALEF Publishing House, pp. 24-28. (In Russ.)
17. Yushko, V.N. (2008). Assessment of the factors of formation of the consulting services market as a driving force for the development of the region's economy // Regional economics: theory and practice. No. 19. Pp. 78-84. (In Russ.)
18. McKinsey & Company. The State of the Consulting Market. 2025. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities / mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech.
19. Deloitte 2025: how to solve the main contradictions of modern HR using technology. URL: https://www.mirapolis.ru/blog/deloitte-za-2025-god /.

Information about the authors
Matvey S. Oborin – Doctor of Economics, Professor,
Konstantin V. Shirinkin – postgraduate student

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.05.2025
Поступила после рецензирования 29.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 330
JEL: O47, D24, J24

ВАК 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ИМПЕРАТИВЫ КАЧЕСТВЕННОГО ОБНОВЛЕНИЯ СОВОКУПНОЙ ФАКТОРНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Борис Варисович Салихов[1]
Ирина Сергеевна Салихова[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», Российская Федерация, 109316, Москва, ул. Талалихина, д. 33, стр. 4; федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Центральный экономико-математический институт РАН», Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47, e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

[2]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Экспертно-аналитический центр», Российская Федерация, 109316, Москва, ул. Талалихина, д. 33, стр. 4; федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Центральный экономико-математический институт РАН», Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47; частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С.Ю. Витте», Российская Федерация, 115432, г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1, e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечено падение уровня совокупной факторной производительности (СФП) в странах лидирующего и большинства государств догоняющего развития как следствие неолиберализма. Показано растущее значение неявного знания в качественном обновлении всех элементов СФП и, особенно, в формировании воспроизводственных технологических целостностей, релевантных требованиям шестого технологического уклада. Отмечен созидательный потенциал декомпозиционных форм СФП, причём как по «вертикали» (от предприятия до национального хозяйства в целом), так и по «горизонтали» (в рамках каждой фазы индивидуального и общественного воспроизводства). Обоснована целесообразность смещения исследовательского вектора в сфере СФП от макроуровня в пользу предприятий при одновременном их превращении в интеллектуальные фирмы. Обоснована усиливающаяся необходимость наиболее полного учёта междисциплинарных элементов в развитии человеческого капитала как ключевого фактора совершенствования СФП. Верифицирован императив трансформации совокупности факторов производства в соответствующую систему, что позволит обеспечить эмерджентную эффективность их целостного и комплементарного функционирования.

Ключевые слова: совокупная факторная производительность, человеческий капитал, неявное знание, технологическая целостность, междисциплинарные элементы человеческого капитала, интеллектуальная фирма, системная факторная производительность.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Салихов Б.В., Салихова И.С. Императивы качественного обновления совокупной факторной производительности в современной экономике. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 211-225.

UDC 330
JEL: O47, D24, J24

HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

IMPERATIVES OF QUALITATIVE UPGRADE OF TOTAL FACTOR PRODUCTIVITY IN THE MODERN ECONOMY

Boris Varisovich Salikhov[1]
Irina Sergeevna Salikhova[2]

[1]Federal State Budgetary Scientific Institution «Expert and Analytical Center», Russian Federation, 109316, Moscow, 109316, Talalikhina str., 33, building 4; Federal State Budgetary Institution of Science «Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation, 117418, Moscow, 47 Nakhimovsky Ave., e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru
[2]Federal State Budgetary Scientific Institution «Expert and Analytical Center», Russian Federation, 109316, Moscow, 109316, Talalikhina str., 33, building 4; Federal State Budgetary Institution of Science «Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation, 117418, Moscow, 47 Nakhimovsky Ave.; Private Educational Institution of Higher Education «Moscow State University Witte», Russian Federation, 115432, Moscow, 2nd Kozhukhovskiy Proezd, 12, building 1, e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Abstract. The article notes the decline in the level of total factor productivity (TFP) in the leading and most catch-up countries as a consequence of neoliberalism. The growing importance of tacit knowledge in the qualitative renewal of all elements of TFP and, especially, in the formation of reproductive technological integrity relevant to the requirements of the sixth technological order is shown. The creative potential of decomposition forms of TFP is noted, both "vertically" (from the enterprise to the national economy as a whole) and "horizontally" (within each phase of individual and social reproduction). The expediency of shifting the research vector in the field of TFP from the macro level in favor of enterprises while simultaneously transforming them into intellectual firms is substantiated. The increasing need for the most complete consideration of interdisciplinary elements in the development of human capital as a key factor in improving TFP is substantiated. The imperative of transforming the set of production factors into an appropriate system is verified, which will ensure the emergent efficiency of their holistic and complementary functioning.

Keywords: total factor productivity, human capital, tacit knowledge, technological integrity, interdisciplinary elements of human capital, intellectual firm, systemic factor productivity.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2025). Imperatives of qualitative upgrade of total factor productivity in the modern economy. Public administration and law, 2(06), 211-225.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из ключевых факторов снижения СФП в мировой и отечественной экономике является сохранение неолиберальной модели хозяйственной динамики. Её специфика заключается в доминировании финансовых потоков над инвестициями в реальный сектор. Такая диспропорция ограничивает развитие инновационных кластеров и препятствует накоплению человеческого капитала. Эффект «коротких денег» снижает горизонты стратегического планирования и блокирует реализацию долгосрочных производственных проектов. Для России это усугубляется слабой защитой прав собственности, низким уровнем конкуренции и высокой зависимостью от экспортно-сырьевых доходов. Дополнительным ограничением являются технологический разрыв и недостаточные инвестиции в исследования и разработки. Эти барьеры формируют институциональную среду, в которой производительность труда и СФП остаются существенно ниже, чем в странах ядра мировой эко-

номики. Подобный подход согласуется с позицией Бузгалина А.В., подчёркивающего необходимость междисциплинарного рассмотрения динамики производительности и социально-экономических последствий.

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития обусловливает необходимость повышения эффективности создания и использования всех факторов производства. В связи с этим актуализируется внимание именно к феномену совокупной факторной производительности (СФП), целевым функционалом которой является повышение производительности труда. Известное длительное замедление темпов роста данного показателя, причём как в странах лидирующего, так и догоняющего развития, нацеливает на необходимость «подъёма» новой «волны» анализа СФП, к тому же с учётом современных реалий в сфере технологической, в том числе цифровой, трансформации. Актуальность повышения исследовательского внимания к феномену СФП вызвана также неуклонно растущей ролью человеческого капитала как критического фактора современного производства. При этом данная «критичность» заключается не столько в его традиционной интегрирующей роли, сколько в актуализации производственной мощи неэкономических элементов данного капитала, непосредственно определяющих направленность, скорость, интенсивность, длительность и даже «живучесть» хозяйственного бытия как такового.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи заключается в качественном обновлении теоретических оснований исследования совокупной факторной производительности, призванных содержательно модифицировать бытующие представления о данном феномене, призванном обеспечить повышение эффективности использования редких экономических ресурсов. Достижение цели предполагает, во-первых, необходимость краткой сравнительной ретроспективы существующих трактовок СФП. Далее, во-вторых, следует выявить императивы обновления СФП в направлении формирования качественной целостности, релевантной требованиям нарастания сложности, а также с учётом актуализации междисциплинарных элементов человеческого капитала. Наконец, в-третьих, предполагается верифицировать общую направленность трансфера СФП от «совокупности» факторов производства к «системности» их использования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Онтология проблемного «поля» феномена совокупной факторной производительности (методология исследования)

Известно, что производительность труда, как целевой функционал СФП, является результатом взаимодействия всех факторов производства, и именно «погружение» в СФП позволяет целостно исследовать проблему повышения данной производительности. Между тем, СФП и, следовательно, производительность труда, как в мировой, так и в отечественной экономике, едва ли характеризуются высокими темпами роста, что свидетельствует о теоретических и научно-практических недоработках проблемы. Как показано в таблице 1, в мировом хозяйстве рост СФП в последнее десятилетие прошлого столетия (в среднем на 0,79 % в год за период с 1993 по 2002 гг.) уступил место замедлению до 0,28 % в год (2003-2012 гг.) и, далее, падению совокупной производительности до отрицательных значений (-0,20 % в интервале с 2013 по 2022 гг.). Заметное снижение

СФП имеет место и в отечественной экономике (-0,06% за период с 2013 по 2022 гг.), хотя в «тучные годы» имел место значительный рост (3,17 % за период с 2003 по 2012 гг.), пока не был исчерпан потенциал «бонусов» трансформационного периода.

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста СФП с 1983 по 2022 год (%) [1, с. 17]
Table 1. Average annual growth rates of TFP from 1983 to 2022 (%) [1, p. 17]

Страны в выборке	Число стран	1983-1992 годы	1993-2002 годы	2003-2012 годы	2013-2022 годы
Вся выборка	74	–0,50	0,79	0,28	–0,20
Развивающиеся страны	47	–0,97	0,95	0,88	–0,20
БРИКС – всего	5	–0,18	1,02	1,33	–0,17
Бразилия		–0,99	–0,47	0,05	–1,72
Россия		–1,87	1,40	3,17	–0,06
Индия		0,61	1,01	1,96	1,01
Китай		3,82	2,18	1,62	0,70
ЮАР		–2,48	0,98	–0,17	–0,77
Развитые страны – всего	27	0,32	0,51	–0,77	–0,18

То обстоятельство, что СФП имеет отрицательную мировую динамику, причём даже в странах с развитыми традициями рыночной экономики, где имеют место высокий уровень защиты прав собственности, благоприятная общая институциональная среда и др., свидетельствует о системном характере проблемы, требующей соответствующей, прежде всего, теоретико-методологической рефлексии. При этом всё более очевидной причиной падения СФП является продолжающееся господство неолиберализма, в рамках которого экономические симулякры сохраняют свой приоритет по отношению к созидательным хозяйственным структурам, то есть экономика «денег» по-прежнему преобладает над экономикой «хлеба» [2]. Это обстоятельство не позволяет, как минимум, обеспечить инвестиционный приоритет реальному производству относительно воинствующего потребления, а в рамках «правильных» инвестиций – первенство усоренному развитию человеческого капитала.

Сохраняющийся и упрямо реанимирующийся теоретико-методологический и, следовательно, научно-практический приоритет монетарной формы экономического либерализма (подчеркнём, именно монетарной, а не какой-либо иной, вполне возможно прогрессивной, качественно новой формы), с присущим ему приоритетом «коротких» денег с краткосрочным горизонтом планирования над «длинными» деньгами с соответствующей стратегией социально-экономического развития, объективно более не может быть надёжным основанием устойчивого хозяйственного развития и созидательных форм индивидуального и общественного воспроизводства. При этом в развитых странах усиливается всё более агрессивный поиск «плохой» ренты (геополитической, геоэкономической и даже геокультурной, как функции и результата насильственного внедрения монетарных

антиценностей). Страны догоняющего развития, включая Россию, по-прежнему остаются преимущественно в политэкономическом «форватере» западных смысловых конструктов, что является системным фактором механизмов торможения их инновационного развития (известно, что в большинстве этих стран имеет место «вестернизация без модернизации»). Всё более очевидно, что действующая монетарная модель хозяйственной динамики, нацеленная на расширенное воспроизводство экономических симулякров, едва ли способна стать научно-практическим основанием качественного обновления СФП и, соответственно, неуклонного повышения темпов роста производительности труда.

В свете сказанного, императив нового подхода к СФП непосредственно связан не только с текущей четвёртой промышленной революцией [3], как формы бытия шестого технологического уклада [4], в рамках которого происходят сущностные трансформационные процессы, но также с растущим множеством непрерывно актуализирующихся политико-идеологических [5], когнитивных [6], информационных (цифровых), социокультурных, биологических, психофизических и других условий и факторов [7]. В связи с этим всё более отчётливо выявляется потребность не только в «перезагрузке» политэкономических ценностей, сколько в «сдвиге» как таковой парадигмы организации и управления современным, прежде всего промышленным производством, где именно феномен СФП выступает важнейшим интегратором всех факторов производства. При этом, несмотря на нарастающие требования междисциплинарности, критически важным обстоятельством остаётся приоритетное положение как такового явления «экономического» в создаваемых новых научно-практических концептах. Сказанное фиксирует, как минимум, два ключевых обстоятельства: во-первых, наличие редкости любых видов факторов производства и, во-вторых, реальную возможность свободного выбора той или иной альтернативы использования данных факторов с целью создания ценных (полезных) экономических благ.

Сущность СФП часто трактуется как результат производства, не связанный с затратами человеческого капитала (труда) и материального капитала (вещественного капитала) [3]. В данном случае феномен «технологического» как бы присутствует латентно и обнаруживается только после выявления роли, отдельно взятых, человеческого и вещественного капиталов, в создании конечной продукции. Исследователи также рассматривают совокупную производительность факторов (СПФ), что едва ли имеет принципиальное отличие от СФП, определяя названный феномен как рост выпуска, имеющий место за некоторый период времени и который также не имеет своим источником увеличение объёмов используемых человеческого и вещественного капиталов. В данном случае, «если из роста стоимости конечного продукта вычесть изменение стоимости затрат на труд и капитал, то остаток будет определять часть роста конечного выпуска, которая не объясняется ростом труда и капитала. Её можно отнести к улучшению технологии» [8, с. 99].

В релевантной литературе есть также понятие многофакторной производительности (МФП), трактуемое как «общая эффективность использования факторов или относительный уровень технологического развития страны» [9, с. 69]. При этом сам термин «многофакторная производительность» априори указывает на внутреннюю связь всех

факторов, задействованных в конкретном производстве. Более того, собственно многофакторность указывает на некое, причём не фиксируемое множество факторов производства, которые предполагается задействовать в процессе создания новых благ. Однако и в данном случае оценка МФП основывается на методическом потенциале производственной функции Кобба-Дугласа и исчисляется как некий разрыв в производительности труда, никак не интерпретируемый различиями в качестве человеческого и вещественного капиталов. Таким образом, ретроспектива трактовок СФП позволяет отметить продолжающийся приоритет «совокупности» (качественной количественности) над «системностью» (качественной целостностью) исследуемой проблемы, что гипотетически представляется всё более спорным.

Результаты логико-гносеологического анализа: императивы качественного обновления СФП

Исходя из приведённых трактовок совокупной факторной производительности (СФП), совокупной производительности факторов (СПФ) и многофакторной производительности (МФП), резонно сделать следующие интегральные умозаключения, которые могут стать основанием поиска путей повышения эффективности факторов производства при их целостном применении. Во-первых, сам факт возникновения и развития СФП, СПФ и МФП, причём могут сформироваться и другие аналогичные феномены, наиболее полно учитывающие, например, императивы развития искусственного интеллекта (ИИ), свидетельствует об их обусловленности шестым технологическим укладом, который потребовал более высокого и эффективного уровня напряжённости и комплементарности производительного использования всех видов редких ресурсов. Сказанное означает, что в сфере создания и хозяйственного использования новых когнитивных технологий «центр тяжести» следует сместить в сторону расширенного воспроизводства систем «живого» неявного знания как единственного онтологического источника, в том числе радикальных инноваций, дефицит которых и приводит к падению эффективности СФП.

Закономерным основанием расширенного воспроизводства систем неявного знания становится всё более глубокое осознание границ производительного использования природного капитала и, связанная с этим, растущая потребность в расширенном воссоздании ноосферных (природосберегательных) технологий. Именно такие технологические инновации, как функция уникального неявного знания, должны становиться ключевым элементом современной модели СФП. Очевидно, что на скорость воспроизводства неявного знания и, следовательно, на эффективность СФП, оказывает существенное влияние уровень конкурентных отношений. При этом низкий конкурентный тонус в экономике часто есть функция низкого уровня защиты прав собственности, что блокирует устойчивое развитие малого и среднего бизнеса и творчески-трудовую активность в целом [10].

Кроме того, существенной преградой здесь может быть слабость шумпетерианского механизма «созидательного разрушения» [11], что не позволяет проводить санацию низкоэффективных предприятий и, следовательно, обеспечивать более эффективную реаллокацию ресурсов. Очевидно, что научно обоснованная институционализация конкурентных отношений есть важнейший фактор мотивации в сфере воспроизводства нового неявного знания и, следовательно, повыше-

ния эффективности СФП. Таким образом, новизна предметного «поля» современного исследования СФП заключается в релевантном качестве подсистемы среды, характеризуемой требованиями шестого технологического уклада, вызвавшими к жизни императив расширенного воспроизводства систем неявного знания как критического источника инноваций.

Во-вторых, растущая потребность в расширенном воспроизводстве неявного знания закономерно формирует необходимость становления и воссоздания не совокупностей, а именно технологических целостностей, причём как органического единства релевантных декомпозиционных элементов: а) новых технологий воспроизводства человеческого капитала требуемого качества; б) более совершенных технологий совершенствования вещественного капитала; в) технологических инноваций в сфере подготовки к производительному использованию различных форм природного капитала и др. При этом важнейшим технологическим интегратором названных элементов технологической целостности являются процессы цифровизации хозяйственных отношений, где всё более значимую роль играют технологии искусственного интеллекта (ИИ).

В связи с цифровой трансформацией экономики, отметим, как минимум, четыре социально-экономические проблемы. Во-первых, названная трансформация не есть панацея, а также не самоцель, а системный инструмент повышения эффективности производства. При этом, если инвестиции в цифровую трансформацию СФП не являются окупаемыми, что вполне вероятно, то внедрение, например, технологий ИИ, попросту нецелесообразно [12]. Во-вторых, даже в условиях высокой эффективности цифровых технологий, ожидаемая результативность от их применения возможна лишь при сквозном их внедрении во все звенья воспроизводственного цикла [13]. В-третьих, цифровая трансформация не должна вытеснять «живой» корпоративный креативно-интеллектуальный капитал [14]. Названные технологии с самого начала следует рассматривать как дополнительные и вспомогательные для «живого» обмена-общения и обмена деятельностью [15]. В-четвёртых, есть реальная угроза формирования корпоративного, кластерного, отраслевого, регионального и даже национального цифрового монополизма, что всегда несёт угрозу экономической деструкции [6].

Далее отметим, что названным ранее декомпозиционным технологическим формам, а также цифровой трансформации экономики должны соответствовать релевантные технологии организации и управления производством, призванные обеспечить растущую эмерджентную эффективность целостного и комплементарного их применения. Сказанное априори предполагает высокий уровень управленческой культуры и организационного знания, а также способность к непрерывному институциональному предпринимательству[1] со стороны критического субъекта, то есть личности либо группы лиц, реализующих функциональную мощь СФП. В данном случае новизна проблемы развития СФП состоит в совершенствовании подсистемы процесса, всё более представляющей собой качественную целостность

[1]Институциональное предпринимательство есть деятельность определённого субъекта (субъектов) по проектированию, формированию и имплантации в хозяйственную и иную практику новых институтов, обеспечивающих повышение трансакционной эффективности в форме сокращения одноимённых издержек.

растущего множества технологических, в том числе цифровых и управленческих, форм.

В-третьих, нарастание сложности актуализирует необходимость формирования расширенной объектной структуры СФП, поскольку эффективность использования факторов производства на уровне национального хозяйства, в условиях всё более открытой экономики, в существенной степени определяются результативностью на местах. В рамках вертикальных отношений имеется в виду факторная производительность «снизу-вверх», включающая такие объекты, как фирмы, кластеры, отрасли, регионы, национальное хозяйство в целом. При этом СФП именно промышленных компаний уже давно является предметом дискуссии в релевантной литературе [16]. В рамках горизонтальных отношений предполагается обеспечить комплементарность элементов СФП, определяющих направленность и динамику воспроизводственных отношений. На эффективность факторной производительности здесь оказывают влияние институты, регулирующие и координирующие трансакции одновременно в сфере производственных, распределительных, обменных и потребительских отношений.

Основанием расширенного объекта в рамках СФП, его ключевым структурным элементом является современное предприятие, что лишь подтверждает его статус как основного звена современной экономики. В связи с этим корпоративная совокупная факторная производительность (КСФП) всё в большей степени представляется в качестве самостоятельного исследовательского объектного пространства. Очевидно, не случайным является совпадение по времени с четвёртой промышленной революцией создание системно-интеграционной и когнитивной модели предприятия, что вполне может стать методологическим основанием КСФП [17]. Существенную роль здесь призвана сыграть интеллектуальная теория фирмы [18] как носитель одноимённого капитала и релевантных творчески-трудовых компетенций. Таким образом, формируется качественно новая подсистема объекта в рамках общей концепции СФП, где определяются соответствующие декомпозиционные элементы, причём как по структурной «вертикали», так и по воспроизводственной «горизонтали».

В-четвёртых, известным целевым функционалом, или подсистемой проекта в рамках СФП, остаётся производительность труда (производительность творчески-трудовой деятельности), исчисляемая как отношение ВВП (возможно, в долларах США по паритету покупательной способности – ППС) к совокупным затратам труда (годовому количеству отработанных всеми занятыми в экономике часов либо просто к общей численности занятых в экономике работников всех уровней и структур). Это обстоятельство объективно выдвигает источник этого труда (и творчества), то есть собственников человеческого капитала, в центр проблемы повышения результативности всех факторов производства. Новизна «человеческого измерения» СФП заключается в императиве мобилизации не только профессиональных знаний и компетенций названных собственников, но также всей качественной целостности их свойств и характеристик. Очевидно, что высокая эффективность СФП есть функция высокой эффективности собственников человеческого капитала, в «арсенале» свойств которых всё в большей степени отмечаются именно междисциплинарные переменные [19].

Применительно к СФП, междис-

циплинарные переменные играют всё более важную роль. В частности, именно собственники человеческого капитала определяют общую направленность функционирования СФП как системной целостности; эта направленность может быть как регрессивной, с поиском «плохой» ренты, так и созидательной, обеспечивающей расширенное производство прогрессивных инноваций [20]. Известно, что от таких качеств, как дивергентное мышление, способность воссоздавать доверительные отношения [21], стремление к новым формам обмена-общения и обмена деятельностью [22], интерактивная толерантность [23], умение использовать прогрессивные кейсы и нарративы [24], компетенции в сфере выстраивания координационных взаимосвязей [25], а также многие другие неэкономические свойства человека [26] позволяют воссоздавать высокоэффективные новые формы взаимосвязи факторов производства в рамках СФП. Это относится к формированию инновационных аспектов технологической «сцепки» управленческих, производственных, научно-образовательных и иных алгоритмов в рамках конкретного хозяйственного процесса. Таким образом, ключевым драйвером и, одновременно, интегральным фактором достижения проектной цели СФП является человеческий капитал, представляющий собой органическую целостность экономических и неэкономических свойств и характеристик, формирующих подсистему субъекта, релевантную требованиям качественного обновления СФП для существенного и перманентного роста производительности творчества и труда.

Обсуждение результатов: необходимость трансформации совокупности факторов производства в их системную целостность

Предложенные ранее положения, характеризующие подсистемы среды, процесса, объекта, проекта и субъекта, являются основанием для дальнейшего качественного совершенствования СФП. Основанием обновления существующих представлений о данном феномене является необходимость характеристики СФП именно как системы, а не совокупности, что нацеливает исследователей и практиков на поиск эндогенных механизмов взаимосвязи и взаимной обусловленности всех условий и факторов современного производства. На «трансфер» от совокупности к системности нацеливает общее нарастание сложности, причём не только в форме требований шестого технологического уклада и «радиоактивного» развития цифровых технологий [27], но также в качестве всё более отчётливого проявления экономической синергетики, требующей самоорганизации, в том числе хозяйственных систем [28].

Другими словами, императив системного понимания и восприятия современной социально-экономической динамики, представляющей собой действительную органическую целостность взаимосвязанных и развивающихся соответствующих элементов, не оставляет «шансов» каким-либо «совокупностям» и требует именно «системности». Одновременно с тем, как лапласовский детерминизм замещается экономической синергетикой, структурный подход должен замещаться системным анализом, важнейшим основанием и инновационной формой которого является методология системной парадигмы [29]. Сказанное означает, что термин «совокупная факторная производительность» было бы вполне резонно заместить термином «системная факторная производительность» (тоже СФП, но при новой качественной целостности). Одновременно с этим корпоративная совокупная факторная

производительность трансформируется в корпоративную системную факторную производительность (тоже КСФП, но в рамках нового формата эндогенных взаимосвязей). Общая структурно-логическая модель формирования системной факторной производительности (новой СФП) показана на рисунке 1.

Исходя из проведённого логико-гносеологического анализа проблемы, сущность системной факторной производительности (СФП) можно определить, как производительность качественной технологической целостности и единства всех форм капитала, интегрированных «критическим субъектом» с целью обеспечения эмерджентного роста производительности труда. Научно-практическое значение данной трактовки сущности СФП заключается, во-первых, в чёткой фиксации определённого «критического субъекта», призванного осуществить интеграцию технологических целостностей всех факторов производства, задействованных в решении конкретной производственной задачи. Очевидно, что названный субъект априори должен обладать не только способностями (знаниями, компетенциями) к наиболее эффективной концентрации и координации факторов производства, но и соответствующей реальной возможностью, то есть иметь полномочия, релевантные требованиям обеспечения высокоэффективного воспроизводства благ.

Рисунок 1. Структура модели рынка консалтинговых услуг [составлено автором на основе [4; 6; 8]]
Figure 1. The structure of the consulting services market model [compiled by the author based on [4; 6; 8]]

Во-вторых, в трактовке данной сущности чётко фиксируется «технологический элемент», который имеет троякое значение в рамках общей концепции СФП. Первое значение связано с технологиями создания непосредственно конкретных факторов производства. Второе значение характеризуется технологией производственного интегрирования всех факторов с целью создания желаемого конечного полезного продукта. Третье связано с императивом обеспечения технологической целостности СФП; суть данной целостности заключается в комплементарности и когерентности всех задействованных технологических форм. В частности, технологии создания факторов производства должны иметь примерно равный уровень технико-экономической и когнитивной сложности, иначе могут возникнуть своеобразные технологические диссонансы. К примеру, технологии подготовки специалистов для определённого сектора наукоёмкой промышленности могут сильно отставать от технологий создания релевантных элементов вещественного капитала, что приведёт к технологическим, мягко говоря, нестыковкам в процессе производственного процесса.

В-третьих, теоретико-методологический императив и научно-практический замысел системности СФП заключается в обеспечении более эффективного использования редких ресурсов при воспроизводстве ценных экономических благ, что фиксируется в технологическом целевом функционале, выраженном в названной ранее эмерджентности (2 + 2 = 5, 6, 7 и т. д.), характеризующей возросшую мощность факторов производства, используемых как органическая целостность. Резонно полагать, что в рамках конкретного предприятия такая эмерджентная эффективность всегда есть функция релевантного качества управленческого человеческого капитала, носители которого обладают высоким уровнем способности к институциональному предпринимательству и организационным инновациям. Таким образом, условно можно выделить, как минимум, два целевых функционала в рамках СФП и КСФП: а) эмерджентная эффективность как целевой функционал системы отмеченных технологических целостностей (промежуточный целевой функционал); б) продуктовая эффективность как целевой функционал общей СФП и КСФП (интегральный целевой функционал).

ВЫВОДЫ

Таким образом, императивы качественного обновления СФП в современной экономике заключаются в следующих интегральных и взаимосвязанных положениях. Во-первых, всё более насущной потребностью является «сдвиг» парадигмы, как общей матрицы решения соответствующих научно-практических задач, в направлении преодоления монетарной политико-идеологической и политэкономической концепции хозяйственного развития в пользу гипотетического созидательного вектора социально-экономической динамики, что позволит обеспечить приоритет производственному сектору экономики над господствующей монетарной плутократией. Очевидно, что сказанное нацеливает на формирование нового пространства для последующего логико-гносеологического и прикладного анализа проблемы.

Во-вторых, должны существенно актуализироваться и найти своё «точечное» применение междисциплинарные условия и факторы расширенного воспроизводства, прежде всего корпоративного человеческого капитала. Очевидно, что императив междисциплинарности обусловливается потребностью мобилизации всех элементов

качественной целостности каждой личности, корпоративных и других сообществ для высокоэффективного производства, прежде всего неявного знания, необходимого для создания технологических и иных инноваций. При этом резонно полагать, что в условиях нарастающей синергии хозяйственных отношений, именно неэкономические условия и факторы оказывают всё более значимое влияние на совершенствование человеческого капитала и соответствующие отношения в рамках новой качественной целостности СФП.

В-третьих, высокоэффективная рефлексия новых вызовов и угроз устойчивому социально-экономическому развитию объективно предопределяет необходимость расширенного воспроизводства систем неявного знания как единственного онтологического источника непрерывных, масштабных и, главное, радикальных инноваций. Названное воспроизводство неявного знания, а также его созидательное использование всё в большей степени требует систематизации хозяйственных процессов и формирования релевантных технологических и воспроизводственных целостностей, аккумулированных, прежде всего, в рамках СФП, который закономерно становится именно системной факторной производительностью (новая форма СФП).

В-четвёртых, императивом являются дополнительные исследовательские усилия в направлении таких предметных «полей», как СФП личности, домохозяйства, предприятия, кластера, отрасли, региона, макрорегиона и национального хозяйства в целом. Это обусловлено тем, что эмерджентная эффективность СФП на уровне национального хозяйства всегда есть функция именно системной целостности множества локальных форм. Очевидно, что аналитический «центр тяжести» в данном случае должен формироваться, прежде всего, вокруг наукоёмкого промышленного предприятия как основного звена современной экономики. При этом цифровая трансформация лишь актуализирует данное умозаключение, причём применительно, прежде всего, к малым и средним фирмам, где человеческий капитал является наиболее конвертируемым, одновременно, в создании и ускоренном освоении новейших технологий.

В-пятых, применительно к современной отечественной экономике, особым императивным фактором ускорения процесса наиболее эффективного формирования и использования технологических целостностей в рамках СФП является повышение её конкурентного тонуса посредством, прежде всего, институционального предпринимательства в сфере обеспечения устойчивой защиты прав собственности, утверждения справедливости и последовательного развития гражданских общественных отношений. Сказанное имеет большое значение для отечественного экономического сообщества и, как отмечал в своё время Г. Гегель, «справедливость составляет нечто великое в гражданском обществе: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свободная собственность есть основное условие его блеска» [30, с. 264].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радыгин А.Д., Абрамов А.Е., Чернова М.И. Динамика совокупной факторной производительности экономики и влияющие на неё факторы // Экономическая политика. 2024. №19(3). С. 6-43.

2. Салихов Б.В., Салихова И.С. Анализ последствий импорта неолиберализма для цивилизационной безопасности России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 5. № 5(137). С. 56-71.
3. Хейфец Б.А. Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 104-121.
4. Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории: монография. Москва: Проспект, 2022. 416 с.
5. Бессонова О.Э. Влияние идеологии на выбор институциональной модели России: ретроспектива и прогноз // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 132-146.
6. Леваков П.А., Павлова Н.С. Большие данные как источник рыночной власти цифровых платформ // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 74-91.
7. Дежина И., Егерев С. Технологические скачки: теория и международные ИКТ-практики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 3. С. 6-23.
8. Бессонова Е.В., Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009-2015 гг.) // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 96-119.
9. Зайцев А.А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67-93.
10. Бессонова Е.В., Морозов А.Г., Турдыева Н.А., Цветкова А.Н. Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 98-115.
11. Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 95-119.
12. Дементьев В.Е. Цепочки создания ценности перед вызовами цифровизации и экономического спада // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 68-84.
13. Ружанская Л.С., Кузык М.Г., Симачев Ю.В., Федюнина А.А. Факторы применения сквозных цифровых технологий: вызовы для российских производителей // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 5-29.
14. Стребков Д.О. Влияние искусственного интеллекта на креативные индустрии: страхи и опасения фрилансеров // Вопросы экономики. 2024. № 10. С. 110-128.
15. Мальцев В.В., Юданов А.Ю. Теория фирмы и феномен инкапсуляции знания // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 115-136.
16. Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики // Вопросы экономики. 2023. № 11. С. 5-28.
17. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний. Москва: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. 204 с.
18. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная теория фирмы // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 73-98.
19. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5-32.
20. Салихов Б.В., Салихова И.С. Духовно-нравственные императивы развития современного хозяйства: монография. Москва, Издательство: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. 188 с.
21. Бахтигараева А.И., Ставинская А.А. Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодёжи // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 92-108.
22. Капелюшников Р.И. Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть первая) // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 5-26.
23. Полтерович В.М. Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 33-50.
24. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5-31.

25. Паринов С.И. К конструированию механизмов экономической координации // Вопросы экономики. 2023. № 9. С. 121-138.
26. Студенцов В.Б. О нематериальном культурном капитале // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 131-148.
27. Миронов В.В., Кузнецов А.О. Цифровизация как детерминанта выбора экономической политики: российские реалии и мировой опыт // Вопросы экономики. 2024. № 4. С. 38-70.
28. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. Москва: ЛЕНАНД, 2023. 272 с.
29. Клейнер Г.Б. Системная экономика: шаги развития. Москва: Научная библиотека, 2021. 746 с.
30. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. 524 с.

Информация об авторах
Борис Варисович Салихов – доктор экономических наук, профессор
Ирина Сергеевна Салихова – доктор экономических наук, профессор

REFERENCES

1. Radygin, A.D., Abramov. A.E., Chernova, M.I. (2024). Dynamics of total factor productivity of the economy and factors influencing it // Economic policy. 19(3). 6-43. (In Russ.)
2. Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2023). Analysis of the consequences of the import of neoliberalism for Russia's civilizational security // Economy and Management: Problems, Solutions. Vol. 5. No. 5(137). 56-71. (In Russ.)
3. Kheifets. B.A. (2020). Technological rise of China: new challenges for Russia // Economic issues. 6. 104-121. (In Russ.)
4. Glazyev, S.Yu. (2022). Beyond the horizon of the end of history: monograph. Moscow: Prospect, 416 p. (In Russ.)
5. Bessonova, O.E. (2023). The influence of ideology on the choice of the institutional model of Russia: retrospective and forecast // Economic issues. 1. 132-146. (In Russ.)
6. Levakov, P.A., Pavlova, N.S. (2024). Big data as a source of market power of digital platforms // Social sciences and modernity. 1. 74-91. (In Russ.)
7. Dezhina, I., Egerev, S. (2022). Technological leaps: theory and international ICT practices // Outlines of global transformations: politics, economics, law. Vol. 15, No. 3. 6-23. (In Russ.)
8. Bessonova, E.V. (2018). Analysis of the dynamics of total factor productivity at Russian enterprises (2009-2015) // Economic issues. 7. 96-119. (In Russ.)
9. Zaitsev, A.A. (2016). Cross-country differences in labor productivity: the role of capital, technology level, and natural rent // Economic issues. 9. 67-93. (In Russ.)
10. Bessonova, E.V., Morozov, A.G., Turdyeva, N.A., Tsvetkova, A.N. (2020). Opportunities to accelerate labor productivity growth: the role of small and medium-sized enterprises // Economic issues. 3. 98-115. (In Russ.)
11. Katukov, D.D., Malygin, V.E., Smorodinskaya, N.V. (2019). The factor of creative destruction in modern models and policies of economic growth // Economic issues. 7. 95-119. (In Russ.)
12. Dementyev, V.E. (2021). Value chains facing the challenges of digitalization and economic downturn // Economic issues. 3. 68-84. (In Russ.)
13. Ruzhanskaya, L.S., Kuzyk, M.G., Simachev, Yu.V., Fedyunina, A.A. (2023). Factors in the application of end-to-end digital technologies: challenges for Russian manufacturers // Economic issues. 9. 5-29. (In Russ.)
14. Strebkov, D.O. (2024). The impact of artificial intelligence on creative industries: fears and concerns of freelancers // Economic issues. 10. 110-128. (In Russ.)
15. Maltsev, V.V., Yudanov, A.Yu. (2024). Theory of the firm and the phenomenon of knowledge encapsulation // Economic issues. 1. 115-136. (In Russ.)
16. Abramov, A.E., Dzhaokhadze, E.D., Radygin, A.D., Chernova, M.I. (2023). Total factor productivity of Russian companies: estimates, trends and dynamics factors // Economic issues. 11. 5-28. (In Russ.)
17. Makarov, V.L. (2007). Microeconomics of knowledge. Moscow: ZAO «Izdatelstvo «Ekonomika». 204 p. (In Russ.)
18. Kleiner, G.B. (2021). Intellectual theory of the firm // Economic issues. 1. 73-98. (In Russ.)

19. Gimpelson, V.E., Zudina, A.A., Kapelyushnikov, R.I. (2020). Non-cognitive components of human capital: what do Russian data say // Economic issues. 11. 5-32. (In Russ.)
20. Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. (2022). Spiritual and moral imperatives of development of the modern economy. Monograph // Moscow, Publisher: Moscow University named after S.Yu. Witte, 188 p. (In Russ.)
21. Bakhtigaraeva, A.I., Stavinskaya, A.A. (2020). Can trust become a factor in economic growth? Dynamics of the level of trust among Russian youth // Economic issues. 7. 92-108. (In Russ.)
22. Kapelyushnikov R.I. The concept of cultural evolution of F.A. Hayek and evolutionary psychology (Part One) // Economic issues. 2024. No. 6. Pp. 5-26. (In Russ.)
23. Polterovich V.M. Tolerance, cooperation and economic growth // Economic issues. 2017. No. 11. P. 33-50. (In Russ.)
24. Tambovtsev V.L. Narrative Analysis in Economic Theory as an Ascent to Complexity // Economic issues. 2020. No. 4. P. 5-31. (In Russ.)
25. Parinov S.I. On the Design of Economic Coordination Mechanisms // Economic issues. 2023. No. 9. P. 121-138. (In Russ.)
26. Studentsov V.B. On Intangible Cultural Capital // Economic issues. 2023. No. 5. P. 131-148. (In Russ.)
27. Mironov V.V., Kuznetsov A.O. Digitalization as a Determinant of the Choice of Economic Policy: Russian Realities and World Experience // Economic issues. 2024. No. 4. P. 38-70. (In Russ.)
28. Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N. Economy as a synergetic system. Moscow: LENAND, 2023. 272 p. (In Russ.)
29. Kleiner G.B. Systemic economy: development steps. Moscow: Scientific library, 2021. 746 p. (In Russ.)
30. Hegel G.V.F. Philosophy of law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)

Information about the authors
Boris V. Salikhov – Doctor of Economics, Professor
Irina S. Salikhova – Doctor of Economics, Professor

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 08.06.2025
Поступила после рецензирования 18.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 342.97
JEL: L86, H11

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ОТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Ирина Владимировна Балашова[1]
Анастасия Андреевна Деркач[2]

[1]Краснодарский филиал федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Российская Федерация, 350002, г. Краснодар, ул. Садовая, 17, e-mail: balashova.reu@mail.ru

[2]Краснодарский филиал федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Российская Федерация, 350002, г. Краснодар, ул. Садовая, 17, e-mail: nastyaderkach01@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются этапы эволюции и институционализации электронного (цифрового, онлайн-) правительства в России в сопоставлении с зарубежными практиками. Подчёркивается, что новизна и сложность процессов внедрения требуют научно обоснованных решений и участия профильных специалистов. Рассматриваются модели внедрения и управления, выявляются текущее состояние, ключевые проблемы и тенденции развития. В качестве источников использованы статистические материалы национальной отчётности и показатели индекса развития электронного правительства ООН (EGDI). Показано, что по ряду направлений зафиксирован заметный прогресс, при этом сохраняется разрыв с группой мировых лидеров. С учётом институциональных и правовых различий зарубежных юрисдикций прямое перенесение их решений ограниченно применимо; необходима адаптация подходов с акцентом на минимизацию рисков, повышение эффективности и ответственность. Аргументируется целесообразность концентрации государственной политики на универсальных эффектах для участников взаимодействия и на стратегических перспективах цифровой трансформации публичного управления.

Ключевые слова: индекс развития электронного правительства, электронное правительство, государственное и муниципальное управление, информационно-коммуникационные технологии.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Балашова И.В., Деркач А.А. Развитие электронного правительства в России: от международных стандартов к национальной практике. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 226-237.

UDC 342.97
JEL: L86, H11

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

EVOLUTION OF E-GOVERNMENT IN RUSSIA: FROM INTERNATIONAL STANDARDS TO NATIONAL PRACTICE

Irina Vladimirovna Balashova[1]
Anastasia Andreevna Derkach[2]

[1]Krasnodar Branch of the Federal Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Russian Federation, 350002, Krasnodar, 17 Sadovaya st., e-mail: balashova.reu@mail.ru
[2]Krasnodar Branch of the Federal Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Russian Federation, 350002, Krasnodar, 17 Sadovaya st., e-mail: nastyaderkach01@mail.ru

Abstract. The article examines the evolution and institutionalization of electronic (digital, online) government in Russia in comparison with international practices. The novelty and complexity of implementation are shown to necessitate evidence-based solutions and the involvement of specialized experts. The study reviews implementation and governance models, identifies the current state of development, and highlights key problems and emerging trends. Sources include national statistical reporting and the United Nations E-Government Development Index (EGDI). Findings indicate notable progress in several areas alongside a persistent gap with global leaders. Given institutional and legal differences across jurisdictions, direct transfer of foreign solutions is of limited applicability; context-sensitive adaptation is required with emphasis on risk minimization, efficiency gains, and accountability. The article argues for concentrating public policy on universal benefits for stakeholders and on the strategic prospects of the digital transformation of public administration.

Keywords: e-government development index e-government, state and municipal administration, information and communication technologies.
Financing information: this research received no external funding.
For citation: Balashova, I.V., Derkach, A.A. (2025). Evolution of e-government in Russia: from international standards to national practice. Public administration and law, 2(06), 226-237.

ВВЕДЕНИЕ

Современные техно-социетальные изменения разворачиваются ускоренными темпами: по мере того как индивиды ищут способы повышения повседневного комфорта, государственные институты стремятся синхронизировать свою деятельность с логикой цифровой трансформации. В этой связи формирование цифрового (электронного) правительства стало ключевым этапом как для Российской Федерации, так и для многих стран мира.

Проблематика становления информационного общества последовательно обсуждается в научной литературе. Так, Э. Тоффлер указывает на смену индустриальной парадигмы информационной, центральной характеристикой которой выступают данные и соответствующие технологии. Исследования И. Атайсматова, А.С. Бельченко, Е.Ю. Ивановой, И.С. Любимова и А.В. Теплова фокусируются на институционализации электронного правительства на государственном уровне, тогда как Я.Д. Габазова, Е.А. Петрова и Г.А. Голева анализируют позиционирование Российской Федерации в международных сопоставлениях развития e-government. Отдельный пласт работ (Т.Е. Волгина, Е.Г. Дьякова) акцентирует правовые риски и проблематику нормативного обеспечения электронного взаимодействия государства с гражданами [1, с. 61]. Тем самым формируется устойчивое исследовательское поле,

в рамках которого ведётся предметная дискуссия о моделях и эффектах цифровизации публичного управления.

С начала XXI века наблюдается интенсивное распространение веб-ресурсов органов власти, обусловленное внедрением информационных технологий в основные виды государственной деятельности. Подобные инструменты выступают механизмом оптимизации исполнения публичных функций и снижают транзакционные издержки взаимодействия государства и граждан.

Практика показывает, что после развёртывания соответствующих решений фиксируется улучшение показателей социально-экономического развития и рост удовлетворённости качеством государственных и муниципальных услуг; повышается прозрачность процедур и упрощается доступ граждан к сервисам [2].

В то же время динамика распространения электронного правительства во многих юрисдикциях, включая Россию, остаётся менее быстрой, чем предполагалось. Причина – высокая скорость технологических обновлений: решения, актуальные вчера, быстро теряют релевантность, что создаёт разрыв между циклом разработки и циклом внедрения. Государственные институты сталкиваются с необходимостью постоянной адаптации, которая требует ресурсной и организационной готовности и продуманной регуляторной поддержки. Указанные обстоятельства придают проблематике цифровой трансформации управления межстрановой и долгосрочный характер [1; 2].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование направлено на выявление институциональных и управленческих особенностей интеграции механизмов электронного правительства в систему публичного управления Российской Федерации с опорой на релевантные зарубежные практики. Аналитический фокус смещён к диагностике текущего состояния отечественного e-government и его бенчмаркингу по показателям Индекса развития электронного правительства (EGDI) в сопоставлении с зарубежными юрисдикциями на основе официальных данных ООН.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологический подход сочетает нормативно-документальный анализ архитектуры и регуляторного обеспечения электронного правительства в Российской Федерации (включая государственные программы, описания ключевых платформ – ЕСИА, СМЭВ, ЕПГУ – и сопутствующие регламенты), что позволило идентифицировать институциональную конфигурацию и логику функционирования рассматриваемой системы; контент-анализ профильных публикаций и медийных материалов применён для фиксации практических проблем внедрения и управленческих эффектов цифровизации публичных услуг; эмпирико-статистический блок основан на использовании показателей Индекса развития электронного правительства ООН (EGDI) и его субиндексов (онлайн-услуги, телекоммуникационная инфраструктура, человеческий капитал) в увязке с данными национальной статистики, с интерпретацией методики расчёта и процедур верификации исходных массивов; для позиционирования России в международном поле применён бенчмаркинг по странам-лидерам и анализ ранговых позиций, включая сопоставление локальных онлайн-сервисов (в частности, по показателям Москвы); динамика развития оценивалась посредством анализа временных рядов EGDI за 2013–2023 гг. с расчётом темпов изменения и

выявлением трендов, что обеспечило корректную интерпретацию траекторий роста и участков инерционности; дополнительно выполнена структурно-функциональная декомпозиция подсистем российского e-government (идентификация/аутентификация, межведомственное взаимодействие, витрины услуг, платформенные решения) для сопоставления институциональной архитектуры с наблюдаемыми результатами. В совокупности дизайн носит смешанный сравнительно-аналитический характер и опирается на триангуляцию источников и методов, что повышает надёжность выводов и воспроизводимость исследовательских процедур.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Стремительное нарастание технологических изменений актуализировало необходимость концептуализации электронного правительства, которое в материалах ООН определяется как использование государственными органами ИКТ в публичном управлении для оптимизации и интеграции административных процессов, повышения качества предоставления услуг и расширения коммуникационных каналов, обеспечивающих вовлечение граждан в принятие политических решений [3].

Для результативного функционирования электронного правительства требуется максимально широкое задействование инструментов обработки данных и цифровых платформ, обеспечивающих связность процедур и устойчивость сервисов.

Инициатива развития электронного правительства сформировалась в 1990-е годы и изначально рассматривалась как механизм улучшения управления, способный стимулировать экономический рост, наращивание человеческого капитала и повышение образовательного уровня населения [4, с. 512]. Масштабная автоматизация процессов в большинстве регионов Российской Федерации, сопровождавшаяся сокращением коммуникационных издержек, создала условия для достижения указанных целей; цифровизация управленческих операций повысила скорость, удобство и экономическую эффективность административной деятельности [5, с. 53].

В российском контексте формирование онлайн-правительства призвано было ответить на ряд системных вызовов: укрепление доверия населения к местным органам власти посредством повышения удовлетворённости качеством муниципальных услуг и информированности о деятельности государственных структур, а также преодоление территориальных барьеров в документообороте. Переход к электронным сервисам обеспечил возможность дистанционного и самостоятельного решения значительной части процедур в сжатые сроки [6, с. 22].

Электронное правительство эволюционирует и в настоящее время, концентрируется вокруг следующих базовых направлений развития: онлайн-услуги; электронное администрирование; цифровая (электронная) демократия; виртуальная коммерция [7].

Для корректной оценки новых тенденций и потенциальных рисков внедрения и функционирования электронного правительства в России следует исходить из следующих методологических посылок:

приоритет официальных документов, фиксирующих цели, архитектуру и регламентацию электронного правительства;

систематическое изучение релевантных публикаций средств массовой информации;

аналитическая обработка мас-

сивов международной и национальной статистики, подготовленных профильными специалистами [8, с. 68].

Практическая реализация целевых инициатив. Запуск государственной программы «Информационное общество» на период 2011-2020 гг. выступил отправной точкой формирования единой государственной информационной среды с опорой на ИКТ и, тем самым, дал импульс институционализации онлайн-правительства в Российской Федерации. Приоритет был задан решением комплекса задач, связанных с преодолением «цифрового неравенства», то есть сокращением электронного и технологического разрыва между регионами и социальными группами при гарантии доступности сервисов для всех категорий населения, включая удалённые территории [9, с. 15].

Архитектура электронного правительства и национальной системы онлайн-услуг включает следующие базовые компоненты:

единый портал государственных услуг и функций, рассматриваемый как вершина эволюции российского e-government;

информационную систему головного центра сертификации;

единые системы идентификации и аутентификации, а также межведомственного электронного взаимодействия;

национальную платформу обработки данных [10, с. 33].

Как отмечалось, портал «Госуслуги» занимает центральное место в электронной инфраструктуре по ряду причин:

зарегистрированным пользователям обеспечен оперативный доступ к сведениям об услугах, предоставляемых государственными и муниципальными органами;

в соответствии с регламентами Парламента России и высших исполнительных органов субъектов РФ значительная часть услуг предоставляется в электронном формате;

реализованы механизмы сбора обратной связи о качестве предоставления услуг и оформлении заявлений граждан [11, с. 127].

По данным Министерства цифрового развития, численность зарегистрированных пользователей портала превысила 78 млн человек. Анализ динамики показывает, что за пятилетний период аудитория увеличилась с 12 млн в 2020 г. до 56 млн в 2021 г.; в первый год работы зафиксировано порядка 1,5 млрд обращений. Рост спроса на цифровые сервисы обусловил необходимость оперативного наращивания инфраструктурных мощностей и масштабирования платформенных решений информационного правительства [12, с. 1500].

Одновременно сохраняется устойчивый спрос на офлайн-каналы: сеть многофункциональных центров (МФЦ) остаётся востребованной, поскольку ряд процедур по-прежнему недоступен в дистанционном формате. Для стимулирования использования электронных сервисов предусмотрены экономические механизмы: при безналичном внесении государственной пошлины через портал предоставляется скидка в 30 % [13, с. 242].

Следует учитывать и территориальные особенности цифрового поведения. Несмотря на наличие у крупнейших городов – Москвы и Санкт-Петербурга – локальных порталов, сопоставимых по функционалу с «Госуслугами», доля активных пользователей инструментов электронного правительства в этих агломерациях не максимальна: по сводным оценкам они занимают 13-е и 26-е места соответственно, тогда как лидирующую позицию демонстрирует Приморский край, где около

15 % населения активно пользуется соответствующими сервисами.

Для сопоставления информации и оценки результативности электронного правительства в разных странах сформирован набор рейтинговых инструментов на локальном и глобальном уровнях. Ключевым способом межстранового анализа выступает расчёт Индекса развития электронного правительства (EGDI), разработанного ООН [14, с. 28]. Указанный показатель обеспечивает сопоставимость масштабов и глубины внедрения

e-government по государствам; сбор, обработку и интерпретацию данных осуществляет Департамент по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН. Структура EGDI опирается на три субиндекса: (1) развитие онлайн-услуг; (2) состояние телекоммуникационной инфраструктуры; (3) параметры человеческого капитала [15, с. 25]. Интегральное значение индекса определяется как среднее арифметическое трёх составляющих, что формально выражается зависимостью: EGDI = 1/3 × (субиндекс онлайн-услуг + субиндекс телеком-инфраструктуры + субиндекс человеческого капитала). Диапазон изменения EGDI нормирован от 0 (минимум) до 1 (максимум) [16, с. 6].

Методика расчёта субиндекса онлайн-услуг базируется на агрегировании объёма новых, расширенных и подключённых цифровых сервисов за выбранный период наблюдения. Для субиндекса телекоммуникационной инфраструктуры используются индикаторы обеспеченности персональными компьютерами, доли пользователей интернета, плотности стационарных телефонных линий, числа абонентов мобильной связи и распространённости высокоскоростных подключений [17, с. 81]. Оценка субиндекса человеческого капитала формируется на основе образовательных характеристик населения: весомый вклад (2/3) вносит индекс грамотности, дополнительно учитывается 1/2 индекса охвата общим образованием [18, с. 208]. Совокупные результаты по субиндексам позволяют проследить траектории развития цифрового правительства как в Российской Федерации, так и в международной выборке. На основе открытых массивов ООН в области образования, науки и культуры сформированы расчёты, представленные в таблице 1, для визуализации динамики подготовлена диаграмма (рисунок 1).

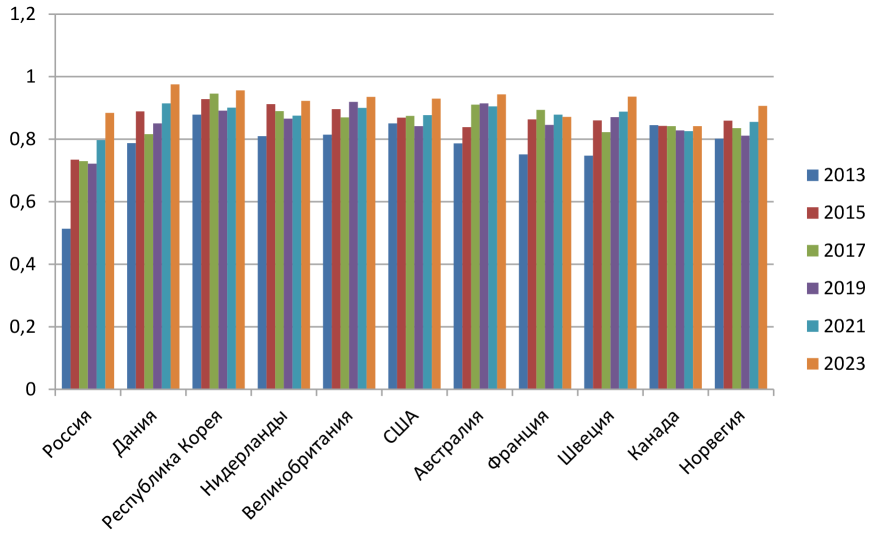

Рисунок 1. Значение индекса развития электронного правительства в 2013-2023 гг.
Figure 1. The value of the e-government Development Index in 2013-2023

Таблица 1. Индекс развития электронного правительства стран по оценке ООН за 2013-2023 гг.
Table 1. The UN E-Government Development Index for 2013-2023

Страна	Значение индекса					
	2013	2015	2017	2019	2021	2023
Россия	0,5136	0,7345	0,7296	0,7215	0,7969	0,8844
Дания	0,7872	0,8889	0,8162	0,851	0,9150	0,9758
Республика Корея	0,8785	0,9283	0,9462	0,8915	0,9010	0,9560
Нидерланды	0,8097	0,9125	0,8897	0,8659	0,8757	0,9228
Великобритания	0,8147	0,8960	0,8695	0,9193	0,8999	0,9358
США	0,8510	0,8687	0,8748	0,8420	0,8769	0,9297
Австралия	0,7863	0,8390	0,9103	0,9143	0,9053	0,9432
Франция	0,7510	0,8635	0,8938	0,8456	0,8790	0,8718
Швеция	0,7474	0,8599	0,8225	0,8704	0,8882	0,9365
Канада	0,8448	0,843	0,8418	0,8285	0,8258	0,8420
Норвегия	0,8020	0,8593	0,8357	0,8117	0,8557	0,9064

Интерпретация результатов таблицы 1 и рисунка 1 свидетельствует, что лидирующую позицию в рейтинге EGDI занимает Дания, продемонстрировавшая прирост порядка 24 %. В большинстве проанализированных юрисдикций динамика носит волнообразный характер; исключением является Франция, где зафиксировано снижение на 1 %. Канада сохраняет высокое положение при относительной стабильности временного ряда показателей. Указанные наблюдения согласуются с выявленными ранее тенденциями и дополняют картину сравнительного развития электронного правительства [14-18].

В отношении Российской Федерации фиксируется существенное улучшение интегрального показателя: за последние годы его значение выросло на 60,5 %. Отдельно отмечается скачок 2015 года, когда благодаря продвижению в сфере онлайн-правительства страна поднялась в глобальном рейтинге с 59-й на 27-ю позицию [19, с. 124].

За рассматриваемый период дистанция между Россией и группой лидеров по уровню развития электронного правительства сократилась примерно в 1,5 раза, что указывает на ускоренную конвергенцию с передовыми практиками.

По актуальным оценкам, Россия занимает 36-е место из 193 стран по уровню развития электронных услуг; значения субиндексов составляют: онлайн-услуги – 0,81; телекоммуникационная инфраструктура – 0,7723; человеческий капитал – 0,8833. Первые два компонента продемонстрировали рост в 2-2,5 раза, тогда как показатель человеческого капитала снизился примерно в 1,5 раза [20, с. 30].

Постановлением Правительства Российской Федерации ПАО «Ростелеком» определено единственным исполнителем работ по развитию инфраструктуры электронного правительства на 2025-2026 гг. Содержательно речь идёт о комплексе мероприятий в интересах Минцифры, направленных на модернизацию инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие государственных информационных систем, применяемых при предоставлении государственных и му-

ниципальных услуг и исполнении государственных и муниципальных функций в электронной форме. Одновременно установлена возможность привлечения субподрядных организаций, при условии, что «Ростелеком» выполнит собственными силами не менее 5 % совокупного стоимостного объёма обязательств.

В 2024 г. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН представил очередной доклад с ранжированием прогресса цифрового правительства для 193 государств. В документе отмечены существенные сдвиги в развитии e-government практически во всех юрисдикциях, а также наращивание инфраструктурных возможностей, необходимых для дальнейшего внедрения цифровых решений. В обновлённой версии рейтинга Россия расположилась на 43-й позиции (в предыдущем отчёте – 42-е место). Лидирующую тройку формируют Дания (1-е место), Эстония (2-е) и Сингапур (3-е). Соединённые Штаты занимают 19-ю позицию, Китай – 35-ю.

В рамках данного исследования проводился анализ городов мира по индексу локальных онлайн-услуг. Единственным городом России, который попал в этот рейтинг, стала Москва, расположившись на 16 месте. Разделив позицию вместе с Боготой (Колумбия) и Веной (Австрия). Первые строчки рейтинга заняли Таллинн и Мадрид, третье место занял Эр-Рияд, четвёртую позицию делят Копенгаген, Дубай и Нью-Йорк.

Расчёт данного рейтинга претерпел ряд изменений. Индекс OSI традиционно рассчитывался на базе пяти подиндексов, однако новый расчёт ориентируется на 183 вопроса, а не на 148, как это было в прошлом.

Компонент «Человеческий капитал» теперь включает новый подиндекс «Грамотность в области электронного правительства».

Третий компонент «Телекоммуникационная инфраструктура» также подвергся изменениям. Показатель «Абоненты фиксированной широкополосной связи» заменили на «Ценовая доступность».

Также изменения затронули «Индекс местных онлайн-услуг» и «Цифровую инклюзивность». В первом случае количество показателей для оценки увеличилось с 86 до 95, во втором случае ввели новый показатель «Грамотность в области электронного правительства».

Обобщая представленные результаты, следует отметить устойчивую положительную динамику показателей Российской Федерации при наличии отдельных колебаний по годам. Внутристрановой прогресс прослеживается достаточно отчётливо, однако в международном сравнении сохраняется дистанция до группы лидеров, что подтверждает нерешённость задачи ускоренного развития электронного правительства и поддерживает значимость рассматриваемой проблематики.

К ключевым затруднениям внедрения e-government в России относятся: дублирование функций и недостаточная согласованность деятельности государственных учреждений; фрагментарность и пробелы в нормативно-правовом регулировании онлайн-взаимодействия; ориентация исключительно на лицензированное программное обеспечение без достаточной гибкости технологической политики; риски компрометации персональных данных; социальное неравенство, обусловленное дефицитом базовых цифровых навыков у части граждан; ограниченность развития информационно-коммуникационной инфраструктуры; невысокая распространённость усиленной электронной подписи; смещение управленческого фокуса на метрики,

влияющие преимущественно на внешние рейтинги; дефицит кадровых ресурсов в области внедрения и мониторинга электронного правительства; существенные затраты на ИКТ при умеренных темпах реального прогресса; повышенные тарифы мобильной связи; низкий уровень доверия населения к государственным институтам; замедление прироста интернет-аудитории вследствие неполного покрытия территорий и демографической структуры с высокой долей пожилого населения [21, с. 21].

Исходя из перечисленного, проблемное поле целесообразно агрегировать по шести блокам: психологическому, техническому, правовому, управленческому, инфраструктурному и финансовому [22, с. 84].

ВЫВОДЫ

Суммируя результаты проведённого анализа, следует констатировать, что Российская Федерация пока не готова к выходу на лидирующие позиции в глобальных рейтингах по уровню развития электронного правительства. Для достижения целевых ориентиров необходимо сконцентрировать усилия по следующим направлениям:

обеспечить достаточную финансовую готовность властей к реализации соответствующих программ;

детально проработать правовые механизмы предоставления электронных услуг населению, что позволит увеличить пользовательскую базу за счёт повышения доверия и удовлетворённости граждан.

В международной перспективе Россия демонстрирует положительные эффекты от цифровизации публичного управления, однако по ряду критериев сохраняет отставание вследствие структурных ограничений. Устранение выявленных дефицитов позволит вывести систему электронных государственных и муниципальных услуг на качественно новый уровень. Для этого требуется повышение цифровых компетенций как у специалистов, так и у широких групп населения, а также формирование чёткой нормативной базы развития электронного правительства, определяющей права и обязанности физических и юридических лиц.

Одновременно государство формирует новые контуры управления под влиянием прогрессивных ИИ-технологий, расширяющих регламент и возможности передовых цифровых инструментов. Искусственный интеллект представляет собой комплекс разработок, создаваемых человеком и задающих вектор эволюции цифровой экономики. Эффективная работа с такими системами предполагает координацию усилий, иначе возрастает риск дублирования функций, фрагментации результатов и нерационального расходования ресурсов. Особое значение имеет соблюдение норм и законодательства о защите информации при обращении с конфиденциальными данными.

Интеграция ИИ в цифровую экономику ведёт к следующим изменениям:

оптимизация регуляторных процессов;

максимизация продуктивности;

сокращение избыточности.

Подобный вектор способствует укреплению цифрового управления, стимулирует инновации и обеспечивает защиту общественных интересов. В то же время внедрение разрозненных, автономных решений по управлению ИИ может породить встречные эффекты – замедление технологического развития, рост операционных издержек и потенциальные юридические коллизии.

Современные условия требуют от государств выверенного регулирования ИИ-технологий, инвестиций в наращивание их потенциала

и повышения цифровой грамотности. Для наиболее развитых юрисдикций эффективным инструментом выступают нормативные «песочницы», позволяющие оперативно реагировать на меняющиеся условия и управлять рисками, обеспечивая поэтапное и безопасное внедрение инноваций. Странам с ограниченной инфраструктурой первоочерёдно необходимы подготовка кадров и просвещение населения в сфере ИИ. При этом внедрение должно носить целостный характер, а не распадаться на изолированные проекты отдельных ведомств, чтобы синхронизировать спрос и предложение и поддерживать устойчивый рост сектора ИИ.

Важно обеспечить инклюзивную, демократически легитимную основу участия регионов в глобальном диалоге по вопросам ИИ. Роль международных институтов – заложить фундамент для высокоцифрового мира, разработав стратегии, адаптируемые к уровню технологической зрелости каждой страны. Параллельно целесообразно системно учитывать мировой опыт развития электронного правительства: заимствования должны опираться на успешные практики других государств с их последующей адаптацией к российским политико-административным условиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурденко Е.В. Модели электронного правительства // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 59-76.

2. Дворецкий А.А. Электронное правительство в современной России: инфраструктурные проблемы и пути их решения // Russian Journal of Economics and Law, 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-v-sovremennoy-rossii-infrastrukturnye-problemy-i-puti-ih-resheniya.

3. United Nations E-Government Surveys 2023: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development // Department of Economic 36 Administrative Consulting. Volume 7. Issue 3(15) and Social Affairs. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2023Survey/2023%20UN%20E-Government%20Survey%23(Full%23Report).pdf.

4. Кобелева Л.С., Черных А.Б. Роль цифровой экономики в социально-экономическом развитии территории России // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: материалы VI Междунар. науч. интернет-конф., 14-17 июня 2022 г. / отв. ред. С.В. Теребова. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. С. 510-516.

5. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 192 с.

6. Лолаева А.С. Место электронного правительства в системе государственного управления // Право и политика. 2022. № 2. С. 19-29. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37511 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37511.

7. Петрова В. Электронному правительству РФ не хватило онлайна // Коммерсантъ. 2022. 11 октября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5607129.

8. Аношина А.С. Электронное правительство в России: реализация и перспективы развития // Экономика нового мира, 2020. Т. 5, № 1-2(17). С. 62-69.

9. Глазьев С.Ю. Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России, 2021. № 3(69). С. 14-19.

10. Искандарова Н.С. Проблемы и тенденции развития электронного правительства Российской Федерации. Новизна // Эксперимент. Традиции. 2021. № 7(3). С. 27-36.

11. Дэвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику. Преимущества и сложности. Москва: Альпина Паблишер, 2021. 320 с.

12. Макушова О.М. Положительный опыт и проблемы функционирования электронного правительства в России // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 3. С. 1495-1508.
13. Ямзина С.А., Колмогоров М.В., Оганесян С.М. Правовой анализ электронного правительства в Российской Федерации // Социология и право. 2023. № 15(2). С. 240-246. https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-240-246.
14. Малик Е.Н., Шедий М.В., Пикалов Б.В. «Электронное правительство» как интегративная платформа предоставления государственных услуг // Управленческое консультирование. 2020. № 9. С. 19-30. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-9-19-30.
15. Кожевина А.А. Электронное правительство в Российской Федерации: состояние, перспективы, угрозы // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2020. № 6(2). С. 21-28.
16. Архирейская Т.Ю., Торопчина Т.Ю. Электронное правительство в Российской Федерации: эволюция развития // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии, 2020. № 4. С. 5-9.
17. Ирхин Ю.В. Электронное правительство и общество: Мировые реалии и Россия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 73-82.
18. Кузьмин А.В., Грызунова Е.В., Смирнова Е.М. Цифровые технологии в правовой сфере // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 207-213.
19. Касимов Т.С. Теоретико-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1(62). С. 122-130.
20. Полыгалова А.С. К вопросу о понятии «электронное государство» // Трансформация права в информационном обществе: материалы III Всерос. науч.-практ. форума молодых учёных и студентов, 26 ноября 2020 г. / отв. ред. О.А. Пучков. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. С. 29-34.
21. Лолаева А.С. Электронное правительство в России: перспективы дальнейшего развития // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 19-22.
22. Шклярук М.С. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления. Москва: РАНХиГС, 2020. 84 с.

Информация об авторах
Ирина Владимировна Балашова – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой корпоративного и государственного управления
Анастасия Андреевна Деркач – студентка кафедры корпоративного и государственного управления

REFERENCES

1. Burdenko, E.V. (2023). Models of e-government. Issues of innovative economy, 13(1), 59-76. (In Russ.)
2. Dvoretsky, A.A. (2020). E-government in modern Russia: infrastructural problems and solutions. Russian Journal of Economics and Law, 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnoe-pravitelstvo-v-sovremennoy-rossii-infrastrukturnye-problemy-i-puti-ih-resheniya. (In Russ.)
3. United Nations (2023). UN E-Government Survey 2023: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development. Department of Economic and Social Affairs. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2023Survey/2023%20UN%20E-Government%20Survey%23%20(Full%23Report).pdf.
4. Kobeleva, L.S., Chernykh, A.B. (2022). The role of the digital economy in the socio-economic development of Russian regions. Problems and prospects of scientific and technological space development: Proc. VI Int. Scientific Internet Conf., June 14-17, 2022. Vologda: VolRC RAS, pp. 510-516. (In Russ.)
5. Styrin, E.M., Dmitrieva, N.E. (2021). Government digital platforms: formation and development. Moscow: NRU HSE, 192 p. (In Russ.)

6. Lolaeva, A.S. (2022). The place of e-government in the system of public administration. Law and politics, 2, 19-29. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.2.37511. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37511. (In Russ.)
7. Petrova, V. (2022, October 11). E-government in Russia lacked online. Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5607129. (In Russ.)
8. Anoshina, A.S. (2020). E-government in Russia: implementation and development prospects. The economy of the new World, 5(1-2), 62-69. (In Russ.)
9. Glazyev, S.Yu. (2021). Strategic planning as an integrative element in the development management system. Экономическое возрождение России, 3(69), 14-19. (In Russ.)
10. Iskandarova, N.S. (2021). Problems and trends in the development of e-government of the Russian Federation. Novelty. Experiment. Traditions, 7(3), 27-36. (In Russ.)
11. Davenport, T. (2021). Artificial intelligence implementation in business practice: Benefits and challenges. Moscow: Alpina Publisher, 320 p. (In Russ.)
12. Makushova, O.M. (2020). Positive experience and problems of e-government functioning in Russia. Issues of innovative economy, 10(3), 1495-1508. (In Russ.)
13. Yamzina, S.A., Kolmogorov, M.V., Oganesyan, S.M. (2023). Legal analysis of e-government in the Russian Federation. Sociology and Law, 15(2), 240-246. DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-240-246. (In Russ.)
14. Malik, E.N., Shediy, M.V., Pikalov, B.V. (2020). «E-government» as an integrative platform for providing public services. Management consulting, 9, 19-30. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-9-19-30. (In Russ.)
15. Kozhevina, A.A. (2020). E-government in the Russian Federation: state, prospects, threats. Novelty. Experiment. Traditions, 6(2), 21-28. (In Russ.)
16. Arkhireyskaya, T.Yu., Toropchina, T.Yu. (2020). E-government in the Russian Federation: development evolution. Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy, 4, 5-9. (In Russ.)
17. Irkhin, Yu.V. (2020). E-government and society: Global realities and Russia. Sociological research, 1, 73-82. (In Russ.)
18. Kuzmin, A.V., Gryzunova, E.V., Smirnova, E.M. (2022). Digital technologies in the legal sphere. Sociology and Law, 14(2), 207-213. (In Russ.)
19. Kasimov, T.S. (2020). Theoretical and legal aspects of the digital state and e-government. The rule of law: theory and practice, 4-1(62), 122-130. (In Russ.)
20. Polygalova, A.S. (2020). On the concept of «electronic state». Transformation of law in the information society: Proc. III All-Russian Forum of Young Scientists and Students, Nov 26, 2020. Ekaterinburg: Ural State Law University, pp. 29-34. (In Russ.)
21. Lolaeva, A.S. (2021). E-government in Russia: prospects for further development. Constitutional and municipal law, 10, 19-22. (In Russ.)
22. Shklyaruk, M.S. (2020). Competence model of the digital transformation team in the system of public administration. Moscow: RANEPA, 84 p. (In Russ.)

Information about the authors
Irina V. Balashova – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Corporate and Public Administration
Anastasia A. Derkach – student of the Department of Corporate and Public Administration

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 08.06.2025
Поступила после рецензирования 18.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 338.24
JEL: L86, H11

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Анна Дмитриевна Резвая[1]
Ольга Леонидовна Ким[2]
Марина Анатольевна Татарникова[3]

[1]Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Российская Федерация, 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10, e-mail: anitfrolic@gmail.com

[2]Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Российская Федерация, 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10, e-mail: ol_kim@hotmail.com

[3]Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», Российская Федерация, 196605, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10, e-mail: tatarnikovamarin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы развития электронного правительства и цифровой трансформации государственного управления в России. Особое внимание уделено сравнительному анализу региональных практик, в частности опыта Москвы, Тулы и Санкт-Петербурга, где были достигнуты различные результаты в области цифровой зрелости. Методологическая основа исследования включает сравнительный и системный анализ, метод кейс-стади, а также контент-анализ нормативно-правовой базы и стратегических документов. Такой подход позволил выявить достижения регионов, проблемы внедрения цифровых сервисов, а также барьеры, связанные с дефицитом ИТ-специалистов, ограниченной инфраструктурой и неоднородным уровнем цифровой грамотности населения. В работе уточнена роль федеральных и региональных программ в формировании цифровой среды, показано завершение национального проекта «Цифровая экономика» (2019-2024 гг.) и обозначены перспективы реализации нового проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025-2030 гг.). Научная новизна статьи заключается в сопоставительном региональном анализе, выявлении лучших практик цифровизации и определении факторов, препятствующих дальнейшему развитию. Сделан вывод о необходимости интеграции региональных инициатив в федеральные программы, а также о значении человекоцентричного подхода, предполагающего удобство, доступность и открытость цифровых сервисов для всех категорий граждан.

Ключевые слова: электронное правительство (e-Government), цифровизация государственных услуг, развитие информационных технологий, бережливое правительство, умный город, информационные технологии, цифровая трансформация, информационные компьютерные технологии, цифровая зрелость, открытое управление.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Резвая А.Д., Ким О.Л., Татарникова М.А. Оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственного управления. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 238-251.

UDC 338.24
JEL: L86, H11

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

EVALUATION OF PERFORMANCE RESULTS E-GOVERNMENT AND DIGITALIZATION PUBLIC ADMINISTRATION

Anna Dmitrievna Rezvaya[1]
Olga Leonidovna Kim[2]
Marina Anatolyevna Tatarnikova[3]

[1]State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region «Leningrad State University named after A.S. Pushkin», Russian Federation, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe highway, 10, e-mail: anitfrolic@gmail.com
[2]State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region «Leningrad State University named after A.S. Pushkin», Russian Federation, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe highway, 10, e-mail: ol_kim@hotmail.com
[3]State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region «Leningrad State University named after A.S. Pushkin», Russian Federation, 196605, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe highway, 10, e-mail: tatarnikovamarin@mail.ru

Abstract. The article examines the development of e-government and the digital transformation of public administration in Russia. Particular attention is paid to the comparative analysis of regional practices, focusing on the cases of Moscow, Tula, and Saint Petersburg, where different levels of digital maturity have been achieved. The methodological basis of the study combines comparative and systemic analysis, case study, and content analysis of regulatory and strategic documents. This approach made it possible to identify regional achievements, challenges in the implementation of digital services, and barriers related to the shortage of IT specialists, limited technological infrastructure, and heterogeneous levels of digital literacy among the population. The study clarifies the role of federal and regional programs in shaping the digital environment, highlights the completion of the national project "Digital Economy" (2019-2024), and outlines the prospects for the new project "Data Economy and Digital Transformation of the State" (2025-2030). The scientific novelty of the article lies in the comparative regional analysis, the identification of best practices in digitalization, and the definition of factors that hinder further development. The findings emphasize the necessity of integrating regional initiatives into federal programs and underline the importance of a human-centered approach that ensures the convenience, accessibility, and openness of digital services for all categories of citizens.

Keywords: e-Government, digitalization of public services, information technology development, lean government, smart city, information technology, digital transformation, ICT, digital maturity, open governance.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Rezvaya, A.D., Kim, O.L., Tatarnikova, M.A. (2025). Evaluation of performance results e-government and digitalization public administration. Public administration and law, 2(06), 238- 251.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных технологий сегодня играет ключевую роль в жизни современного общества. Практика ведущих государств мира показывает, что перевод государственных услуг в электронный формат даёт значительные преимущества как гражданам, так и государству. Именно для этого создаётся система электронного правительства.

С ускорением развития цифровых технологий растёт и востребованность электронного взаимодействия во всех сферах де-

ятельности органов власти. Актуальность внедрения электронного правительства на региональном уровне подтверждается постоянной динамикой изменений в социально-экономической и технологической сферах [24, с. 84].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является оценка результатов функционирования электронного правительства и цифровизации государственного управления в России на федеральном и региональном уровнях.

Для достижения цели поставлены задачи: 1) проанализировать ключевые этапы цифровизации в России; 2) сравнить результаты реализации электронного правительства в Москве, Туле и Санкт-Петербурге; 3) выявить основные достижения и проблемы; 4) определить направления развития в условиях нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025-2030).

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическая основа исследования построена на сочетании общенаучных и специальных методов анализа. Прежде всего был использован сравнительный метод, позволивший сопоставить опыт реализации проектов цифрового государства и электронного правительства в разных регионах России – в Москве, Тульской области и Санкт-Петербурге. Такой подход дал возможность выявить как успешные практики, так и характерные трудности внедрения цифровых сервисов. Важным инструментом выступил контент-анализ нормативно-правовых актов и стратегических документов, включая федеральные национальные проекты и региональные программы цифровой трансформации. Это позволило реконструировать институциональную рамку цифровизации и отследить её динамику в разные годы. Применялся также метод кейс-стади (case study): каждый из рассмотренных регионов анализировался как отдельный кейс, что обеспечило детализацию результатов и позволило сделать выводы о региональной специфике. Для выявления тенденций и обобщения результатов использовался метод системного анализа, обеспечивший целостное представление о взаимодействии федерального и регионального уровней цифровизации. В дополнение был задействован метод аналогии, который помог соотнести российский опыт с международными практиками электронного правительства.

Таким образом, совокупность использованных методов обеспечила комплексное рассмотрение предмета исследования: от анализа нормативной базы и стратегических инициатив до сравнительного изучения практических результатов их реализации в регионах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Электронное правительство – это современная модель взаимодействия между государством, населением и бизнесом, при которой минимизируется необходимость личного контакта. Оно охватывает такие сферы, как социальное обеспечение (Фонд социального страхования, Пенсионный фонд, миграционная служба), юриспруденция (адвокатура, нотариат, суды), экономика (налоговая система, финансы, бюджет), культура (образование, наука), здравоохранение и местное самоуправление (например, сфера ЖКХ) [10, с. 38; 23. с. 14].

Экосистема электронного правительства представляет собой комплекс организационных, правовых и управленческих механизмов, направленных на упрощение взаимодействия между гражданами, организациями и государственными структурами с использованием

цифровых технологий [6, 10, 15, 22].

Суть электронного правительства заключается в управлении государственными процессами с помощью информационно-коммуникационных технологий, а также в предоставлении публичных услуг всем категориям граждан через электронные каналы.

К основным задачам электронного правительства относятся:

– оптимизация и упрощение процедуры получения государственных услуг для граждан и бизнеса;

– расширение возможностей для самостоятельного взаимодействия граждан с государством;

– повышение уровня цифровой грамотности и квалификации населения;

– обеспечение более активного участия граждан в управлении страной;

– снижение зависимости от территориального расположения при получении услуг.

По классификации, предложенной Акаткиным и Ясиновской и транслируемой Макушовой О.М. [21, с. 1496-1498], а также по мнению Кулькаева Г.А. и др. [15, с. 10-15] существует четыре основные модели внедрения электронного правительства.

Континентально-европейская модель характерна для стран Европейского союза, таких как Германия, Франция и Испания. Несмотря на то, что система электронного взаимодействия в каждой из этих стран имеет свои особенности, они объединены рядом общих черт. Это обусловлено влиянием наднациональных структур, таких как ООН и ЕС, что способствует формированию единого правового и информационного пространства. Электронное правительство в этих странах должно соответствовать директивам Европейского парламента, а его основное назначение – служить интересам граждан.

Англо-американская модель применяется в США, Великобритании и Канаде. Её ключевая особенность – создание масштабных информационных систем, которые разделяют цифровые сервисы для различных целевых аудиторий: граждан, предпринимателей и государственных служащих. Основной задачей является оптимизация работы государственных органов. Однако также уделяется внимание расширению перечня госуслуг, упрощению доступа к ним, активному вовлечению населения в государственные процессы и обеспечению открытости деятельности власти.

Азиатская модель существенно отличается от западных. В странах Азии акцент делается не столько на удобство для пользователей, сколько на технологическое развитие самой системы. При этом подход ориентирован на культурные и управленческие особенности региона. Электронное правительство здесь рассматривается как средство технологического прорыва и укрепления позиций страны как инновационного лидера, нежели как инструмент гражданского участия.

Российская модель является относительно новой. Её основное назначение – повышение эффективности государственного управления, улучшение работы экономики и обеспечение прозрачности деятельности органов власти. На сегодняшний день трудно дать окончательное определение данной модели, так как она всё ещё находится в стадии становления и активной трансформации. Тем не менее, в России уже внедрён обширный перечень электронных и муниципальных услуг, и процесс цифровизации продолжается достаточно интенсивно. Сотрудники государственных структур также всё ак-

тивнее используют цифровые инструменты в своей повседневной работе [21, с. 1497].

Внедрение электронного правительства в России проходило через несколько ключевых этапов на федеральном уровне:

– Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010): целью программы была цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг, а также уменьшение разрыва в уровне информатизации между различными государственными ведомствами. Однако к 2010 году программа не достигла поставленных целей: многие ключевые показатели остались невыполненными, и из запланированных 77 млрд рублей было израсходовано лишь 20,8 млрд рублей. В 2011 году Генеральная прокуратура РФ выявила факты хищения бюджетных средств [27; 11];

– Государственная программа «Информационное общество (2012-2030): запущенная в 2012 году программа направлена на повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России и развитие различных сфер общества через совершенствование системы государственного управления. В 2019 году, учитывая достигнутые успехи, действие программы было продлено до 2024 года, а в 2022 году – до 2030 года, с увеличением финансирования до 2 трлн рублей [28];

– наиболее актуальным проектом на федеральном уровне является национальный проект «Цифровая экономика» (2019-2024). В его рамках реализуется ключевая инициатива – «Цифровое государственное управление», направленная на повышение качества жизни граждан и обеспечение национальной безопасности путём активного внедрения цифровых технологий в экономику и социальную сферу [3].

На региональном уровне цифровизация государственного управления также активно развивается. Концепция электронного правительства на региональном уровне предполагает поэтапное внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в деятельность органов государственной власти и местного самоуправления (рисунок 1).

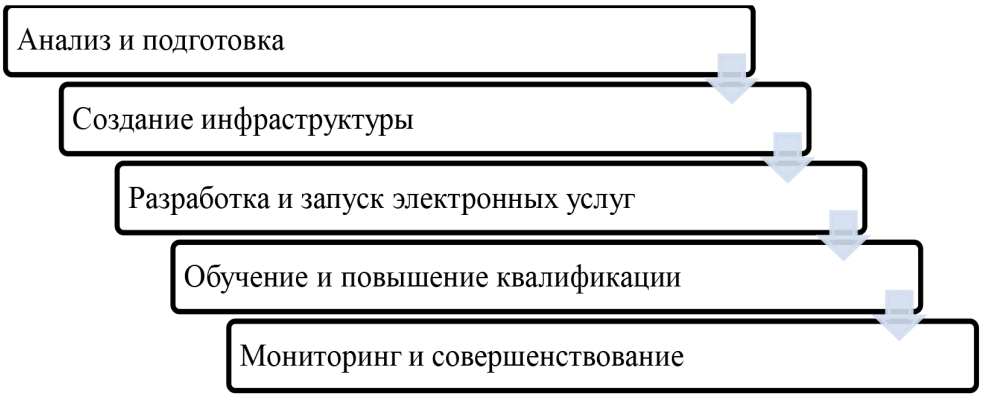

Рисунок 1. Этапы реализации концепции электронного правительства на региональном уровне [составлено авторами]
Figure 1. Stages of implementation of the e-government concept at the regional level [compiled by the authors]

Субъекты РФ участвуют в реализации государственных программ и национальных проектов, а также разрабатывают собственные региональные программы цифровой трансформации. Однако уровень активности и успеха этих инициатив варьируется (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ региональных кейсов цифровизации государственного управления [составлено авторами]
Table 1. Comparative analysis of regional cases of digitalization of public administration [compiled by the authors]

Регион	Достигнутые результаты	Проблемы / барьеры	Особенности
Москва	Комплексная концепция «Умного города», развитая цифровая инфраструктура, активное вовлечение граждан	Высокие затраты, цифровое неравенство среди групп населения	Лидер по масштабам
Тульская область	Высокая цифровая зрелость, проект «Арсенал услуг», внедрение «Умных городов»	Ограниченность ресурсов на поддержку инноваций	Пилот по цифровой зрелости
Санкт-Петербург	«Наш Санкт-Петербург», цифровизация здравоохранения, транспортной сферы	Разнородность реализации программ по районам, дефицит кадров	Устойчивый прогресс

Так, в Санкт-Петербурге до 2020 года действовала «Концепция информатизации Санкт-Петербурга до 2020 года», направленная на повышение эффективности органов исполнительной власти и улучшение качества жизни населения через внедрение информационных технологий. Хотя концепция фокусировалась на цифровой реформе региональных органов власти, в ней также предусматривались мероприятия по преобразованию Санкт-Петербурга в «умный город», включая создание системы взаимодействия граждан и бизнеса через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ), внедрение электронных медицинских карт и цифровизацию транспортной сферы. Санкт-Петербург демонстрирует устойчивый прогресс в направлении цифровизации государственного управления, превращаясь в один из ведущих регионов России по внедрению электронного правительства. Интеграция современных информационно-коммуникационных технологий в систему предоставления государственных и муниципальных услуг позволила значительно повысить доступность, прозрачность и удобство взаимодействия граждан с органами власти. Электронная подача документов, онлайн-сервисы, мобильные приложения и портал «Наш Санкт-Петербург» стали неотъемлемыми элементами городской цифровой среды, обеспечивая круглосуточный доступ к услугам вне зависимости от географического положения. Одновременно с этим в городе активно развивается система обратной связи, в рамках которой обрабатываются обращения граждан и обеспечивается оперативное реагирование на возникающие проблемы. Постепенный переход от традиционных бумажных процессов к полноформатному электронному документообороту стал основой для повышения эффективности исполнительной власти и снижения административной нагрузки [15, 22].

Одним из наиболее успешных регионов России по внедрению электронного правительства является Тульская область. В 2021

году регион занял первое место по уровню цифровой зрелости, продемонстрировав высокий уровень интеграции цифровых решений в государственное управление. Особое внимание уделяется обратной связи с гражданами – с момента запуска Платформы обратной связи (ПОС) в конце 2020 года через неё поступило почти 30 тысяч обращений, а к системе подключено большинство органов власти и учреждений социальной сферы. Региональная сеть МФЦ охватывает все муниципалитеты и обеспечивает почти стопроцентную доступность услуг по принципу «одного окна». В 2022 году Тульская область полностью перевела социально значимые услуги в электронный формат, сделав их доступными через Единый портал госуслуг. Для удобства граждан разработан программный комплекс «Арсенал услуг», включающий сервисы для записи к врачу, подачи жалоб, доступа к школьной информации и записи на приём в МФЦ. С 2019 года в Туле и Новомосковске реализуется проект «Умные города», направленный на улучшение качества городской среды за счёт цифровых технологий. В рамках проекта внедрена интеллектуальная транспортная система, умные светофоры, пешеходные переходы, информационные табло на остановках, а также инновационные решения в сфере ЖКХ – умные счётчики и домофоны с возможностями видеонаблюдения и экстренного вызова служб. Этот опыт демонстрирует, как региональная цифровизация может значительно повысить качество жизни населения и эффективность управления городской инфраструктурой [6, 29].

Самым продвинутым регионом России в сфере цифровизации, безусловно, является Москва – столица страны и один из крупнейших мегаполисов мира. Здесь уже не просто внедряются отдельные электронные сервисы – реализуется масштабная и комплексная концепция «умного города», которая охватывает все сферы жизни: от транспорта и ЖКХ до образования, здравоохранения и безопасности. Власти Москвы ставят перед собой амбициозную задачу – сделать город максимально удобным, технологичным и ориентированным на потребности людей. В городе действует огромное количество цифровых платформ и сервисов, с помощью которых горожане могут взаимодействовать с властью и получать государственные услуги в любое время суток, не выходя из дома. Запись к врачу, получение справок, оформление документов, подача жалоб – всё это реализуется через электронные каналы. Особенно значимыми проектами стали портал «Наш город» и мобильное приложение «Моя Москва», благодаря которым жители могут в несколько кликов сообщить о проблеме в доме, дворе или районе и проконтролировать, как её решают. Городская инфраструктура также стремительно модернизируется. Интеллектуальные транспортные системы, «умные» светофоры, видеонаблюдение, управление потоками движения на основе данных в реальном времени – всё это позволяет не только снизить заторы, но и повысить уровень безопасности на дорогах. Повсеместное подключение к высокоскоростному интернету и расширение бесплатных Wi-Fi-зон делают город доступным в цифровом смысле практически на каждом шагу. Важно, что концепция «умного города» в Москве включает и элементы открытого управления. Граждане участвуют в жизни города, оставляют отзывы, голосуют за благоустройство, получают объективную информацию о работе органов власти. Москва служит ориентиром для других регионов страны в области цифровой трансформации,

демонстрируя, как продуманное использование технологий может сделать город не просто удобным, а по-настоящему живым, гибким и дружественным для своих жителей [22, 25].

Процесс внедрения электронного правительства в Российской Федерации является масштабной и стратегически значимой задачей, реализация которой в региональном разрезе сопровождается рядом объективных трудностей. Наиболее серьёзные проблемы связаны с ограниченностью бюджетных ресурсов, недостаточным уровнем развития технической инфраструктуры и дефицитом квалифицированных специалистов в сфере информационно-коммуникационных технологий. В ряде субъектов отсутствуют целостные региональные стратегии цифровизации, что препятствует формированию единого управленческого курса. Кроме того, внедрение инноваций осложняется высоким уровнем бюрократизации, институциональной инертностью и нежеланием отдельных структур отказаться от устоявшихся, но уже неэффективных управленческих процедур. Существенным вызовом остаётся и проблема цифрового неравенства: далеко не все граждане располагают устойчивым доступом к интернету и необходимыми компетенциями для использования электронных сервисов. Особенно остро это проявляется в сельской местности и среди старших возрастных групп населения.

Несмотря на указанные трудности, перспективы дальнейшего развития представляются весьма позитивными. С одной стороны, всё больше регионов осознают, что цифровизация – не временная тенденция, а объективная необходимость, позволяющая оптимизировать использование ресурсов, снизить административные издержки и повысить доступность государственных услуг. С другой стороны, активное внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и системы обработки больших данных, открывает новые возможности для совершенствования электронного правительства. Применение этих решений способствует росту прозрачности, удобства и точности предоставляемых услуг.

Для того чтобы электронное правительство в регионах функционировало эффективно, недостаточно модернизировать программно-техническую базу. Важнейшей задачей становится повышение уровня цифровой грамотности населения. Решение этой задачи возможно через организацию специализированных образовательных курсов, проведение просветительских мероприятий, а также через адресную поддержку социально уязвимых групп и граждан старшего поколения. Только при комплексном подходе цифровая трансформация сможет приобрести массовый и по-настоящему инклюзивный характер, обеспечивая практическую пользу для всех участников социально-экономических отношений – от представителей органов власти до жителей малых населённых пунктов.

Таким образом, электронное правительство в России перестаёт восприниматься как отдалённая перспектива или элемент футуристических прогнозов и становится частью реальной управленческой практики. Наблюдается устойчивый рост числа цифровых сервисов, что позволяет гражданам оперативно и удобно решать широкий круг вопросов, включая запись на приём к врачу или подачу документов в государственные органы. Это особенно значимо для населения, проживающего в удалённых территориях, а также для тех, кто ценит рациональное использование времени. Внедрение электронных ус-

луг постепенно изменяет представления о взаимодействии граждан с государством, делая этот процесс более открытым, удобным и ориентированным на потребности человека.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ позволяет констатировать, что в сфере цифровизации государственного управления Россия достигла значимых результатов. Развитие электронного правительства, внедрение сервисов «умного города», формирование цифровой инфраструктуры и систем онлайн-услуг стали важными этапами институциональной трансформации. Россия делает уверенные шаги в этом направлении: внедрение электронного правительства началось с федеральных программ и сегодня активно развивается на региональном уровне. В ряде субъектов – таких как Москва, Тула и Санкт-Петербург – уже накоплен опыт, демонстрирующий, как цифровые технологии способны повышать качество жизни населения и эффективность предоставления государственных услуг.

Тем не менее, на пути цифровой трансформации сохраняются и серьёзные вызовы. В отдельных регионах наблюдается недостаток технологической инфраструктуры, остро ощущается дефицит квалифицированных ИТ-специалистов, а уровень цифровой грамотности среди населения остаётся неоднородным. Эти проблемы требуют системного подхода, последовательных инвестиций и координированных усилий со стороны государства, бизнеса и образовательных учреждений. В современных условиях важно помнить: в центре цифровой трансформации должен находиться человек. Только при условии, что электронные сервисы будут удобны, доступны и понятны для каждого, возможно формирование по-настоящему открытого, адаптивного и ориентированного на потребности граждан государства.

Новые социально-экономические вызовы и завершение цикла национального проекта «Цифровая экономика» предопределяют необходимость пересмотра приоритетов. В условиях запуска национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2025-2030 гг.) требуется не только тиражирование апробированных решений, но и адаптация стратегий к новым задачам, связанным с обеспечением цифрового суверенитета, использованием больших данных и развитием технологий искусственного интеллекта.

Особую значимость приобретает интеграция региональных инициатив в федеральные программы. Практика показала, что регионы формируют собственные модели цифровой зрелости, которые могут быть использованы в качестве примеров. Опыт Москвы подтверждает возможности масштабных решений, Тула демонстрирует эффективность внедрения пилотных проектов при ограниченных ресурсах, а Санкт-Петербург характеризуется сбалансированным развитием отраслевых направлений цифровизации. Согласование этих подходов в рамках нового национального проекта позволит создать единое цифровое пространство и повысить устойчивость цифровой трансформации.

Научная новизна проведённого исследования заключается в сопоставительном анализе региональных практик цифровизации и выявлении факторов их успешной реализации. Сравнение трёх регионов дало возможность обозначить лучшие практики и одновременно выявить системные барьеры: цифровое неравенство между территориями и социальными группами, кадровый дефицит в сфере ИКТ, а

также неоднородность нормативно-правовой базы. Их преодоление становится ключевым условием повышения эффективности электронного правительства и цифровой экономики в целом.

Таким образом, потенциал развития электронного правительства в России остаётся значительным. Современные цифровые технологии – от искусственного интеллекта и больших данных до платформ «умного города» – открывают новые горизонты для совершенствования государственного управления и повышения качества жизни граждан. Результаты исследования создают основу для разработки тиражируемых решений, направленных на укрепление управленческих механизмов цифровой трансформации и формирование более справедливого, открытого и человекоцентричного государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 N 63-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

2. Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

3. «Цифровая экономика» (2019-2024) // Национальные проекты РФ. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/.

4. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

5. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 N 234 (ред. от 01.08.2024) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

6. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. Москва: ДПК Пресс, 2018.

7. Актуальные проблемы территориального развития: учебное пособие / К.С. Афанасьев, О.Л. Ким, Н.Н. Константинова [и др.]; Международный банковский институт имени Анатолия Собчака. Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2023. 132 с. ISBN 978-5-4228-0167-1. EDN XSCRVC.

8. Бажаева Т.С., Татарникова М.А. Цифровая трансформация жилищно-коммунального комплекса: региональный аспект // Менеджмент XXI века: взгляд в перспективу: материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Орёл, 11-12 апреля 2024 года. Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2024. С. 1248-1259. EDN KTXPDS.

9. Балажигитова А.Р., Киносян К.Р., Татарникова М.А. Умные города и устойчивое развитие: инновационные подходы к экологическому благоустройству // Устойчивое развитие промышленного региона – конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: Сборник аннотаций докладов Третьего Уральского научного форума «Устойчивое развитие промышленного региона» и проходящей в рамках форума VII Международной научной конференции «Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем» памяти академика А.И. Татаркина, Челябинск, 20-21 февраля 2024 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 56-57. EDN GLHSJF.

10. Болкунова В.П., Татарникова М.А. Проблемы и перспективы электронного правительства в России и регионах // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: сборник научных трудов по итогам IV национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-17 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 36-41. EDN VWKBPL.
11. Васильева Е.А., Татарникова М.А. Электронное предоставление государственных и муниципальных услуг в российской федерации в условиях пандемии // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: Сборник научных трудов по итогам III национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10 ноября 2020 года / под редакцией И.В. Федосеева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 53-57. EDN IXRFIJ.
12. Давиденко Д.О., Татарникова М.А. Цифровая трансформация и новый подход к предоставлению государственных услуг в Российской Федерации // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование: сборник научных трудов по итогам IV национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10-17 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 80-85. EDN FWAZTP.
13. Кравченко С.К., Бажаева Т.С., Татарникова М.А. Система образования региона как фактор обеспечения региональной экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики, 2024. № 10(168). С. 267-277. DOI 10.26726/rppe2024v10teso. EDN LNDLHQ.
14. Колесникова О.В., Татарникова М.А. Инвестиционная привлекательность региона и особенности управления инвестиционными процессами // Известия Международной академии аграрного образования, 2021. № 57. С. 108-113. EDN HTAEUX.
15. Кулькаев Г.А., Мозалёва Н.И., Леонтьев Д.Н. Анализ отечественного и зарубежного опыта проектного управления в сфере реализации концепции электронного правительства // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. №. 92. С. 7-23.
16. Киносян К.Р., Татарникова М.А. Цифровая трансформация государственного управления // Галактика науки – 2023: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, Краснодар, 19-22 апреля 2023 года. Том 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 289-294. EDN XBPIUS.
17. Киносян К.Р., Татарникова М.А. Роль информационных технологий в сфере ЖКХ: повышение эффективности и прозрачности // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ): сборник трудов международной научно-практической конференции, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 01-02 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2024. С. 434-440. DOI 10.18720/IEP/2024.4/68. EDN ITPTOU.
18. Киносян К.Р., Татарникова М.А. Информационные технологии в сфере ЖКХ: повышение эффективности и прозрачности // Устойчивое развитие промышленного региона – конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем: Сборник аннотаций докладов Третьего Уральского научного форума «Устойчивое развитие промышленного региона» и проходящей в рамках форума VII Международной научной конференции «Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем» памяти академика А.И. Татаркина, Челябинск, 20-21 февраля 2024 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 82. EDN SUPKML.

19. Комольцев С.А., Татарникова М.А. Инновационное развитие Ленинградской области: современные тенденции // Современные тренды и приоритеты устойчивого развития регионов: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 300-летию Российской академии наук, Махачкала, 17 октября 2023 года. Махачкала: Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023. С. 249-257. EDN DWLZJM.
20. Малеева Т.В., Татарникова М.А. Использование проактивного подхода в территориальном планировании на межрегиональном уровне // Региональные проблемы преобразования экономики, 2024. № 1(159). С. 12-19. DOI 10.26726/1812-7096-2024-1-12-19. EDN KRLJXH.
21. Макушова О.М. Положительный опыт и проблемы функционирования электронного правительства в России // Вопросы инновационной экономики, 2020. Т. 10. № 3. С. 1495-150.
22. Управление «умным городом» в контексте цифровой трансформации государственного управления: учебное пособие / Н.Н. Фролова, Т.В. Сметанина, А.С. Аношина [и др.]. Санкт-Петербург: Издательство ВВМ, 2023. 106 с. ISBN 978-5-9651-1505-1. EDN XLOODL.
23. Резвая А.Д., Гольм Д.О., Татарникова М.А. Государственно-частное партнёрство как инструмент регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики, 2023. № 5(151). С. 25-30. DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-25-30. EDN ROSZJD.
24. Татарникова М.А. Цифровизация как основа устойчивого социально-экономического развития региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 6-1. С. 82-93. DOI 10.34670/AR.2020.54.22.010. EDN QKTWAG.
25. Татарникова М.А., Киносян К.Р. Цифровизация социальной инфраструктуры в концепции «Умный город» // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции: в 8 ч., Санкт-Петербург, 15-19 мая 2023 года. Часть 3. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. С. 186-194. EDN MYBTMM.
26. Фролова Н.Н., Малеева Т.В., Татарникова М.А. Теоретические и методические основы оценки инновационного потенциала приграничного региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1(87). С. 227-232. EDN ZXYPBB.
27. Государственные и федеральные целевые программы / ФЦП «Электронная Россия (2002-2010 годы)» // Минкомсвязь России. URL: https://web.archive.org/web/20110823234840/http://minsvyaz.ru/ru/directions/?regulator=40.
28. Информационное общество (2011-2020 годы) // digital.gov.ru URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/3564/.
29. Официальный сайт Правительства Тульской области. URL: https://tularegion.ru/.

Информация об авторах
Анна Дмитриевна Резвая – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Ольга Леонидовна Ким – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления
Марина Анатольевна Татарникова – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления

REFERENCES

1. Federal Law «On Electronic Signature» No. 63-FZ of April 6, 2011 (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.(In Russ.)
2. Federal Law «On the organization of the provision of state and municipal services» No. 210-FZ of July 27, 2010 (as amended on 28.12.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/. (In Russ.)
3. National Projects RF (2019-2024). «Digital Economy» URL: https://национальныепроекты.рф/projects/tsifrovaya-ekonomika/. (In Russ.)

4. Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030» No. 203 of May 9, 2017 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/. (In Russ.)
5. Decree of the Government of the Russian Federation «On the management system for the implementation of the national program «Digital Economy of the Russian Federation» No. 234 of March 2, 2019 (as amended on 01.08.2024) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/. (In Russ.)
6. Akatkin, Yu.M., Yasinovskaya, E.D. (2018). Digital transformation of public administration: Data-centricity and semantic interoperability. Moscow: DPK Press. (In Russ.)
7. Afanasyev, K.S., Kim, O.L., Konstantinova, N.N. et al. (2023). Current problems of territorial development: Textbook. St. Petersburg: International Banking Institute named after Anatoly Sobchak, 132 p. ISBN 978-5-4228-0167-1. (In Russ.)
8. Bazhaeva, T.S., Tatarnikova, M.A. (2024). Digital transformation of housing and communal services: regional aspect. Management of the 21st Century: Looking Ahead. Proc. I All-Russian Scientific-Practical Conf., Orel, April 11-12, 2024. Orel: Orel State Univ., pp. 1248-1259. (In Russ.)
9. Balazhitova, A.R., Kinosyan, K.R., Tatarnikova, M.A. (2024). Smart cities and sustainable development: innovative approaches to environmental improvement. Sustainable Development of an Industrial Region – Competitiveness and Development of Socio-Economic Systems. Proc. 3rd Ural Scientific Forum & 7th Int. Conf., Chelyabinsk, Feb 20-21, 2024. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ., pp. 56-57. (In Russ.)
10. Bolkunova, V.P., Tatarnikova, M.A. (2021). Problems and prospects of e-government in Russia and regions. Theory and Practice of Public Functions and Services Management. Tariff Regulation. Proc. IV National Conf., St. Petersburg, Nov 10-17, 2021. St. Petersburg: SPb State Univ. of Economics, pp. 36-41. (In Russ.)
11. Vasilieva, E.A., Tatarnikova, M.A. (2020). Electronic provision of state and municipal services in Russia during the pandemic. Theory and Practice of Public Functions and Services Management. Tariff Regulation. Proc. III National Conf., St. Petersburg, Nov 10, 2020. St. Petersburg: SPb State Univ. of Economics, pp. 53-57. (In Russ.)
12. Davidenko, D.O., Tatarnikova, M.A. (2021). Digital transformation and a new approach to the provision of public services in Russia. Theory and Practice of Public Functions and Services Management. Tariff Regulation. Proc. IV National Conf., St. Petersburg, Nov 10-17, 2021. St. Petersburg: SPb State Univ. of Economics, pp. 80-85. (In Russ.)
13. Kravchenko, S.K., Bazhaeva, T.S., Tatarnikova, M.A. (2024). The regional education system as a factor in ensuring economic security. Regional Problems of Economic Transformation, 10(168), 267-277. DOI: 10.26726/rppe2024v10teso. (In Russ.)
14. Kolesnikova, O.V., Tatarnikova, M.A. (2021). Investment attractiveness of a region and management of investment processes. Proceedings of the International Academy of Agricultural Education, 57, 108-113. (In Russ.)
15. Kulkaev, G.A., Mozaleva, N.I., Leontiev, D.N. (2022). Analysis of Russian and foreign experience in project management in e-government implementation. Public administration. Electronic bulletin, 92, 7-23. (In Russ.)
16. Kinosyan, K.R., Tatarnikova, M.A. (2023). Digital transformation of public administration. Galaxy of Science – 2023: Proc. All-Russian Conf. with Int. Participation, Krasnodar, Apr 19-22, 2023. Vol. 1. Krasnodar: Kuban State Univ., pp. 289-294. (In Russ.)
17. Kinosyan, K.R., Tatarnikova, M.A. (2024). The role of IT in housing and utilities: improving efficiency and transparency. Intelligent Engineering Economy and Industry 5.0 (ECOPROM). Proc. Int. Conf., St. Petersburg Polytechnic Univ., Nov 1-2, 2024. St. Petersburg: Polytech-Press, pp. 434-440. DOI: 10.18720/IEP/2024.4/68. (In Russ.)
18. Kinosyan, K.R., Tatarnikova, M.A. (2024). IT in housing and utilities: improving efficiency and transparency. Sustainable Development of an Industrial Region – Competitiveness and Development of Socio-Economic Systems. Proc. 3rd Ural Scientific Forum & 7th Int. Conf., Chelyabinsk, Feb 20-21, 2024. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ., p. 82. (In Russ.)

19. Komoltsev, S.A., Tatarnikova, M.A. (2023). Innovative development of Leningrad region: current trends. Modern Trends and Priorities of Sustainable Regional Development. Proc. Int. Conf. (dedicated to the 300th anniversary of RAS), Makhachkala, Oct 17, 2023. Makhachkala: Dagestan Federal Research Center RAS, pp. 249-257. (In Russ.)
20. Maleeva, T.V., Tatarnikova, M.A. (2024). The use of a proactive approach in territorial planning at the interregional level. Regional Problems of Economic Transformation, 1(159), 12-19. DOI: 10.26726/1812-7096-2024-1-12-19. (In Russ.)
21. Makushova, O.M. (2020). Positive experience and problems of e-government functioning in Russia. Issues of innovative economy, 10(3), 1495-150. (In Russ.)
22. Frolova, N.N., Smetanina, T.V., Anoshina, A.S. et al. (2023). Smart city management in the context of digital transformation of public administration: Textbook. St. Petersburg: VVM Publ., 106 p. ISBN 978-5-9651-1505-1. (In Russ.)
23. Rezvaya, A.D., Golm, D.O., Tatarnikova, M.A. (2023). Public-private partnership as a tool of regional development. Regional Problems of Economic Transformation, 5(151), 25-30. DOI: 10.26726/1812-7096-2023-5-25-30. (In Russ.)
24. Tatarnikova, M.A., Rasskazova, A.A., Pravdina, O.A. (2020). Digitalization as the basis for sustainable socio-economic development of the region. Economics: yesterday, today, tomorrow, 10(6-1), 82-93. DOI: 10.34670/AR.2020.54.22.010. (In Russ.)
25. Tatarnikova, M.A., Kinosyan, K.R. (2023). Digitalization of social infrastructure in the «Smart City» concept. Fundamental and Applied Research in Management, Economics and Trade. Proc. All-Russian Conf., St. Petersburg, May 15-19, 2023. Vol. 3. St. Petersburg: Polytech-Press, pp. 186-194. (In Russ.)
26. Frolova, N.N., Maleeva, T.V., Tatarnikova, M.A. (2017). Theoretical and methodological foundations for assessing the innovative potential of a border region. Economics and entrepreneurship, 10-1(87), 227-232. (In Russ.)
27. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Federal Target Program «Electronic Russia (2002-2010)». Available at: https://web.archive.org/web/20110823234840/http://minsvyaz.ru/ru/directions/?regulator=40. (In Russ.)
28. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Information Society (2011-2020). Available at: https://digital.gov.ru/ru/documents/3564/. (In Russ.)
29. Official website of the Government of Tula Region. Available at: https://tularegion.ru/. (In Russ.)

Information about the authors
Anna D. Rezvaya – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management
Olga L. Kim – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Management
Marina A. Tatarnikova – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 18.04.2025
Поступила после рецензирования 13.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 339.5
JEL: F18

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Татьяна Викторовна Лузина[1]
Екатерина Сергеевна Шарова[2]

[1]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», Российская Федерация, 622003, г. Тюмень, у. Володарского 6, e-mail: t.v.luzina@utmn.ru

[2]Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», Российская Федерация, 622003, г. Тюмень, у. Володарского 6, e-mail: stud0000258695@utmn.ru

Аннотация. Функции по обеспечению экологической безопасности Российской Федерации возложены на государственные органы власти, к таковым можно отнести и таможенные органы. В частности, товары и транспортные средства, перемещаемые через таможенную границу, могут нести на себе различные виды биоагентов, которые могут оказать негативное влияние на экологическую безопасность территории России. В этой связи роль таможенных органов является значимой в рамках обеспечения экологической безопасности. Научная статья раскрывает правовое регулирование деятельности таможенных органов в обеспечении экологической безопасности. Авторы пришли к выводу, что законодательным недостатком является недооценка роли таможенных органов как субъекта охраны окружающей среды. В статье сформулированы и обоснованы возможные пути совершенствования правового регулирования статуса и совершенствования деятельности таможенных органов для более эффективного обеспечения экологической безопасности.

Ключевые слова: государственное регулирование, экологическая безопасность, таможенные органы, таможенный контроль, перемещение товаров и транспортных средств.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Лузина Т.В., Шарова Е.С. Деятельность таможенных органов в обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 252-261.

UDC 339.5
JEL: F18

HAC 5.2.7. Public and municipal administration

ACTIVITIES OF CUSTOMS AUTHORITIES IN ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tatiana Viktorovna Luzina[1]
Ekaterina Sergeevna Sharova[2]

[1]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «University of Tyumen», 6 Volodarsky Street, Tyumen, 622003, Russian Federation, e-mail: t.v.luzina@utmn.ru
[2]Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «University of Tyumen», 6 Volodarsky Street, Tyumen, 622003, Russian Federation, e-mail: stud0000258695@utmn.ru

Abstract. The functions of ensuring the environmental safety of the Russian Federation are assigned to state authorities, including customs authorities. In particular, goods and vehicles transported across the customs border may carry various types of bioagents, which may have a negative impact on the environmental safety of the territory of Russia. In this regard, the role of customs authorities is significant in ensuring environmental safety. The scientific article reveals the legal regulation of the activities of customs authorities in ensuring environmental safety. The authors concluded that the legislative disadvantage is the underestimation of the role of customs authorities as a subject of environmental protection. The article formulates and substantiates possible ways to improve the legal regulation of the status and improve the activities of customs authorities in order to ensure environmental safety more effectively.

Keywords: state regulation, environmental safety, customs authorities, customs control, movement of goods and vehicles.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Luzina, T.V., Sharova, E.S. (2025). Activities of customs authorities in ensuring environmental safety in the Russian Federation. Public administration and law, 2(06), 252-261.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение экологической безопасности является важнейшим условием благополучного существования общества, поэтому действующее законодательство подробно регулирует общественные отношения в области экологии. Согласно Конституции Российской Федерации, право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) относится к числу неотъемлемых и основных прав и свобод человека и [1]. Из других норм Основного закона следует, что охрана экологии и окружающей среды является одним из направлений деятельности государства (ст.ст. 41, 71, 72 и др.).

В научной литературе, в частности в сфере естественных, экономических наук и юридических наук, рассматриваются вопросы терминологического характера, связанные с указанной проблематикой [2], а также вопросы выявления рисков и угроз экобезопасности [3], многие работы посвящены правовому регулированию экологической безопасности [4; 5; 6]. Однако считать данную проблему полностью разрешённой пока не приходится.

Анализ работ российских и зарубежных учёных продемонстрировал, с одной стороны, что проблема трансграничного перемещения биологически опасных объектов оценивается как чрезвычайно существенная, с другой стороны, в существующих работах было выявлено отсутствие определения мер противодействия биологическим угрозам при трансграничном перемещении товаров и транспортных средств. Среди рос-

сийских исследований можно отметить работы, посвящённые проблемам применения нетарифных мер биологического характера при ввозе подкарантинной продукции, осуществления карантинного и фитосанитарного контроля в РФ при ввозе товаров на таможенную территорию [7], анализу фитосанитарных рисков при обеспечении безопасности растительного сырья, продукции и растений, выявлению угроз заноса трансграничных болезней с багажом пассажиров [8].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи – на основе анализа нормативно-правовой базы, регулирующую экологическую безопасность таможенными органами, предложить направления совершенствования правового статуса и совершенствования деятельности таможенных органов для более эффективного обеспечения экологической безопасности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на использовании комплекса методов, обеспечивающих всестороннее рассмотрение деятельности таможенных органов в сфере обеспечения экологической безопасности. В первую очередь, применялся формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание действующих нормативно-правовых актов Российской Федерации и Евразийского экономического союза, регулирующих вопросы охраны окружающей среды и таможенной деятельности. Значительное место занял сравнительный анализ, который использовался при сопоставлении российского законодательства и практики применения норм с опытом других государств – участников ЕАЭС, в частности Казахстана. Такой подход позволил выявить общие тенденции и различия в организации таможенного контроля, направленного на обеспечение экологической безопасности.

Для выявления системных особенностей деятельности таможенных органов применялся системный метод, позволивший рассматривать функции Федеральной таможенной службы во взаимосвязи с полномочиями иных органов государственной власти (например, Роспотребнадзора). В ходе исследования также использовались метод анализа и синтеза при обобщении научных подходов российских и зарубежных исследователей, а также метод интерпретации правовых норм, что обеспечило более глубокое понимание правового статуса таможенных органов в рассматриваемой сфере.

Совокупность этих методов дала возможность всесторонне оценить современное состояние правового регулирования, выявить его недостатки и предложить направления совершенствования деятельности таможенных органов в обеспечении экологической безопасности Российской Федерации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Правовое регулирование обеспечения безопасности экологии характеризуется наличием обширной системы нормативно-правовых актов. Важнейшим среди них следует считать Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»), который регулирует осуществление видов деятельности, воздействующих на окружающую среду, таким образом, чтобы это воздействие сохранило биологическое разнообразие и природные ресурсы и иным образом обеспечило экологическое благополучие. Отдельно следует отметить, что рассматриваемый закон содержит понятийный аппарат, на основе которого определяется содержание

других нормативно-правовых актов в области охраны окружающей среды. Так, согласно ст. 1, экологическая безопасность представляет собой «состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [9].

Проблема экологической безопасности занимает важную позицию в повестке международных специализированных организаций и региональных объединений [10], и в целом признаётся приоритетным направлением государственной политики по обеспечению национальной безопасности [11].

Обеспечение экологической безопасности осуществляется множеством субъектов, среди которых особую роль играет Федеральная таможенная служба (далее – ФТС). Основной вид деятельности, реализуемый ФТС в рассматриваемой области, – это проведение таможенного контроля в отношении товаров и транспортных средств, которые ввозятся на территорию государства. Благодаря этому пресекаются случаи ввоза в страну товаров, вредных для граждан и опасных для экологии.

Важно отметить, что ФТС активно сотрудничает и взаимодействует с другими органами власти для совместного обеспечения экологической безопасности. Наглядным примером является распределение полномочий между ФТС и Роспотребнадзором при осуществлении санитарно-карантинного контроля. Роспотребнадзор проверяет ввозимые товары и грузы путём исследований (испытаний) на предмет соответствия санитарным требованиям. В свою очередь, ФТС проверяет товарные и грузовые документы и при необходимости направляет товары и грузы на досмотр и дальнейшее исследование Роспотребнадзором.

Тенденцией обеспечения экологической безопасности усилиями таможенных органов является международное сотрудничество, реализуемое в рамках образуемых таможенных союзов или иных международных интеграций. В качестве примера следует привести Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), в рамках которого упразднены таможенные барьеры с целью совместного экономического развития. Согласно ст. 351 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), одной из задач таможенных органов является защита окружающей среды [12].

Сотрудничество таможенных органов на примере России и Казахстана выражается в том, что действует единая система транзита товаров и транспортных средств; проводится совместный таможенный контроль; происходит обмен информацией о товарах, которые угрожают здоровью населения и окружающей среде; совместно пресекаются случаи ввоза из Казахстана в Россию (и наоборот) товаров, которые были ввезены ранее на территорию соседнего государства с нарушением процедуры санитарно-карантинного или ветеринарного контроля; и др. [13].

Действующая нормативно-правовая база, которая регулирует деятельность таможенных органов, позволяет им путём реализации возложенных на них полномочий обеспечивать экологическую безопасность. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи пресечения попадания на территории страны экологически опасных товаров. Например, в течение 2024 г. в Смоленской области усилиями таможенных органов был предотвращён ввоз в Россию из Беларуси 2,4 тыс. тонн макулатуры, автомо-

бильных шин и других отходов [14].

На основании вышесказанного можно утверждать, что ФТС, действуя совместно с другими органами государственной власти и зарубежными таможенными службами, обеспечивает специфическую разновидность экологической безопасности – таможенную. В данной статье мы будем понимать под экологической таможенной безопасностью состояние территории страны, при котором природная среда и человек защищены от угроз, которые возникли (или могут возникнуть) в связи с перемещением через таможенную границу товаров и транспортных средств.

Несмотря на это, правовое регулирование деятельности таможенных органов в обеспечении экологической безопасности имеет недостатки. По мнению Полякова А.Е. и Поляковой Н.В., законодательство уделяет недостаточное внимание таможенным органам как участнику отношений по обеспечению безопасности окружающей среды, что негативно сказывается на их деятельности в рассматриваемой сфере. Также руководители и иные должностные лица органов власти, даже таможенных, недооценивают значение ФТС как субъекта обеспечения экологической безопасности. Кроме того, в юридической науке природоохранные функции таможенных органов раскрываются редко, из-за чего отсутствует научное обоснование для выделения экологической функции в качестве самостоятельного направления работы таможенных органов [15].

С этими мнениями следует согласиться, потому что анализ законодательства показал, что отечественный законодатель «недооценивает» роль таможенных органов как субъекта обеспечения экологической безопасности. Чтобы подтвердить сказанное, предлагается обратить внимание на Стратегию развития таможенной службы России до 2030 г. (далее – Стратегия). В ней отсутствуют какие-либо указания на экологическую безопасность и охрану окружающей среды. При этом в Стратегии раскрываются направления развития ФТС, среди которых, в частности, создание эффективной системы предотвращения нарушений валютного законодательства [16].

Показательным можно считать и то, что ФТС, периодически издавая отчёты и доклады о своей деятельности, практически не раскрывает в них показатели деятельности, которые характеризуют эффективность работы по обеспечению экологической безопасности. При этом другие направления работы находят в отчётных документах достаточно подробное отражение. Единственным показателем, который связан с охраной природы и указан в итоговом докладе о результатах деятельности ФТС России в 2024 г., – это количество возбуждённых уголовных дел за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных (16 уголовных дел) [17].

Некоторые авторы полагают, что для повышения эффективности деятельности таможенных органов следует создать самостоятельное подразделение, которое будет входить в систему ФТС и специализироваться на вопросах обеспечения экологической безопасности в таможенных отношениях [15, с. 43].

Действительно, создание экологического подразделения в рамках ФТС может стать основным для дальнейшего совершенствования деятельности таможенных органов в рассматриваемой области. Так, целями такого подразделения могут стать противодействие экологическим правонарушениям, заключающимися в нарушении таможенного законодательства; взаимодействие с органами, обладающими природоохранными и иными смежными

полномочиями; сбор, анализ и распространение положительного опыта; определение текущих и долгосрочных направлений развития деятельности таможенных органов по обеспечению экологической безопасности; и др.

Продолжая исследование недостатков правового регулирования деятельности таможенных органов в обеспечении экологической безопасности, нельзя не обратить внимание на существующее противоречие, нашедшее своё отражение в положениях действующего законодательства. Противоречие состоит в том, что, с одной стороны, законодательство должно стремиться к защите окружающей среды, в том числе путём установления ограничений и запретов для промышленной, торговой и иной хозяйственной деятельности. В таможенных отношениях главная цель ограничений и запретов заключается в недопущении попадания на территорию страны экологически вредных и опасных товаров и грузов.

С другой стороны, законодательство одновременно с этим должно обеспечивать экономическое развитие государства, стимулируя для этого хозяйственную деятельность субъектов экономики. Наличие неоправданных и излишних ограничений и запретов, связанных с обеспечением экологической безопасности, может стать причиной замедления экономического роста, что, несомненно, также угрожает национальной безопасности.

Анализ законодательства показал, что отечественный законодатель, регулируя таможенные отношения, в ряде случаев признаёт более приоритетными экономические интересы государства и общества. Так, в упомянутой ранее Стратегии подавляющая часть направлений долгосрочного развития таможенной службы сосредоточена вокруг развития международной торговли, повышения конкурентоспособности экономики страны, благополучия экономических субъектов. На наш взгляд, и здесь мы согласны с мнением М.И. Галюковой [18], экологическую безопасность необходимо рассматривать в системном единстве с другими видами национальной безопасности.

Понимая позицию законодателя, всё-таки следует отметить, что обозначенный законодателем явный приоритет экономической безопасности над экологической приводит к тому, что таможенные механизмы не используются в полной мере в области обеспечения безопасности экологии. Например, исследователи обращают внимание на то, что таможенный контроль, исходя из текущего содержания полномочий сотрудников таможенных органов, не позволяет полностью гарантировать защиту здоровья населения и окружающей среды от вредных и опасных товаров.

По мнению некоторых авторов, товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, которая исследуется при ввозе грузов, содержит только общее представление о состояния товара и не раскрывает подробно его химический состав, равно как и последствия применения. Из-за этого, как отмечают исследователи, сотрудники таможенных органов не имеют достаточной информации для принятия решения [19, с. 476; 20]. Предусмотренные законом упрощённые таможенные операции, иллюстрирующие отмеченное выше стремление к стимулированию экономических отношений, вынуждают сотрудников таможенных органов принимать решения о разрешении на ввоз товара, несмотря на возможный риск для экологической безопасности.

В этой связи интересно обратить внимание на то, что ТК ЕАЭС

предусматривает таможенный контроль после выпуска условно выпущенных товаров [12, ст. 316]. Условно выпущенными товарами являются товары, ввезённые на территорию страны с запретами и ограничениями в пользовании и/или распоряжении, и с применением льгот по уплате таможенных пошлин и налогов. Иными словами, в отношении товара устанавливается условие, несоблюдение которого влечёт административную ответственность. «Экологические характеристики» товара, их потенциальная опасность для здоровья населения и окружающей среды не упоминаются в данных нормах. Данная процедура не включает правила, связанные с экологическими рисками.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование деятельности таможенных органов в обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации показало, что действующее законодательство недостаточно раскрывает роль таможенных органов в противодействии экологическим правонарушениям при ввозе товаров и транспортных средств на территорию страны. В этой связи предлагаем следующие пути совершенствования статуса и деятельности таможенных органов:

1) регулировать деятельность ФТС в рассматриваемой области как самостоятельное направление работы таможенных органов, руководствуясь тем, что они обеспечивают экологическую таможенную безопасность – вид экологической безопасности, которая представляет собой состояние, где природная среда и человек защищены от угроз, которые возникают (или могут возникнуть) в связи с перемещением товаров и грузов через таможенную границу на территорию государства;

2) отразить в Стратегии развития таможенной службы России до 2030 г. и других нормативно-правовых актах, регулирующих деятельность ФТС и таможенные отношения, обеспечение экологической безопасности как одну из задач развития таможенной службы;

3) создание отдельных экологических подразделений, или мобильных групп в системе ФТС, которые будут специализироваться на вопросах экологической безопасности;

4) связать процедуру таможенного контроля после выпуска товаров в отношении условно выпущенных товаров с экологическими рисками, предусмотрев условия по соблюдение природоохранного законодательства для ввезённых в страну товаров и грузов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.): в ред. от 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Шевырев Д.Н. Биологическая безопасность: социально-правовая и терминологическая характеристика // Юрист. 2020. № 4. С. 16-22.

3. Романовский Г.Б. Биологическая безопасность в системе глобальных угроз // Правовые основы противодействия. Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. № 9. С. 94-101.

4. Агафонов В.Б., Жаворонкова Н.Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 15(4). С. 187-194.

5. Robinson N.A., Walzer Ch. How do we prevent the next outbreak? Scientific American.Available from: URL: https://blogs.scientificamericancom/observations/how-do-we-preventthe-next-outbreak.

6. Краснова И.О. Экосистемный подход в правовом обеспечении биологической безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. № 25(1). С. 232-247.
7. Кудрявцева Т.Ю., Текутов П.А. Проблемы оценки эффективности и реализации полномочий федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 12 С. 546-557.
8. Оганесян А.С., Баскакова Н.Е., Шибаев М.А. и др. Выявление пробелов, создающих предпосылки для заноса трансграничных болезней через багаж пассажиров. // Болезни сельскохозяйственных животных. 2020. № 17. С.115-142.
9. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»: в ред. от 1 марта 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
10. Голуб К.Ю. Проблемы и перспективы формирования механизмов обеспечения биологической безопасности в формате Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 1(854). С. 9-15.
11. Редникова Т.В. Правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны: новые угрозы и меры противодействия // Правовые исследования. 2023. № 2. С. 1-10.
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: в ред. от 29 мая 2019 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/.
13. Сотрудничество со странами ближнего зарубежья // ФТС: официальный сайт. URL: https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/sotrudnichestvo-so-stranami-sodruzhestva-nezavisimyx-gosudarstv.
14. Смоленская таможня предотвратила ввоз в Россию 2,4 тыс. тонн отходов // ФТС: официальный сайт. URL: https://ctu.customs.gov.ru/folder/101791/document/618774.
15. Поляков А.Е., Полякова Н.В. Особенности реализации мер нетарифного регулирования в целях защиты окружающей среды //Человек и окружающая среда. Сборник докладов X Всероссийской молодёжной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Сыктывкар, Издательство: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар), 2022. С. 58-62.
16. Распоряжение Правительства РФ от 23 мая 2020 г. № 1388-р «О Стратегии развития таможенной службы России до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3572.
17. Проект итогового доклада о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2024 г. // ФТС: официальный сайт. URL: https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti.
18. Галюкова М.И. Архитектоника биобезопасности // Lex russica. 2022. № 75. С. 54-67.
19. Останин В.А., Рожков Ю.В. Таможенный контроль как инструмент снижения экологических рисков // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30. № 3. С. 472-478.
20. Рожков Ю.В., Рожкова Д.Ю. О методике оценки таможенного экологического риска в Российской Федерации // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2021. № 3. С. 41-47.

Информация об авторах

Татьяна Викторовна Лузина – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела
Екатерина Сергеевна Шарова – студент специальности «Таможенное дело»

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993): as amended. dated July 1, 2020 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398. (In Russ.)
2. Shevyrev, D.N. (2020). Biological safety: socio-legal and terminological characteristics // Lawyer. 4. 16-22. (In Russ.)
3. Romanovsky, G.B. (2021). Biological safety in the system of global threats // Legal foundations of counteraction. Electronic scientific journal «Science. Society. The state». 9. 94-101. (In Russ.)
4. Agafonov, V.B., Zhavoronkova, N.G. (2020). Theoretical and legal problems of ensuring biological safety of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 15(4). 187-194. (In Russ.)
5. Robinson, N.A., Walzer, Ch. How do we prevent the next outbreak? Scientific American.Available from: URL: https://blogs.scientificamerican.com/observations/how-do-we-preventthe-next-outbreak. (In Russ.)
6. Krasnova, I.O. (2021). Ecosystem approach in the legal provision of biological safety // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 25(1). 232-247. (In Russ.)
7. Kudryavtseva, T.Yu., Tekutov, P.A. (2020). Problems of evaluating the effectiveness and implementation of the powers of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 12. 546-557. (In Russ.)
8. Oganesyan, A.S., Baskakova, N.E., Shibaev, M.A. et al. (2020). Identification of gaps that create prerequisites for the introduction of cross-border diseases through passengers' luggage. // Diseases of farm animals. 17. 115-142. (In Russ.)
9. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 «On Environmental Protection»: as amended. dated March 1, 2025 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 2. Art. 133. (In Russ.)
10. Golub, K.Y. (2024). Problems and prospects of formation of mechanisms for ensuring biological safety in the format of the Collective Security Treaty Organization // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. 1(854). 9-15. (In Russ.)
11. Rednikova, T.V. (2023). Legal provision of biological safety in the context of national security of the country: new threats and counteraction measures // Legal research. 2. 1-10. (In Russ.)
12. Customs Code of the Eurasian Economic Union: as amended. dated May 29, 2019 // Access from the SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/. (In Russ.)
13. Cooperation with neighboring countries // FCS: official website. URL: https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/sotrudnichestvo-so-stranami-sodruzhestva-nezavisimyx-gosudarstv. (In Russ.)
14. Smolensk customs prevented the import of 2.4 thousand tons of waste into Russia // FCS: official website. URL: https://ctu.customs.gov.ru/folder/101791/document/618774. (In Russ.)
15. Polyakov, A.E., Polyakova, N.V. (2022). Features of the implementation of non-tariff regulation measures in order to protect the environment //Man and the environment. Collection of reports of the X All-Russian Youth Scientific Conference of students, postgraduates and young scientists. Syktyvkar, Publishing House: Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar). 58-62. (In Russ.)
16. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 23, 2020 No. 1388-r «On the Strategy for the development of the Customs Service of Russia until 2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 22. Art. 3572. (In Russ.)
17. Draft final report on the results and main activities of the FCS of Russia in 2024 // FCS: official website. URL: https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti. (In Russ.)
18. Galyukova, M.I. (2022). Architectonics of biosafety // Lex russica. 75. 54-67. (In Russ.)

19. Ostanin, V.A., Rozhkov, Yu.V. (2020). Customs control as a tool for reducing environmental risks // Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 30. No. 3. 472-478. (In Russ.)
20. Rozhkov, Yu.V., Rozhkova, D.Yu. (2021). On the methodology for assessing customs environmental risk in the Russian Federation // Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants). 3. 41-47. (In Russ.)

Information about the authors
Tatiana V. Luzina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Customs
Ekaterina S. Sharova – student specializing in Customs

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 15.04.2025
Поступила после рецензирования 20.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 342.5
JEL: K42

ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление
ВАК 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЭЛЕМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Маргарита Романовна Клюева

Государственное бюджетное учреждение «Институт экономических исследований», Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, 77, e-mail: rita.klyueva.2001@mail.ru

Аннотация. Для эффективного противодействия экономическим правонарушениям необходима работа правовой системы, которая включает в себя, прежде всего, нормативно-правовые акты, органы государственной власти и правоохранительные органы. Целью работы является определение понятия и составляющих правовой системы противодействия экономическим правонарушениям, а также выяснения её региональных особенностей. При проведении исследования использованы: методы научного познания и эмпирические методы. В статье рассматриваются различные подходы к понимаю категории «правовая система». Сделан вывод о том, что правовая система, определяющая противодействие экономическим правонарушениям, состоит из четырёх основных элементов, таких как: системы нормативно-правового обеспечения (в том числе системы законодательства); субъектов, обеспечивающих практическую деятельность по правоприменению предписаний системы нормативно-правового обеспечения; правоприменения как формы деятельности государства, направленной на реализацию предписаний системы нормативно-правового обеспечения; правовой культуры общества. Проводится анализ нормативно-правовой базы, обеспечивающей противодействие экономическим правонарушениям. Комплекс нормативно-правовых актов, направленных на предотвращение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере включает в себя: кодифицированные нормативно-правовые акты; федеральные нормативно-правовые акты; региональные нормативно-правовые акты. В статье также рассматриваются субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по правоприменению предписаний системы нормативно-правового обеспечения, определяющей противодействие экономическим правонарушениям, а именно: правоохранительные органы; основные федеральные субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям; основные региональные субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям.

Ключевые слова: правовая система, противодействие, экономические правонарушения, нормативно-правовая база, субъекты, правоприменение, правовая культура.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Клюева М.Р. Понятие правовой системы и элементов противодействия экономическим правонарушениям в Донецкой Народной Республике. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 262-272.

UDC 339.5
JEL: F18

HAC 5.2.7. Public and municipal administration
HAC 5.1.2. Public law sciences

THE CONCEPT OF THE LEGAL SYSTEM AND ELEMENTS OF COUNTERING ECONOMIC OFFENSES IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Margarita Romanovna Klyueva

State Budgetary Institution «Institute of Economic Research», Russian Federation, Donetsk People's Republic, Donetsk, 77 Universitetskaya Str., e-mail: rita.klyueva.2001@mail.ru

Abstract. In order to effectively counter economic offenses, the work of the legal system is necessary, which includes, first of all, regulatory legal acts, state authorities and law enforcement agencies. The purpose of the work is to define the concept and components of the legal system for countering economic offenses, as well as to clarify its regional characteristics. The following methods of scientific knowledge and empirical methods were used in the research. The article discusses various approaches to understanding the category of «legal system». It is concluded that the legal system that defines the counteraction to economic offenses consists of four main elements, such as: regulatory support systems (including the system of legislation); entities that provide practical activities for the enforcement of regulations of the regulatory support system; law enforcement as a form of government activity aimed at the implementation of regulations regulatory support systems; legal culture of the society. The analysis of the regulatory and legal framework providing counteraction to economic offenses is carried out. The complex of regulatory legal acts aimed at preventing, detecting and suppressing offenses in the economic sphere includes: codified regulatory legal acts; federal regulatory legal acts; regional regulatory legal acts. The article also examines the subjects that provide practical activities for law enforcement of the regulations of the regulatory support system that defines the fight against economic offenses, namely: law enforcement agencies; the main federal entities that provide practical activities to combat economic offenses; the main regional entities that provide practical activities to combat economic offenses.

Keywords: legal system, counteraction, economic offenses, regulatory framework, subjects, law enforcement, legal culture.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Klyueva, M.R. (2025). The concept of the legal system and elements of countering economic offenses in the Donetsk People's Republic. Public administration and law, 2(06), 262-272.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы противодействия экономическим правонарушениям в современных условиях приобретают всё большую значимость. Экономические правонарушения оказывают отрицательное влияние на экономическую безопасность государства, а также на устойчивое развитие многих сфер жизнедеятельности граждан. Наибольший эффект в противодействии экономическим правонарушениям можно получить при применении системного подхода к этому процессу, т. е. с использованием всех элементов, взаимодействие которых направлено на получение конечного результата.

Исследования в области противодействия экономическим правонарушениям постоянно являются объектом научного интереса как в России, так и за рубежом. Результаты этих исследований нашли своё отражение в монографических работах: С.А. Боровикова, Л.А. Букалеровой, Н.В. Кузнецовой, А.С. Александрова, И.А. Александровой [1-2], диссертациях: А.Н. Пе-

рова и А.В. Чуманова [3-4], а также статьях: Н.Л. Шелухина, О.Н. Шелухиной, И.Ф. Хараберюша, Т.В. Филипенко [5-7]. Среди зарубежных исследователей можно выделить: В. Хагер, Т. Приморак, Т. Козина, И. Турчич, Л. Яновска [8-10].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной работы – определение понятия и составляющих правовой системы противодействия экономическим правонарушениям, а также выяснения её региональных особенностей.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При проведении исследования использованы: методы научного познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, абстрагирование) и эмпирические методы (описание, сравнение, обобщение). В работе использованы данные из открытых источников (сайтов) для сбора информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Экономические правонарушения представляют серьёзную угрозу для развития экономики и общества в целом. Они могут привести к ущемлению прав и интересов граждан, нарушению конкуренции на рынке, а также к экономическим потерям для государства. Для эффективного противодействия экономическим правонарушениям необходима работа правовой системы, которая включает в себя, прежде всего, нормативно-правовые акты, органы государственной власти и правоохранительные органы.

В современной юридической литературе существует несколько подходов к понимаю категории «правовая система».

В широком смысле слова в теории права «правовая система» – это сложное, собирательное, многоплановое понятие, отражающее всю совокупность юридических явлений, существующих в обществе, весь арсенал правовых средств, находящихся в его распоряжении [11, с. 41].

По мнению Честнова И.Л., «правовая система – это процесс конструирования и воспроизводства правовой реальности, прежде всего образцов поведения, отвечающих интересам правящей элиты и основных референтных групп (или компромисс борьбы элиты и контрэлиты, в которую задействованы референтные группы), обладающих общественной легитимностью и социальной функциональной значимостью» [12, с. 74].

Байтин М.И., в свою очередь, определяет правовую систему «как совокупность внутренне организованных и взаимосвязанных, социально однородных и устремлённых, в конечном счёте, к общим целям правовых явлений данного общества, каждое из которых выполняет свою специфическую роль в правовом регулировании или выходящем за его пределы правовом воздействии на общественные отношения» [13, с. 155-156].

Матузов Н.И. описывает правовую систему «как комплекс внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических механизмов, которые управляют общественными отношениями, поведением людей и их группировками, обеспечивая регулирующее и стабилизирующее воздействие публичной власти» [14]. К таким средствам относятся: закрепление, регулирование, дозволение, обязывание, запрещение, убеждение и принуждение, стимулирование и ограничение, превенция, санкции, ответственность и т. д.

Аббасов О.Т. определяет правовую систему «как реально существующую, исторически сформированную совокупность внутренне организованных и взаимосвязанно существующих в обществе правовых явлений и институтов, включа-

ющих в себя исторические, нормативные и практические элементы, действие которых направлено на достижение целей и задач общества и государства в сфере нормативного регулирования» [15, с. 125].

Агамиров К.В. считает, что «правовую систему можно представить в виде статичной и динамичной частей, где статичная часть – это совокупность нормативно-правовых актов, а динамичная часть – это правовая культура, правореализация и правоприменение» [16, с. 5-11].

Проанализировав различные точки зрения отечественных исследователей, мы приходим к выводу, что правовая система, определяющая противодействие экономическим правонарушениям, состоит из четырёх основных элементов, образующих совокупную связь, а именно:

- системы нормативно-правового обеспечения (в том числе системы законодательства), определяющей противодействие экономическим правонарушениям;
- субъектов, обеспечивающих практическую деятельность по правоприменению предписаний системы нормативно-правового обеспечения, определяющей противодействие экономическим правонарушениям;
- правоприменения как формы деятельности государства, направленной на реализацию предписаний системы нормативно-правового обеспечения, определяющей противодействие экономическим правонарушениям;
- правовой культуры общества, обеспечивающей нетерпимое отношение к нарушениям предписаний системы нормативно-правового обеспечения, направленных на противодействие экономическим правонарушениям.

Экономические правонарушения представляют собой заведомо умышленные действия, носящие противозаконный характер, нарушающие установленные законом нормы и правила поведения в экономической сфере. К основным экономическим правонарушениям относятся:

- правонарушения в кредитной сфере;
- коррупционные правонарушения;
- правонарушения, связанные с банкротством;
- правонарушения, совершённые путём злоупотребления доверием;
- правонарушения в таможенной сфере;
- правонарушения, связанные с нарушением установленного порядка совершения экономической деятельности;
- правонарушения в сфере авторского права;
- правонарушения, связанные с оборотом денежных средств и ценных бумаг.

Применительно к экономическим правонарушениям рассмотрим более подробно основные элементы системы, а именно:

- нормативно-правовую базу, обеспечивающую противодействие экономическим правонарушениям, как нормативный элемент;
- субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям, как организационный элемент.

Нормативно-правовая база, обеспечивающая противодействие экономическим правонарушениям. Комплекс нормативно-правовых актов, направленных на предотвращение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере. Он включает в себя:

1. Кодифицированные нормативно-правовые акты:
- Конституция РФ;
- Уголовный кодекс РФ;

- Кодекс об административных правонарушениях РФ;

- Налоговый кодекс РФ;

- Бюджетный кодекс РФ и др.

2. Федеральные нормативно-правовые акты, основные из которых:

- Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;

- Федеральный закон от 17.06.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

- Федеральный закон от 03.12.2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;

- Федеральный закон от 07.05.2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»;

- Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»;

- Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;

- Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3.Региональные нормативно-правовые акты (основные):

3.1. Региональные нормативно-правовые акты, принятые в Донецкой Народной Республике как в самостоятельном государстве и действующие до 01.01.2026 г.:

- Закон ДНР от 09.11.2018 г. № 259-IНС «Об основах системы профилактики правонарушений в Донецкой Народной Республике»;

- Закон ДНР от 18.12.2020 г. № 220-IНС «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей»;

- Закон ДНР от 14.09.2018 г. № 244-IНС «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»;

- Закон ДНР от 29.12.2017 г. № 208-IНС «О запрете отдельным категориям лиц иметь недвижимость за пределами территории Донецкой Народной Республики, открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Донецкой Народной Республики, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»;

- Закон ДНР от 19.06.2015 г. № 61-IНС «О персональных данных»;

- Закон ДНР от 07.08.2015 г. № 71-IНС «Об информации и информационных технологиях».

3.2. Региональные нормативно-правовые акты, принятые в Донецкой Народной Республике как в субъекте Российской Федерации:

- Закон ДНР от 22.02.2024 г. № 57-РЗ «О противодействии коррупции в Донецкой Народной Республике»;

- Закон ДНР от17.05.2023 г. № 446-IНС «О государственной гражданской службе Донецкой Народной Республики»;

- Закон ДНР от 29.12.2023 г. № 42-

РЗ «Об установлении налоговой ставки на прибыль для организаций-участников свободной экономической зоны на территории Донецкой Народной Республики».

Субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по правоприменению предписаний системы нормативно-правового обеспечения, определяющей противодействие экономическим правонарушениям:

1. Правоохранительные органы – это группа государственных органов, которые охраняют закон и правопорядок, а также защищают права и свободы человека:

- Федеральная служба безопасности Российской Федерации, важнейшая задача которой – обеспечение экономической безопасности государства путём сбора информации об угрозах экономической безопасности, проведение оперативно-розыскных мероприятий и оказание противодействия попыткам дестабилизации экономической ситуации в Российской Федерации, борьба с организованной преступностью и коррупцией в органах государственной власти [17];

- Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации, задача которой – выявление экономических правонарушений в Вооружённых Силах РФ [18];

- Министерство внутренних дел Российской Федерации, одной из основных задач которого является: обеспечение экономической безопасности и борьба с экономическими правонарушениями; противодействие легализации, отмывании доходов, полученных преступным путём; борьба с правонарушениями в сфере внешнеэкономической деятельности и коррупционной направленности [19];

- Федеральная таможенная служба, одной из основных задач которой являются выявление правонарушений в сфере таможенного дела, имеющих экономический характер. Правоохранительная деятельность таможенных органов направлена на выявление и пресечение правонарушений и преступлений в рамках своей компетенции.

2. Основные федеральные субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям:

- Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, задача которой: рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, в пределах установленной компетенции [20];

- Федеральная налоговая служба, одной из основных задач которой является: обеспечение соблюдения законодательства о налогах и сборах; создание комфортных условий для исполнения налогоплательщиками налоговых обязанностей [21];

- Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) – орган, который контролирует финансовые потоки и ищет подозрительные сделки, основная задача которого – пресекать преступления в финансовой сфере [22].

3. Основные региональные субъекты, обеспечивающие практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям:

- Министерство экономического развития Донецкой Народной Республики, которое осуществляет функцию по выработке эффективной государственной политики, направленной на противодействие коррупции, выявление и последующее устранение причин и условий её проявления [23];

- Министерство промышленно-

сти и торговли Донецкой Народной Республики, главная задача которого – участие в рассмотрении вопросов о несостоятельности (банкротстве) и финансовом оздоровлении предприятий промышленности [24];

- Министерство финансов Донецкой Народной Республики, задача которого – противодействие легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма [25].

Региональная правовая система противодействия экономическим правонарушениям единая для всех регионов Российской Федерации, в том числе и для Донецкой Народной Республики. Однако в ДНР она имеет свои особенности, такие как:

- пробелы в нормативно-правовом обеспечении, направленном на предотвращение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере. Для устранения пробелов необходимо усовершенствование законодательства, направленного на борьбу с экономической преступностью, с корректировкой его не только на карательные меры, но и на меры профилактического характера;

- неукомплектованность состава региональных подразделений правоохранительных органов и органов исполнительной власти, осуществляющих практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям. Для решения могут быть приняты следующие меры: организация дополнительного профессионального образования; организация и проведение тематических конференций, семинаров, форумов и сборов, нацеленных на развитие имеющихся и формирование новых компетенций у должностных лиц и специалистов; привлечение специалистов из других регионов;

- не выработано единообразие применения нормативно-правовых актов по противодействию экономическим правонарушениям. Единообразие применения нормативно-правовых актов может быть достигнуто путём: систематизации и упорядочения законодательства; разработки единых стандартов и процедур для выявления и пресечения экономических правонарушений;

- низкая правовая культура общества, выражающаяся в недостаточности информирования населения об опасности для общества экономических правонарушений; необходимости соблюдении законодательства; об ответственности за нарушение законодательных норм. Для повышения уровня информированности населения о негативных последствиях экономических правонарушений необходимо проводить информационные кампании. Цель таких кампаний: формирование у населения понимания вреда экономических правонарушений и ответственности за их совершение.

ВЫВОДЫ

1. Таким образом, правовая система противодействия экономическим правонарушениям в Донецкой Народной Республике состоит из четырёх основных элементов:

- нормативно-правовой базы (федерального и регионального уровня), определяющей противодействие экономическим правонарушениям;

- субъектов, обеспечивающих практическую деятельность по правоприменению предписаний системы нормативно-правового обеспечения, определяющей противодействие экономическим правонарушениям;

- правоприменения;

- правовой культуры общества.

2. К особенностям региональной правовой системы противодействия экономическим правонарушениям относятся:

- пробелы в нормативно-правовом обеспечении, направленные на предотвращение, выявление и пресечение правонарушений в экономической сфере;

- неукомплектованность состава региональных подразделений правоохранительных органов и органов исполнительной власти, осуществляющих практическую деятельность по противодействию экономическим правонарушениям;

- отсутствие единообразия применения нормативно-правовых актов по противодействию экономическим правонарушениям;

- низкая правовая культура общества, выражающаяся в недостаточности информирования населения о вреде экономических правонарушений, необходимости соблюдении законодательства и об ответственности за его нарушение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боровиков С.А. Реализация уголовной ответственности в органах и учреждениях ФСИН России: монография; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018. 188 с.

2. Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путём противодействия преступности в сфере экономики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. 607 с.

3. Перов А.Н. Правовая политика в сфере борьбы с экономическими правонарушениями: методологические и концептуальные аспекты: дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.01; [Место защиты: Рост. юрид. ин-т МВД РФ]. Ростов-на-Дону, 2009. 151 с.

4. Чуманов А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России (вопросы теории и истории): дисс. ... на соискание учёной степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.01 / Чуманов Андрей Викторович; ГОУВПО «Волгоградская академия МВД РФ». Волгоград, 2007. 261 с.

5. Шелухин Н.Л., Шелухина О.Н. Обеспечение экономической безопасности на региональном уровне: понятие, задачи, способы обеспечения // Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 июня 2022 г.) / АНО ВО «УМЦ», Институт научной информации по общественным наукам РАН; редкол.: М.А. Булавина, В.И. Герасимов. Москва: Издательский дом УМЦ, 2022. С. 172-176.

6. Хараберюш И.Ф. Техническое обеспечение экономической безопасности ДНР как субъекта Российской Федерации: концептуальный подход // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право, 2023. Т. 25. № 3. С. 15-30.

7. Филипенко Т.В. Угрозы экономической безопасности в сфере хозяйственной деятельности // Вестник института экономических исследований. 2022. № 4. С. 66-74.

8. Hager, W. Perceptions of Economic Security // Gesau F.A.M. Op. cit., 2001. 218 p.

9. Primorac, T., Kozina, T., Turčić, I. Economic Security of Enterprises // Business Excellence, Faculty of Economics and Business, University of Zagreb. 2018. Vol. 12(2), 167-175.

10. Jankovska, L., Tylchyk, V., Khomyshyn, I. National economic security: an economic and legal framework for ensuringin the conditions of the European integration // Baltic Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4. No 1. 352.

11. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 41.

12. Честнов И.Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 116 с.

13. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 155-156.

14. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2003. 512 с.
15. Аббасов О.Т. К вопросу о многообразии взглядов на понятие правовой системы (сравнительно-правовые аспекты) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1(72). 125 с.
16. Агамиров К.В. К понятию правовой системы // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 1А. С. 5-11.
17. О деятельности Федеральной службы безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: Постановление Государственной Думы от 09.12.1998 г. № 3346-II. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102056910.
18. Устав Военной полиции Вооружённых сил Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2015 г. № 161. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102369767&rdk=0.
19. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102419141&page=1&rdk=1&ysclid=lx0pywnp5238598372#I0.
20. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 г. № 322. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087608.
21. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: Постановление Правительства Российской Федерации от 30.09.2004 г. № 506. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088804.
22. Положение о Федеральной службе по финансовому мониторингу: Указ Президента Российской Федерации от 13.06.2012 г. № 808. URL: https://www.fedsfm.ru/about/legal/752.
23. Положение о Министерстве экономического развития Донецкой Народной Республики: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 10.10.2019 г. № 30-1. URL: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-10-oktyabrya-2019-g-№-30-1-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-ministerstve-ekonomicheskogo-razvitiya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/.
24. Положение о Министерстве промышленности и торговли Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 26.09.2016 г. № 11-29. URL: http://npa.dnronline.su/2018-07-18/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-11-29-ot-26-09-2016-g-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-ministerstve-promyshlennosti-i-torgovli-donetskoj-narodnoj-respubliki-v-novoj-redaktsii.html.
25. Положение о Министерстве финансов Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.07.2015 г. № 13-33. URL: https://minfindnr.ru/wp-content/uploads/2014/12/pos_13-33_ot_22-07-2015.pdf.

Информация об авторе
Маргарита Романовна Клюева – ведущий юрист отдела исследования проблем экономической безопасности

REFERENCES

1. Borovikov, S.A. (2018). The implementation of criminal responsibility in the bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: monograph; Feder. the execution service. punishments, Vologda. Institute of Law and Economics. Vologda: VIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia. 188 p. (In Russ.)
2. Alexandrov, A.S., Alexandrova, I.A. (2017). Modern criminal policy of ensuring economic security by countering crime in the field of economics: monograph. Moscow: Yurlitinform. 607 p. (In Russ.)

3. Perov, A.N. (2009). Legal policy in the field of combating economic offenses: methodological and conceptual aspects: dissertation... Candidate of Law Sciences: 12.00.01 / Perov A. N.; [Place of protection: Growth. Jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Rostov-on-Don. 151 p. (In Russ.)
4. Chumanov, A.V. (2007). Legal policy in the field of anti-corruption in Russia (issues of theory and history): dissertation for the degree of Candidate of Law: specialty 12.00.01 / Andrey Viktorovich Chumanov; State Educational Institution «Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation». Volgograd. 261 p. (In Russ.)
5. Shelukhin, N.L., Shelukhina, O.N. (2022). Ensuring economic security at the regional level: concept, tasks, ways of ensuring // Russia and Donbass: prospects for cooperation and integration: materials of the international Scientific and Practical Conference (Moscow, June 28, 2022) / ANO VO «UMTS», Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; editorial board: M.A. Bulavina, V.I. Gerasimov. M.: UMTS Publishing House. 172-176. (In Russ.)
6. Kharaberyush, I.F. (2023). Technical support for the economic security of the DPR as a subject of the Russian Federation: a conceptual approach // Asia-Pacific region: economics, politics, law. Vol. 25. No. 3. 15-30. (In Russ.)
7. Filipenko, T.V. (2022). Threats to economic security in the field of economic activity // Bulletin of the Institute of Economic Research. No. 4. 66-74. (In Russ.)
8. Hager, W. (2001). Perceptions of Economic Security // Gesau F.A.M. Op. cit. 218 p.
9. Primorac, T., Kozina, T., Turčić I. (2018). Economic Security Of Enterprises // Business Excellence, Faculty of Economics and Business, University of Zagreb. Vol. 12(2). 167-175.
10. Jankovska, L., Tylchyk, V., Khomyshyn, I. (2018). National economic security: an economic and legal framework for ensuring the conditions of the Euro-pean integration // Baltic Journal of Economic Studies. Vol. 4. No 1. 352.
11. Matuzov, N.I. (1987). The legal system and personality. Saratov: Publishing House of the Saratov University. 41. (In Russ.)
12. Chestnov, I.L. (2017). Theory of state and law: textbook. Part 2. Theory of law. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 116. (In Russ.)
13. Baitin, M.I. (2001). The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov: SGAP. 155-156. (In Russ.)
14. Matuzov, N.I. (2003). Actual problems of the theory of law. Saratov: Publishing House of Sarat. State Academy of Sciences. Pravda. 512 p. (In Russ.)
15. Abbasov, O.T. (2016). On the question of the diversity of views on the concept of a legal system (comparative legal aspects) // Siberian Legal Bulletin. № 1(72). 125. (In Russ.)
16. Agamirov, K.V. (2017). Towards the concept of a legal system // Issues of Russian and international law. Vol. 7. No. 1A. 5-11. (In Russ.)
17. On the activities of the Federal Security Service of the Russian Federation in the field of ensuring the economic security of the Russian Federation: Resolution of the State Duma of 09.12.1998 No. 3346-II. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102056910. (In Russ.)
18. The Statute of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 03/25/2015 No. 161. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102369767&rdk=0. (In Russ.)
19. On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Subject of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 21, 2016 No. 699. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102419141&page=1&rdk=1&ysclid=lx0pywnp5238598372#I0. (In Russ.)
20. On approval of the Regulations on the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare: Decree of the Government of the Russian Federation of 30.06.2004 No. 322. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102087608. (In Russ.)

21. On approval of the Regulations on the Federal Tax Service: Decree of the Government of the Russian Federation of 30.09.2004 No. 506. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088804. (In Russ.)
22. Regulations on the Federal Financial Monitoring Service: Decree of the President of the Russian Federation dated 13.06.2012 No. 808. URL: https://www.fedsfm.ru/about/legal/752. (In Russ.)
23. Regulations on the Ministry of Economic Development of the Donetsk People's Republic: Resolution of the Government of the Donetsk People's Republic dated 10.10.2019 No. 30-1. URL: https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-10-oktyabrya-2019-g-№-30-1-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-ministerstve-ekonomicheskogo-razvitiya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/. (In Russ.)
24. Regulations on the Ministry of Industry and Trade of the Donetsk People's Republic: Resolution of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic dated September 26, 2016 No. 11-29. URL: http://npa.dnronline.su/2018-07-18/postanovlenie-soveta-ministrov-dnr-11-29-ot-26-09-2016-g-ob-utverzhdenii-polozheniya-o-ministerstve-promyshlennosti-i-torgovli-donetskoj-narodnoj-respubliki-v-novoj-redaktsii.html. (In Russ.)
25. Regulations on the Ministry of Finance of the Donetsk People's Republic: Resolution of the Council of Ministers of the Donetsk People's Republic dated 07/22/2015 No. 13-33. URL: https://minfindnr.ru/wp-content/uploads/2014/12/pos_13-33_ot_22-07-2015.pdf. (In Russ.)

Information about the author
Margarita R. Klyueva – Leading Lawyer of the Economic Security Research Department

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.04.2025
Поступила после рецензирования 20.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 339.92+341.24
JEL: O38, F55, F15

ВАК 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
ВАК 5.2.7. Государственное и муниципальное управление

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Александр Егорович Епифанов

Научно-исследовательский центр федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Россия, 125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5686-5770

Аннотация. В условиях нарастающей геополитической нестабильности и санкционного давления Евразийский экономический союз (ЕАЭС) демонстрирует способность к адаптации через развитие правовых механизмов интеграции. Статья анализирует трансформацию правовой системы Союза в контексте реализации «Стратегии-2025». Исследуются ключевые инструменты углубления сотрудничества: правовое регулирование промышленной кооперации и цифровой интеграции, гармонизация технических стандартов, а также роль Суда ЕАЭС в обеспечении единообразия правоприменения. Особое внимание уделено механизмам устойчивости, включая переход на расчёты в национальных валютах и расширение внешнеполитического взаимодействия (на примере СЗТ с Ираном и диалога с ШОС). На основе результатов исследования сформулированы предложения по системной кодификации права ЕАЭС и расширению компетенций его институтов для повышения эффективности Союза в период внешних вызовов.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, правовые механизмы, геополитическая нестабильность, зона свободной торговли, общие рынки, Евразийская экономическая комиссия.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Епифанов А.Е. Евразийская интеграция: правовые механизмы углубления сотрудничества в рамках ЕАЭС в условиях геополитической нестабильности. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 273-281.

UDC 339.92+341.24
JEL: O38, F55, F15

HAC 5.1.1. Theoretical and historical law sciences
HAC 5.2.7. Public and municipal administration

EURASIAN INTEGRATION: LEGAL MECHANISMS FOR DEEPENING COOPERATION WITHIN THE EAEU UNDER CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Aleksandr Yegorovich Epifanov

Research Center of the Federal State Public Educational Establishment of Higher Education «Order of the Red Banner of Labor Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Russia, 125993, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8, e-mail: mvd_djaty@mail.ru, https://orcid. org/0000-0002-5686-5770/

Abstract. In the context of increasing geopolitical instability and sanctions pressure, the Eurasian Economic Union (EAEU) demonstrates an ability to adapt through the development of legal mechanisms for integration. The article analyzes the transformation of the Union's legal system in the context of implementing the "Strategic Directions for Developing the Eurasian Economic Integration until 2025". Key instruments for deepening cooperation are examined: the legal framework for industrial cooperation and digital integration, the harmonization of technical standards, and the role of the EAEU Court in ensuring uniform law enforcement. Special attention is paid to resilience mechanisms, including the transition to settlements in national currencies and the expansion of foreign policy interaction (exemplified by the Free Trade Agreement with Iran and dialogue with the SCO). Based on the research findings, proposals are formulated for the systemic codification of EAEU law and the expansion of the powers of its institutions to enhance the Union's effectiveness in the face of external challenges.

Keywords: EAEU, integration, legal mechanisms, geopolitical instability, free trade zone, common markets, Eurasian Economic Commission.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Epifanov, A.Ye. (2025). Eurasian Integration: Legal Mechanisms for Deepening Cooperation within the EAEU under Conditions of Geopolitical Instability. Public administration and law, 2(06), 273-281.

ВВЕДЕНИЕ

Современная динамика международных отношений характеризуется нарастанием санкционного давления, фрагментацией глобальных цепочек поставок и усложнением торгово-экономических связей. В этих условиях региональные интеграционные объединения, обладая собственными правовыми и институциональными механизмами координации, становятся ключевыми площадками для поддержания устойчивости и экономического роста. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), правовой фундамент которого заложен Договором от 29 мая 2014 г., демонстрирует институциональную эволюцию от модели координации отдельных политик к формированию целостной системы союзного права и правоприменения. Базовые принципы свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, закреплённые в договоре, наполняются отраслевым содержанием через многочисленные решения органов Союза и судебную практику Суда ЕАЭС, что позволяет адаптировать интеграционную конструкцию к внешним вызовам и обеспечивать предсказуемость для экономических акторов внутри общего рынка [1].

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследова-

ния является выявление и анализ действующих правовых механизмов, обеспечивающих углубление интеграционного взаимодействия государств – членов Евразийского экономического союза в условиях нарастающей геополитической нестабильности. В рамках достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: раскрыть сущность правового регулирования евразийской интеграции, оценить эффективность институциональных и нормативных механизмов в контексте современных вызовов, а также определить перспективные направления их адаптации и развития.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также методы анализа нормативных правовых актов и правоприменительной практики. Комплексный подход позволил провести всестороннее изучение трансформационных процессов в правовой системе ЕАЭС, обусловленных внешнеполитическими и экономическими факторами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Эволюция правовой системы ЕАЭС в последние годы определяется необходимостью «быстрой адаптации права» к меняющейся внешнеэкономической среде. Принятые «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» обозначили контуры перехода от согласования отдельных норм к системной гармонизации и унификации в ряде ключевых сфер: техническое регулирование, цифровые площадки и данные, таможенно-тарифные инструменты, конкуренция, промкооперация, энергетические рынки. Документ структурирует более трёхсот мер по одиннадцати системным блокам и прямо связывает достижение целевых ориентиров с формированием единых рынков и устранением регуляторных барьеров. Его реализация стала «дорожной картой» для органов Союза и национальных правительств, задающей правовые рамки ускоренной интеграции в условиях внешнего давления [2].

На уровне макродинамики ЕЭК указывает, что совокупный ВВП ЕАЭС в 2024 г. вырос порядка на 4 %, а взаимная торговля демонстрировала темпы выше среднемировых, при этом к 2026 г. ожидается приближение объёма взаимной торговли к рубежу около 100 млрд долл. США. Это свидетельствует о том, что правовая архитектура Союза в целом способна поддерживать экономическую активность в неблагоприятной внешней среде за счёт снижения транзакционных издержек и предсказуемости регулирования [3].

Действующие правовые механизмы обеспечения экономической и институциональной интеграции опираются на многоуровневую систему источников: учредительный договор и его протоколы, отраслевые международные договоры, решения Высшего Евразийского экономического совета, Межправительственного совета, Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), а также акты толкования Суда ЕАЭС. Эта система дополняется положениями Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС 2017 г., вступившего в силу с 1 января 2018 г., который кодифицировал дисперсные договорённости этапов Таможенного союза и Единого экономического пространства, обеспечив единообразие процедур и статусов в таможенной сфере. Единая логика таможенного регулирования (включая институт предварительных решений, порядок информирования, принципы

прозрачности) стала важным «несущим каркасом» общего рынка, на котором закрепляются как материальные нормы (тарифные и нетарифные меры), так и процедурные гарантии участников оборота [5; 12].

Содержательно правовые механизмы интеграции можно разделить на регуляторные и институциональные [17, с. 72].

К регуляторным относятся нормы, непосредственно влияющие на условия торговли и конкуренции: техническое регулирование (единые регламенты и стандарты), таможенно-тарифные режимы, правила о субсидиях и государственных закупках, доступ на общий рынок услуг и капитала.

Институциональные механизмы обеспечивают управление и разрешение споров: полномочия ЕЭК и её департаментов, процедуры принятия решений, контроль за исполнением, а также судебный механизм. Внешние шоки последних лет ускорили переход от мягких форм координации к обязательным актам наднационального уровня, что повышает степень юридической определённости для бизнеса и национальных регуляторов.

Инструменты правового регулирования промышленной кооперации, цифровой интеграции и технической гармонизации составляют ядро «прикладной» части союзного права. В промышленной кооперации нормативные акты ЕЭК закрепляют меры государственной поддержки совместных проектов (включая критерии локализации, кооперационные цепочки, совместные НИОКР и ко-финансирование), что снижает барьеры входа для компаний из разных государств-членов и формирует трансграничные производственные кластеры.

В цифровой сфере Союз развивает правовую оболочку для единого цифрового пространства: взаимное признание электронных подписей, трансграничное доверие к электронным документам, режимы обращения данных, интеграция реестров, а также запуск общих цифровых платформ в торговле и госуслугах. Концептуальные и аналитические материалы ЕЭК, подготовленные в сотрудничестве с международными институтами (в т. ч. Всемирным банком), показывают мультипликативный эффект от «союзного» сценария цифровизации по сравнению с сугубо национальными программами: эффект масштаба достигается за счёт совместимости архитектур и повторного использования решений в пяти юрисдикциях [8; 9].

В техническом регулировании ключевым инструментом остаются технические регламенты ЕАЭС и ТС: их «зонтичная» функция – обеспечивать единые требования безопасности и качественные характеристики продукции для беспрепятственного обращения на общем рынке. ЕЭК ведёт перечни принятых и вступивших в силу регламентов, а также регулярно обновляет их с учётом технического прогресса и международных норм, что, с одной стороны, поддерживает конкурентоспособность производителей, а с другой – уменьшает издержки соответствия за счёт единых процедур оценки и знака ЕАС [7].

Роль Евразийской экономической комиссии как «законодателя-проводника» и координатора правоприменения в Союзе возрастает по мере усложнения интеграционных задач. ЕЭК не только инициирует и принимает обязательные решения в пределах компетенции, но и обеспечивает мониторинг барьеров, ведёт процедуры по делам о нарушениях правил конкуренции на трансграничных рынках, готовит проекты изменений в регламенты и договоры, а также разрабатывает инструменты «быстрой настройки» регулирования на случай кризисов.

Полноценная работа ЕЭК была бы невозможна без судебного механизма, обеспечивающего единообразие толкования. Суд ЕАЭС – ключевая инстанция защиты прав и законных интересов субъектов права Союза: он рассматривает споры между государствами-членами, институтами Союза и хозяйствующими субъектами, а также выносит консультативные заключения, разъясняющие нормы права ЕАЭС. Практика Суда в делах по техническому регулированию и таможенному праву демонстрирует, как «тонкая настройка» союзных норм происходит через толкование, устраняющее неопределённость и формирующее устойчивые ориентиры для регуляторов и бизнеса.

Показательно консультативное дело по разъяснению положений техрегламента «О безопасности химической продукции» по заявлению НПП «Атамекен», которое прояснило содержание обязанностей участников рынка и распределение компетенций между национальными и наднациональными органами [5]. Сходным образом в консультативном заключении от 16.12.2024 № R 4/24 Суд разграничил правовую природу предварительных решений о классификации товаров и разъяснений о классификации отдельных видов товаров по Таможенному кодексу, что снизило неопределённость для участников ВЭД и национальных таможенных служб [6].

В 2024-2025 гг. Суд также рассматривал дела об оспаривании бездействия ЕЭК, где была подтверждена высокая планка обоснованности требований к институтам Союза и пределы судебного контроля; это укрепляет доверие к системе, сохраняя при этом баланс между независимостью регулятора и правами заявителей [11].

Механизмы адаптации правовой и институциональной архитектуры ЕАЭС к новым вызовам можно охарактеризовать как «пакет устойчивости», сочетающий нормотворчество, оперативные решения и развитие расчётной инфраструктуры. Санкционные ограничения ускорили движение к дедолларизации взаимных расчётов и повышению роли национальных валют. По оценкам ЕЭК, по итогам 2024 г. доля расчётов в национальных валютах во взаимной торговле превысила 92-93 %, что близко к полной «локализации» расчётной инфраструктуры Союза и снижает уязвимость от внешних финансовых шоков [4; 13]. Такой сдвиг сопровождался развитием регуляторных основ платёжной взаимосвязанности, прямых валютных котировок, а также согласованием мер по устойчивости бюджетов и финансовых систем на уровне рекомендаций и решений органов Союза. Одновременно наращиваются правовые инструменты антикризисной поддержки промкооперации, логистики и продовольственной безопасности, что находит отражение в обновлениях отраслевых регламентов и в «точечных» решениях ЕЭК. Таможенно-правовой блок также претерпевает корректировки через разъяснения Суда и изменения кодифицированных норм, что позволяет без «перекраивания» фундаментальных институтов устранять выявленные практикой неопределённости [6; 12].

Внешнеполитическое измерение евразийской интеграции – это сочетание договорных связей и мягких форм институционального диалога с третьими странами и международными объединениями. В 2025 г. в силу вступило полноформатное Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Ираном, заменившее временное соглашение 2018 г. Этот шаг расширяет географию преференциальной торговли Союза, диверсифицирует экспортно-импорт-

ные потоки и создаёт юридическую инфраструктуру для кооперации в промышленности, сельском хозяйстве и логистике на маршрутах Север-Юг [4].

Параллельно развивается диалог с Шанхайской организацией сотрудничества: ЕЭК и Секретариат ШОС заключили меморандум о взаимопонимании, стороны согласовывают планы совместной работы по транспорту, цифровизации и продовольственной безопасности, что институционально интегрирует евразийскую повестку и способствует сопряжению ЕАЭС с инициативой «Пояс и путь» [14].

ВЫВОДЫ

Результаты проведённого анализа показывают, что устойчивость правовых норм ЕАЭС в условиях санкционного давления обеспечивается тремя взаимодополняющими контурами.

Во первых, это прогностическая и проектная функция «Стратегии 2025», задающая долгосрочную траекторию обновления регулирования и расширения единых рынков, – документ выступает своего рода «якорем» предсказуемости для акторов интеграции [2].

Во вторых, это кодификация и «тонкая настройка» ключевых отраслей через Таможенный кодекс, техрегламенты, цифровые нормы и антимонопольные процедуры: именно этот контур снижает трансакционные издержки и укрепляет свободы внутреннего рынка [5; 7; 8].

В третьих, это судебное толкование, устраняющее правовые лакуны и поддерживающее единообразие применения, – решения и консультативные заключения Суда ЕАЭС (включая дела по классификации товаров и техническим регламентам) формируют стабильные ориентиры для ЕЭК, национальных органов и бизнеса [5; 6; 11].

На уровне статистики отмечается, что рост расчётов в национальных валютах и стабилизация взаимной торговли коррелируют с углублением правовых механизмов и институциональной «сцепкой» органов Союза [3; 13]. Вместе с тем остаются вызовы: неравномерность гармонизации на национальном уровне, потребность в ускорении процедур принятия решений, необходимость более широкой кодификации «мягких» актов в единые кодексы практики.

В этой связи представляется целесообразным сформулировать предложения по совершенствованию правовых механизмов углубления евразийской интеграции [15, с. 155].

Во первых, важна системная кодификация союзного права: создание консолидированного свода (условного «Кодекса права ЕАЭС») с включением норм и доктринальных разъяснений позволит устранить дублирование и коллизионность, ускорит правоприменение и повысит предсказуемость регулирования для бизнеса.

Во вторых, следует расширить компетенции и процессуальные инструменты ЕЭК в части «регуляторной песочницы» для пилотных режимов в цифровой торговле и логистике: это позволит тестировать новации без риска системных сбоев, а успешные решения – тиражировать в акты обязательного характера.

В третьих, необходимо укрепить институт консультативных заключений Суда ЕАЭС, ввести механизм ускоренного запроса толкования по вопросам высокой значимости (например, классификация высокотехнологичных товаров, пересечение техрегламентов и ИС), а также развивать «amicus curiae» от академического сообщества и отраслевых объединений.

В четвёртых, по внешнеполитической линии целесообразно выстроить «сетевую совместимость»

соглашений ЕАЭС о свободной торговле с режимами крупных внешних ЗСТ (ВРЭП, CPTPP) на уровне правил происхождения, технических барьеров и цифровой торговли, чтобы минимизировать барьеры для евразийского экспорта и кооперации.

Таким образом, правовая модель ЕАЭС демонстрирует способность к адаптации и консолидации в условиях геополитической нестабильности. Её «сила» – в комбинации кодифицированных отраслевых блоков, гибких процедур принятия решений и судебного толкования, синхронизированного с целевыми приоритетами Стратегии 2025. Диверсификация внешних связей (Иран, ШОС и диалог с азиатскими интеграциями), рост доли национальных валют во взаимных расчётах и расширение инструментов промкооперации подтверждают, что правовые механизмы Союза не только сохраняют функциональность, но и формируют задел для следующего этапа интеграции [16, с. 11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014) // Евразийская экономическая комиссия. URL: eec.eaeunion.org.
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»; материал ЕЭК «Стратегические направления...» (структура и целевые результаты). URL: eec.eaeunion.org.
3. ЕЭК. «Темпы экономического роста ЕАЭС второй год подряд выше среднемировых» (новость, 2025): оценка роста ВВП в 2024 г. и динамики взаимной торговли. URL: eec.eaeunion.org.
4. ЕЭК. «ЕАЭС – Иран: вступило в силу полноформатное Соглашение о свободной торговле» (15.05.2025); профильный раздел ЕЭК «Исламская Республика Иран» (о замене Временного соглашения 2018 г.). URL: eec.eaeunion.orgeec.eaeunion.org.
5. Суд Евразийского экономического союза. Дело Р 1/22 (НПП «Атамекен») о разъяснении положений ТР ЕАЭС «О безопасности химической продукции». Офиц. карточка дела. URL: courteurasian.org.
6. Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 16.12.2024 № R 4/24 (о предварительных решениях по классификации товаров). URL: courteurasian.org; osfts.ru.
7. ЕЭК. Перечень и статусы технических регламентов ЕАЭС/ТС: страницы «Принятые технические регламенты» и «Технические регламенты, вступившие в силу». URL: eec.eaeunion.orgeec.eaeunion.org.
8. «Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года» – аналитические материалы ЕЭК при участии Всемирного банка: EAEU Overview Full RUS (PDF). URL: World Bankeec.eaeunion.org.
9. Евразийский банк развития. «Цифровая повестка ЕАЭС в контексте глобальных трендов» (аналитический доклад, 2024). URL: fci.eabr.org.
10. ASEAN. «RCEP Agreement to enter into force on 1 January 2022» (официальный портал АСЕАН); справочные материалы о ВРЭП/RCEP. URL: asean.org.
11. Суд ЕАЭС. Решение Апелляционной палаты от 12.02.2025 по жалобе ООО «Порше Руссланд» (о бездействии ЕЭК) – публикация и обзор. URL: alta.ru.
12. Таможенный кодекс ЕАЭС: офиц. страница ЕЭК (вступление в силу с 01.01.2018; материалы и протоколы). URL: eec.eaeunion.org.
13. ЕЭК. «Доля национальных валют во взаимных расчётах превысила 92 %» (заявления руководства ЕЭК ко Дню ЕАЭС; 2025). URL: https://1prime.ru/20250625/ushakov-858898624.html.
14. ЕЭК. Раздел «ШОС: о сотрудничестве ЕЭК с Шанхайской организацией сотрудничества» (меморандум, документы). URL: https://eec.eaeunion.org.
15. Епифанов А.Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153-162.

16. Епифанов А.Е. Актуальные проблемы приоритета международного права в российской правовой системе // Проблемы соотношения международного и национального права // Материалы межуниверситетской научно-практической конференции 24-25 марта 2014 г. Москва-Душанбе, 2014. С. 7-16.
17. Епифанов А.Е., Симон А.Л. Ограничение прав и свобод человека: сравнительно-правовой анализ норм российской правовой системы и международного права // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы: материалы международной научно-практической конференции. 15 декабря 2016 г. Волгоград: Изд-во ВИУ-ВФ РАНХиГС, 2017. С. 70-74.

Информация об авторе
Александр Егорович Епифанов – главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России; доктор юридических наук, профессор

REFERENCES

1. Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, 29.05.2014) // Eurasian Economic Commission. Official text (ed. 2024). URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
2. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 11.12.2020 No. 12 «On Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025»; EEC material «Strategic Directions...» (structure and target results). URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
3. EEC. «Economic growth rates of the EAEU are above world average for the second consecutive year» (news, 2025): assessment of GDP growth in 2024 and dynamics of mutual trade. URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
4. EEC. «EAEU – Iran: full-format Free Trade Agreement entered into force» (15.05.2025); EEC profile section «Islamic Republic of Iran» (on replacement of Interim Agreement 2018). URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
5. Court of the Eurasian Economic Union. Case P 1/22 (NPP «Atameken») on clarification of provisions of EAEU TR «On chemical products safety». Official case file. URL: courteurasian.org. (In Russ.)
6. Advisory opinion of the EAEU Court dated 16.12.2024 No. R 4/24 (on preliminary decisions on goods classification). URL: courteurasian.org; osfts.ru. (In Russ.)
7. EEC. List and statuses of EAEU/CU technical regulations: pages «Adopted technical regulations» and «Technical regulations that entered into force». URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
8. «Digital Agenda of the EAEU until 2025» – EEC analytical materials with World Bank participation: EAEU Overview Full RUS (PDF). URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
9. Eurasian Development Bank. «Digital Agenda of the EAEU in the context of global trends» (analytical report, 2024). URL: fci.eabr.org. (In Russ.)
10. ASEAN. «RCEP Agreement to enter into force on 1 January 2022» (official ASEAN portal); reference materials on RCEP. URL: asean.org. (In Russ.)
11. EAEU Court. Decision of the Appeals Chamber dated 12.02.2025 on the complaint of LLC «Porsche Russia» (on EEC inaction) – publication and review. URL: alta.ru. (In Russ.)
12. Customs Code of the EAEU: official EEC page (entry into force from 01.01.2018; materials and protocols). URL: eec.eaeunion.org. (In Russ.)
13. EEC. «Share of national currencies in mutual settlements exceeded 92%» (statements by EEC leadership for EAEU Day; 2025). URL: https://1prime.ru/20250625/ushakov-858898624.html. (In Russ.)
14. EEC. Section «SCO: on cooperation between EEC and Shanghai Cooperation Organization» (memorandum, documents). URL: https://eec.eaeunion.org. (In Russ.)
15. Epifanov, A.E. (2020). On the issue of overcoming gaps and collisions of current legislation in the law enforcement process // Paradigms of management, economics and law. No. 2. 153-162. (In Russ.)

16. Epifanov. A.E. (2014). Actual problems of the priority of international law in the Russian legal system // Problems of the correlation of international and national law // Proceedings of the Interuniversity scientific and practical conference on March 24-25, Moscow-Dushanbe. 7-16. (In Russ.)
17. Epifanov, A.E., Simon, A.L. (2017). Restriction of human rights and freedoms: a comparative legal analysis of the norms of the Russian legal system and international law // Conceptual approaches to improving the Russian legal system. / Materials of the international scientific and practical conference. December 15, 2016, Volgograd: Publishing House of VIU-VF RANEPA. 70-74. (In Russ.)

Information about the author
Aleksandr Ye. Epifanov – Chief Researcher of the Department for the Study of The Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Doctor of Law, Professor

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 17.05.2025
Поступила после рецензирования 19.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

УДК 330.567.22
JEL: D12, E21

ВАК 5.2.6. Менеджмент
ВАК 5.2.5. Мировая экономика

ПАРАДОКС РОСКОШИ: КАК ИНДУСТРИЯ ТОВАРОВ КАТЕГОРИИ ЛЮКС ЭКСПЛУАТИРУЕТ СРЕДНИЙ КЛАСС

Денис Сергеевич Ушаков[1]
Татьяна Валентиновна Подольская[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Российская Федерация, 344002, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69, e-mail: fintaliano@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6413-6116

[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, Ростовская область, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0337-051X

Аннотация. Феномен luxury-брендов, зародившийся в Европе в эпоху королевских дворов и ремесленных гильдий, эволюционировал в глобальную индустрию, чьи экономические и социальные последствия требуют переосмысления. Современные исследования выявляют парадокс: рост рынка luxury опережает увеличение численности богатого населения. Это объясняется тем, что бренды активно вовлекают средний класс через стратегии «доступной роскоши», формируя иллюзию принадлежности к элите, что, во-первых, усиливает экономическое неравенство, а во-вторых, провоцирует «финансовую ловушку» для среднего класса. В данной статье проанализированы исторические предпосылки доминирования Европы в luxury-сегменте и его адаптация к глобализации; конкуренция между традиционными и новыми брендами, влияние индустрии на социальную стратификацию, особенно через эксплуатацию аспирационного потребления среднего класса. В результате исследования было определено, что luxury-бренды, вопреки риторике эксклюзивности, зависят от массового спроса, а реализуемая ими бизнес-модель, основанная на искусственном дефиците и психологии статуса, усугубляет долговую нагрузку домохозяйств и подрывает устойчивость потребительских экономик, что ставит под сомнение этичность маркетинговых стратегий индустрии и актуализирует необходимость переоценки роли предметов роскоши в структуре современного капитализма.

Ключевые слова: luxury-бренды, средний класс, аспирационное потребление, массовое потребление, экономика роскоши.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Ушаков Д.С., Подольская Т.В. Парадокс роскоши: как индустрия товаров категории люкс эксплуатирует средний класс. Государственное управление и право. 2025. № 2(06). С. 282-297.

UDC 330.567.22
JEL: D12, E21

HAC 5.2.6. Management
HAC 5.2.5. Global economy

THE PARADOX OF LUXURY: HOW THE LUXURY GOODS INDUSTRY EXPLOITS THE MIDDLE CLASS

Denis Sergeevich Ushakov[1]
Tatiana Valentinovna Podolskaya[2]

[1]Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Rostov State University of Economics (RINH)», Russian Federation, 344002, Rostov Region, Rostov-on-Don, 69, Bolshaya Sadovaya st., e-mail: fintaliano@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6413-6116
[2]South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russian Federation, 344002, Rostov Region, Rostov-on-Don, 70/54, Pushkinskaya st., e-mail: podolskaya-tv@ranepa.ru, ORCID 0000-0003-0337-051X

Abstract. The luxury brand phenomenon, which originated in Europe during the era of royal courts and craft guilds, has evolved into global industry whose economic and social consequences require rethinking. Modern research reveals a paradox: the growth of the luxury market outstrips the increase in the number of the rich population. This is because brands actively engage the middle class through "affordable luxury" strategies, creating the illusion of belonging to the elite, which, firstly, increases economic inequality, and secondly, provokes a "financial trap" for the middle class. This article analyzes the historical background of Europe's dominance in the luxury segment and its adaptation to globalization; competition between traditional and new brands, the impact of industry on social stratification, especially through the exploitation of aspirational consumption of the middle class. As a result of the study, it was determined that luxury brands, contrary to the rhetoric of exclusivity, depend on mass demand, and their business model based on artificial scarcity and status psychology exacerbates the debt burden of households and undermines the sustainability of consumer economies, which calls into question the ethics of the industry's marketing strategies and actualizes the need to reassess the role of luxury goods. in the structure of modern capitalism.

Keywords: luxury brands, middle class, aspiration consumption, mass consumption, luxury economy.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Ushakov, D.S., Podolskaya, T.V. (2025). The paradox of luxury: how the luxury goods industry exploits the middle class. Public administration and law, 2(06), 282-297.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях растущего экономического неравенства и трансформации потребительских практик индустрия люкса представляет собой уникальный кейс для изучения взаимосвязи между культурным капиталом, социальной стратификацией и экономическими механизмами современного капитализма. Несмотря на риторику эксклюзивности, современные luxury-бренды демонстрируют парадоксальную зависимость от массового потребителя. Это не только противоречит их историческому позиционированию как символов элитарности [7; 11], но и требует переосмысления роли роскоши в формировании социальных иерархий, особенно в условиях глобализации рынка (редистрибуция спроса в пользу Азии и Ближнего Востока [8; 12]); цифровизации (рост влияния социальных сетей на восприятие престижа [19; 15; 16] и актуализации проблем устойчивости сектора к рецессиям).

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – на основе анализа эволюции современных luxury-брендов выявить противоре-

чия между декларируемой ими эксклюзивностью и фактической зависимостью от массового спроса, а также оценить социально-экономические последствия и перспективы этой модели.

Задачи:

1. Реконструировать историческую эволюцию европейских luxury-брендов и их адаптацию к условиям глобальной конкуренции со второй половины XX века.

2. Проанализировать стратегии расширения целевой аудитории «старых» и «новых» брендов категории люкс и сценарии развития глобальной индустрии товаров роскоши в контексте обозначенных стратегических противоречий.

3. Протестировать динамику индустрии люкса относительно увеличения численности богатого населения и интенсивности вовлечения среднего класса.

4. Оценить негативные эффекты аспирационного потребления для финансовой устойчивости домохозяйств.

Гипотеза исследования строится на авторском предположении о том, что глобальная бизнес-модель современных брендов категории люкс, в основе которой их мифологизация, хайп[1] и гибкость корпоративной производственно-распределительной системы, ориентируется на эксплуатацию социальных амбиций среднего класса, зависит от массового потребителя, готового жертвовать базовыми потребностями ради статусных товаров. Первопричиной формирования такой бизнес-модели стала «тихая революция» потребления как выразителя результатов интеграции маркетинга в динамику социально-культурных отношений, а результаты могут иметь крайне отрицательные последствия как для глобального среднего класса, так и самих представителей индустрии роскоши.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования сочетает: количественный анализ (корреляция между динамикой продаж luxury-брендов и социально-экономическими показателями развития); качественные кейсы (корпоративные и маркетинговые стратегии LVMH, Kering и независимых брендов отрасли (Hermès, Chanel, Prada); критический дискурс-анализ маркетинговых коммуникаций.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в количественном и качественном доказательстве тезиса о «паразитарной» зависимости luxury-индустрии от среднего класса; систематизации признаков «нового люкса» как инструмента социальной мимикрии; разработке сценариев развития индустрии роскоши, оценке негативных последствий «революции потребления» товаров роскоши. Исследование вносит вклад в дискуссии об устойчивости в индустрии, производящей роскошь, и справедливом распределении ресурсов.

Теоретической основой исследования стали работы экономистов, социологов и специалистов в области маркетинга, анализировавших вопросы потребления предметов роскоши, в частности концепция статусных групп М. Вебера, концепция демонстративного потребления Т. Веблена [28], эффект просачивания Г. Зиммеля [1], эффект сноба Х. Лейбенстайна [3], теория роскоши В. Зомбарта [4].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Индустрия роскоши – от семейно-цеховых традиций к глобальному производству

[1]«Хайп» (от англ. hype – «шумиха, ажиотаж») – это ажиотаж, бурный интерес, кратковременный всплеск популярности вокруг чего-либо.

Колыбелью luxury-индустрии стала именно Европа, благодаря сочетанию исторических особенностей (наследие аристократии и королевских дворов – Louis Vuitton (1854), Cartier (1847)), культурной специфики производства (цеховые традиции итальянских кожевенников (Gucci, 1921), французских парфюмеров (Chanel, 1910), колониализму (доступ к экзотическому сырью – кожа, красители, специи, ткани), популярных в Европе идей престижного потребления [28], обеспечивавших эффект ставки luxury-брендов на эксклюзивность ручной работы (Patek Philippe, 1839) даже в условиях промышленной революции.

Кроме того, после 1945 года Европа не испытывала масштабных разрушений (а Франция и Италия, по большому счету, смогли их избежать и во время Мировых войн), что позволило сохранить мануфактуры (например, Bulgari в Риме или Hermes в Париже), а также социальных потрясений, к примеру, уничтоживших зарождающуюся индустрию роскоши в Китае и Российской Империи.

Возможность масштабирования, имплементации элементов промышленной революции в индустрию товаров категории люкс, богатство традиции также выгодно выделяли европейские предметы роскоши на фоне ближневосточных и индийских (более камерных, не способных стать индустрией) и американских (более молодого, где luxury-бренды (Tiffany, Ralph Lauren) появились позднее). Европа оказалась способной объединить историческую преемственность, культурный код и экономические условия для создания luxury как социального феномена, который в данном исследовании мы будем условно обозначать как «старый люкс».

Между тем, мировая социально-экономическая динамика, в том числе и детерминирующая переоценку ценностей, трансформации рынков, появление новых игроков в XX веке как минимум дважды бросали вызов глобальному доминированию старого люкса, требуя от него не только существенных реорганизаций бизнес-моделей и маркетинговых стратегий, но и определённых уступок. Оба этих вызова связаны с появлением конкурентов – со стороны американского люкса в послевоенные годы (50-80-е годы XX века) и так называемого «нового люкса» (с 2000-х годов).

В двух противостояниях много общего – более полувека тому назад американские люксовые бренды продвигали ценности практичности, демократичности, ориентированности на массового потребителя из среднего класса (численность которого стремительно росла как в США, так и в Европе), сегодня «новый люкс» уже в условиях глобализации, цифровизации и изменения потребительских предпочтений пытается привлечь миллениалов и поколение Z, ценящих аутентичность, устойчивость и индивидуальность. В результате средний возраст потребителей товаров категории люкс постоянно снижается [5].

В борьбе за долю рынка «старый люкс» в середине прошлого века конкурировал с американскими, предлагающими более доступные альтернативы, сейчас же с новыми люксовыми брендами, более инновационными, отвечающими новым ценностям и активно применяющими современные маркетинговые инструменты. И всё это в условиях глобального рынка, прогресса информационно-коммуникационных технологий, актуализации поиска пост-глобализационных моделей общественного прогресса (например, в пользу ориентиров устойчивой экономики).

Если в своём противостоянии с американским вызовом послевоен-

ных лет «старый люкс» явно не проиграл (массовость американских брендов привела к потере эксклюзивности (Ralph Lauren продаётся в Costco, CK – в Amazon); бренды нового света не имели необходимой для рынка роскоши истории и наследия, а «американская мечта» не экспортировалась также хорошо по всему миру (не в последнюю очередь, в Китай и в Россию), как «французский шик» или «итальянская сексуальность», европейские бренды обладали большей способностью адаптации под местные обычаи (Dior делает хиджабы для ОАЭ) – он адаптировался, сохранил свои позиции, экономический успех, влияние на мировую моду, доказав, что «роскошь – это не про удобство, а про мифологию», но и не стал однозначно победителем, существенно трансформировав собственные бизнес-процессы, превратившись из традиционного для Европы начала XX века семейного бизнеса в глобальные корпорации люкса, управляющие десятками брендов в мире роскоши (табл. 1).

По данным таблицы 1 очевидно, что Топ-5 корпораций (LVMH, Kering, Richemont, Chanel, Hermès) контролируют около 50 % мирового рынка роскоши, при этом LVMH – абсолютный лидер (доля больше, чем у Kering и Richemont вместе взятых, рост доли рынка с 2000 года по настоящее время с 12 до 27 %). Отказавшиеся от поглощения «независимые» бренды: Hermès и Chanel сохраняют не только эксклюзивность, но и высокую долю на рынке. Доли рынка крупнейших корпораций также росли с 2000 года благодаря отраслевой консолидации[2], росту азиатского спроса (2010-2020 гг.) и постпандемическому буму[3] (2021-2023). Доля малых (непоглощённых) брендов упала с 66 % в 2000 году до 39 % в 2023.

Таблица 1. Крупнейшие корпорации в индустрии товаров люкс [составлено авторами на основе данных [29]]
Table 1. The largest corporations in the luxury goods industry [compiled by the authors based on the data [29]]

Корпорация	Основные бренды в портфеле		Капитализация, млрд евро, 2023	Доля рынка, %, 2023а	Рост доли рынка с 2005 г., %
LVMH (Louis Vuitton, Moët, Hennessy)	Мода	Louis Vuitton, Dior, Fendi, Celine, Loewe, Givenchy, Kenzo	459	25-27	+9-11
	Часы/ Ювелирные изделия	TAG Heuer, Bulgari, Chaumet, Fred			
	Вина и спиртное	Moët & Chandon, Dom Pérignon, Hennessy			
	Розница	Sephora, Le Bon Marché			
Kering	Мода	Gucci, Saint Laurent, Bottega Veneta, Balenciaga, Alexander McQueen	49	9-10	+2-3
	Часы/ Ювелирные изделия	Girard-Perregaux, Ulysse Nardin			

[2]LVMH поглотила Fendi (2001), Donna Karan (2001), Bulgari (2011); Kering – Stella McCartney (2001), Balenciaga (2001); Richemont приобрела Dunhill (2004), Net-a-Porter (2010).
[3]Рекордные продажи Louis Vuitton и Dior (+40 % в 2021).

Продолжение табл. 1
Continuation of table 1

Корпорация	Основные бренды в портфеле		Капитализация, млрд евро, 2023	Доля рынка, %, 2023а	Рост доли рынка с 2005 г., %
Richemont	Мода	Alaïa, Dunhill	90	7-8	+1
	Часы/ Ювелирные изделия	Cartier, Van Cleef & Arpels Jaeger-LeCoultre, IWC, Piaget, Vacheron Constantin			
Chanel	Мода, парфюмерия, косметика	Chanel	100	6-7	+2
Hermès		Hermès	273	5-6	+2
Prada Group	Мода, парфюмерия	Prada, Miu Miu, Church's, Car Shoe	15	2-3	+1
Rolex	Часы	Rolex, Tudor	10	2	=
Estée Lauder Companies	Парфюмерия, косметика	Estée Lauder, La Mer, By Kilian, Frédéric Malle, Tom Ford Beauty	50	3	=

Примечание: [а] до 2024 года все бренды демонстрировали рост капитализации и доли рынка, однако в 2024 году произошли корректировки мирового рынка люкса (глобальные продажи упали на 3-4 %)

Новый люкс во многом повторяет стратегию американских брендов после Второй мировой войны (ориентация на молодЁжь и средний класс, доступность люкса, массовость премиума, необходимость владения) с существенной корректировкой в условиях глобализации (быстрая мода и гибкое реагирование на спрос, акцент на аутентичности, персонализации потребления) и цифровизации спроса (социальные сети, коллаборации, вирусный маркетинг, работа с новыми ценностями экологичности, инклюзивности, этичности, инновационность продуктов, экспериментальность) (табл. 2).

Таблица 2. ДНК брендов «старого» и «нового люкса»
Table 2. DNA of old and new luxury brands

ДНК брендов	Старый люкс	Новый люкс
	Cartier, Hermès, Chanel	Gucci, Balenciaga, Off-White
Основа идентичности	Наследие, ремесло, timeless-дизайн	Агрессивный маркетинг, провокация, хайп
Целевая аудитория	Ultra-HNWI (наследственные богачи)	Новые деньги (IT, крипта), миллениалы
Производство	Ручная работа, локальные фабрики	Глобальный аутсорсинг + limited editions
Ценовая политика	Постепенное повышение (+10 % ежегодно)	Динамичное ценообразование (скидки + коллабы)
Digital-стратегия	Private CRM, минимальный digital	Вирусный TikTok, метавселенные, NFT

Новый люкс» не только активно имплементирует маркетинговые стратегии «старого»[4], но и «вдохновляет» «старый люкс» на коллаборации (Cartier × Supreme в 2023) и выход в цифровую сферу.

Но однозначно можно сказать, что «новый люкс» лидирует в глобальной экспансии, благодаря агрессивной цифровизации[5], использованию коллабораций[6] как инструмента вторжения в новые аудитории, гибкости производственных процессов (новые бренды активно отшивают коллекции в Турции, Вьетнаме, Китае – и не стесняются этого), возможности общаться на языке миллениалов и поколения Z (мемы, провокации, скандалы).

Сложилась ситуация, при которой «старый люкс» ненавидит «новый», но робко пытается копировать его, поспевая в глобальной экспансии и ростом доходов, а «новый люкс» презирает «старый», вместе с тем страстно желает его легитимности и истории. Что позволяет сложить воедино три компоненты формулы успеха в современной люкс-индустрии – Наследие × Хайп × Гибкость производства.

Анализ современной динамики доходности индустрии роскоши

Несмотря на существующие противоречия и потери от контрафактной продукции [6], индустрия производства товаров категории люкс продолжает активно развиваться, доходы доминирующих в глобальной индустрии роскоши корпораций растут. Однако необходимо выяснить, за счёт чего (кого) происходит данное развитие.

Прежде всего, это опережающий инфляцию рост стоимости товаров категории люкс (табл. 3).

Таблица 3. Изменение цены самых дешёвых туфель ведущих люкс-брендов с 2000 по 2024 годы (базовые модели, а не эксклюзивные коллекции)[7]
Table 3. Price changes of the cheapest shoes of the leading luxury brands from 2000 to 2024 (basic models, not exclusive collections)

Бренд	Цена в 2000-2005 ($)	Цена в 2010-2015 ($)	Цена в 2020-2024 ($)	Рост цены (%)
Prada	250-400	500-700	800-1,200	+300 %
Gucci	200-350	400-600	700-1,000	+350 %
Chanel	400-600	800-1,200	1,500-2,500	+400 %
Dior	300-500	600-900	900-1,500	+350 %
Louis Vuitton	350-550	600-900	1,000-1,800	+400 %
Hermès	500-800	1,000-1,500	1,800-3,000	+500 %
Valentino		600-900	1,200-2,000	+300 %
Burberry	200-400	400-700	600-1,000	+350 %
Saint Laurent	300-500	500-800	900-1,500	+400 %
Bottega Veneta	400-600	700-1,000	1,200-2,000	+400 %

[4]Например, мифологизация наследия Gucci, основанного как дом лишь в конце 90-х годов, создание искусственного дефицита Balenciaga Triple S.
[5]Balenciaga первой вошла в метавселенные (с VR-показами), а Chanel до сих пор ограничивается инстаграмом.
[6]Например, Supreme × Louis Vuitton, Gucci × The North Face, Gucci X Dapper Dan.
[7]Для проведения исследования использовались возможности Wayback machine (https://web.archive.org/web/20021101000000*/https://_____), позволяющей отслеживать изменения информации на официальных сайтах анализируемых брендов (например, Gucci.com) в прошлом, где и собиралась информация о стоимости туфель в анализируемые временные периоды. Цена приведена в диапазоне (в рамках периодов), рост в процентах рассчитывался как усреднённый.

Примеры конкретных моделей:
- Prada (балетки): $300 (2005) → $1,100 (2024).
- Gucci (лоферы): $350 (2005) → $1,050 (2024).
- Chanel (слипоны): $500 (2000) → $2,200 (2024).

Рост стоимости товаров люкс (в четыре – пять раз за 22 года) определён не столько инфляцией и ростом себестоимости производства, сколько благоприятной рыночной конъюнктурой (рост спроса со стороны стран Азии и Ближнего Востока) и собственной маркетинговой стратегией брендов. Несмотря на взрывной рост цен товаров роскоши, не менее стремительно растёт и количество их поклонников по всему миру.

Динамика количества уникальных покупателей люксовых брендов (2000-2024 гг.) демонстрирует рост на 2500 % (!) до 3 млн человек уникальных покупателей у Balenciaga [17] (популярность streetwear, провокационные рекламные кампании, модели); на 800 % до 6,5 млн человек у Gucci (успех бренда среди миллениалов и поколения Z), в 6-8 раз у Saint Laurent (1,9 млн уникальных покупателей в 2023 году), Bottega Veneta (1,2 млн) [17]; в 5 раз у Louis Vuitton (4,5 млн уникальных покупателей в 2024 году [21]), Hermès (0,8 млн [14]), Prada (2,5 млн [25]). Основными драйверами многократного роста аудитории стали: азиатская экспансия, рост онлайн-продаж, а также демократизация люкса (у отдельных брендов).

При этом стоит отметить, что рост численности богатых людей в мире в аналогичный период хоть и наблюдался, но намного более скромными темпами. Так, количество долларовых миллионеров на Земле выросло с 2000 по 2024 гг. менее чем в 4 раза (+240 %), составляя на сегодня 24,5 млн человек (0,31 % глобального населения) [27], благодаря росту фондовых рынков, цен на недвижимость и технологическому буму (появление новой категории миллионеров из IT и крипто-сектора).

Миллиардеров стало еще больше, чем в 2000 году (в процентном соотношении рост количества миллиардеров составил 492 %, около 2,8 тыс. человек [24]). Причём по количеству миллионеров страны Азии (прежде всего, Китай, Индия, Сингапур) практически сравнялись с Северной Америкой (38 % против 40 %), обогнав Европу (20 %), в которой вместе с США в 2000 году проживало около 70 % всех миллионеров мира.

Безусловно, географическое рассредоточение богатых потребителей, их существенное «омоложение» во многом объясняет азиатскую экспансию люкс-брендов, равно как и взрывную популярность нового люкса (Gucci, Balenciaga, Off-White), но в любом случае рост продаж и доходов люкс-брендов намного (практически в два раза) опережают рост основной клиентской базы. Если в 2000-е годы основными покупателями люкса были 35+-летние покупатели из Европы и США, то в 2020-е – это миллениалы и Gen Z (25-40 лет), из которых до 25 % – китайцы.

Итак, с 2000 по 2024 годы при росте среднего чека на 400-600 % увеличилось количество уникальных покупателей (причём более высокими темпами +400-800 %) на фоне более скромных показателей роста клиентской базы (не более 300 %).

Это, казалось бы, противоречит классическим и логическим представлениям о рыночных механизмах, если бы речь шла не о товарах роскоши и данная проблема рассматривалась бы вне условий глобальной экспансии в практически безконкурентной (со стороны, например, китайских или японских брендов) среде.

«Демократизация» как стратегия роста индустрии люкса

Согласно проведённому Мак-Кинси в 2025 году исследованию [22], основными мотивами покупки товаров категории люкс стали:

- демонстрация статуса и социальное признание (40 % покупателей) – эффект Веблена, демонстрация успеха, желание выделиться в социальных сетях;
- качество и долговечность (25-30 %);
- эмоции и опыт (15-20 %) (ощущение эксклюзивности, ограниченные коллекции);
- инвестиции (10-15 %) (рост цен на люкс, развитие вторичного рынка люкса).

Данные будут более многозначительны, если сопоставить результаты опроса с характеристиками опрашиваемых – мотивация качества и долговечности (плюс семейные традиции) характерна для представителей «старых денег» (около 20 % опрошенных), тогда как для группы «новых денег» (27 %) – основной мотив покупки люксовых товаров – желание продемонстрировать успех.

Аналогична мотивация и для первой по численности группы, которая никак не может быть отнесена ни к старым, ни к новым деньгам, – молодые потребители (60 % которых никогда не заходила в бутик, а, следовательно, не представляет себе, что такое эксклюзивное обслуживание или заказ, а только онлайн [20]), а их в общей структуре опрошенных практически половина!

Эффект сноба (ты избранный, если у тебя есть дорогие вещи), искусственно создаваемый дефицит (очереди в бутики, специальные приглашения, листы ожидания сумок или обуви), «вещизация» статуса и личного успеха, истории про возможные инвестиции в люкс – лишь некоторые инструменты сенсуализации потребления роскоши, игры с которыми позволяют брендам увеличивать цены и при этом наращивать клиентскую базу.

Согласно упомянутому исследованию, можно сделать вывод о том, что почти три четверти активных покупателей брендовых вещей, во-первых, не имеют длительного опыта владения и пользования люксом (новые деньги, либо отсутствие денег), а, следовательно, меньше чем о демонстрации статуса и успеха заботятся о традициях, истории марки, качестве; во-вторых, менее лояльны, способны быстро переключиться на другой бренд, который окажется в текущем моменте более хайповым, кричащим, скандальным, а, следовательно, обсуждаемым (эффект соучастия, сопричастности); в-третьих, принимают решения на эмоциях, легко поддаются общему тренду и информационному поводу (представители новых денег готовы расстаться с любой суммой в обмен на сопричастность, а представители среднего класса – готовы влезать в долги и экономить, отключив критическое мышление относительно рациональности покупки).

Наконец, стоит отметить, что представители новых денег – зачастую медийные персоналии [13; 9; 10], обладающие возможностью влиять на почитателей своего таланта, подписчиков, фанатов, открывающие для владельцев брендов путь к самой большой доле покупателей из среднего класса, и особенно молодёжи.

Такая образная «революция снизу», вызванная географической и социальной реструктуризацией спроса на товары категории люкс, сказывается не только на концепции товарной линейки люкс-брендов (формирование и успех «нового люкса»), но и выстраиванию их отношений с потребителями в понимании новой реальности выживания

в глобальной индустрии роскоши – вовлечение в клиентскую базу всё большего количества представителей среднего класса, людей, которым данные товары изначально не только не по карману, но и откровенно не нужны.

Вовлечение новой категории потребителей – «псевдо-деньги»[8] – становится залогом успеха на рынке роскоши (как бы банально это не звучало) в последнее десятилетие. И это утверждение легко доказывается как ассортиментной, так и маркетинговой политикой крупнейших корпораций сферы.

Прежде всего, это неявная (без удара по репутации и эксклюзивности) «демократизация люкса» за счёт предложения доступной категории товаров[9], которая уже привела к тому, что 60 % покупателей Gucci никогда не купят сумку за $3 000, но берут ремни или кроссовки за $500-800 [18].

Идут в ход и традиционные для рынков дорогих товаров рассрочки и кредиты [26], отлаженная система продажи «залежалых» товаров люкс через сети аутлетов со скидками до 90 %, развитие системы вторичного рынка люкса, в котором участвуют только представители «псевдо-денег» (к примеру, в США рынки покупки бывших в употреблении товаров роскоши за полцены, аренды люкса выросли на 82 % лишь за период с 2013 по 2016 гг. [2]).

Согласно Morgan Stanley Report [23]:

- 70 % роста продаж Louis Vuitton с 2015 года происходит за счёт тех, кто копит на одну вещь, а до 80 % выручки – от товаров ценой до €1 000;

- только 5 % клиентов Louis Vuitton – это ultra-HNWI (с состоянием $50M+), тогда как основные покупатели – средний класс, берущий 1-2 сумки в кредит;

- 60 % продаж Gucci в 2023 году – товары ценой до €1 000 (ремни, парфюмерия, кроссовки);

- популярность создания «бюджетных» суббрендов (Emporio Armani vs. Giorgio Armani, Marc Jacobs vs. Marc by Marc Jacobs).

Богатые потребители теряют важность для люкс-брендов, прежде всего, из-за собственной малочисленности (1 % населения владеет 45 % мирового богатства, их доля в продажах моды – менее 10 %), более осторожного потребления (ultra-rich покупают редкие вещи, но не обеспечивают стабильного потока доходов), завышенных требований к качеству обслуживания и эксклюзивности, тогда как представители среднего класса, для которых статусность покупки автоматически даёт пропуск в социальный лифт (особенно в странах Азии), активно верящий в то, что роскошь – это инвестиция[10], превращаются в основу пирамиды индустрии моды, на верхушке которой – богатые, создающие имидж, а уровнями пониже – средний класс, платящий.

Как не огораживался «старый люкс» от американских лекал бизнес-дизайна, в настоящее время глобальная индустрия товаров роскоши рухнет именно без массового потребителя.

Стоит отметить, что современные бренды домов высокой моды сознательно играют на этом, выстраивая корпоративные стратегии, позволяющие им максимально эффективно монетизировать средний класс через:

- вертикальную интеграцию с массовыми производителями – стратегия распространения люкса, к примеру, LVMH через владение

8К ним относят покупателей со средними доходами, которые позволяют себе 1-2 брендовые вещи в год, и зачастую для покупки им необходимо копить деньги.
9Парфюмерия Chanel, Dior доступна среднему классу, в отличие от их же сумок, бижутерия Louis Vuitton или Fendi за $200-500 вместо золотых изделий за $5 000.
10При том, что подавляющее большинство luxury-товаров дешевеют после покупки.

Sephora обеспечивает доступ к среднему классу через парфюмерию; контролируемая демократизация (Tiffany & Co (LVMH) запускает коллекцию за $200-500 одновременно с лимитированными украшениями за $2M+, в результате – +300 % охвата аудитории без потери имиджа);

- создание искусственных «мостов» между сегментами (коллаборации Balmain × H&M – более миллиона посетителей сайта в день запуска; коллаборация Dior × Jordan – 87 % рост количества новых для Dior покупателей; коллаборация Gucci × Roblox – более 20 миллионов виртуальных примерок);

- системное обесценивание собственного эксклюзива ради роста массовых продаж («сливы» фабричных секретов индустрии и данных о наценках в 500-1000 %);

- цифровизация и Биг Дата эксплуатация среднего класса (алгоритмы искушения на основе анализа поведения покупателей в магазинах);

- кредитные схемы.

Таким образом, будучи огромными корпорациями, люксовые группы, сочетая в едином процессе маркетинговые (бренды и мультибренды) преимущества, преимущества глобальной производственной дистрибуции и распределительной логистики, оказались способны создать совершенную систему мифологизации брендов через редкие эксклюзивные изделия, монетизации этого мифа через массовые доступные продукты и контроль всей цепочки от фабрик до корпоративных кредитных программ, между тем, становясь всё более и более зависимыми от обычных покупателей. Средний класс сегодня не просто финансирует индустрию товаров роскоши – он стал её заложником в системе искусственно созданных амбиций.

ВЫВОДЫ

Проведённый в исследовании анализ демонстрирует наличие как минимум трёх сфер проявления отраслевых противоречий, от исхода конфликта которых во многом будет зависеть траектория дальнейшего развития индустрии предметов роскоши: ключевой конфликт ценностей (наследие или хайп), конфликт целевой аудитории (реальные деньги или псевдо-деньги) и конфликт локализации производства (сохранение географической привязки ради репутации и имиджа качества либо признание необходимости переноса производства в третьи страны ради его оптимизации и получения дополнительных конкурентных преимуществ).

На начало 2024 года перспективы преодоления данных конфликтов оставались туманными – несмотря на стремительный рост «нового люкса», его явные успехи в привлечении новых потребителей, старые бренды демонстрировали завидную устойчивость, переживая (и не впервые) экономические кризисы без ощутимых потерь.

Корректировка мирового рынка люкса, наступившая в 2024 году (и, скорее всего, продолжающаяся в 2025, в первую очередь, по причине ограниченности возможностей среднего класса, снижения эффективности стратегий демократизации роскоши), драматизирует конкурентную борьбу «нового» и «старого люкса», потребует от них более оперативного определения собственного долгосрочного позиционирования в координатах глобального рынка.

В настоящее время можно лишь попытаться построить возможные сценарии поведения производителей предметов роскоши, в качестве которых можно рассматривать углубление слияния «старого» и «нового люкса» (к примеру, Louis Vuitton, на-

няв на должность креативного директора Фаррелла Уильямса, музыканта, миллионера, «разрушителя общедозволенного» в 2023 году, скорее всего, уже определился с целесообразностью продолжения интеграции уличной культуры в бренд, несмотря на угрозу идентичности последнего).

В качестве второго сценария вполне возможно радикальное разделение «старого» и «нового люкса», сознательный переход первого в ultra-VIP сегмент, более консервативный, хоть и слабо растущий (возвращение к «тихой роскоши» без хайпа, кричащих рекламных коллабораций, логотипов, полный отказ от массовых каналов сбыта). В качестве примера выбора данной стратегии можно рассмотреть Loro Piana или Bottega Veneta, которые, в целом, нельзя рассматривать как независимые бренды (входят в структуру портфеля управляемых брендов корпораций), а, следовательно, в меньшей степени подвержены рискам потери молодой аудитории, «псевдо-денег», которые в перспективе могут «дорасти» до параметров традиционной клиентуры.

Нельзя сбрасывать со счетов и третий сценарий – полный крах «нового люкса» – после старения поколения Z, ухода хайпа, а также в силу низкой лояльности современных покупателей новых брендов, в результате чего новый люкс полностью сольётся с масс-маркетом и ритейлом (по типу ранее претендовавших на люкс Calvin Klein или Karl Lagerfeld), полностью уйдёт в виртуальную сферу, станет развивать вторичный рынок люкса (например, аренда одежды Gucci по подписке).

Другим вызовом для рынка роскоши может стать кризис среднего класса (очевидно, что первые симптомы ограниченности его покупательской способности рынок товаров роскоши уже ощущает с 2024 года), который ознаменует собой конец эпохи «желанной и доступной роскоши», способность среднего класса поддерживать сложившуюся систему производства и распределения люкса по, в целом, банальным и предсказуемым причинам: кризис кредитования (рост ставок по потребительским займам), перенасыщение рынка (продажи самых ходовых среди среднего класса моногамных товаров Louis Vuitton упали в 2024 году впервые), и, главное, актуализация проблем среднего класса, финансовая стабильность которого окажется максимально подорвана.

На «демократизированном люксе» зарабатывают акционеры LVMH, Kering и Richemont (к примеру, Бернар Арно (LVMH) – один из самых богатых людей в мире ($220+ млрд), рост чьего состояния на 500 % пришёлся как раз на период «демократизации» – с 2010 года), а также владельцы вторичного рынка, зарабатывающие на комиссиях с перепродаж до 40 %. Тогда как стремление покупать дорогие бренды, несмотря на скромные доходы, приводит к дополнительным рискам для среднего класса, прежде всего, финансовым (долговая ловушка в результате переплат, сокращения сбережений), социальным (финансовый стресс ради статуса, размывание реального статуса, потеря люксом эксклюзивности), психологическим (зависимость от одобрения, «Like-экономика»).

Покупая предметы роскоши, средний класс уже долгое время теряет будущее, накапливая долги вместо инвестиций, набирая кредиты, чтобы «не отстать» от коллег/друзей, тратя последние деньги, но не становясь при этом богаче. По иронии судьбы, индустрия, полностью построенная на мечте среднего класса «казаться богатым», в скором времени рискует остаться без своих главных спонсоров, и

важным становится вопрос о том, смогут ли глобальные корпорации люкса адаптироваться к грядущим переменам, активно сегментируя цены (например, в пользу суб-люкса, как Armani Exchange в 2000-х), возвращаясь к искусственному дефициту (меньше массовых коллекций и лимитированный выпуск), разделяя корпоративные портфели на настоящий люкс и сугубо коммерческие бренды.

Наконец, требования социально-экономических трансформаций (к примеру, приоритеты зелёной и устойчивой экономики), развитие технологий, стимулирующее, в том числе, и поведение потребителей, могут максимально трансформировать само понимание люкса и целесообразности его приобретения (в первую очередь, среди молодёжи).

Так, интегрированные с искусственным интеллектом приложения могут отрицательно сказываться на объёме продаж люкса, просто разоблачая, девальвируя его стоимость (к примеру, «Эта сумка Louis Vuitton сделана в Румынии на фабрике, которая производит также для Coach. Себестоимость €230»); приложения могут создавать оригинальный дизайн вещей, который вполне могут воплотить в жизнь обыкновенные частные исполнители; молодёжь сможет вообще отказаться от реальной одежды и обуви для присутствия в социальных сетях (создание виртуальных аватаров); социальные сети смогут сделать очевидной и растиражированной эксплуатацию труда модными домами и брендами, что, как и регулярно всплывающие в соцсетях сообщения об уничтожении нераспроданного, вызовет волны социального протеста против люкса, расцвет локальных брендов, не практикующих наценки за мифологию.

В таких условиях настоящая роскошь будет вынуждена оставаться максимально незаметной и незнакомой для подавляющего большинства пользователей, люксовые сегодня бренды упадут на уровень премиального, но ориентированного на средний класс (будущее Gucci и Balenciaga станет аналогичным настоящему Zara), а само понятие «статусных покупок» может окончательно уйти в прошлое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зиммель Г. Мода. Москва: Рудомино, 1996. 519 с.
2. Иншутин А. Модный second hand: почему онлайн-барахолки привлекают всё больше внимания венчурных инвесторов. 2017. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/339843-modnyy-second-hand-pochemu-onlayn-baraholki-privlekayut-vse-bolshe-vnimaniya.
3. Лейбенстайн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса. Вехи экономической мысли / Сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. Санкт-Петербург, 1999. С. 304-325.
4. Мельникова А.В. Эволюция теории потребления товаров класса люкс (роскоши) // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 899-912.
5. Платонов А.Н. Основные тенденции развития мирового рынка роскоши: причины и факторы // Транспортное дело России. 2012. № 3. С. 127-130.
6. Подольская Т.В., Клименко Д.Н. Современное состояние и тенденции развития мирового рынка контрафактных товаров// Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 5-1. С. 298-304.
7. Dion D., Arnould E. Retail luxury strategy: assembling charisma through art and magic. Journal of Retailing. 2011. 87(4). P. 502-520.
8. Chevalier M., Mazzalovo G. Luxury Brand Management in Digital and Sustainable Times, Fourth Edition. John Wiley & Sons, Ltd. 2021.
9. Davies A. Leveraging social media influencers and user-generated content for luxury fashion marketing. International Journal of Retail and Distribution Management. 2022. 50(5). P. 567-588.

10. Deborah U.O. Customer engagement on social media platforms in the luxury fashion industry: The impacts on brand loyalty. Journal of Fashion Marketing and Management. 2022. 26(3). P. 593-604.
11. Dion D., Borraz S. Managing heritage brands: A study of the sacralization of heritage stores in the luxury industry. Journal of Retailing and Consumer Services. 2015. № 22. P. 77-74.
12. Godey B., Pederzoli D., Aiello G., Donvito R., Wiedmann K.P., Hennigs, N.A Crosscultural exploratory content analysis of the perception of luxury from six countries. Journal of Product & Brand Management. 2013. 22(3). P. 229-237.
13. 1Goldsmith R.E., Lafferty B.A., Newell S.J. The impact of corporate credibility and celebrity credibility on consumer reaction to advertisements and brands. Journal of Advertising. 2000. 29(3). P. 43-54.
14. Hermes – full year results (с 2000 года). URL: https://www.slidebook.io/company/hermes/.
15. Jin S.A., Ryu E. The impact of social media marketing on brand equity and customer response in the luxury fashion industry. Journal of Business Research. 2022. 140. P. 1159-1169.
16. Jin S.V., Muqaddam A., Ryu E. Instafamous and luxurious: The role of social media influencers in luxury brand management. Journal of Business Research. 2022. № 141. P. 1187-1200.
17. Kering – investors presentation. 2023. URL: https://www.slidebook.io/company/kering/.
18. Kering. 2023 Full-Year Results. 2024. URL: https://www.kering.com/api/download-file/?path=Kering_Presentation_2023_Full_year_results_b0719c3b13.pdf.
19. Kim A.J., Ko E. Impacts of luxury fashion brand's social media marketing on customer relationship and purchase intention. Journal of Global Fashion Marketing. 2020. 11(3). P. 232-251.
20. Li G., Cao Y., Lu B., Yu Y., Liu H. Luxury brands' live streaming sales: The roles of streamer identity and level strategy. International Journal of Advertising. 2023, № 42(3). P. 1-22.
21. LVHM annual reports (с 2000 года). URL: https://companiesmarketcap.com/aud/lvmh/annual-reports/#google_vignette.
22. McKinsey. State of fashion – 2025. URL: https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/state-of-luxury.
23. Morgan Stanley Report. The Democratization of Luxury. 2024 URL: https://www.morganstanley.com/.
24. Oxfam International. Survival of the richest. 2023. URL: https://www.oxfam.org/en/research/survival-richest.
25. Prada Group: capital markets day (ежегодная презентация). URL: https://www.slidebook.io/company/prada/.
26. Profashion. Каждый десятый россиянин покупает изделия премиум-сегмента в кредит. 2023. URL: https://profashion.ru/business/retail/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-pokupaet-izdeliya-premium-segmenta-v-kredit/.
27. UBS. Billionaire Ambitions Report 2024. URL: https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/family-office-uhnw/reports/billionaire-ambitions-report.html.
28. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. New York: The Macmillan Company, 1899.
29. Westberg P. The 13 Largest Luxury Companies in the World. 2024. URL: https://quartr.com/insights/company-research/the-13-largest-luxury-companies-in-the-world.

Информация об авторах

Денис Сергеевич Ушаков – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений

Татьяна Валентиновна Подольская – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений

REFERENCES

1. Simmel, G. (1996). Fashion. Moscow: Rudomino, 1996. 519 p. (In Russ.)
2. Inshutin, A. (2017). Trendy second hand: Why online flea markets are attracting more and more attention from venture investors. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/339843-modnyy-second-hand-pochemu-onlayn-baraholki-privlekayut-vse-bolshe-vnimaniya. (In Russ.)
3. Leibenstein, H. (1999). The effect of joining the majority, the snob effect and the Veblen effect in the theory of consumer demand. Milestones of economic thought / Comp. and the general editorship of V.M. Galperin. St. Petersburg. 304-325. (In Russ.)
4. Melnikova, A.V. (2024). Evolution of the theory of consumption of luxury goods // Economics, Entrepreneurship and Law. Vol. 14, No. 3. 899-912. DOI 10.18334/epp.14.3.120638. (In Russ.)
5. Platonov, A.N. (2012). Main trends in the development of the global luxury market: causes and factors // Transport business of Russia. No. 3. 127-130. (In Russ.)
6. Podolskaya, T.V., Klimenko, D.N. (2024). The current state and development trends of the global counterfeit goods market // Economics: yesterday, today, tomorrow. Vol. 14, No. 5-1. 298-304. (In Russ.)
7. Dion, D., Arnould, E. (2011). Retail luxury strategy: assembling charisma through art and magic. Journal of Retailing. 87(4). 502-520.
8. Chevalier, M., Mazzalovo, G. (2021). Luxury Brand Management in Digital and Sustainable Times, Fourth Edition. John Wiley & Sons, Ltd.
9. Davies, A. (2022). Leveraging social media influencers and user-generated content for luxury fashion marketing. International Journal of Retail and Distribution Management. 50(5). 567-588.
10. Deborah, U.O. (2022). Customer engagement on social media platforms in the luxury fashion industry: The impacts on brand loyalty. Journal of Fashion Marketing and Management. 26(3). 593-604.
11. Dion, D., Borraz, S. (2015). Managing heritage brands: A study of the sacralization of heritage stores in the luxury industry. Journal of Retailing and Consumer Services. № 22. 77-74.
12. Godey, B., Pederzoli, D., Aiello, G., Donvito, R., Wiedmann, K.P., Hennigs, N. (2013). A crosscultural exploratory content analysis of the perception of luxury from six countries. Journal of Product & Brand Management. 22(3). 229-237.
13. Goldsmith, R.E., Lafferty, B.A., Newell, S.J. (2000). The impact of corporate credibility and celebrity credibility on consumer reaction to advertisements and brands. Journal of Advertising. 29(3). 43-54.
14. Hermes – full year results (from 2000). URL: https://www.slidebook.io/company/hermes/.
15. Jin, S.A., Ryu, E. (2022). The impact of social media marketing on brand equity and customer response in the luxury fashion industry. Journal of Business Research. 140. 1159-1169.
16. Jin, S.V., Muqaddam, A., Ryu, E. (2022). Instafamous and luxurious: The role of social media influencers in luxury brand management. Journal of Business Research. № 141. 1187-1200.
17. Kering – investors presentation. 2023. URL: https://www.slidebook.io/company/kering/.
18. Kering. 2023 Full-Year Results. 2024. URL: https://www.kering.com/api/download-file/?path=Kering_Presentation_2023_Full_year_results_b0719c3b13.pdf.
19. Kim, A.J., Ko, E. (2020). Impacts of luxury fashion brand's social media marketing on customer relationship and purchase intention. Journal of Global Fashion Marketing. 11(3). 232-251.
20. Li, G., Cao, Y., Lu, B., Yu, Y., Liu, H. (2023). Luxury brands' live streaming sales: The roles of streamer identity and level strategy. // International Journal of Advertising. № 42(3). 1-22.
21. LVHM annual reports (с 2000 года). URL: https://companiesmarketcap.com/aud/lvmh/annual-reports/#google_vignette.

22. McKinsey. State of fashion – 2025. URL: https://www.mckinsey.com/industries/retail/our-insights/state-of-luxury.
23. Morgan Stanley Report. The Democratization of Luxury. 2024 URL: https://www.morganstanley.com/.
24. Oxfam International. Survival of the richest. 2023. URL: https://www.oxfam.org/en/research/survival-richest.
25. Prada Group: capital markets day. URL: https://www.slidebook.io/company/prada/.
26. Profashion. Каждый десятый россиянин покупает изделия премиум-сегмента в кредит. 2023. URL: https://profashion.ru/business/retail/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-pokupaet-izdeliya-premium-segmenta-v-kredit/.
27. UBS. Billionaire Ambitions Report 2024. URL: https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/family-office-uhnw/reports/billionaire-ambitions-report.html.
28. Veblen, T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. New York: The Macmillan Company, 1899.
29. Westberg, P. (2024). The 13 Largest Luxury Companies in the World. URL:https://quartr.com/insights/company-research/the-13-largest-luxury-companies-in-the-world.

Information about the authors
Denis S. Ushakov – Doctor of Economics, Professor, Professor of the of Department of World Economy and International Relations
Tatiana V. Podolskaya – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.
Поступила в редакцию (Reserved) 11.04.2025
Поступила после рецензирования 15.05.2025
Принята к публикации (Accepted) 26.06.2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО
Gosudarstvennoye upravteniye i pravo / Public Administration & Law
№2(06)2025

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (Перечень ВАК) по специальностям
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
5.2.7. Государственное и муниципальное управление (экономические науки)
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
Также принимаются материалы научных исследований по специальностям
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)
5.5.4. Международные отношения (политические науки);
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Адрес редакции: 283015, Донецкая Народная Республика, Г.О. ДОНЕЦК, Г. ДОНЕЦК, УЛ. ЧЕЛЮСКИНЦЕВ, Д. 163А
Тел.: +7(856)337-42-96; +7(949) 352-07-01
E-mail: gosupravleniye-sj@yandex.ru
Сайт: https://gosupravleniye-sciencejournal.ru/

Editorial office address: 163A CHELYUSKINTSEV STR., DONETSK, 283015, Donetsk People's Republic.
Tel.: +7(856)337-42-96; +7(949) 352-07-01
E-mail: gosupravleniye-sj@yandex.ru

Компьютерная верстка и дизайн: А.Р. Гадецкий

Подписано в печать: 26.06.2025 г.
Формат 60x84x1/8 Усл. печ. л. 34,53
Печать лазерная. Заказ № 09-04/1. Тираж 100 экз

Отпечатано в типографии: ИП Криничная И. В.
ОГРНИП 322930100019725 от 28.12.2022 г.
283059, г. Донецк, ул. Овнатаняна, 4. Тел. +7 (949) 328-16-91,
e-mail: krinichnayairina@gmail.com